

Михаил Наумов

Западный рейд

ДНЕВНИК ПАРТИЗАНСКОГО КОМАНДИРА

КИЕВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ УКРАИНЫ
1985

63.3(2)722.5
Н34

Н $\frac{4700000000-171}{M201(04)-85}$ БЗ.12.19.85

© Политиздат Украины, 1980
© Политиздат Украины, 1985,
с фотоиллюстрациями.

Предисловие

Важное место во всенародной борьбе против фашистских захватчиков на временно оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны занимали рейды партизанских формирований по тылам врага.

Рейды давали возможность решать многие военно-политические задачи. В ходе рейдов народные мстители громили воинские гарнизоны немецко-фашистских захватчиков, полицейские участки, истребляли оккупационную администрацию и изменников Родины, минировали шоссейные и железные дороги, взрывали мосты, устраивали крушения вражеских поездов, уничтожали склады и аэродромы, вели разведывательную работу, а в прифронтовых районах оказывали непосредственную помощь наступающим частям Красной Армии.

Наряду с боевой деятельностью партизаны во время рейдов вели большую организаторскую и политическую работу. Устанавливая связь с местными подпольщиками и партизанскими отрядами, командование соединений, коммунисты и комсомольцы создавали организации и группы коммунистического подполья, вовлекали в партизанские формирования новые силы, проводили беседы, митинги и собрания, распространяли газеты и листовки, организовывали коллективное слушание передач советского радио, поднимали моральный дух населения, мобилизовывали его на еще более активную борьбу с врагом.

Рейды свидетельствовали о высоком уровне руководства партизанским движением и зрелости партизанской

тактики, убедительно демонстрировали замечательные морально-бытовые качества советских патриотов.

Тактика глубоких рейдов крупными силами с особенно широким размахом применялась партизанскими формированиями, действовавшими на временно оккупированной территории Украины в период коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны и массового изгнания фашистских захватчиков с советской земли.

Начало плановому проведению рейдов положило совещание представителей подпольных партийных органов, действовавших на временно оккупированной территории, командиров и комиссаров крупнейших партизанских формирований Украины, Белоруссии, Орловской и Смоленской областей, организованное Центральным Комитетом ВКП(б) 31 августа и 2 сентября 1942 года в Кремле. Для усиления партизанского движения во всех оккупированных районах страны было решено осуществить глубокие партизанские рейды по тылам врага. Тогда же было одобрено предложение о передислокации украинских партизанских отрядов и соединений из Брянских лесов на Правобережье Украины, где проходили важнейшие коммуникации гитлеровской армии.

В октябре — ноябре 1942 года такие рейды были успешно проведены партизанскими соединениями под командованием С. А. Ковпака и А. Н. Сабурова.

В марте 1943 года по заданию ЦК КП(б)У партизанское соединение под командованием А. Ф. Федорова и отряды сумских партизан во главе с И. Я. Шушпановым и Я. И. Мельником, опираясь на опыт осенних рейдов соединений С. А. Ковпака и А. Н. Сабурова, осуществили рейд на Правобережную Украину.

В течение февраля — марта партизанское соединение под командованием С. А. Ковпака совершило новый рейд из района Червоного озера в Пинской области БССР под Киев.

Выполняя задание ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У по развитию партизанского движения и разрушению вражеского тыла в новых районах согласно весенне-летнему плану боевых действий партизан Украины, 12 июня 1943 года выступило в боевой поход в Карпаты соединение во главе с С. А. Ковпаком и С. В. Рудневым.

19 июня начало свой рейд на территорию Винницкой области партизанское соединение под командованием Я. И. Мельника.

Нанося удары по коммуникациям врага, совершали рейды партизанские соединения под командованием М. И. Шу-

каева, В. А. Бегмы, А. Н. Сабурова, С. Ф. Маликова, И. Ф. Федорова, Я. И. Сиворонова, И. И. Шитова, А. З. Одухи, С. А. Олексенко и многие другие.

Славной страницей в героическую летопись борьбы советского народа в тылу врага вошли рейды партизанского соединения под командованием М. И. Наумова — автора настоящей книги.

Рукопись данного издания книги воспоминаний «Западный рейд» в свое время рецензировалась в Институте истории партии при ЦК Компартии Украины — филиале Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Михаил Иванович Наумов провел большую работу по реализации замечаний и рекомендаций, изложенных в рецензии, что позволило Институту рекомендовать рукопись к публикации. Но болезнь не дала автору возможности завершить доработку введения к книге. 8 февраля 1974 года М. И. Наумов умер.

Рецензент рукописи счел своим долгом написать предисловие к книге прославленного партизанского командира, которая и была издана в Политиздате Украины в 1980 году.

Поскольку в книге часто упоминаются события, факты, люди, связанные со Степным рейдом, который партизанское соединение под командованием М. И. Наумова провело ранее, целесообразно коротко рассказать об основных итогах этого рейда и о самом командире.

М. И. Наумов родился 3 октября 1908 года в селе Большая Соснова Пермской губернии в семье крестьянина-бедняка. Трудовую деятельность начал в 1927 году слесарем-трубопроводчиком на угольной шахте имени В. И. Ленина в городе Кизел. С 1928 года — член КПСС.

С 1930 года служил в частях внутренних войск: курсант школы младших командиров 23-го полка ОГПУ в городе Шостка; курсант химшколы в Гомеле; слушатель Высшей пограничной школы в Москве. В 1938 году был назначен командиром роты 4-го мотострелкового полка внутренних войск в Киеве, затем начальником штаба пограничной командатуры в Могилеве-Подольском Винницкой области. В 1940 году — старший помощник начальника учебной части окружной школы пограничных войск во Львове, командир учебного батальона 97-го пограничного отряда в Черновцах.

В начале Великой Отечественной войны М. И. Наумов был начальником штаба подразделений 94-го пограничного отряда войск Наркомата внутренних дел СССР в г. Сколе Дрогобычской области. В первые дни войны попал в окружение, был ранен. С июля 1941 года, подлечившись, начал

пробираться в Хинельские леса на Орловщине. В январе 1942 года установил связь с партизанами Червоного района Сумской области, вступил в партизанский отряд под командованием Л. Я. Иванова. Был бойцом, а затем командиром группы. С октября 1942 года по январь 1943 года — начальник штаба объединенных партизанских отрядов Сумской области.

В январе 1943 года по заданию ЦК КП(б)У в соответствии с приказом Украинского штаба партизанского движения из подчиненных Сумскому подпольному обкому партии и областному штабу партизанского движения отрядов были выделены для самостоятельных боевых действий семь партизанских отрядов — Эсманский, Конотопский, Ямпольский и другие. Из них было создано партизанское соединение (личный состав 650 человек). Командиром стал М. И. Наумов, комиссаром — И. Е. Анисименко.

Перед соединением была поставлена задача — пройти рейдом через южные районы Украины, нанося удары по железнодорожным коммуникациям противника, поднимая на активную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками советских людей.

В ночь с 1 на 2 февраля 1943 года партизанское соединение под командованием М. И. Наумова вышло из района Фотовиж (севернее села Червоное) на выполнение боевого задания. За 65 дней трудного боевого похода, быстро передвигаясь и маневрируя, партизаны прошли по районам Сумской, Полтавской, Харьковской, Кировоградской, Одесской, Винницкой, Киевской, Житомирской областей УССР и Полесской области БССР почти 2400 километров, форсировали 18 рек, в том числе Днепр, Припять, Ирпень, Тетерев. Соединение провело до 50 боев, разгромило ряд вражеских гарнизонов, взорвало 5 железнодорожных мостов, нарушило работу железнодорожных магистралей Сумы — Харьков, Сумы — Готня, Сумы — Лебедин.

Внезапными ударами отряды соединения и местные партизанские группы уничтожали вражеские транспорты, полицейские гарнизоны, которые встречались им по пути, разрушали связь.

Ощутимые удары по гитлеровцам нанесли партизаны в селах Байрак, Турбаи, Сагайдак, Подорожное, Большая Андрусовка, Кринички, Шляховая, под Новомиргородом, Голованевском и Белой Церковью.

Особенно ценные результаты дала разведывательная работа соединения. Партизанам удалось разведать уязвимые места так называемого «Днепровского вала», созданного

гитлеровцами на участке Кременчуг — Киев, собрать при помощи местных партизан и населения данные о том, что для контрудара на Харьков подводятся крупные резервы немецко-фашистских войск.

Командованием соединения и комсомольскими работниками за время рейда по районам Сумской, Харьковской, Полтавской и Кировоградской областей были созданы 7 подпольных райкомов ЛКСМУ, 31 первичная комсомольская организация, 12 молодежных диверсионных групп.

Успех рейда был достигнут благодаря высокой организованности и сплоченности соединения, ряды которого цементировали коммунисты и комсомольцы, благодаря достаточной подвижности и ударной силе, хорошо налаженной разведке и связи, постоянной поддержке со стороны ЦК КП(б)У и Украинского штаба партизанского движения.

Смелый рейд партизанского соединения под командованием М. И. Наумова по степным областям Украины убедительно показал большие возможности и эффективность рейдовой тактики партизанских действий и в южных безлесных районах.

За заслуги перед Родиной в деле организации партизанского движения на Украине Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1943 года Наумов Михаил Иванович был удостоен звания Героя Советского Союза. За успешное проведение Степного рейда М. И. Наумову в апреле 1943 года было присвоено звание генерал-майора.

Оценивая значение партизанских рейдов, ЦК КП(б)У в постановлении от 15 июля 1943 года отмечал, что большую роль в развитии партизанского движения на Украине сыграли рейды партизанских соединений тт. Козака, Сабурова, Федорова, Наумова, так как эти рейды дали возможность активизировать население сел, распространить партизанское движение из восточных областей Украины (Черниговская, Сумская области) в западные и юго-западные области (Волинская, Киевская, Каменец-Подольская, Винницкая, Тернопольская, Ровенская и др.)¹.

Поднимая новые сотни и тысячи советских людей на активную борьбу против оккупантов, крупные партизанские соединения Украины в ходе глубоких рейдов усиливали удары по коммуникациям и тылам противника, отвлекали от фронта и сковывали значительные вражеские силы, что являлось ощутимой помощью наступающей Красной Армии.

¹ Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945: Документы и материалы. В 3-х т.— К., 1980, т. 2, с. 240.

После рейда соединение партизанских отрядов вышло в район Храпуни Полесской области БССР на переформирование. Командир соединения М. И. Наумов вылетел в Москву на лечение.

В июле 1943 года, выполняя задание ЦК КП(б)У, партизанское соединение под командованием М. И. Наумова начало рейд по Киевской и Житомирской областям с последующей задачей выйти для боевых действий в район Киева.

За период с 12 июля по 22 декабря 1943 года соединение прошло с боями почти 2500 километров по тылам врага. Оно форсировало 23 реки, среди которых были Припять, Уборть, Случь, Тетерев. Во время рейда соединение разгромило 47 гарнизонов противника, освободило населенные пункты Бараши, Березники, без боя заняло Городницу и Емильчино, захватило склады с продовольствием и боеприпасами. Группы подрывников соединения в течение июля — октября подорвали и пустили под откос на линиях Киев — Коростень, Фастов — Житомир, Киев — Фастов 24 эшелона и 3 бронепоезда противника.

Фашистское командование вынуждено было бросить значительные силы против соединения М. И. Наумова. С 22 сентября гитлеровцы в течение месяца навязывали партизанам бои в районах сел Майдановка, Буки, Устиновка, Будиловка, Белая Криница, Комаровка и других. Нанося большие потери противнику, соединение успешно отражало его атаки. Врагу не удалось разгромить партизан.

В декабре 1943 года партизанское соединение встретилось в районе Городницы с частями Красной Армии. После краткого отдыха, доукомплектования и перевооружения по заданию ЦК КП(б)У и согласно приказу УШПД соединение под командованием М. И. Наумова в январе 1944 года из района Брониславка (60 км юго-восточнее Сарн) выступило в рейд для выхода в Дрогобычскую область.

Несмотря на очень сложную и тяжелую обстановку, соединение выполнило задачу, поставленную перед ним ЦК КП(б)У. За 45 дней рейда оно прошло по 35 районам Львовской, Дрогобычской и других западных областей УССР и Люблинского воеводства Польши; форсировало 8 рек, пересекло 14 железных и 35 шоссейных дорог, ведя непрерывные бои с превосходящими силами противника. В ходе 20 боевых операций были разгромлены и рассеяны вражеские гарнизоны в крупных населенных пунктах Острожек, Торговица, Горохов, Магеров, Оглядов, Топоров, Станиславчик, Белице, Вельке Очи и на станции Броды.

Важное значение для дальнейшего подъема народной борьбы против фашистских оккупантов в западных областях Украины имело установление связи с Военным советом организации «Партизанское движение западных областей Украины».

В итоге боевых действий в ходе Западного рейда соединением было уничтожено 4700 солдат и офицеров противника, подбито и сожжено 16 танков, 2 бронемашины, 102 автомашины, 1 самолет, пущен под откос 21 эшелон, подорвано 24 паровоза, 15 платформ, 227 вагонов, 2 железнодорожных и 2 шоссейных моста, а также 34 моста на грунтовых дорогах, уничтожено 89 километров линий и 5 узлов связи, взорвано 2 электростанции, захвачены большие трофеи. Населению было роздано много продовольствия, отобранного у оккупантов.

В ходе рейдов партизаны проявляли массовый героизм и мужество в борьбе с врагом. Комиссары, партийные организации выступали мобилизующей и направляющей силой в успешном осуществлении боевых действий партизанским соединением.

Такова историческая правда, ярко раскрытая автором в настоящей книге.

Коммунистическая партия и правительство Советской Украины высоко оценили боевой подвиг соединения. Указом Президиума Верховного Совета УССР от 30 марта 1944 года за образцовое выполнение боевых заданий партии и правительства в тылу врага, за героическую борьбу против немецко-фашистских захватчиков и самоотверженную службу социалистической Родине и своему народу соединению было вручено Почетное Красное знамя Президиума Верховного Совета УССР, Совнаркома УССР и ЦК КП(б)У.

Книги, написанные активными участниками партизанской борьбы, не только служат делу воспитания советских людей в духе патриотизма, но и являются серьезным подспорьем для исследователей. Без этих воспоминаний невозможно воссоздать истинную и полную картину всенародной борьбы в тылу врага.

В. Н. Немятый,
доктор исторических наук

СНОВА УКРАИНА

Глава I

«Лесная сказка»

По лесам да по полям,
Словно реки в ледоход,
По селеньям, хуторам
Партизаны шли в поход...

(Из партизанской песни)

30.6.1943 года.

Москва.

С Тверского бульвара, 18, обогнув монумент Пушкина, еду по улице Горького и Ленинградскому шоссе. Мелькают знакомые дома, здания Белорусского вокзала и Высшей пограничной школы. А далее, за рядами лип и кленов, — стадион «Динамо». И — скверы, скверы с цветущим в них картофелем...

Уже далеко позади остался Тверской, где теперь находится Украинский штаб партизанского движения, ЦК КП(б)У и Совнарком УССР. Но мне кажется, что я все еще там, в ЦК, у товарища Гречухи, беседую с ним и с Фомичом. Так мы называем Порфирия Фомича Куманька, секретаря подпольного обкома партии оккупированной Сумщины...

С Фомичом мы встретились в начале января 1941 года в Хинельских лесах. Сколько пришлось пережить там! Тогда имя «Фомич» означало и Червоный подпольный райком партии (а со временем — обком на Сумщине), и местный штаб партизанского движения. А во время хинельских и брянских походов наше партизанское формирование неизменно было ударным кулаком Фомича, его правой рукой. Мы вместе делили успехи и неудачи. Так было до начала 1943 года. Что и говорить, хорошую школу партизанской борьбы прошел я под руководством Порфирия Фомича Куманька.

Полгода назад мы расстались в Брянском крае. Решением ЦК партии наше соединение партизанских отрядов разделили. Фомич с несколькими отрядами остался в Брян-

ских лесах, а я, посадив семь отрядов на лошадей, пошел в рейд на юг...

И вот мы встретились вновь, в ЦК КП(б)У. Я — после лечения в «Кремлевке», куда меня привезли с Пинщины накануне Первого мая, а он — из отпуска, кажется, из Сибири, где жила в эвакуации его семья. Оба мы готовились к вылету в тыл врага. Мои партизаны в это время переживали трудные времена в Пинских болотах. Не почастливилось и сумчанам: они попали в безвыходное положение в Брянском лесу, блокированном карателями...

Беседовали втроем — Гречуха, Фомич и я. Обсуждали нашу готовность десантироваться во вражеский тыл. Речь об этом велась уже несколько дней.

К тому времени уже прошло полмесяца, как я выписался из «Кремлевки» и был готов к вылету. Грузы для партизан лежали на аэродроме в Москве, но вылететь не было возможности.

Правда, в УШПД заверили, что все мои заявки удовлетворены, что противотанковые ружья и боеприпасы готовы к отправке и что не позже, чем сегодня, состоится погрузка и выброска их во вражеский тыл — к партизанам. Однако у штаба свои трудности. Прежде всего, у него в непосредственном подчинении мало самолетов, а все просят, всем надо помочь.

Вот поэтому я и пришел снова в ЦК КП(б)У. На протяжении недели это уже третья аудиенция. Я просил хотя бы три самолета, доказывая, как партизанам необходимы бронебойные патроны, кавалерийские клинки, седла, соль!..

А Фомич выпрашивал самолеты для своих. Его партизаны бедствуют в Брянском лесу. Необходима безотлагательная помощь!..

— Надо маневрировать, — советовал я Фомичу. — Почему сумчане сидят в Брянских лесах? Уходите оттуда!

Однако Фомич упрямо стоит на своем:

— Ни за что! Костьми ляжем, а задачу выполним!

— Какими силами? Кто еще там остался?

Фомич аж кулаком по столу:

— Как это кто? А Гончаров Петр Андреевич, секретарь райкома, — там! А хильчанцы и серединобудцы за Неруссой? А бригада Ганзина и Наливайки под Ворожкой? А Глуховский и Шосткинский отряды?.. Мы же Брянскому фронту помогаем!

Спорить с Фомичом бесполезно, тем более что у меня своя задача — лететь в Пинский край, к своим отрядам, где хватает собственных забот...

Я заверил товарища Гречуху, что сегодня же вылечу, хотя бы одним «дугласом».

2.7.1943 г.

Болото, 30—40 км южнее местечка Житковичи.

— Сегодня у нас ответственный рейс: полетите на точку «Лесная сказка»,— обратилась перед вылетом к экипажу Валентина Степановна Гризодубова.— Будьте осторожны и на обратном пути,— предупредила она, дав понять, что груз, полученный на аэродроме «Лесная сказка», особо ответственный...

И вот мы уже на песчаной косе среди пинского болота, которое, как показывает карта, простирается вокруг на десятки километров.

Выйдя из самолета, я столкнулся с секретарем ЦК КП(б)У Демьяном Сергеевичем Коротченко. С ним были начальник УШПД генерал Т. А. Строкач и секретарь ЦК ЛКСМУ Н. А. Кузнецов.

Здороваемся. Торопливо советую отлетающим, чтобы не шли сразу на Москву, а передневали на партизанском аэродроме в Белоруссии, а уже ночью можно и через фронт...

Демьян Сергеевич Коротченко около трех месяцев находился среди партизан, принимал участие во многих походах и боях, подробно изучал деятельность партизанских соединений и отрядов, помогая советами. Тогда же он провел несколько совещаний, на которых рассматривались вопросы улучшения работы партийных и комсомольских организаций.

В конце мая Д. С. Коротченко созвал в партизанском крае (село Картеничи) расширенное совещание членов нелегального ЦК КП(б)У и командно-политического состава семи самых крупных партизанских соединений Украины. На совещании, которое длилось два дня, обсуждались итоги боевой и политической деятельности партизанских отрядов в тылу врага. Одновременно были намечены практические меры по выполнению весенне-летнего плана боевых действий партизан Украины.

В начале июня к Д. С. Коротченко присоединился начальник Украинского штаба партизанского движения Т. А. Строкач с группой оперативных работников. Д. С. Коротченко и Т. А. Строкач побывали во всех соединениях, боровшихся с врагом в партизанском крае, оказали им необходимую помощь. Перед каждым соединением были поставлены конкретные задачи. Теперь они возвращались в Москву.

Как только в ночной тиши растаял звук мотора, аэродромное прикрытие из сабуровского соединения покинуло островок-кочку. Уходя, сабуровцы предупредили нас, что каратели стоят где-то совсем рядом. Поэтому нужно быть настороже.

О месте пребывания нашего соединения им ничего не было известно. Попробуй-ка найти их в этих необозримых болотах...

Положение незавидное: вокруг, куда ни ступи,— вода; по карте, куда ни кинь,— топи и топи... Только синеют мочажины раскинувшихся вокруг малопроезжих и вовсе непроходимых болот. Ценный груз — письма, газеты, соль, мыло, подарки партизанам от молодежи Москвы и Туркестана, оружие и боеприпасы — все это, привезенное из Москвы, решаем припрятать. На случай нападения гитлеровцев заряжаем как можно больше привезенных автоматов и пулеметов.

Нас пятеро: стеснительный смуглолицый политрук Антон Сыпловый, бывший комиссар третьего Ямпольского отряда в начале Степного рейда, вышедший на Большую землю близ Харькова; лейтенант Валентин Георгиевский, говорливый сухощавый светловолосый кубанец, специалист по минно-подрывному делу; старшина Паша Акаткин из Воронежа, назначенный начальником аэродромной службы соединения; Коля Коршок — юный хинельский ветеран, сопровождавший меня в Москву.

Начинаем копать влажный, на удивление рыхлый красноватый песок. Уже брезжит рассвет, нам нужно торопиться. Возможно, появятся каратели и придется принять бой. Что ж, пусть только сунутся — у нас есть чем обороняться на своем острове!..

Неожиданно, бог знает откуда, явились местные партизаны-белорусы. Оказывается, возвращаясь в соединение, сабуровцы встретили их и направили к нам на помощь. Командиром у них коренастый хлопец по фамилии Томилов. Он сразу же предложил к нашим услугам две пары рогатых волов с арбами, а за это мы должны дать два автомата ППШ и кавалерийский клинок. Сошлись на том, что оставили ему заряженный автомат и карабин. Что касается сабли...

— Да разве же это оружие — сабля! — пытаюсь уговорить его. — Тем более, что в лесу она вообще ни к чему. Только помеха.

Появление других местных партизан ускорило наши торги. Уже через полчаса арбы были нагружены, и мои

спутники важно уселись на мешках. Экспедиция — на славу! Можно трогать, вот только беда — никто из нас не умеет управлять волами. Нужен погонщик и проводник. Но его не так просто найти.

Выручил, спасибо, тот же Томилов. Он дал нам чубатого шестнадцатилетнего паренька, который проводит нас до тех мест, где базируется соединение, он же будет погонять волов. А за это «под честное слово» возвращу его Томилову вооруженным.

Сердечно простившись с белорусами, двинулись в неведомую дорогу. Паренек сидит на переднем возу и важно покрикивает:

— Цоб, цоб, цабе!

Я еду рядом верхом на его лошадке.

Жалобным криком болотной птицы запели, застонали, заскрипели никогда не знавшие смазки деревянные оси и колеса. Волы, выгнув шеи и покачивая длинными изогнутыми рогами, осторожно ступают по воде короткими сильными ногами, находя едва приметный след, медленно и тяжело бредут через затопленную равнину с реденькими соснами. И все вокруг тонет в густом сероватом тумане...

Глава II

В Пинском крае

Проходит час за часом. Давно настал день. Сквозь туман уже просеиваются солнечные лучики. Под ногами шелестит нежно-зеленая осока. То там, то здесь проступают размытые контуры островков, на которых стоят редкие высокие сосны с шапочками хвои на макушках. Вода то мелеет, то доходит волам до шеи. Они пьют ее не останавливаясь. Иногда кажется, что эти цистерноподобные рогатые существа не бредут, а неторопливо плывут вперед, неотрывно следя за пузырьками на болоте, — ведь только они показывают путь, которого следует придерживаться за идущими впереди...

Мы не прячем орденов и медалей и демонстративно едем в погонах, но оружия из рук не выпускаем. Наши «дредноты» — так хлопцы шутя прозвали арбы — ошетинились десятками автоматов и пулеметами, готовые открыть шквальный огонь при первой необходимости.

— Кто знает, сколько придется драться с противником, —

хлопочет неугомонный лейтенант Георгиевский.— Надо, чтоб все было наготове.

Сыпловый и Коршок невозмутимы. Они — бывалые партизаны, им пулеметные очереди, как уверяет Коршок, — «за виртюлюнькивание» соловьев. Вокруг тишина. Как-то не верится, что враг поблизости.

Чтоб не замочить сапоги, мне приходится подбирать ноги. Беспокоюсь, как бы не промокли документы, табак, соль, мыло, которому здесь цены нет.

Но вот в поредевшем тумане виднеется что-то похожее на лес.

— Стой! Кто едет?

Застава сабуровцев? Однако слишком уж знакомые голоса. Вглядываюсь в лица: ба! Да это же наши эсманцы*.

Радуемся встрече. Пожимаем руки артиллеристам Юферову и Ромашкину, Феде Волостникову.

Вот так встреча! Конечно, объявляю привал.

— Жива 13-я армия! — громко басит Вася Буянов.

Нас поздравляют со счастливым прибытием, с присвоенными званиями. Не насмотрятся на погоны, на ордена. Буянов полхопывает по плечу возмужавшего, одетого по-военному, Коршка.

— Я теперь тоже начальство, — шутит он. — Знакомьтесь — «Комбат-7». А он, — показывает на Федора, — комиссар седьмого батальона.

Недоумеваем: почему наши эсманцы — батальон? И отчего седьмой?

Волостников поясняет: еще в Брянском лесу, когда присоединились к сабуровцам, так были названы для конспирации; с гордостью рассказывает, что эсманцы участвовали в героическом рейде соединений Ковпака и Сабурова к Припяти. Кто, как не рота автоматчиков Васина вместе с ковпаковцами, прокладывал дорогу, захватывал плацдарм в Лоеве? Да и город брали вместе с ковпаковцами!

Хлопцы рассказывают о том, как форсировали Днепр.

— Местность там, на подходе, — вспоминает Волостников, — равнинная. Голые заливные луга, ни тебе пригорка, ни бугорочка, ни кустика...

Он достает альманах, издаваемый эсманцами, «где все сказано». Партизан Сорока, в прошлом учитель, уже перелистывает страницы, любовно украшенные заставками и виньетками партизанского художника. На каждой — знакомые,

* Партизаны Червоного отряда (ранее с. Червоное называлось Эсмань).

дорогие лица эсманцев: Прошаков, Зимников, Талахадзе, Комиль, Букатин, Макин, Гулинин, Сачко, Власенко, Морока, Бродский, Терешин, Киселев, Кулькин, Юферов...

Сорока, волнуясь, отыскивает то место, где помещен его очерк о бое за Лоев, и читает его:

«Темная до черноты ночь, насквозь пронизывает холодный ветер. Волны набегают на пологий левый берег. Хрупко позванивает ледок. Это позванивание и хруст хорошо использовал наш командир, техник-лейтенант Васин, вернувшийся на рыбацких лодках из Лоева.

Теперь надо захватить плацдарм. И мы, самые смелые охотники, садимся в первую лодку. Там был и Власенко Георгий, и Талахадзе Володя, и Логвинов Семен, и Миронов Петро, и я, Сорока. Быстро отплываем. Гребем веслами. Волна захлестывает утлое суденышко. Чтобы не потонуть, выгребаем, выплескиваем ледяную воду пригоршнями и шапками. На случай, если не удержится лодка на воде, у нас уговор: форсируем вброд и вплавь.

Нам только б захватить паромы, прикованные у того берега! И вот — одна, вторая и еще несколько лодок с автоматчиками Васина уже возле паромов. Потихоньку снимаем часовых.

По улице перебегаем от дома к дому. Бесшумно идем на сближение с врагом. Нужно внезапно ликвидировать комендатуру. Но часовой успевает поднять тревогу. Васин подает команду: «Вперед — бегом!»

У комендатуры разгорелся бой не на шутку. Из окон и чердаков враг открыл шквальный огонь. Мы отвечаем перекрестным массированным огнем из пулеметов, затем забрасываем здание комендатуры гранатами.

Бой был жарким, но скоротечным. Нами убито и захвачено в плен 72 немца. Склады их — тоже наша добыча. Там — пшеница, ячмень, мед, масло, соль, боеприпасы, оружие. Сам бургомистр сопровождал по складам нашего комиссара Волостникова...»

Ребята припоминают и Марлинские хутора, свою жизнь среди поляков-осадников, охоту за эшелонами близ Олевска, выход на Случь — в Березно, Городницу, где отмечали 25-летие Красной Армии.

— Так, братцы! — мечтательно говорит Сыпльвый. — Вы на Случи были как раз в те дни, когда мы из Ворсклы и Днепра коней поили.

Ребята просят рассказать о партизанах Украины в масштабе всей республики. Они много слышали о дерзких рейдах и операциях соединений Ковпака и Федорова. Я вкратце рассказываю, что знаю, но, к сожалению, знаю не так много. УШПД по понятным причинам многое пока держит в секрете.

3.7.1943 г.

Болото южнее Житковичей.

Уже сутки мы у сабуровцев. Расположились на берегу. Трудно даже определить, какой это берег: речушки или

ручья, что вьется среди ольховника? Или, может, это — край болота, не просыхающего и летом? Сидим под арбой, завесившись от комаров парашютом и замаскировавшись ветвями ольшаника. Парит. Моросит мелкий дождик.

Я беспрестанно курю. Во рту горько и сухо. То ли от табака, то ли от воды — коричневой и темной. Вспоминаю советы кремлевского доктора, профессора Преображенского: «Никогда не пейте сырой воды, избегайте простуд...» Хорош совет, да не для меня...

С помощью радисток Сабурова ищу свое соединение. Его позывные нащупываются где-то в эфире, но из-за скверной погоды нашу рацию едва слышно.

Ежечасно навещаю радисток, прошу повторить, продублировать радиogramму начальнику штаба капитану Мельнику и комиссару Кищинскому, чтобы они быстрее связались со мной и безотлагательно присылали за нами конников. Но четкой связи все нет. Я и сам не уверен, что мы в настоящее время находимся где-то вблизи затерянных среди болот хуторков Храпунь и Тонеж. Где каратели, тоже неизвестно. Слухи о них разные.

Минувшей ночью была ложная тревога. Проскитались всю ночь, потеряли кое-какое имущество, бросили несколько повозок, а к утру вернулись на прежнее место. Теперь приняты все меры предосторожности: запрещено громко разговаривать, передвигаться группами. Подступы к биваку заминированы. Все как бы уснуло и замерло на месте. Но среди дня прогремел сильнейший взрыв: сработало сразу две мины. Выяснилось: подорвались свои — врач и кинооператор...

Под соседней телегой уютится группа писателей. Анатолий Шиян, Яков Баш... Оттуда доносится развеселый смех. Сочиняют письмо Адольфу Гитлеру:

«...Кобель тебя зачинал, а сука выщеньяла, на белый свет пускала... Вот же, сукину сыну, осиновый кол — в твою спину! Сообщаем: мы живы-здоровы, покрепче дубов в дубове...»

Шиян пишет книгу «Партизанский край». Работа спорится, книга получается интересной.

К ночи радио нас обрадовало: «Из Озер выехали десятеро. Главразведка». Десять... Непонятный риск. Разве это прикрытие в тылу врага — отделение? Ведь в лесах полно карателей. А между моими орлами и станом Сабурова обширнейшая из всех здешних топей — болото Галы. Только по прямой туда километров семьдесят. Пройдут ли?..

Опустились сумерки. Вокруг все та же гнетущая тишина. Фашисты подозрительно молчат. Что они замышляют?

4.7.1943 г.

Там же, в болотах.

Утро. Безмерная радость. У моей арбы десять всадников! Родные, сияющие лица: золоточубый Андрейка Лях, братья Астаховы — Роман да Илько, щеголеватый белорус Володя Керножицкий, москвич Колька Грызлов, всегда неразлучный с молодцеватым черкесом Петей Гвашевым, юные партизаны Вася Богачев и Миша Немолот. Позади — новички: сухощавый, смуглый, как цыган, Донат Нечипоренко и Серафим Хрячков. Видно — кадровые военные, из окруженцев.

Говорят: нигде ни одного фашиста на всем пути не встретили! Сообщение с деревней Озера, где остановилось соединение, абсолютно безопасно: ребята покрыли это расстояние почти без отдыха. Глаз не сомкнули. В восторге, что безошибочно выехали по указанным координатам. Еще бы! Даже для бывалого следопыта это было бы нелегким делом!

Раздал своим юным друзьям табак, галеты, консервы, душистое мыло. Даже лошадям дал по пачке галет, для восстановления сил. Ребята наломали им для корма еще и веников.

Быстро собрались в дорогу. Еще задолго до вечера наша группа из шестнадцати человек, с четырьмя волами, запряженными в арбы, вышла за линию сабуровских застав. Подо мною теперь отличный конь и легкое новенькое седло. В пути говорили о Лельчицах, о кострах на партизанском аэродроме, о том, что ждали меня в конце мая и на протяжении всего июня.

— Однажды, — вспоминал Роман, — сообщают из Москвы: «Летит ценный груз, принимайте с посадкой...» Мы все на аэродром, к Маликову! Со всем, что необходимо в таких случаях. Не спим, дежури́м целую ночь. Дождались самолета. Видим: выходят подполковники — комиссар Кищинский и доктор Тарасов. Мы, конечно, рады им, знакомимся, целуемся с желанными гостями, и так обидно, что вас нет... Говорят, еще будет самолет. Опять не спим, костры палим. Снова встречаем самолет. Выходят из него Сергей Ксензов, Петро Величко, Женя Верховский, Толик Швейцарский...

Так и ехали — с рассказами да шутками, замешанными на горечи и приперченными иронией. А я за всем этим вижу жизнь своих партизан в новых, лесных условиях.

— Вот так и живем,— продолжает Роман Астахов,— как лягушки в болоте. Однажды едва не всем табором бегали вокруг дуба, спасаясь от пулеметных очередей «мессершмитта». Кольку Грызлова гитлеровец едва с коня не сбил хвостом самолета, да тот сам догадался из седла выскочить.

И снова хохот. Таков уж нрав у хлопцев: даже о случаях, где могли сложить головы, рассказывают с юмором, подсмеиваясь над собой.

Больше всего жаловались на еду, которая была далеко не такой, как в украинских степях, где заготовительные базы оккупантов, их склады, амбары, откормочные пункты, личные припасы комендантов, полицейских ежедневно и ежечасно становились нашей добычей. Конечно, приходилось и там голодать, только забылось это, как забывается все плохое...

Попарно в строю проехали села и хутора Храпунь, Вежицу, Чермень. Расположились на отдых в Вилии. Прямо на улицах стреножили коней. Уставшие, они жадно хватают свежую и сочную траву. Некому топтать ее. Селяне прячутся от бомбардировок в лесах. Вообще села будто вымерли. Если бы не старательно обработанные поля и огороды, казалось бы, что во всем Пинском крае — безлюдье: хаты без оконных рам, двери тоже сняты заботливыми хозяевами, нет и домашних животных. Где-то в болотах нашли эти люди приют, живут по-первобытному. Женщины поделали себе курени, а где остались мужчины, там соорудили срубы, покрытые березовым лубом, сложили кое-какие печурки. Что и говорить, в холод там не сладко: дым выедает глаза, душит кашель, а летом донимает мошкара. Зато относительно безопасно. Кругом — трясина, и долго надо пробираться через нее туда, где люди, где раздаются детские голоса, откуда доносится блеяние овец, коз, мычание коров. Обязанность мужчин — защищать жителей куреней, и они вооружились чем попало. Тут можно увидеть самые разнообразные ружья, начиная от кремневых, рогатины, просто железные вилы и самодельные копья. На алтарь освободительной войны эти люди добровольно отдали свои селения, чтобы не было пристанища для врагов. Но лишь покажутся партизаны, как сразу же появляются местные жители.

Вот и сейчас жители села принесли нам хлеба и масла, двое дедов пригнали откуда-то крупную свинью. Наслушавшись московских новостей и получив свежую газету, они проводили нас за околицу.

Ушли из села мы, и снова укрылись в дальних болотах эти люди.

5.7.1943 г.

Село Великие Озера, 80 км
юго-восточнее Пинска.

Дороги нет. Бредем по воде, наугад.

Еще день «по уши в воде», как говорит Лях, и мы натываемся в лесу на песчаный островок, посреди которого виднеется чета сосенок и на крошечном поле редееет чахлая невысокая рожь с тонкими колосьями. За островком — другой, третий, между ними вода по колено, а иногда по грудь коню. Наконец приблизились к кустарникам, в которых что-то белеет. Подъезжаем вплотную. Оказывается, сушится белье. Здесь лагерь Червоного отряда.

Поздоровался с ребятами. Приказал построиться. Спрашиваю: не слишком ли засиделись в Белоруссии? А комс-орг отряда Саша Щиколдин, весело блеснув глазами, отвечает: административно, мол, село Озера — Ровенщина, значит — Украина!

Все посмеялись от души, зная, что из Озер ровенских можно попасть на Украину не иначе, как через Пинщину. Да, жизнь у них здесь невеселая: питаются только воловьим мясом. Нет соли, хлеба, овощей. Врач Михаил Михайлович Тарасов сообщил, что у многих шатаются зубы, выпадают волосы.

— Цинга! — сокрушается он, угощая всех подряд витаминными таблетками, и требует, чтобы тут же, у него на глазах их проглатывали. Видно, что хлопцам надоело это приевшееся лекарство.

Узнав, что наступает конец жизни в болотах и мы пойдем в рейд, партизаны сразу повеселели. Слышны шутки, смех.

— Ох и надоел нам цэй витамин «Цэ»! — подмаргивает мне завхоз эсманцев Кузьма Батеха. — Ниякого от него толку!

— О, это весьма ценный медицинский препарат! — авторитетно возражает доктор. — Одна таблетка поддерживает организм в течение суток, заменяет фрукты и овощи!

Доктор пускается в обстоятельные объяснения целебных свойств витаминов. Батеха слушает и улыбается:

— От, доктор, когда рейдом по Украине шли, то хлебо-сольные хозяйки не такими витаминами нас пригощали!

— О, конечно! — соглашается наш москвич. — Существует немало народных витаминных средств. Вот, к примеру, щавель, лук, хрен, чеснок. В них тоже очень много витамина «Цэ».

Но Батехе надо вовсе не это. Ему, словно кислотой, сводит челюсти такое объяснение.

— Та який там хрен! Кажу вам — наши, українські вітаміни! От, наприклад, усі наши хлопці в курсі дела.

Батеха ищет глазами «ассистента»:

— Ну, хоч ты, Тимоха!

И Тимофей Стадник начинает пригибать пальцы, перечисляя.

— Яй-цэ... мяс-цэ...

— Саль-цэ,— подсказывают другие.

— А кури-цэ, масли-цэ?

— Та ще й вынцэ! — под дружный хохот остальных дополняет перечисление Батеха, чем вконец смущает доктора.

— Вот это наша партизанская медицина! Таких витаминов у степях до биса! — хохочут десятки глоток, словно уже насытившиеся витаминной пищей.

— Ну и Батеха! Самому доктору фору дал! — со смехом расходятся партизаны. Только Батеха не собирается уходить, он осторожно приближается к врачу с клочком «папирця» для московского «тютюну» и вкрадчиво говорит:

— Та ей-бо, Михайло Михайловичу! Нащо нам ці таблетки! Хиба мы в лікарни чи що?

Насупившийся доктор сосредоточенно ковыряет веточкой в трубке, не зная, ругать Батеху или смеяться.

Я примиряю их:

— Не обижайтесь, доктор, скучают ребята по Украине...

Долго, до ночи, совещаемся с офицерами. Партия поставила перед нами задачу: кратчайшим путем выйти из Пинских болот к реке Тетерев, пополниться там людьми, достать лошадей и укрепить соединение.

6.7.1943 г.

Там же, лес под Великими Озерами.

Скорей из болот, на Киевщину!

Немного нас, всего три отряда. Не более трехсот шестидесяти бойцов. Автоматов и пулеметов — двести. Патронов, правда, достаточно. Запас говядины в живом виде выглядит тоже прилично — около тридцати коров. Одновременно это молоко для раненых и больных. А людей мало. Мы — соединение только в потенции, в перспективе.

Парторганизации отрядов обескровлены не только во время Степного рейда, но и майскими боями на Припяти. В Хинельском отряде коммунистов только четверо, в Червоном — семеро, среди конотопцев — несколько недавно принятых в кандидаты.

Сегодня сделан еще один шаг на пути к дальнейшему укреплению парторганизации. Создана наша ПК — партко-

миссия соединения, в состав которой вошел и я. А секретарем ее избран С. И. Ксензов — десантник УШПД, политрук, в прошлом директор школы из Белоруссии. Он — опытный партизан-подрывник. Дело пойдет. База роста партийных рядов немалая. За каждого участника Степного рейда могу поручиться, дам рекомендацию в кандидаты партии.

На первом же заседании ПК решили и кадровые вопросы. Командиром Хинельского отряда назначили прибывшего со мною политрука Сыпльового, комиссаром — капитана Муракина, тоже десантника УШПД, уже избранного комсоргом соединения, начальником штаба к ним — десантника капитана К. В. Степанова. Они заменили отправленного в Москву на лечение командира отряда лейтенанта Анатолия Инчина и погибших во время Степного рейда комиссара Ивана Говорова и начальника штаба Кузьму Ступича.

Новое командование назначили и в Конотопский отряд, где вместо капитана Кочемазова, погибшего у Голованевска, и политрука Митрофана Будаша, которого потеряли на Припяти, командиром стал Володя Саморока, донецкий шахтер, ветеран отряда, а комиссаром — старший политрук Петро Петрикей, конотопский подпольщик. Начальником штаба назначили капитана Лобача Федю, тоже участника Степного рейда.

Произошла замена и в Червоном отряде. Командиром назначен лейтенант Иван Боров, политруком Иван Коренский. Начальником штаба к ним направлен десантник — политрук Юрчишин Федор вместо погибшего под Винницей капитана Юрия Дорошенко.

Это зрелые командирские кадры, понимающие обстановку и новые задачи. Теперь только побольше бы людей в боевые подразделения. Да еще — коней!..

Лелею мечту, что все это найдем на Киевщине! За лошадьми уже вышла разведка — шестнадцать человек, они же и диверсионная группа, под командованием опытных минеров — Евгения Верховского и старшего лейтенанта Петра Величко.

12.7.1943 г.

Село Дроздин, 110 км юго-восточнее Пинска.

Здесь провели общее партсобрание на правах конференции.

Радио сообщило: в курских степях идет кровопролитное сражение. Наши громят фашистов. Уничтожены тысячи танков и самолетов. Нам бы тоже надо внести свою лепту. Но

мы в плену болот, и будь ты хоть семи пядей во лбу, а пока ничего не придумаешь...

Настроение неважное. Даже комиссар Кищинский, человек энергичный, фронтовик, всегда деятельный и неутомимый, далеко не в восторге от всего этого. Доктор Тарасов тем более разочарован. Он, кремлевский хирург, подполковник, чувствует себя неважно в этом маленьком коллективе. Да еще во вражеском тылу! А впереди — поход на Киевщину, в западные области Украины...

Все это мне понятно. Летели товарищи с розовыми надеждами в соединение, а на деле его надо по существу создавать заново.

Переформировали Недригайловский отряд в роту автоматчиков для охраны штаба.

16.7.1943 г.

Село Блажово, 110 км юго-восточнее Пинска.

Наконец-то мы на суше! Вблизи сплошной стеной стоит могучий лес! Обьедаемся черникой. У всех руки, рты, одежда — в темно-фиолетовых пятнах.

— Вот это настоящие витамины! — радуются партизаны.

Отряды расквартировались в Блажово, населенном, в основном, поляками. Перепуганные, ограбленные украинскими националистами, беззащитные, они несказанно обрадовались нашему приходу. Тем более, что мы подарили им свое стадо — около сорока дойных коров. Нет смысла гнать скот за пределы партизанского края, южнее железной дороги, которая уже близко. Эта магистраль Сарны — Коростень, по сути дела, — линия фронта, отделяющая Полесье от степной Украины. А там: будет день — будет пища.

Встретились и познакомились с молдаванами из Брянского леса. Полковник Андреев и командир второго отряда Слюсарев тоже хотят на юг — «до зарезу необходимо». Да вот вопрос: как перейти дорогу? На подступах к ней — завалы, колючая проволока, гарнизоны...

Решили совместно с отрядами Андреева и Слюсарева завтра же прорываться через железную дорогу. Конечно, ночью, с боем. Наш план таков: мы и партизаны Слюсарева атакуем Остки. Андреев наступает немного восточнее. Начинаем одновременно — в полночь.

17.7.1943 г.

Село Залавье, близ Блажово.

Еще день в лесу, на чернике. Подтягиваемся ближе к дороге. Там — веер наших наблюдателей, изучающих нужный

участок полотна дороги, который предстоит «форсировать».

Фашисты сидят, зарывшись в свои норы по скатам насыпи. Пост от поста, пулемет от пулемета — метров триста и менее. Сколько их там, какие силы врага могут ввязаться в бой, чтобы помешать нам переправиться на ту сторону? Все это должны разузнать разведчики.

Еще далеко до вечера. Еще не получены данные от начальника разведки Гаврилюка, добывающего их своим особым путем.

Тревожусь за разведчиков и наблюдателей. Им приказано пробраться как можно ближе к дороге, пролежать или просидеть незамеченными там весь долгий летний день, а потом так же незаметно вернуться.

К исходу дня от них поступило сообщение, что в Остках не более отделения гитлеровцев и десятка полтора полицаяев. Даже не верится. Но Гаврилюк поясняет, что в Рокитном (справа) и в Олевске (слева) также гарнизоны, причем значительной численности. Не беда! Нам довольно участка на одном перегоне Остки — Рокитное. Только один рывок. Но на пути канава с водой, скрепленная бревнами, — это не простое препятствие для обоза. Без готового переезда не обойтись. Зато у самого железнодорожного полотна непролазная чащоба. И у нас есть полная возможность незаметно подползти и внезапно ударить по огненным точкам противника.

...Еще не стемнело, когда началось наше продвижение к Осткам. Неожиданное осложнение — надо одолевать болото. Выручают волю, вымененные у Томилова. Еще раз доказана их абсолютная непотопляемость. Загребая своими ногами-коротышками болотную жижу, они тащат за собой арбы с привязанными к ним конями вместе с телегами, которые едва выступают из воды. От болота — к островку и снова — через болото... Выбравшихся на бережок волов тут же возвращают для перетаскивания следующих упряжек. Поистине черепашьё передвижение!

Теплая непроглядная ночь застает нас при подходе к железной дороге. Эта темень — наша союзница. Удастся скрытно выдвинуть взвод конотопцев под командованием лейтенанта Еременко в заслон к Рокитному. Налево, к Олевску, такой же заслон выставляют молдаване Андреева. Ударную группу повели за собой лучшие разведчики — Роман Астахов, Виктор Шайдуров и Серафим Хрячков.

Уже 24.00. Что-то уж слишком мирно. Отряды готовы к действию...

18.7.1943 г.

Урочище Островок, 55 км восточнее Сарн.

Давно день. Стоим в лесу на отдыхе, отгороженные от Пинского края все той же железной дорогой. Роман рассказывает о ночной операции:

— Было так. Спешились. Тихо-тихо подкрались к переезду и подобралась к самому завалу. Появилась группа вооруженных. По всему видно: даже не подозревают, что мы рядом. Подошла еще группа: ясно — сошлись патрульные соседних перегонов. Покурили, посоветовались и разошлись вправо и влево вдоль полотна железной дороги.

Мы выждали, пока патрульные отошли подальше. Хотелось выяснить и состав отдыхающей смены. Затем подползли еще ближе, миновали весь завал, выпутались из колючей проволоки. Дальше обнаружился окоп с траншеей, а в нем — часовой. Он неторопливо прохаживался, не замечая нас. Стали подбираться к нему по брустверу. Прямотаки не дышали...

Но в этот момент взвилась ракета, и заслон Еременко ответил на нее огнем из «максима». Часовой обнаружил нас. Забыв от страха об оружии, он начал стучать в будку, крича: «Налет! Бежим! Партизаны...» А сам задал стрекача. Из будки выскакивали солдаты и скрывались за полотном дороги. Их спины были хорошими мишенями для наших автоматов, но я запретил стрелять, чтоб не вызвать на разведчиков огонь противника. Ведь наша задача — без лишнего шума разобрать завал и раскрутить проволоку на шлагбауме...

Как только партизаны пересекли дорогу, враг открыл запоздалый шквальный огонь с обоих флангов. Но подразделения отрядов в основном уже перешли «железку». Переправились и обозы. Немцы били вдоль полотна; видимо, подбросили огневые средства с соседних станций. Но били вслепую: у нас — никаких потерь.

Отдыхаем в дремучем урочище. В ближайшем селе Дертъ — целый курень* бульбовцев, называющих себя «украинской партизанкой». Оказывается, они тоже охраняют дорогу «от советов».

К вечеру явились ребята из разведки. Пригнали 40 лошадей, захваченных под Сарнами у бульбовцев.

---

* Курень — в так называемой УНРА (Украинская народно-революционная армия) равнозначен полку.

Конница

19.7.1943 г.

Село Голыши, 150 км северо-западнее Житомира.

Село вынырнуло из лесу так неожиданно, что комиссар и доктор, ехавшие за мной, только ахнули:

— Село!.. — И столбовой шлях — в обе стороны...

— И улицы... Какие-то чистенькие, праздничные!

Мы остановили лошадей. А село, купаясь в лучах восходящего солнца, зарябило в глазах веселыми черепичными кровлями домиков. Как-то по-особому гостеприимными показались опрятные беленькие хатки с расписными ставнями. Малиновый плес тенистого пруда манил к себе, соблазняя купанием.

Отряды уже втягивались на перекресток. Начальник штаба Мельник, гарцуя на своем белом Буяне, рассылал конных посыльных, дирижируя рукоятью плети:

— Улица на Олевск — Червоному! — картавил он. — Вторая, на Емильчино, — «Смерть фашизму!» В направлении на Городницу вести разведку и выставить наблюдательный пост — Хинельскому!..

Расчленившись, колонна запылила по улицам, с обеих сторон которых буйной зеленью вскипали сады и огороды.

Повозки с ПТР, с пулеметами заторопились в сторожевое охранение. У нас своя, давно установившаяся система: кто расположился на краю села, тому выставлять охранение и наблюдательный пост впереди него и высылать разведку вплоть до следующего села или ближайшего города. Так радиально, широким веером, сама собой образуется круговая оборона соединения; бойцы расквартировываются по дворам отделениями, заставы вкапываются на краю села у дороги; конные сторожевые посты размещаются на соседнем хуторе, на ветряной мельнице, на господствующей возвышенности или у высокого дерева.

Разведчики засылают девчат, мальчишек или сивоусых дедов в ближайший городок «менять на соль» или «навещать к замужней дочке», «к родственникам». Конники разрушают и сжигают мосты, обрывают линии связи, уничтожают зазевавшихся гитлеровцев, ликвидируют заготовительные пункты оккупантов и сельуправы. Не нужно каждый раз давать распоряжений и предписаний на все это, как не надо крутить каждую в отдельности шестеренки одной ма-

шины: ее надо только завести. Войдя в село, каждый выполняет свои обычные обязанности.

У нас немало среди населения друзей и надежных помощников. Ошибочно было бы думать, что нас только 360. Неизмеримо больше! Мы не оторваны от народа, а живем и бедствуем вместе с ним. Поэтому не перечесть всех желающих помочь партизанам.

В армии на «активный штык», то есть на одного воюющего, приходится около десятка вспомогательных, обслуживающих солдат и офицеров, не считая рабочих на заводах и транспорте, крестьян на нивах и пастбищах.

А у нас, когда мы среди народа, обслуживающие и помогающие — это местное население. Народ и только народ, а не лесные чащобы и пустоши — партизанская крепость. Вот почему вся наша стратегия сводится прежде всего к тому, чтобы как можно теснее общаться с народом. Этому учила нас партия. Триста «активных», умноженных на десятки, сотни вспомогательных, — это и есть наша партизанская неисчислимая сила.

Голыши — первое большое село на нашем пути. От него к югу такие же села будут встречаться все чаще и чаще. Там у нас не будет недостатка в помощниках и бойцах. В районах, по которым мы пройдем, возникнут новые партизанские отряды, подпольные группы.

Наши разведчики уже наладили контакты с лесным табором местных партизан. Село Голыши свободно от гитлеровцев. Мы проезжаем по мосту. Часовой из местных охраняет мельницу как социалистическое предприятие. Наши остроязыкие ординарцы подшучивают над ним:

— Что охраняешь? Военная тайна?

— Лучше бы жернова запустили, муки людям намолотили...

Часовой добродушно улыбается, провожая нас восхищенным взглядом.

Село еще спит. Спит река Уборть, обрамленная столетними ивами. Наши «новички из десантников», как все еще называют комиссара и доктора, заметно тревожатся:

— Почему не перестоять в лесу? К чему нам хаты? Для коней вон какие луга под самым лесом! И местные партизаны там же, в лесу, базируются...

Меня только веселят опасения Кищинского. Дразню его:

— Вся Украина, Сергей Семенович, такая красивая, как это село. Или не узнаешь — по Киевскому Полесью топаем!?

— У него шуточки на уме, — кипятится Кищинский. — Вон еще одна улица!.. Откуда хочешь ворвутся немцы, а он

живописует. Вот нагрянут немцы из Олевска, тогда забудешь о красоте!

Все хаты на замках. Необитаемо и это село. Только оконные рамы, двери, даже комнатные цветы на окнах — все на месте. Значит, хозяйева где-то вблизи.

Лейтенант Георгиевский дает команду моему ездovому:
— Ну, Митро, приехали!

Он открывает ворота во двор с просторным сараем. Доктор с комиссаром тоже поворачивают в соседний двор. Все распрягают коней и ставят их под навесами, повозки маскируют.

— А на что, лейтенант, нам этот двор без хозяев? Танцевать, что ли, вокруг хаты? — спрашивает ездovой.

— Да, вприсядку. Задавай корму коням...

Пока умывались у колодца, появилась и наша хозяйка. В руках узелок. В нем — масло сливочное, сыр, с десяток яиц.

— Драстуйтэ! Чого цэ вы в хату не заходьтэ! — радостно приветствует она, словно старая знакомая.

Чувствуется, ей приятно, что прибывшие не вломились нахально в дом, как это обычно делали полицаи и проходившие каратели. Ее растрогало, что усталые, проголодавшиеся вооруженные парни терпеливо ждут хозяйку. Она отмыкает хату и еще приветливей спрашивает:

— Ну, хлопцы, чего вам поесть сготовить?

— Борща, борща, горячего! — живо отзываются хлопцы.

— Вот свинина, говядина, — достают они запасы из своих мешков, — а остальное, извините, ваше...

Хозяйка не дает им досказать:

— Знаю, знаю родненькие! Я сейчас хлеба нарежу, молока, квашеной капусты достану из погреба. Ешьте на здоровьечко, а я тем временем борщ сварю.

Хлеб сейчас для нас в диковинку. Здесь трудно с помолом. Вот и хозяйка жалуется: — полицаи грозят сжечь мельницу, если ею начнут пользоваться люди. Партизаны мелют тайком. В Емильчино с мукой еще хуже: разрешено молоть только 200 граммов в сутки на помольщика. Как можно терпеть такое издевательство? Да туда страшно и показываться: за прошлый год все здешние села ни килограмма не сдали гитлеровцам в счет налога.

— В Емильчино не повезешь, — жалуется хозяйка, — но и руками жернова крутить тяжко!

И поэтому сегодня в селе праздник: работает мельница, к ней все больше прибывает помольщиков, есть кому покрутить и жернова, явившиеся из тьмы прошлых столетий...

Позавтракав, я располагаюсь на сеновале. Вся жизнь нашего двора, как и всей улицы, у меня перед глазами. Как и все полесские села, это село живет двойной жизнью: одна, лесная, — днем, другая — в селе в ночное время.

Село, в сущности, является партизанским отрядом имени Дзержинского. Командир — молодой офицер, носящий имя легендарного Гая. Познакомившись с ним поближе, я узнал, что он пограничник и фамилия его Нечипоренко. Он уже побывал у меня, звал в гости, кое-что выпросил у нас из боеприпасов, кое-чем одарил. Другой офицер этого отряда, Потайчук, завязал дружбу с разведкой соединения, а нашему комиссару, Сергею Семеновичу, подарил отличного саврасого коня.

Гай подкинул нам ценную мысль: жители здешних сел — Мариамполя, Забары, Кочичина, Владимировки, Броницы, Великой Глумчи — не сколько крестьяне, сколько рабочие лесхоза. Они и столяры, и кузнецы, и плотники. И для них не составит большого труда изготовить нужные для отрядов седла.

Тороплюсь воспользоваться хорошим советом. Завтра же соберем столяров и кузнецов, обеспечим их тройным продовольственным пайком и дадим, сколько понадобится, подсобной рабочей силы. Все кузни занятых нами сел должны действовать круглосуточно. В результате каждый из наших людей будет иметь «правильное» самодельное седло, а это в наших условиях посложнее, чем подобрать себе лошадь.

Наш словоохотливый и рачительный хозяин, появившийся вслед за хозяйкой, будто ненароком все время подбрасывает мне идеи.

— Ничего, — говорит он как бы вовсе не мне, а моим хлопцам, — в польских селах и коней добрых себе найдете, даже специально обученных. Здесь же лошадки уже выбраны... Да лучше всего — за Случь бы вам! У кулачья там тоже есть хорошие кони. Сам видал, когда в тридцать девятом ходил туда, в Западную...

— Ну, а поехать верхом сможешь? — допытывался он у Митра, который и впрямь не умел правильно оседлать лошадь. — Ничего... Попервах упадешь несколько раз, а как верст пятьсот проедешь, так добрым казаком станешь!

20.7.1943 г.

Там же.

Уже третий день мы стоим в Голышах. Занимаюсь ли делами, отдыхаю ли, все мои мысли и заботы о седлах. В массовом порядке изготавливаются лавы, ленчики, стремена. Не хватает железа. Поснимали, повыкручивали уже все

крючья с телеграфных столбов. С лошадьми дело обстоит лучше,— поступает голов по двадцать-сорок ежедневно. В этом немалая заслуга главной разведки Величко и Верховского.

— Бач! — по-своему оценивает их работу старик-хозяин, которому до всего есть дело.— Кричат, хызуются — коней багато ведем в село! А нема того, щоб у корчах привязать, щоб литак не побачив, пулеметами та бомбами не побил. Как налетит, куда сховаешь их?

— Э, дед-дедок! — важничает Георгиевский.— Не военный вы человек. Зачем привязывать в корчах, гнусом мучить? Хоть и прилетит, так все равно не увидит: не знаете вы, что такое хорошая маскировка...

— Эге ж, не знаете! — не сдается дед.— У нас вже було... Покружлял, покружлял, как этот, що гудит неведомо откуда, а потом троих бомбовозов привел, так те лошадей тридцать пять голов, что на лугу паслись, поубивали враз. Я посивел на трех войнах: якбы вы столько знали да понимали!

Над селом и впрямь слышится гул мотора. Георгиевский заверяет, что это «стрекоза», что самая пора заняться варениками, которые как раз поспели, и дочь хозяина, миловидная молодница Клава, зовет всех к столу. Мы с Георгиевским идем кушать вареники, а Митро и дед, запрокинув головы, всматриваются в знойное небо. Спустя минуту дед возражает лейтенанту:

— Не «стрекоза», а бомбовозы!

— Ну, так по своему заданию, на фронт идут,— не сдается Георгиевский.

— Побачимо...— это уже дед.

Ну и хороши Клавины вареники с ягодами! Да еще в сметане! Усевшись за обеденный стол, уплетаем за обе щеки, а тем временем из лесу накатывается на село гром бомбовых разрывов. Дрожат стенки нашей избушки и неистово дребезжат стекла в оконных рамах.

— Що я казав? — успеваает проговорить хозяин с крылечка, и над хатой с ревом проносятся черные самолеты. Но не бомбят. За селом, сразу за мельницей, кудрявятся беловатые дымы лесного пожара. Вскоре примчалась повозка с ранеными — четырьмя женщинами и подростком. Кучер все время выкрикивает:

— Доктора, доктора! В каком дворе найти вашего доктора?

Но Михаил Михайлович уже сам выбегает на улицу:

— Сюда, сюда,— отпирает ворота его ассистентка Валюша Земскова.— Как это вы угодили под бомбежку?

— В куренях... Там еще душ с тринадцать, одной жинке ноги поотрывало!..

— Ладно!..— решает доктор.— Еду в курени! Этих, Валуша, перевяжи! По уколу дай противостолбнячному... А ты, Зина, не забудь чемодан и сумку,— обращается он к медсестре Шелковой.

Является Кищинский, и мы решаем, что пора подумать о передислокации. Где-то в других местах окончим оснастку седел, которых у нас теперь уже около двухсот.

23.7.1943 г.

Село Кленовая, 140 км северо-западнее Житомира.

Двенадцать автоматчиков, два радиста с рацией «Северок» и два пулеметчика с ручным пулеметом вновь были отправлены под командованием Верховского и Величко на диверсии.

Успехи группы, как это подтвердил и начштаба Мельник, поразительны. Ребята пустили под откос эшелон и бронепоезд.

По словам Коренского, дело было так. Они вышли на участок, куда еще не проникали партизанские минеры и где охрана дороги еще не столь бдительна. Один перегон минировали Верховский и Руденко, второй — Величко и Коренский. Прodeлали это, конечно, со всеми мерами предосторожности и своевременно отошли в лес, где оставили рацию.

Пришли туда — и в шесть утра взрыв. А вскоре — второй. Оба на участке Сарны — Клесов...

Позавчера специально проверили: сначала подорвался паровоз и разбилось одиннадцать вагонов. К месту крушения подкатил бронепоезд, и его опрокинуло взрывом второй мины. Пострадало, в общем, более двухсот гитлеровцев.

От Гаврилюка тоже хорошие вести: вчера его группа подорвала эшелон восточнее Осток. На подложенных минах подорвались второй эшелон и восстановительный поезд (дело рук самого лейтенанта Георгиевского). Пять эшелонов под откосом — это наш вклад в битву под Курском.

Конечно, вклад небольшой, но что поделаешь — мы все еще малокровны. Вот наберемся сил, приведем себя в порядок, тогда ударим по-настоящему.

25.7.1943 г.

Село Липино, 35 км

северо-западнее Новограда-Волынского.

Нашей армией разгромлена ахтырская группировка противника. В сводке Информбюро упоминается Сумщина и

Полтавщина!.. Радует фронтным успехам, но и очень тревожимся за С. А. Ковпака: что-то с Дедом неладное. УШПД требует разыскать, всячески помогать, сообщать о положении дел. Ясно, что у Ковпака никаких радиосредств, а эта тревога УШПД — эхо из Карпат, куда вышли ковпаковцы в прошлом месяце.

25.7.1943 г.

*Село Червоня Воля, 50 км
северо-западнее Новограда-Волынского.*

Получено обращение ЦК КП(б)У. Нас призывают к усилению действий на коммуникациях. Запрашивают — где мы, что делаем? Мы сразу же отозвались, сообщили, что снова сели на коней и сделаем все возможное и невозможное, чтобы ударами по вражеским коммуникациям помочь родной Красной Армии в ее многотрудных сражениях с гитлеровской военной машиной.

26.7.1943 г.

*Село Броница, 40 км
северо-западнее Новограда-Волынского.*

Где-то недалеко в лесу — Чапаевский отряд Ищенко-Бати. От его имени навестил нас комиссар товарищ Московский. С ним были помначштаба Гончарук, политрук Корбань и разведчик Рябченюк. О себе сказали, что они — москвичи, отряд специального назначения. Отряд еще совсем молодой, пострадал от бомбежки. Ущерб немалый: пятеро убитых, пятнадцать раненых...

Конечно, пришлось выехать на помощь нашему Михаилу Михайловичу.

2.8.1943 г.

*Местечко Броницкая Гута, 45 км
северо-западнее Новограда-Волынского.*

Сегодня ровно месяц, как я возвратился из Москвы. Можно считать: вышли на Украину, возродили конницу.

Нам уточнили задачу: идем не на Буковину, как предписывалось неделю назад, а в Кременецкие горы. Там мы должны «оседлать» транспортные магистрали Львов — Проскуров*, Ровно — Львов. Посылаю туда разведгруппу старшего лейтенанта Величко.

---

* Теперь — г. Хмельницкий.

Кишинский убежден, что порадуем УШПД, дадим на каждую сотню бойцов пять взорванных эшелонов в месяц! Да еще на таких важных коммуникациях!

Мельник не разделяет этого оптимизма. Он все как бы оглядывается на Полесье. Вообще, на его розовом синеглазом лице — никакого воодушевления по поводу возродившейся конницы. Гаврилюк же, смуглый малоулыбчивый крепыш с неизменным кавалерийским клинком на портупее, преклоняется перед кавалерией... Но Кременецкие горы его тоже не привлекают.

Он показывает свою рабочую карту:

— Видите россыпь хуторов на карте? Как маком усеяно! Кулачье... Осадники приграничные! Уж точно! Еще по работе в Шепетовском горотделе знаю, какому они богу молятся...

— Так что, по-твоему, там все националисты? — возражаем ему я и Кишинский.

— Не все, конечно, но их там предостаточно, — не сдается Гаврилюк.

Комиссар объясняет Гаврилюку, что обстановка в западных областях Украины, конечно же, отличается от здешней. Местное население запугано, терроризировано, некоторые одурманены националистической пропагандой. Но это не значит, что там сплошной «гадючник». Большинство местных жителей ждет нас, готовы помочь. По имеющимся сведениям, и там в тягчайших условиях действуют подпольные группы, есть даже небольшие партизанские отряды. Поэтому нельзя, как это делает Гаврилюк, всех без разбора клеймить националистами.

Поостыв, Гаврилюк соглашается с Кишинским, но перспектива идти туда в рейд не воодушевляет его.

Втроем мы несколько часов подряд сидим над картой. Оцениваем политические и оперативные условия в новом районе базирования. Они явно неблагоприятные по многим признакам.

Кишинский умчал на кавалерийскую езду в отряды. Там же и Мельник. Осваивает при помощи своего помощника майора Горобца приемы: «Садись!», «Слезай!», «Коней — в укрытие!»

Нужно хорошо разобраться во всем, тщательно разведать местность в окрестностях Кременца. И прежде всего разузнать о ковпаковцах: где они и как они там, в Карпатах? Без этого нельзя выступать.

4.8.1943 г.

Село Мокрое, 65 км северо-восточнее Ровно.

Вот и ответ. Ковпак в большой беде!..

Генерал Руднев, говорят, погиб. Небольшими боевыми группами ковпаковцы идут по направлению к Припяти.

Все это нам известно от населения: бульбовцы трубят и трезвонят. В лютой ненависти к партизанам заворошился весь муравейник националистов. Это грозное предостережение нашим еще неокрепшим силам. И все равно нам надо выйти на Случь, поближе к бульбовским «заповедникам».

5.8.1943 г.

Старая Гута, 60 км северо-восточнее Ровно.

Заканчиваем формирование и обучение конницы, пока еще небольшой, но очень мобильной и хорошо управляемой. Основные правила и приемы езды и ухода за конем уже освоены.

Приятно посмотреть, как проносятся наши ребята по главной улице, как развеваются золотисто-седые гривы разгоряченных выхоленных коней. А в толпах поляков и партизан — только восхищенные возгласы:

— Ну и кони!

— Эх, и птички!

— Откуда взялись?

Андрейке Ляху, теперь уже моему адъютанту, и лейтенанту Георгиевскому, этим двум шустрим блондинам, повезло больше всех. Под ними — кони-лебеди, особенно у «кубанского казака» Георгиевского.

— Моего коня, — с восторгом рассказывает он, — здешние жители видели всего один раз — в 1939 году, когда хозяин впервые оседлал его. Когда началась война, он спрятал коня в лесу. А когда явились мы, сам привел, вручил нам и открыл всю правду: «Прятал от немцев и от Бульбы, укрывал от глаз и ушей людских... Четыре года никому не говорил, не показывал. Теперь же не устояло сердце при виде конницы: сам привел. Возьмите, вам нужнее, товарищи. Пусть мой конь поможет добить проклятых швабов!»

Полякам страшны, конечно, пиратствующие оуновцы*, борющиеся «за вольную Украину». На деле же, преследуя поляков, русских и несогласных с ними украинцев, они укрепляют оккупационный режим. Оккупанты рассматривают их как противовес нашему партизанскому движению. Вот что такое бульбовцы с их предводителем Боровцом, украв-

* ОУН — организация украинских националистов.

шим имя Тараса Бульбы и сделавшим из него знамя буржуазного национализма тут, в междуречье Случи и Горыни.

Но не уберечь националистам гитлеровских путей сообщений! Мы уже сели на лошадей. Только не сразу пойдём на Запад, сначала — на Киевщину! Там мы пополнимся людьми, увеличим численность отрядов.

Структура нашего соединения на сегодняшний день такова: штаб соединения, комендантский взвод, главная разведка, три отряда, в каждом из которых по три взвода. В отделениях пока что не более пяти-семи бойцов. Основная наша сила — пулеметы: по количеству пулеметов командир отряда формирует подразделения.

Чтобы не растягиваться в пути, ограничиваю количество повозок: разрешается иметь только пароконные подводы и лишь для станковых пулеметов, ПТР, боеприпасов, а также для тяжело больных и раненых. Основной боезапас одного партизана — 200 патронов и две гранаты.

Заблаговременно разработана и тактико-строевая схема: правое крыло — Червоный отряд, левое — Конотопский; Хинельский всегда атакует и отражает атаки по центру, заодно охраняя и штаб. Думаю, что такая организация надёжно обеспечивает максимальную подвижность, гибкость и маневренность в бою.

Казалось бы, не очень большая сила — 350 автоматов, пулеметов и сабель, но при равной огневой мощи пехоты мы сможем двигаться в два раза быстрее, пройти в три раза дальше, а в случае необходимости в десять раз быстрее уйти отседающего врага. При всем этом кавалерист во время длительных переходов больше сохраняет сил для боя с неприятелем. Правда, в позиционной войне пехота лучше. Но ведь основа партизанской тактики — не позиционная война, выгодная, кстати, только врагу. Партизаны призваны решать боевые задачи с помощью молниеносных ударов и большой маневренности отрядов.

Свои мысли о преимуществе конницы в партизанской войне я не раз излагал комиссару Кищинскому и начальнику штаба Мельнику. Они посмеиваются над моей влюбленностью в кавалерию, называют меня фанатиком, хотя со многими моими доводами и соглашаются.

6.8.1943 г.

Село Старая Гута.

Несказанная радость: освобождены Орел и Белгород! Освобождены Хинельский край, Хомутовка, Червоное,

Глухов, масса родных сел наших партизан! В Москве — победный артиллерийский салют!

А здесь нам салютуют улыбками поляки: «Дзень добрый, товажиш!..» Сегодня все они собрались в костеле, куда приглашен и я. Ксендз пан Леон сказал пастве несколько ободряющих слов. Ему приятно, что я и все командиры, даже комиссары, у него на обедне. Налаживая дружественные отношения партизан с поляками, мы вынуждены восседать на хорах храма католиков...

Мощно звучит орган. Сотни людей заполняют двор костела и смиренно преклоняют колени. Вымаливают защиту божью от бульбовцев. Люди толпятся и на улице. Большинство — беженцы от Бульбы из-за Случи. Все эти массы обездоленных теснятся в Мокром, Мочулянке, Брониславке, здесь, в Старой Гуте, на хуторах, вверив свои жизни нам, партизанам.

Партизаны для поляков — защита от фашиствующих палачей. И поэтому они тянутся к нам. Жизнь опрокидывает предрассудки, посеянные в их головах пилсудскими и миколайчиками. Мы должны быть и станем настоящими друзьями трудящихся поляков. Ради этого мы в костеле. Пусть все видят, что мы не черти с рогами, что мы уважаем их. Может, уразумеют, что спасут их только Советы, наша наступающая армия, поймут. «Может» — потому что меня не оставляют некоторые сомнения. Почему даже из этой лесной глухомани столько девушек и парней отправлено в Германию? Почему в то время, как семьи одних поляков гибнут под ножами бульбовцев, другие в это время играют свадьбы, а отряды польской полиции, созданные фашистами для националистической резни против украинцев, все еще не бьют оккупантов и не уходят в партизаны? Тем более, что и в этих местах уже появлялись партизанские отряды польских патриотов. Почему вышколенный офицер Брониславский, уже давно познакомившийся со мной, уклоняется от встреч и разговоров об организации польского партизанского отряда с нашей помощью, а девушка по имени Вероника, хорошо поющая в костеле и виртуозно играющая на гитаре, и вообще культурная, умная, милая девушка, на мое предложение пойти в партизаны возразила: «Не спать ночей, жить в лесу, терпеть неудобства, лишения? Помилуйте, ради чего же?..» Конечно, и среди поляков есть разные. Одни идут в партизаны, другие в АК*, а третьи вообще предпочитают отсидеться, выждать...

* АК — Армия Крайова, подпольные военизированные отряды в Польше, сформированные в 1941—1942 гг. и находившиеся под конт-

Сегодня после обеда нам объявили, что мы — Кищинский, Михаил Михайлович и я — должны отобедать наверху, у пана Леона.

К обеду были поданы салат, бульон, розовый ликер и еще что-то по-поповски вкусное и по-западному утонченное. Ксендз Леон провозгласил даже тост за победу Красной Армии, а мы — за Польшу, дружественную нам и новую...

Только и свое мнение я ксендзу высказал, поставив вопрос прямо: до каких пор они будут стоять на коленях перед оккупантами? Почему не поднимаются на борьбу против гитлеровцев? Но ксендз остался ксендзом, иезуитски лукавым и уклончивым: мол, духовенство не занимается политикой...

— Да?! — начали мы наступление. — А архипастырское послание митрополита Шептицкого всему духовенству и верующим от первого июля 1941 года? А ваши благодарения бога и всех святых с церковных амвонов за «освободителя» Адольфа Гитлера? Разве это не политика?

— Вы сами сказали: «с церковных амвонов», а я служитель костела, как вы знаете, — невозмутимо парировал ксендз.

— Но вы согласились на духовенство, и, конечно, христианское?

— Но вы же знаете: я представитель христианства западного, — сделал пан Леон ударение на последнем слове, и чертики запрыгали в его серых глазах.

Нам нечем было крыть: мало знакомы с римским папой...

К ночи перебрались в село Кленовую, где уже однажды квартировали отрядами.

8.8.1943 г.

Село Малая Цвиля, 17 км севернее Новограда-Волынского.

Первые шаги рейда омрачены горькой болью. Как только выехали на рассвете из Кленовой, гроыхнул сильнейший взрыв. Дозорный всадник убит вместе с конем. Скачу туда, где взорвалась мина. Узнаю побелевшее, с веснушками-точечками лицо Вани Трегубова, юного ветерана соединения. Но не успели мы снять фуражки, как засвистели, запели, защелкали пули, и наша колонна сразу же развернулась в боевые порядки. Ответили огнем на огонь, который

ролем польского эмигрантского буржуазного правительства в Лондоне. Уклонялись от борьбы с оккупантами, придерживаясь тактики выживания.

тут же и прекратили — показались разведчики Роман, Лях, Гвашев, мчавшиеся как раз с той стороны, откуда начали нас обстреливать. К великой нашей скорби и беспредельному негодованию, минировали дорогу и обстреляли нас по ошибке местные партизаны!

Что поделаешь? Не станешь же атаковать их...

11.8.1943 г.

Село Симоны, 75 км северо-западнее Житомира.

Наши войска вновь взяли в клещи Харьков. Освобождены памятные нам места: Лебедин, Ахтырка, Тростянец, Старгород, Мезеновка, где мы рейдировали полгода назад.

Сообщение об успехах Красной Армии — эликсир бодрости для нас. С энтузиазмом готовимся к операции на Бараши, райцентр в степной части Житомирщины.

Думаем захватить склад оккупантов — пятьсот винтовок, конюшни, банк, заготбазу, действующую МТС и проверить себя в бою. Без такой проверки как-то не по себе: ведь половина людей в отрядах — новички, необстрелянная молодежь. Как-то поведет себя она в огне и рейде?

По данным Павла Шевченко, помощника Гаврилюка, в Барахах немцев немного. Есть две пушки. Каменное здание, что посреди села, опутано пятирядной проволокой. Приготовились и ждем вечера. Издали следим за поведением противника. Люди, хотя и наслышаны о партизанах, изумляются нашей дерзости:

— Хлопци, та що ви робите? Хиба ж можна тут ставать? Немци щодня з Новограда!

Хозяин двора, небритый пожилой тщедушный мужчина, начал рассказывать «историю»:

— Вот, тоже были... Как вы... — начал он. — Пришли также в воскресенье. На постой по хатам стали. Поели, спать, как вы, завалились. Кто на сеновале, кто под клунею, кто в садочке. А в обед подъехали немцы в цивильном да полицаи. Звездочки, ленты понацепляли. Словом, заехали в село, как партизаны. На заставе дурни пропустили их, а потом уж началась пальба. Много хлопцев без сапог поудирало, кое-кого убили, а троих живьем схватили, увезли еще и наших десятка три в Новоград-Волынский. Смотрите, чтоб и вам не было такого ж!

— Ничего, отец, пусть едут, если жить надоело, — отшучивался Петрикей, комиссар отряда «Смерть фашизму».

Мы делаем вид, что идем на Шепетовку и намерены переходить асфальтированное шоссе Ровно — Киев. Не таясь от хозяев, я выслушиваю доклад запыхавшегося раз-

ведчика Сереги Пузанова о том, как сильно охраняется эта шоссейная дорога, а за нею проходит железная, которую стерегут немцы, мадьяры, полицаи. А подходы заминированы, на пути нашем сильные засады противника... Я уже знаю Пузанова: не может без преувеличений и запугиваний!

У хозяев глаза лезут на лоб. Я же полунасмешливо повторяю слова Пузанова:

— Говоришь — охрана? Говоришь — страшно сильная? Непроходимый треугольник... А если все это обойти. А!?

— Да разве поперечную дорогу обойдешь? Там бронемашин и бронепоезд патрулируют, — изворачивается Пузанов, который не знает моего замысла.

— Ну, ладно, — говорю разведчикам, — отдохните, а я посоветуюсь еще и с картой...

12—13.8.1943 г.

Село Сушки, 68 км северо-западнее Житомира.

Ведем бой за Бараши.

— Что делать, товарищ генерал? Нашими огневыми средствами не взять школу! По нас хлещут из десяти пулеметов! — обращается ко мне начштаба Червоного Федор Юрчишин.

— Нам не уничтожить их в каменных стенах. Наш пулеметчик Женя Каплан уже повис на проволоке, есть раненые, но мы не прорвались еще ни в одном месте, — сообщает Петрикей, комиссар Конотопского отряда.

Отделенный главразведки капитан Грушецкий докладывает: нос к носу столкнулся в темноте с полицейской заставой. Захватил языка... Немцев в Барашах уже не менее двухсот, подъехали в самые сумерки.

О том же сообщает Гаврилюк.

Мы пережили ночь штурма, тревог, надежд, сомнений.

Гитлеровцы упорно защищались, а мы наращивали свои атаки. Взводный Хинельского отряда Алеша Полищук первым овладел усадьбой МТС, вывел из строя трактора, уничтожил горюче-смазочные материалы, разрушил мастерские.

Кроме каменного здания школы, в котором засели фашисты, мы вскоре полностью овладели Барашами. Гитлеровцы были обречены. Но эта обреченность заставляла их биться не на жизнь, а на смерть. Пришлось нам отступить, чтобы «открыть ворота». Воспользовавшись возможностью, они сразу же бежали. Аптекарские товары, запасы продовольствия, много хороших лошадей стали нашей добычей.

Все еще не остывшие от яростного боя, мы расположились в большом и очень разбросанном селе — Сушках.

Отошли сюда строго организованно. Результаты операции: 15 врагов убито, уничтожен тракторный парк МТС, мастерские, электростанция. Но основной трофей — весь освобожденный район, ставший теперь опорной партизанской базой.

Село словно оживило. Вечером на улицах зазвенели песни. Но не слышно девичьих голосов — угнали девушек в Германию. Ходят лишь толпы стариков да подростки.

За чашкой чая ближе знакомлюсь с капитаном Грушецким. Он — летчик, сбит над Киевом. У нас побывал и рядовым, и санинструктором, пока был признан разведчиками стоящим парнем. Так «дослужился» до командира отделения...

Спрашиваю о самочувствии, а он говорит, что теперь — в своей стихии, что по сравнению с работой санинструктора это уже настоящее дело. В разведке всегда надо быть на боевом взводе. У разведчика всегда впереди непредвиденное и неожиданное, требующее и собранности и боеготовности. Все это ему по душе.

14.8.1943 г.

Село Яновка *, 50 км северо-восточнее Житомира.

Большое село недалеко от города Малина. Наши заставы в Будиловке, Фортунатовке, Устиновке. Население сильно запугано. Свиристует чоповичская и радомышльская полиция. Двухлётнему ребенку партизана нанесли сорок штыковых ран. На видных местах расклеен приказ гитлеровского палача Дау.

На днях был повешен старик, еще один «Сусанин».

Дело было так: прошли какие-то партизаны. Дед видел их в лесу и поделился радостью с односельчанами. А кто-то донес властям. От деда потребовали, чтоб показал, где эти партизаны. Старик так завел карателей, что только несколько человек из восьмидесяти спаслись бегством, остальных партизаны уничтожили. Перед казнью старик сказал: «Вы просили показать вам партизан, и я показал вам...»

Пытаюсь выяснить: какой отряд? Где он? В каком именно лесу был этот случай? Откуда и чей был дед, как звать этого «Сусанина»?

Наконец, легенда это или действительный факт — пока неясно, да и нет времени разбираться.

Гаврилюк докладывает, что на станцию Чоповичи при-

* Теперь — с. Ивановка.

были два воинских эшелона, которые разгружаются. С какой целью?

Меня интересует северное направление Киевщины, ее леса. Какая там обстановка? Может, там удастся наладить воздушное сообщение по маршруту, скажем, Москва — Чернобыль? Может, обоснуем свой партизанский край? Может, удастся опереться где-нибудь на мощное подполье?..

15.8.1943 г.

Там же, в Яновке.

Навестил Червоный отряд. Поинтересовался, как у них дела с партийно-политическим воспитанием? Предъявили неплохой план мероприятий, но мне больше по душе результаты. Гляжу в отчет. Вот он:

13.7.43. Партсобрание: прием кандидатов в члены ВКП(б) — с. Дроздынь (Ксензов).

Комсомольское собрание: обсуждение поступка партизана Мудрагеля; дача рекомендаций чл. ВЛКСМ для вступления в партию. (Муракин).

Чтение сводки Информбюро местному населению и бойцам отряда (Гусаков). Беседа об успехах Красной Армии (Шумара).

14.7.43. Беседа с бойцами о Красной Армии и читка брошюры «Отступник» (Щеколдкин). Выпуск б/листка (Савельев).
с. Дроздынь

27.7.43. Беседа на тему: «Взаимоотношения партизан с населением» (Щеколдкин). Читка сводки Информбюро (Давиденко).
с. Гольши

28.7.43. Беседы с местным населением об уборке урожая и сохранении его от немцев (Муракин, Щеколдкин).

29.7.43. Доклад для жителей села и бойцов отряда о международном положении (Муракин).
с. Сиски

30.7.43. Беседа с местным населением на тему: «Славянские народы в борьбе с немецким фашизмом» (Ксензов).
с. Мочулянка

Собрание КСМ. Прием в члены КСМ. Задачи рейда (Муракин, Гусаков). Беседа с жителями на тему: «Кто такие бульбовцы и бандеровцы» (Щеколдкин). Выпуск б/листка (Щеколдкин).

3.8.43. Беседа с бойцами о задачах на период рейда (Коренский).
с. Кленовая Доклад для местного населения об уборке урожая и сохранении его от оккупантов (Ксензов).

6.8.43. Беседа с бойцами и местным населением об освобождении Орла и Белгорода (Коренский, Щеколдкин, Савельев).
с. Старая Рудня

9.8.43 г. Партийное собрание с участием всего командного состава отрядов по вопросам:
с. Червоный Бор Дисциплина на марше.

О бдительности бойцов и командиров (Ксензов, Боров).

15.8.43. Беседы с бойцами о сохранении коня (Коренский, Щеколдкин, Савельев).

Вижу, политико-воспитательная работа в отряде на должном уровне. Это радует. Трудно даже представить,

какое огромное значение имели наши политбеседы и лекции для местного населения. Люди жадно прислушивались к каждому слову партизанских лекторов и пропагандистов. Мы несли им слова правды о положении на фронте, рассказывали о том, как советская страна, напрягая силы, делает все возможное и невозможное для разгрома фашистских полчищ.

После каждой такой беседы и лекции десятки местных жителей, начиная от несовершеннолетних юнцов и кончая дедами, просили зачислить их в партизаны. Многие приходили с оружием, на худой конец — с гранатами. Помню, во дворе избы, где я остановился, поднялся шум. Выхожу, спрашиваю:

— В чем дело?

— Да вот, дед вконец ошалел, требует допустить к вам, — говорит часовой.

— Что скажете? — обращаюсь к невысокого роста сухощавому старику с всклокоченной бородой и взлохмаченным парубоцким чубом. В руках у деда какое-то старинное ружье. Сердито поблескивая глазами, он скороговоркой сыплет:

— Ваше превосходительство товариш генерал! Що ж це за порядки? Обращался к вашим командирам — примите, хлопцы, в отряд, у мэнэ и гакивныця е. Тильки смеються. Тоби, кажуть, на печи сыдять, а не партызаныты.

Дед полез за пазуху полотняной рубахи и достал оттуда две поржавевшие гранаты-лимонки без запалов.

Глядя на этого вояку, я от души расхохотался.

— Вы нэ подумайтэ, що не вмию, — обиделся старик. — Слава богу, воював и в германську и в гражданську.

Пришлось зачислить деда в наше партизанское войско. Из него получился неплохой разведчик — находчивый, сообразительный.

Глава IV

На Киевщине

17.8.1943 г.

Село Ходоры, 85 км северо-западнее Киева.

Соединение заняло еще три села: Меньковку, Городчин, Ходоры. Население встретило нас восторженно: все жители высыпали на улицу, женщины — со слезами радости;

каждый старался угостить, чем мог. Здесь еще не были партизаны. Но чувствуется близость Киева: люди куда смелее, многие просят в отряды. Мы раздали местным жителям 200 центнеров уже намолоченной пшеницы и 500 голов скота, отобранного оккупантами в соседнем селе Меньковке. Уничтожаем то, что надо уничтожить, и раздаем людям то, что надо раздать. Стараемся хоть в какой-то мере помешать повальному грабежу, в котором особенно усердствовал ходоровский староста.

— Житья от него нет, задавил работами, задушил поставками, — жаловались мне женщины.

Я послал Георгиевского и Ляха за старостой. Но поздно: кто-то уже достал его топором в его собственном доме. Что ж, собаке — собачья смерть!..

Людям легче вздохнулось и в соседних селах. Наши разъезды быстро распространили партизанский порядок от Ирши до Тетерева.

Но засиживаться в одном районе — не в наших правилах. Впереди еще ряд сел. Готовимся выступить в поход.

Снова на улицах толпятся люди. Кругом оживленный говор. Играет гармошка. Народ провожает своих защитников. Обливается слезами наша хозяйка: ее дочь Тонечка не может не пойти с нами: она медицинская сестра и у нее нет больше сил скрываться, жить под страхом угона в Германию.

Белокурая синеглазка, налитая молодой свежестью, тревожно-радостная, похожая чем-то на нашего врача Валюшу Земскову, она уже сидит на повозке доктора, прижимая к себе санитарную сумку.

Взвод за взводом троеконно покидают партизаны гостеприимное село. Доносятся ободряющие слова:

— Мы еще вернемся, люди!

— Уклоняйтесь от угона в Неметчину!

— Не давайте ни грамма хлеба оккупантам!

— Эх, Надежда, подожди, поцелуемся на прощание!

И пошли навстречу пыли, бессонным ночам и боям — уже на Киевщине...

17.8.1943 г.

Село Раска, 65 км северо-западнее Киева.

...Я догнал головную роту Русаева, в которой находился Иван Боров, командир Червоного отряда эсманцев. В тот момент, когда рота втягивалась в Рудню Ялцовскую, в окне крайней хаты зазвенели, посыпались стекла и сквозь раму высунулось дуло пулемета. Из дверей и окон других хат

начали выскакивать полунагие, насмерть перепуганные эсэсовцы. Наши разведчики ударили по ним из автоматов. Оказалось, головная рота слишком форсированно продвигалась вперед и вплотную приблизилась к разведке, насели, что называется, ей на пятки. И вот я вынужден поворачивать назад, чтобы остановить колонну, чтоб задержать ее на подходе к лесу. Теперь уже не имело смысла идти на мост через Иршу, в заречное село Ялцовку. Беспокоил меня и тыл — всего лишь в двух километрах железная дорога. Стало ясно, почему перешли железку «без шума»: конечно, нас нарочно пропустили, чтобы затем уничтожить в западне между Иршой-рекой и железной дорогой. Выходит, нам уготована западня!

Отряды изготовились к бою под прикрытием огня, который вели по эсэсовцам головная рота Русаева и разведчики Романа Астахова. Где-то заревели моторы бронемашин. Почуввав недоброе, лошади эсманцев и разведчиков бросились к лесу.

Поняв, что по нас собираются ударить с тыла, со стороны железной дороги, я выдвинул туда Хинельский отряд Сыпльвого.

Положение осложнялось с каждой минутой, тем более, что рота Русаева в Рудне Ялцовской фактически оказалась отрезанной от нас. Посылаю к ним лейтенанта Георгиевского с приказом отходить на восток лесом.

Георгиевский помчался к Борову и Русаеву. Через некоторое время в нашем тылу на железной дороге отозвался протяжный паровозный гудок. У меня что-то оборвалось внутри: уготованная соединению ловушка захлопывалась. Я уже представил, как засыпят нас снарядами орудия бронепоезда, как повалятся подрезанные деревья. Но то, что произошло в следующую минуту, ошеломило даже начавших атаку эсэсовцев. Позади нас раздался мощнейший взрыв и по лесу раскатился грохот, лязг и треск опрокидывающихся под откос вагонов.

Перестрелка на какое-то время прекратилась: обе стороны прислушивались к шуму крушения; тишину нарушали только бронебойщики — Иван Чуркин да Виктор Шайдуров, ударившие по выползшим из-за поворота дороги бронемашинам.

— Ага... Слышали? Сработала моя мина! Наверняка бронепоезд. Узнаю по скрежету! — радостно воскликнул Георгиевский.

— Хорошо, — говорю, — молодец. Это, пожалуй, выручит нас. А Борову передал, что надо?

— А как же!

Мы жмемся к земле и перебегаем в другое укрытие. За стволами дубов, за пеньками лежат и отстреливаются бойцы. Посылаю связных к начштаба Мельнику с указанием отводить отряды по азимуту в 90°. Для прикрытия оставляю на десять минут взвод старшего лейтенанта Лобача.

— А мне какую задачу? — тут как тут неутомимый Георгиевский.

— Веди обоз по лесу. Направление строго восточное. Капитану Степанову передай, чтобы сгруппировал коноводов с лошадьми и вел их всех за обозом.

Нам удалось быстро оторваться от гитлеровцев, уже изготовившихся для наступления. Миновав взбудораженную станцию Иршу, остановились передохнуть. Вблизи было лесничество, работала пилорама. Боковое охранение Сыплого задержало лесника. Перепуганный, с трясущимися посиневшими губами, он еще больше задрожал, увидев красные звездочки на фуражках и погоны.

— Товарищи, я бухгалтер... Лесником стал, чтоб прокормить деточек... Я ничего плохого...

— Успокойся. Никто тебя не тронет. Пойдешь проводником. Пройти надо без дорог и только самым глухим лесом. Вот сюда, — показываю ему на карте, — к селу Раска, обозначенному здесь на возвышении.

— Разбираетесь по карте? — пристально смотрит на проводника Кищинский.

— Да, конечно, это километров шесть отсюда.

— Тогда веди!

— Только как же, товарищи? Ведь узнают немцы...

— Глупости. Нам как раз и надо, чтоб немцы не узнали, — терпеливо говорю леснику.

После этого передвигаемся быстрее. Лесник знает, конечно, как вести по самой глухой чаще.

Хоть и оторвались от врага, а на душе кошки скребут: где же Роман Астахов со взводом разведчиков, где командир эсманцев Иван Боров с головной ротой?..

Георгиевский уверяет, что они тоже оторвались. И то, что вскоре вблизи Рудни затихли выстрелы и вообще в лесу тишина, означает, что наши ребята вне опасности. Но они, бедолаги, голодные. Да и выбились из сил. Ведь тащатся по жаре пешком. Их кони, стало быть, и НЗ продовольствия, прикрепленный к седлам и размещенный в переметных сумках, — все это следует за нами...

Сижу под дубами на крутом обрыве. Внизу синее-переливается серп Тетерева. Мельник понемногу переправляет

людей и коней на ту, киевскую сторону, к Раске, белеющей печными трубами. Село уничтожено карателями еще в марте.

Конотопский отряд уже там, в Раске. Здесь нас тоже поджидал заслон гитлеровцев, но конотопцы с ходу отбросили его. Разослав разведчиков, разыскиваем Борова и Астахова с людьми.

Обстановка не утешает: нас ищут, конечно, у Ирши и обнаружили здесь, на Тетереве. Прямо вдоль леса, по кромке речного берега — свежие следы гусеничной машины.

Проводник говорит, что следы вчерашние. Но от этого ничуть не легче: были здесь вчера, могут нагряться и сегодня...

Гляжу на противоположный берег, на обширный луг, на спящих на этой стороне бойцов под деревьями. Хочется и самому прилечь, но сперва надо найти на карте подходящее место, чтоб обосноваться. Медленно тянутся минуты. Где же рота Русаева, где Боров и разведчики Астахова? Лишь к вечеру раздалось с наблюдательного поста радостное:

— Идут! Показались разведчики!

Действительно, вижу в бинокль — идут внизу под пригорком тропой. Но что-то небольшая группа, не более взвода.

Посылаем навстречу людей с лошадьми.

Вот, наконец, Астахов с Боровым у меня. Тяжело пришлось им. Гитлеровцы преследовали их с собаками. На руках выносили раненых Цалко и Мороза. Маневрировали под огнем, круто меняя направления. Из-за этого и замешкались. Пробились сначала к Ирше, чтоб напиться и немного освежиться. Потом нашли островок, незаметно для себя уснули в глуши — начистоту докладывает Боров. Набрел на них Роман. Разбудил. У Борова потерь убитыми нет и все раненые вынесены.

У Романа дела хуже: погибла и осталась на поле боя фельдшерица Валя Дроздова. А как это случилось, толком никто не знает. Точнее знают якобы Грызлов с Пузановым. Зову их к себе, расспрашиваю. Рассказывают, что ее прошила пулеметная очередь, когда уходила через забор. Последней...

— Эх, вы, — бросаю им укор. — Как же вы допустили, чтоб она уходила последней?

Опустив головы, молчат.

А вдруг Валя только ранена... Конечно, надо найти ее... Но необходимо срочно уходить из этих мест: ведь мы в

западне. Только в четырех километрах отсюда — крупный гарнизон на станции Тетерев, в шести — Рудня Ялцовская, полная взбудораженных эсэсовцев.

И рядом — Киев, до него не более полусотни километров. Здесь каждый шаг надо оплачивать партизанской кровью... Война требует жертв повсюду, и еще не один погибнет, отдав свою жизнь за Родину...

19.8.1943 г.

В лесу, 50 км северо-западнее Киева.

С комиссаром Кищинским навестили раненых. На арбе — Верховский, Забияка, Коренский.

Парни — один к одному, тридцатилетние, могучие. Ранения пулевые. У одного — икра повреждена, у другого — бедро задето. Все они крепко спали. Дремала и медсестра, молоденькая блондиночка. Возле Коренского — его записная тетрадь. Читаем с Кищинским сегодняшнюю страницу:

«...Сейчас 9.20. Стоим в лесу. Кругом в селах гарнизоны немцев, они обмолачивают хлеб и строят укрепления, по-видимому, тыловую оборонительную линию. Радует, что готовятся отступить за Днепр, а с другой стороны, не могу не тревожиться сам, так как мы многослойно окружены. Говорят, придется бросить обозы в этих Тетеревских лесах и пересаживаться на коней. Не представляю, как я поеду верхом с простреленной голенью!... Неужели придется погибать от самого себя, то есть — стреляться?»

Кищинский качает негодующе головой, потихоньку ругается:

— Какой вздор. Малодушие! Откуда берутся слухи, что обозы бросим?

Читаем дальше:

«Я чувствую, что мог бы скоро поправиться, за мной ухаживает Зина Шелкова, исключительно заботливая, прямо сестра родная. За такое внимание к раненому и вообще больному должна благодарить Родина...»

— Само собой, благодарить будем, — все больше мрачнеет Кищинский. Он недоволен.

Когда немного отошли, я объясняю комиссару причину подобных настроений:

— Имей в виду, что для партизана получить ранение, да еще в рейде, страшнее, чем погибнуть...

Раненые — это наша неразрешимая проблема. Но сегодня угнетены не только раненые, а буквально все. Голодаем уже третьи сутки. И нет воды. Сидим, словно приросли

к одному месту. Надо переждать. Необходимо, чтоб нас окончательно потеряли из виду каратели. Этого можно достичь, только затаившись в лесу. Абсолютно прекращены всякие передвижения за черту непосредственного охранения. Никому не разрешается выезжать и выходить за линию круговой обороны. Часовым приказано стрелять в каждого, нарушившего приказ...

Два дня без воды и пищи. Все знают, что и у меня нет личных запасов продовольствия, фуража — тоже ни грамма. Люди вкопались в землю. Кони привязаны в густых зарослях ольховника. В поисках воды они разгребали песок, но увы — воды нет. Безводны и копанки, сделанные в разных местах лопатами. Определяем по карте, что уровень реки здесь ниже нашей стоянки метров на семьдесят. И, видно, давно не было дождей. Домики лесников сожжены. Колодцы завалены трупами животных, накрепко забиты колодами. Стволы сосен обуглены. В этом старом лесу выгорели и валежник, и шишки, и трава. Всю позавчерашнюю ночь шли мы через это пожарище, минируя свои следы. Местами натыкались на гитлеровцев, которые то убегали, то открывали огонь «по шороху».

Конечно, каратели разыскивают нас. Об этом сигнализируют взрывающиеся за нами мины. Не так-то просто преследовать партизан по следу.

Нестерпимо палит солнце. Дурманящий запах хвои. Жажда прямо-таки мучительная. Притупляет ее только сон. Но уже выпались, и теперь еще больше мучит голод. А как хочется искупаться!

Меня поражает осунувшееся личико нашей юной докторши Валюши Земсковой. Знать, умывается только слезами. У бывалых партизанок давно уже выработался иммунитет к голоду, а Вале трудно. Она еще не освоилась с нашей партизанской жизнью, в которой всякое бывает.

Как приободрить ее, если не только продукты, но и вода у нас теперь также проблема? А каково раненым? Они страдают больше других.

Лошадь Машка, которую Валюша держит за повод, разгребает песок копытами в надежде добраться до живительной влаги. Все вокруг словно увяло. И все мы не только зверски голодны, но и покрыты грязью. У всех покраснели глаза, пересохли и запеклись губы. И сосны вокруг нас с клейкими сосульками живицы на обгорелых черных стволах тоже словно обливаются слезами. Ребята для чего-то смазывают живицей потрескавшиеся губы. Немилосердно

жалят слепни, со всех концов слетевшиеся к нашим лошадям...

Решаем с Кищинским собрать всех коммунистов и агитаторов. Еще полдня режима, терпенья, маскировки, тишины. И никаких рысканий по лесу в поисках грибов, ягод. Бивак наш кажется таким же мертвым, как и этот выгоревший лес. Все косари и прохожие — мужчины, ребятишки, женщины — задерживаются. Они должны быть с нами, пока не тронемся в путь...

Сегодня вечером пойдем за Тетерев. И вброд и вплавь. И чтоб больше никто не думал о гибели от жажды. Ведь всего лишь в полуверсте сливаются Ирша и Тетерев. Скоро уже можно будет и вдоволь напиться, и умыться, и даже искупаться...

Быстро, минут за десять, прошло это собрание, без президиума и председателя. Но панике и всевозможным слухам — конец! Затем беседы ведутся по окопам.

День переломился к вечеру. Время от времени слышатся далекие разрывы наших мин на лесных просеках. Это гитлеровцы получают памятный урок хождения по партизанским тропам... И, наверняка, каратели считают, что нас уже нет в лесу.

22.8.1943 г.

*Село Голубиевичи Народичского района,
100 км северо-западнее Киева.*

...Благополучно спустившись с крутояров, поросших зарослями орешника, минуя занятые гитлеровцами селения на противоположном берегу, вечером мы форсировали Тетерев вброд и вплавь и, конечно, утолили, наконец, лютую жажду. Окунались в теплые струи реки с головами! Блаженствовали! Наступившая темень летней ночи укрывала от глаз врагов эту поспешную и небезопасную переправу. Мы вырвались из кольца карателей, сразу же обошли вражеские гарнизоны в прибрежных селах — Кухарах, Запрудке, Ханове, Иванкове — и бесшумно заняли село Унин, где уже к четырем утра накормили людей и дали передышку коням.

А затем подожгли под носом у врага одновременно все мосты на шоссе Киев — Иванков и походным галопом двинулись к другому райцентру — Розважеву. На рассвете в Подгайновском лесу неожиданно наткнулись на Иванковский партизанский отряд, находившийся на отдыхе. Иванковские партизаны, их было человек восемьдесят, вначале оцепенели, увидев себя в кольце неизвестных всадников, но

тут же признали своих. Они сообщили, что интересующие нас окрестности Розважева превращены фашистами в узел оборонительных сооружений для будущего фронта и что саперная часть, воздвигающая фортификации руками населения, располагается в школьных помещениях в селе Оливе.

Решили, не теряя времени, атаковать гитлеровских саперов прямо в конном строю, развернувшись на краю рощи. Саперы разбежались, как говорят хлопцы, в одних подштанниках. А узел сопротивления — длинные, обшитые досками и закрытые потолками траншеи, ходы сообщения, срубы бункеров, дзоты — предан огню. Для поджога было поднято все село, крестьяне свозили и стаскивали к укреплениям подручные горючие материалы — солому, сено, хворост, запасы бревен и досок, завезенные для строительства немецкой обороны Киева...

Густые высокие дымы у села Олива слились с дымами на иванковском шоссе, подняв на ноги всю фашистскую нечисть, кинувшуюся к нашему новому месторасположению в селе Старая Гута близ Розважева. День прошел в отражении атак; на заставе эсманцев отделенный Павка Кандыбин продырявил из ПТР два вражеских танка. Это еще больше остервенило фашистов.

К вечеру от гула моторов, казалось, сотрясались земля и небо. Как и весной, когда мы шли через эти места с Южного Буга, нас обложили со всех сторон. Тогда ночью мы ускользнули по лабиринту левад и перелесков. Выводил нас один из местных лесников, Недашковский Степан, малинский подпольщик.

И вот мы снова там, где должны сбыться или рухнуть мои надежды на свой аэродром и «край». Ничего тут не изменилось к лучшему. В Базаре, Хабном, Чернобыле, по глубинным селам: Волков, Раденка, Красятичи, Новые и Старые Соколы, Кабаны, Разъезжая, Красиловка и даже в наиболее глухом маленьком лесном хуторе Черемошня гнездится от пятидесяти до двухсот гитлеровцев. Насколько реальна здесь угроза попасть в беду, мы знаем по своему опыту. Всего лишь в пятнадцати километрах отсюда, на берегу речушки Звездали, погиб Анисименко Иван Евграфович, незабываемый комиссар нашего соединения...

— Яснее ясного, — делает вывод Гаврилюк, — вся Киевщина запружена карателями. Есть данные: оккупанты во что бы то ни стало хотят восстановить шоссе Овруч — Чернигов и всю Мозырскую дорогу. Здесь нам и суток не обойтись без боя. И продуктов, и фуража в разоренных селах

тоже не найги. Мне,— показал он на карте,— нравится Ирша, и вообще треугольник Житомир—Малин—Коростень...

Он сообщает интересную новость: в Янове, в военном городке на Припяти, восстал, оказывается, батальон власовцев. Шестьсот донских и кубанских казаков ушли к партизанам, не пожелав быть карателями. Перебив «своих» немцев, погрузив все складское имущество на подводы и подпалив казармы, они переправились через Припять и Днепр, а теперь партизанят на Черниговщине, где-то у Остра или Нежина...

У меня захватило дух: а почему бы и нам не попытаться разложить вражеские формирования из словаков и мадьяр?

Подумываю о том, что, возможно, стоило бы пойти к партизанам Остерщины. Сделать это не составляет особого труда. Днепр сильно обмелел, и нас отделяет от Черниговщины только река. Там бы и организовать прием грузов для соединения...

Но, словно угадывая мои мысли, генерал Строкач радирует категорическое запрещение переходить туда. Его можно понять: партизан там и без нас предостаточно. Т. А. Строкач передает новое задание ЦК КП(б)У, которым нашему соединению предписывается рейдировать по Правобережной Украине — по Киевщине и на севере Кировоградской области, где установить связи с партизанами, действующими в районах Чигирина, Смелы и Знаменки.

Зову к себе комиссара, доктора, начштаба Мельника и командира Хинельского отряда Сыпльового.

Обсуждаем тот же вопрос: как лучше выполнить задание Центра — рейдировать по Киевщине.

— Собственно, как рейдировать — дело совершенно ясное,— бодро говорит Кищинский.— Мы уже обладаем завидной подвижностью. Куда рейдировать — тоже понятно. Только вот как удержаться в этих центральных районах?!

Густые черные брови комиссара круто ползут на лоб, он разводит руками:

— Убей меня бог, не знаю... Может, в Ушомирские леса податься?.. Может, снова начнем от Случи?

Одним словом, подумать есть над чем, хотя про себя я уже решил: завтра на рассвете мы выйдем в рейд. Но об этом пока никому не говорю...

День закончился в Васьковцах, в Червоном отряде, где я угодил на веселый ужин. Постояльцы расплачивались с хозяином за сапоги.

— Старый должок,— смеясь, пояснил Боров.

Оказалось, когда шли от Южного Буга через это село, то отдыхали у того же хозяина. И сапоги у него «одолжили» для командира. Конечно, в те дни наши партизаны могли только обещать расплатиться. Но сегодня расщедрились. Веселый, изрядно хмельной, награжденный лошадкой хозяин только что возвратился из разведки и, жестикулируя, рассказывает, что немцы, стоящие гарнизонами по окрестным селам, очень напуганы. Оказывается, они принимают нас за кавдивизию из соединений Бовкуна и Збанацкого, начавших будто бы переправу на эту сторону. По слухам, там восстало все население — от Киева до Чернигова. Везде хозяйничают партизаны.

Людская молва, что морская волна: несет и хорошее и плохое. А теперь она поднимает народный дух. Гаврилюк прямо-таки заболел Черниговщиной: восстание и по его данным — совершившийся факт. Вот где неисчислимые людские ресурсы для пополнения наших отрядов! А донцов и кубанцев, изрубивших «в капусту» гитлеровцев при Янове, использовать бы в нашем деле на главных коммуникациях: на Брест-Литовском шоссе у Киева, на степных транспортных узлах Знаменки и Казатина. Пусть искупают свою вину в жестоких боях... Комиссар начал уговаривать Коренского, чтоб «махнуть» за Днепр, к Збанацкому. Но Коренский еще не оправился от ранения, говорит доктор. Да и уходить нам надо отсюда безотлагательно...

28.8.1943 г.

Село Шершни, 20 км юго-восточнее Коростеня.

Мы снова на марше. Следуем из Полесья в район Житомира. Парадоксально, но чем дальше уходим от больших лесов, тем легче дышится. Кажется, найдем свой партизанский край в тылу осадной гитлеровской армии, блокирующей Полесье. Так послужил нам в свое время Хинельский лес в Брянском крае.

Пусть и здесь подрожат за свои тылы гитлеровцы! Пусть и здесь повоюют на два фронта!

После того, как мы оборвем линии связи и разрушим мосты, этот край окажется без дорог и связи. Обстановка неуверенности и тревоги парализует административный оккупационный аппарат. Ни саперам, ни тем более линейным надсмотрщикам, ни даже полицейским и жандармским командам не совладать с нами, конными партизанскими отрядами. Лишь большое механизированное соединение врага способно противостоять нашей силе. Но и ему не

угнаться за конницей, свободно маневрирующей по лугам и пашням, перелескам и болотам Полесья и Киевщины!

До нас дошли слухи, что моторизованные части гитлеровцев все еще окружают Голубиевичи и Васьковцы, где мы недавно были; каратели ищут партизан на севере Киевщины, в то время как мы ушли сюда, в район Житомира.

Минуя Малин и Чоповичи, мы прогремели по шоссе, перепугав мадьяр, разогнав полицейские «кущи» и разбив по пути все управы, сепараторы, молотильные агрегаты, попутно сожгли мосты. В больших степных селах Скураты, Недашки и Ксаверов, расположенных на шоссе и близ железной дороги, мы отдохнули и накормили коней. Дорогу тут же заминировали и среди бела дня сбросили с рельсов проходивший поезд...

А сколько народа встречало нас! С ведрами воды, с яблоками, с глечиками молока приходили на встречу с нами старики, детишки, женщины. На глазах у жителей блеснули слезы радости, а в сердцах было великое горе: 310 юных душ угнано извергом-старостой в Германию из одного только Ксаверова!

Недаром этой ночью местные партизаны, окружив хату старосты, попытались взять его живым, но матерый преступник сбежал, ранив при этом юношу-партизана. Наши ребята нашли раненого в бурьянах с простреленной навывлет грудью. Бедняга умолял нас взять его с собой. Доктор Михаил Михайлович беспомощно развел руками;

— Как же его везти?.. В Москве даже машинами не возят таких тяжелых. Ему нужен полный покой...

Но все-таки доктор оперировал паренька, и мы его забрали с собой. Улыбается, бедняга. Рад неожиданному спасению. Говорит, насмотрелся из бурьянов, как босыми разбегались гитлеровцы...

Еще засветло прошли большие села Владовку, Генриховку, Мелени, Десятины, Старики и Шершни. Всюду раздавали сообщения Совинформбюро, размноженные походной типографией, пели наши песни.

«Освобожден Харьков!» — эту радостную новость сообщила наша листовка. Изнывающие под пятой оккупантов советские люди со слезами радости на глазах читали и перечитывали ее.

На войне не всегда должна греметь канонада. Пусть карательные войска жгут бензин, терзают по бездорожьям технику, мечутся в напрасных поисках партизан; пусть рыщет по глубинкам жандармерия и ее агентура, пусть не спят

вражеские гарнизоны, приведенные в боевую готовность в предместьях Житомира, Коростеня, Фастова и Киева; пусть их начальство рвет и мечет, устраивая разгон подчиненным, пусть падает боевой дух у солдат и офицеров вермахта, никогда не знающих, где уготован им «капут» партизанами, которых невозможно обезвредить на этой горячей земле,— вот что означают наши партизанские марши, если они даже вот такие «мирные»!

3.9.1943 г.

Село Добрынь, 25 км юго-восточнее Коростеня.

Пришли герои степей, партизаны Белоцерковщины, Тетиевщины — всей южной Киевщины!..

Командиром у них — Зосим Шелест. Крепок, как дуб. И ростом высокий. У него огромный опыт еще с гражданской войны, тогда тоже был партизаном.

Узнаю его: всего полгода назад встречались у Городище — Пустоваровских переправ.

— В Яблоновке.— уточняет Шелест.— В хате Поликарпа Атаманенко.

— Дела!.. А кто еще был на той встрече? Кажись, секретарь райкома Шутенко?

— Супинский,— снова уточняет Зосим.

Проявляется в памяти вся картина того дня и вечера: шумящая, грохочущая водопадом Рось, низвергающаяся с гранитной дамбы. И прорыв наших конников, преодоление водопада, заглушавшего шум боя под Белой Церковью...

О чем шла речь, чем помогли мы подпольщикам, не помню. Хотелось тогда поесть, выспаться, умыться, обсушиться да поскорей накормить коней. Надо было как можно быстрее пройти эти места, дороги, преграды, миновать Фастов, Житомир, Киев, Овруч, чтобы выйти, наконец, в Белоруссию, куда шли от Южного Буга...

Мы рады встрече с Шелестом и его отрядом, неведомо куда девавшимся на какое-то время.

— Где же вы были? Наверное, в «катакомбах» прятались?

Говорит, что нет. У них своя тактика — уходить всем отрядом в подполье с начала зимы до первых листьев на деревьях.

— Но куда же?

— По предприятиям — на работы. Бригадир — Назар Донец, он же у нас и начальник штаба. Определил 20 бойцов на Озерянский сахарный завод,— объясняет Шелест.— Через Сергея Василенко, подпольщика, часть партизан при-

писана к Чуприновскому сахарному заводу. Еще часть бойцов пристроена к МТС. Ничего не поделаешь — надо приспособливаться к местным условиям.

- Так в семи районах...

Возник отряд из трех инициативных групп: Мокро-Калигирской (Зосима Шелеста), Володарской (Николая Барашкова), городской Белоцерковской (Крыжановского, Волошиной, Шутенко). Более трехсот партизан и активных подпольщиков! Множество разнообразных акций в активе у белоцерковцев.

Собрания, митинги, распространение листовок; предостережения, предупреждения; малоустойчивые и поступившие служить к врагу получают по заслугам; порча машин, разгромы управ, комендатур, вербовочных бирж, узлов и линий связи, тракторов, комбайнов, молотилок, сепараторов — всего не перечесать, что сделано отрядом.

Шелест вкратце рассказывает мне о действиях партизанского отряда:

Южнее Володарки разоружили лобачовский «кущ» полиции. Отобрали 5 винтовок, патроны, амуницию. В операции участвовали Кандыба, Малинин, Игнатов, Барченко.

Разоружили полицейский куст в селе Пилипче и охрану сахарозавода в Денгорове. Отобрали 13 винтовок с патронами, сожгли автомашины с грузами. Участники операции — Барашков, Чесноков и Думчев.

Обезоружили охрану на мосту в райцентре Володарка. Один гитлеровец убит, другой сброшен в реку Рось; разоружили районную полицию в Ставище; совершили налет на охрану сахарного завода в Капшарове, при этом убили четырех гитлеровцев, отобрали все боеприпасы и оружие. В этой операции отличились Барашков, Широкий, Красножен, Махаев, Березюк Евгения, Ткаченко Текля, Малкин, Дробышев, Титов.

Воспользовавшись паролем противника, Шелест, Горбань, Бегма, Плыгань, Черпунов, Нехлебов, Заболотский, Бородулин, Ящук, Цыганенко, Мережин, Васянович обезоружили в селе Шкаровка вражескую охрану. Захватили 39 винтовок, 2 пистолета, 40 ручных гранат, 2500 патронов, 30 комплектов обмундирования, ботинки, сапоги. Обезоруженных полицейских из местного населения отпустили домой «подумать».

На шоссе Володарка — Белая Церковь захватили 75 подвод, четыре грузовика, легковую машину. Конвой разоружили, уничтожили. 400 человек, насильственно угоняемых в Германию, были распущены по домам. Отличились

Барашков, Кандибаров, Малинин, Ломакин, Миткарев, Федоренко, Варченко, Осадулин, Савченко, Столяренко Вера, Старовойт, Бахуров, Ищенко, Градников.

На дороге Стрижевка — Пятигоры обстреляли три грузовика, убили 11 гитлеровцев, захватили 116 винтовок, автомобиль, 25 шинелей, 18 одеял, ракетницу, ракеты, портфель со списками коммунистов и советских активистов, подлежащих аресту гестаповцами. Отличились Барашков, Гусаковский, Новосельский, Столяренко Вера, Тарасов, Думчев, Канцен, Кузнецов. Они же обстреляли и уничтожили четыре грузовика с горючим, разгромили кустовую полицию в селе Кожанка; при этом был убит начальник полиции и уничтожен узел связи. Во время операции захватили пять винтовок, пистолет, а в лесу «Дуб» подстрелили двух мотоциклистов.

В лесу у села Кропивни во время боя партизаны уничтожили одиннадцать и ранили семь бандеровцев. В бою участвовали Титов, Барченко, Осадулин, Москаленко. Они же в селе Быков уничтожили 12 гитлеровцев, угонявших скот, который был возвращен крестьянам. В последней операции приняли участие также Дубровский, Гусаков, Борчук, Тарнопов...

Отряду не приходилось пускать под откос вражеские эшелоны, слишком уж заселена южная Киевщина и наводнена вражескими войсками. И все равно, приспособившись к местной обстановке, эти люди не давали житья фашистам и их прихвостням — националистам, держали их в постоянной тревоге и напряжении, спасая своих от неволи и гестаповского террора.

Партизанка Белоцерковского городского отряда Галина Свиридовна Волошина со слезами на глазах рассказывала нам о зверствах гитлеровцев и их пособников.

Эти ублюдки выместили свою злобу на сестре Галины Свиридовны — Наталье и ее детях — Петрике, Машеньке, Соне. Живьем растерзали детишек вместе с матерью. А их отца, Степана Руденко, четвертовали, кромсали, посыпая солью... Ту же судьбу уготовили бандеровцы-гестаповцы и семье Зосима Шелеста: сожгли весь двор, а сыновей-подростков Володю и Петю, замужнюю дочь Лидию с малюткой живьем закопали, придавив сверху застреленной коровой.

У Владимира Шутенко, секретаря подпольного райкома, также по-зверски убили мать, отца, жену. В гестаповских застенках казнены несколько десятков подпольщиков — мужчин и женщин, юношей и девушек. Отряд же в боях

потерял убитыми не менее тридцати героев, родившихся на Руси, на берегах Невы, Кубани, у Челябины, Москвы и Крыма, на реке Белой...

Командир и организатор городского Белоцерковского отряда Илья Крыжановский был окружен гестаповцами, отстреливался до последнего патрона и сгорел вместе с хатой...

— Мы пришли,— говорит Волощина,— чтоб попросить вас прийти к нам на помощь.

Да, мы должны пойти на Рось. У нас это в плане.

Глава V

Треугольник

4.9.1943 г.

Село Шершни, 20 км юго-восточнее Коростеня.

Ординарец Гаврилюка Сергей Мороз, отлучившись один в лес, поплатился жизнью: его нашли обезглавленным. Это дело рук бандеровцев. Поиски Мороза привели к их логову в лесу, но они трусливо бежали, не приняв боя. Уже полмесяца эта националистическая банда неотступно соседствует с нами: мы в селах, они — где-то поблизости в лесу, и довольно крупным отрядом — человек 150, предельно настрожены, а потому неуловимы.

Был такой случай. К нашему секрету в кустарниках вышли среди ночи пятеро бандеровцев. Их окликнули. Они как тени исчезли.

Никаких боевых операций против немцев бандеровцы не проводят. Распространяют листовки, изданные во Львове, морочат людям головы, убеждая, что они — «борцы за вильну Украину». Как рассказывают местные жители, это грязные, завшивленные, истощенные парни, одетые по-западному и говорящие с галицийским акцентом. Со слезами на глазах они сюсюкают про «нэньку-Украину». Днем как нищие собирают куски хлеба по хатам, выпрашивают «часныку та цыбульки», укладывают все добытое в торбу: прикидываются апостолами. Но «апостолы», разумеется, хотят и мясного. Потому ночью подкрадываются к селам и под видом советских партизан тащат из дворов последнюю корову и все, что попадает в руки.

Местное население относится к бандеровцам враждебно. Не было ни одного случая, чтобы кто-либо добровольно пошел к ним.

О том, как агитируют бандеровцы за свою УПА, рассказывал мне Николай Свинцицкий, новичок из Хинельского отряда.

Дело было в Устиновке, еще весной. Однажды под вечер вышли из лесу трое вооруженных немецкими автоматами, в польских фуражках. Двое из них вошли в дом кузнеца Кучинского, а третий остался на улице.

Вскоре позвали к кузнецу и Свинцицкого.

— Здравствуйте,— сказал он.

Но те сразу же:

— А чому нэ добрый дэнь? Вы ж украинэць?

Все время молчавший кузнец проговорил:

— Вы мне показывали листовки. Дайте, если можно, ему,— и указал на Свинцицкого.— Он человек с образованием, а я что-то не разобрался в напечатанном.

Гости заулыбались и подали небольшого формата брошюрку, отпечатанную во львовской типографии.

Она призывала украинцев идти в УПА и предрекала неизбежный конец России и Германии, которые, мол, обескровят друг друга в жестокой борьбе, и уж тогда украинцы устроят все по-своему.

— Ты, конечно, слышал о запорожцах? — говорили бандеровцы.— Мы тоже запорожцы. Правда, мы еще только организуемся, и армия у нас небольшая, но скоро она будет очень мощная — с самолетами, танками, автомобилями. Нам помогает Америка. В Америке теперь учатся наши офицеры — танкисты, летчики. Ты, имея среднее образование, также мог бы быстро стать офицером, если б пошел с нами. Мы боремся против немцев и Совитив за самостийную Украину. У нас будет свое правительство. Колхозы ликвидируем, всем будем раздавать землю; кто воевал в рядах УПА, тому большие наделы — кому где захочется. Будем, как когда-то, заниматься своим хозяйством... Решай же: куда пойдешь? До нас чи в червону партизанку? — нажимали бандеровцы на парня.

Видя, что их слова не оказали нужного действия, отщепенцы закончили так:

— Ты пока сомневаешься в нашей силе, но вскоре сам убедишься, когда пройдем через село на конях, да как запоем песни украинские! Тогда сам побежишь за нами...

Свинцицкий дал мне эту брошюру. Очень хорошая бумага. Превосходный шрифт. Вообще — серьезная, а потому очень опасная пропаганда.

Но дело не только в пропаганде. Они выкорчевывают

подполье, уничтожают партизан и тем самым помогают оккупантам.

Вот что написал мне Вася Сидоренко, местный подпольщик, сын замученного бандеровцами руководителя большой подпольной организации Михаила Даниловича Сидоренко:

«...Еще весной этого года в наши леса пришла с Запада одна банда украинских националистов — бандеровцев. Врали, что заняли Киев и удерживали его шесть часов... Видя, что молодежь ненавидит оккупантов и рвется в бой, начали приносить винтовки, предлагая вооружить всякого, кто согласится пойти к ним бороться, как говорили они, против немцев. Бандеровские агитаторы проводили много времени у нас в селе, поскольку оно самое большое. Появлялись они и днем, пока не было вблизи партизан-конников, хвалились своей мощью, вооружением, распространяли листовки. А когда убедились, что их агитация не приносит успеха, начали маскироваться под партизан, стали подбираться к нашей подпольной организации.

Однажды ночью, когда мы с друзьями — Васей Онищенко, Сашей Куцько, Николаем Оксаненко — должны были встретить на краю села Вышевичи партизанских связных, неожиданно натолкнулись в темноте на группу вооруженных людей, едущих на подводах. Назвались они партизанами Карасева, пробиравшимися в леса после сильных боев с карателями. Николай Оксаненко поверил, обрадовался возможности попасть в партизанский отряд и тут же проговорился об этом. Сказал одним духом, что имеем большую, но слабо вооруженную организацию, а в партизаны, с которыми держим связь, попасть без оружия невозможно. Сообщил и о том, что в центре села нас ожидают две девушки — Наташа и Валя, связные тех партизан с нашей организацией.

Назвавшие себя карасевцами сказали, в свою очередь, что, хотя они и понесли значительные потери в бою, но помогут вооружить всех нас, так как им удалась операция по добыче оружия. Мол, надо только собрать всех наших в одно место, чтобы вручить оружие.

Это меня и насторожило. Тем временем к передней подводе подошел какой-то человек в кожаном пальто и спросил:

— Ну, как дела, командир?

Командир поспешил представить его как комиссара. Начали говорить по-русски. Но голос «комиссара» показался мне знакомым. Я тут же припомнил, что это один из бандеровских главарей, навещавших Вышевичи, и закричал:

— Бандеровцы! Разбегайтесь!

Я бросился спасаться в посевах жита. Часа через полтора ко мне присоединились и остальные, кроме Оксаненко, попавшего в руки бандитов. Его скрутили, увезли. Но при переправе через Тетерев он сбил с ног конвоира и убежал. По нему стреляли, к счастью, безрезультатно. Схвачены были и Наташа с Валей. Их увезли в лес, за реку Тетерев, где невдалеке от села Крымок замучили и расстреляли...» *

Как тут бросить все силы на диверсионную работу, на войну на рельсах... А кто же будет бороться с этими

---

* Одна из этих девушек, В. И. Прушковская, тяжело раненная, была спасена подпольщиками. В Радомышльской больнице ей ампутировали руку.

бандами? Здесь противопоездная мина не поможет. Здесь надо быть в народе, в селах, хотя бы на хуторах. Ведь они почти у самого Киева орудуют!.. Пытаются одурачить молодежь, усердно помогают оккупантам, даже четырнадцатилетних гонят на каторгу в Германию!

Немецкая каторга... Со слезами и проклятиями рассказывали нам о ней по селам. Фашистские изверги устраивали на молодежь настоящие облавы и всех схваченных без разбора отправляли в ненавистный рейх. Особенно тяжкая участь ожидала девушек. На Киевщине мы услышали и запомнили песню, слова которой — крик души растоптанной на немецкой каторге девушки. Эта песня быстро прижилась среди партизан:

Прощай, родной, тебе я написала,
    Пера уж больше в руки не возьму.
Кому б моя записка ни попала,
    Она тебе писалась одному...
Пишу тебе, а завтра утром рано
    Пошлют меня по скорбному пути.
Прощай, родной, забудь свою Татьяну,
    Не жди ее, но только отомсти.
Придется мне валяться под откосом
    С пробитой грудью у чужих дорог,
Тогда по русым шелковистым косам
    Пройдет фашистский кованый сапог.
Прощай, родной, забудь про эти косы,
    Они мертвы, им больше не расти.
Забудь меня и на калине росы,
    Про все забудь, но только отомсти!
Ты звал меня своею нареченной,
    Веселой свадьбы ожидала я,
Теперь зову себя я обреченной:
    Лихое горе дали мне в мужья...
Пусть не убьют и пусть не искалечат,
    Пусть доживу до праздничного дня,
Но и тогда не выходи на встречу:
    Уж не узнать потом тебе меня.
Все, что цвело, — затоптано, завяло,
    И я себя сама не узнаю.
Забудь же ты, что так любил бывало,
    Но отомсти за молодость мою!
Услышь меня за темными лесами!
    Убей врага, мучителя убей!
Письмо к тебе писала я слезами
    И запечатала печалию своей...

К чести нашей, мы слышим, мы не оглохли «за темными лесами». Уж месяц как рейдируем в своем треугольнике близ Житомира, Коростеня и Киева. Молодежь садится на партизанского коня. Повсеместно растут отряды. К нам пришли умные, красивые ребята: Николай Свинциц-

кий и Надя Мохорт из Устиновки, Ваня Рогаченко из Красноборки, Федя Левкович из Фортунатовки, Надя Иосипчук и Гриша Березовский из Яновки, братья Журбенко, Василек Калабунь, Валя Енько и Николай Смаглий из Малина, Ваня Белошицкий и Осип Лосинский из Коростышева, братья Головатины с Макаровщины, Бегун и Евдокименко — из Радомышля, Игнат Кучинский из Чоповичей, Бельченко Галя и братья Чувашины из Ирпеня, Паша Сухая из Брусилова, Костик Харченко из Потиевки, Василь Панченко из Шершней, Маруся Хиля из Сычовки, Коля Шапоренко из Володарска-Волынского... Все это — боевая комсомолия из киевского и житомирского подполья. Вслед за ними ждут своей очереди еще десятки, сотни и тысячи молодых людей из тех, кому в 1941 году было четырнадцать и пятнадцать лет от роду. Теперь они подросли, закалены в подпольной борьбе, в сопротивлении оккупантам, в побегах из кошар, облав, невольничьих эшелонов; они только ждут нашего зова!..

У нас очень сильные диверсионные группы-эскадроны. Величко с Астаховым непрерывно охотятся за эшелонами на линии Коростень — Киев, минируют железнодорожные пути одновременно в нескольких местах. А другая группа-эскадрон под командованием Верховского и Ксензова направлена для диверсий на магистрали Житомир — Фастов и Киев — Фастов. Партизаны потрудились на славу. Уже пошли под откос 15 воинских эшелонов, разбито 15 паровозов, 132 вагона, 14 платформ, уничтожено, покалечено, выведено из строя 1130 гитлеровцев. Разрушено десять километров телеграфно-телефонных линий на железной дороге. Вместе с партизанами Коростышевского отряда мы уничтожили три маслозавода в Андрушевском районе, 15 молочно-сливных пунктов, 18 молотильных агрегатов. В селе Петровке захвачено и роздано населению 650 голов крупного рогатого скота, награбленного гитлеровцами. Отряду братьев Цендровских оказана помощь в налаживании агентурной связи с Житомиром. Вместе с Цендровскими проведена работа в «добровольческой полицейской части», благодаря чему сотни человек ушли в леса, стали партизанами.

Дел у нас по горло. Фирма одного отставного фашистского генерала начала строительство узкоколейного пути Житомир — Чернобыль с целью соединить железные и шоссейные дороги украинского Полесья, чтобы сподручней было грабить этот огромный край. Узкоколейка могла стать

и стратегической дорогой вдоль фронта на случай обороны по Днепру и Припяти от наступающей Красной Армии.

В Черняховский концлагерь уже были согнаны люди и начаты земляные работы, когда отряд «Смерть фашизму» нанес удар по лагерю и распустил «строителей» по домам. Дебелый «шеф» лебезит перед партизанами, забыв про свой окровавленный живот, задетый бронебойной пулей. Он успел выбросить из машины убитого шофера и теперь использует чувство пролетарской солидарности:

— Их бин шофер... Механикер. Арбайтер...

Однако фашист забыл про документы в кармане. Да и без них видно пана по халявам. Капут ему! Капут и его фирме!..

Поняв, что сойти за «рабочего» не удалось, генерал начал поглядывать на небо, откуда доносился гул самолетов. Но тщетными были его надежды. Подбитый станкачами Серафима Хрячкова, потянул за собой шлейф черного дыма и начал снижаться один «костыль». Отлетался фашистский стервятник.

Мы радуемся тому, что прекратили деятельность этой фирмы. Помнится, в конце марта наши партизаны разгромили под Кодрой, здесь же, на Киевщине, автоколонну карателей. Они тоже кричали: «Мы рабочие!». Эти «рабочие» были в эсэсовских мундирах. Тогда мы спасли от вырубок организацией Тодта массивы лесов, ну а теперь спасаем советских людей от ограбления, а молодежь — от угона в Германию.

Мы расчленились поотрядно. Ведем локальные бои в междуречье Ирши и Тетерева.

Миша Савельев, командир роты Червоного, именующий себя тамбовским волком, всегда легко и весело воюющий, рассказывает о набеге на самооборону фольксдойчей в немецких колониях. Партизаны уничтожили молотильные машины, локомобили, тракторы, захватили вооружение, снаряжение, лошадей.

— Не дождется Гитлер украинской пшеницы даже от своих фольксдойчей,— говорит Савельев.

Операция, правда, стоила потерь. Погибли Филатенко Михаил, Блаженко Савва, Симоненко Михаил. Похоронены в Фортунатовке. Конечно, жаль трех молодых жизней, но эти жизни отданы за Родину. За это и чтут нас люди, и ширится молва о боевых хлопцах в народе. Теперь люди не убегают, увидя нас, не прячутся, как было три недели назад. В нас поверили как в друзей. И все помогают нам и радушно нас принимают.

Отец ли, тоскующая ли по сыну мать, солдатки ли,— каждый старается угостить партизан, проявить заботу о них. Ожиданием «своих хлопцев» живут теперь села Малинского, Радомышльского, Потиевского, Чоповичского, Черняховского, Володарско-Волынского районов. Приезд партизан-конников — большой праздник для местного населения. Избегают их только те, кто дезертировал в свое время с фронта и кто имеет родичей-полицаев.

В этих районах мы начинаем создавать новые партизанские отряды — Чоповичский и Потиевский. Уже найдены нужные связи. Налицо и организаторы. В селе Добрынь действовали лейтенант Александр Федчук и политрук Степан Сайченко. У них свои связи и своя военная судьба. Их путь в эти родные места начался от села Подвысокого, возле которого в 1941 году попали в беду войска нашей 12-й армии... В Потивский отряд направлен также местный учитель Авраам Грищенко, участник Карпатского рейда коваковцев, прибывший к нам с еще незажившей раной...

Эти офицеры с приданными группами автоматчиков должны под крылом соединения организовать и вырастить новые конные отряды. База роста у них практически неисчерпаема. Пусть только развернутся по-настоящему.

Установлен контакт с подпольем на Тетереве. Вася Сидоренко составил подробный отчет, под которым, как говорит он, подписался бы сам его отец вместе с трагически погибшими товарищами.

«...Из тех, кого я знал,— написал Вася,— в руководство организации входили: Сидоренко Михаил Данилович, член партии с 1925 года, Зинчук Василий, Дидок Василий, тоже коммунсты, а также комсомольцы-десятиклассники: Оксаненко Николай, по кличке Липат, Ярмоленко Александр, по кличке Бубон, находившиеся в глубоком подполье.

Активным участником организации был беспартийный, но бесконечно преданный Родине и делу партии Онищенко Петр Минович.

Каждый имел свою группу — три, пять человек. Новичков принимали после испытания и с согласия остальных членов группы и руководителя всей организации. Так, в моем присутствии в августе 1941 года принимали девятиклассника Артеменко Константина, ставшего потом одним из самых активных подпольщиков, а впоследствии — партизаном.

Вышевичская организация насчитывала несколько десятков человек и поддерживала связь с Белокриницкой. Туда часто мне приходилось сопровождать свою мать, Сидоренку Анну Романовну, ходившую на встречи с Коломаренко Лидией, Жудрой Надеждой и Валентиной Новицкой. Встречи проходили на краю белокриницкого поселка в доме бабы Казакевички. Туда являлись также Евдокименко Мотя и рабочие стеклозавода — Афанасий Верховский и Николай Евсеенко, также активные участники подполья в Белой Кринице.

Я знал: отец поддерживал точно такую же связь с Веприным и Радомышлем.

На первых порах подростки, молодежь нашей организации занимались сбором оружия. Ходил собирать оружие, будто на поиски убитых родичей, Ярмоленко Иван, хорошо знавший Пинязевичский лес и места больших боев во время обороны Киева.

Белокриницкая группа начала с того же. Я сам видел, как снимали пулемет с подбитого самолета Зелинский Сергей, Двориковский Виталий и Петро Жудра, младший брат Надежды Жудры. В тот раз они перенесли в мешках с мохом пулемет, четыре винтовки с патронами и два ящика тола.

Спустя неделю эти же ребята нашли еще один пулемет у села Мигалки, там же откопали двадцать гранат и пять винтовок.

В конце 1941 года подпольщики наладили выпуск листовок с разоблачениями лживых утверждений вражеской пропаганды о том, что якобы капитулировали Ленинград и Москва, и с призывом к окруженцам и пленным поступать в партизаны. А после, в 1942 году, листовки призывали не ехать в Германию и не давать хлеба гитлеровцам. Печатались они в Радомышльской типографии, где бывший секретарь редакции газеты «Борьба за социализм» Николай Ткаченко имел влияние как подпольщик. Он переправлял нам эту литературу с Зарицкой Оксаной и Ваховским Андреем.

Помимо этого велась еще работа на участке железной дороги Малин — Бородянка и на станции Тетерев.

Туда регулярно ходили и ездили Оксаненко Николай и брат отца — Сидоренко Николай Данилович. Иногда они приезжали оттуда возбужденные и очень довольные. К этой работе меня не привлекали, и отец категорически запретил интересоваться ею и вообще что-нибудь расспрашивать...

Так начиналось. А накануне Нового года кто-то предал организацию. Все руководители: отец, Зинчук, Дидок, Онищенко были одновременно арестованы и приведены в лабораторию ветлечебницы, где их пытали всю ночь, а наутро, с переломанными костями, бросили в машину и увезли в Радомышль.

В этих истязаниях зверствовали полицейские, имевшие клички — Шпонька, Карпик, Кобало.

Однако стойкость и мужество замученных спасли от провала остальных членов организации. Тогда палачи взялись вымещать злобу на совактиве. Они зверски замучили бывшего председателя вепринского совета Савву Грабара, расстреляли его заместителя Михаила Абрамова. Враги крепко уцепились за власть: старостой Веприна стал бывший член СВУ* Дьяченко, секретарем его — бродячий поп Семиклет; старостой «госхоза» — также член СВУ, другой Грабар; старостой в Петровском «госхозе» — бывший кулак Миненко; старостой бывшего колхоза «10 лет Октября» — троцкист Самолученко. В Вышевичах захватил власть организатор контрреволюционной банды тридцатых годов некий Стащенко. А в Белой Кринице орудовали изменники-националисты, кулацкие элементы: Шуневич — директор стеклозавода, Жигайло — завпроизводством, полицейский Куравский и Иустина Карловна, немка.

Вскоре убрали они и брата отца, Николая Сидоренко. Не доискиваясь прямых улик, в упор застрелили среди дня: боялись, что отомстит за братовы муки. Им удалось также схватить в Белой Кринице Коломаренко Лидию, Зелинскую Веру и Надежду Жудру, которых замучили и казнили.

* СВУ — Спілка визволення України — антисоветская контрреволюционная организация.

Но дело подпольщиков продолжало жить. Организовался новый, белокриницкий состав подполья, куда вошли: Василь Сидоренко, Иван Онищенко, Павел и Василь Осадчие, Александр Еременко, Михаль Кучерина, Иван Предко и Василь Артеменко.

Был организован и ушел в лес партизанский отряд, костяком которого стали Петро Жудра, брат казненной Надежды Жудры, Володя Кесарский, Иван Дорошенко, Дмитрий Гурович, Бронислав Куницкий, Иосиф Барановский...

Андрей Кочура включил и меня в группу Оксаненко.

О том, какими стали мы конспираторами, говорит хотя бы тот факт, что друживший со мной Куцько Саша так ни о чем и не догадался, пока не встретился с ним в партизанском отряде. Вообще, многие товарищи выполняли опасную и нужную работу, не зная, что они делают по заданию нашей организации. Мы продолжали контактировать и объединяться с белокриницкой и вепринской группами. Связь с ними поддерживалась по-прежнему через мою мать и еще через Артеменко Костю, Кочуру Андрея, Ярмоленко Александра и других товарищей.

В это время фашисты вербовали молодежь в Германию, обещая всякие блага. Мы старались всемерно срывать эти вербовки, которые обычно кончались облавами на людей и насильственным увозом молодежи на каторжные работы.

Нашей задачей было предотвращать эту беду. Организация взялась наладить систему предупреждения населения о грозившей опасности. О предстоящей облаве узнавали от подпольщиков, посланных служить в полицию, а также благодаря установившемуся ночному дежурству.

Облава, как правило, начиналась на рассвете. Немцы и полиция на машинах подъезжали к селу, спешивались, а потом сжимали кольцо окруженного ими участка.

Но при звуках машинного гула поднималась тревога и начинала действовать эстафета посыльных. Кто мог — прятался или убегал. Наша система была настолько четкой, что громадное село — более двух тысяч дворов — оповещалось так, что вся молодежь надежно пряталась.

Новый прилив населения в организацию наступил с разгромом немцев под Сталинградом. Вопрос об оружии в это время стал еще более острым. В партизанский отряд подпольщика отправляли лишь тогда, когда ему действительно уже нельзя было оставаться на месте, но в отряде не принимали невооруженных.

Опять начались поиски оружия. Сначала искали хранилище организации. Но тайну этого склада унесли с собой расстрелянные руководители... Пришлось заниматься поисками, ремонтировать малопригодное или вовсе неисправное оружие. Оружейную мастерскую сначала открыли в тайнике моего дома. Мастерская снабжала партизан отремонтированным оружием, медикаментами и перевязочным материалом.

Познакомились с большой группой старших товарищей из окруженцев и военнопленных, застрявших в селе, во главе которых стали Кузьменко Василий (из бывших комсомольских вожаков) и офицер Бойко Александр. К ним присоединились Павел Осадчий, Иван Клименко, медсестра Маруся Бойко. Все эти товарищи вошли в нашу организацию, что сразу же почувствовали полиция, переехавшие из села в Радомышль. Фактическими хозяевами положения теперь были мы, подпольщики. Началась работа в открытую. Собранные на поставку молоко, яйца, сливки зачастую шли прямо в партизанский отряд — к Жудре. Награбленный властями скот также возвращался прежним владельцам. Для этого за селом устраивались засады. С приближением стада парти-

заны делали несколько залпов. Конвоиры, спасая свои шкуры, разбежались по кустам и в посеvy.

Врагам в этих условиях нетрудно было напасть на наш след. Но мы не ночевали дома, проживая полулегально. Я, например, часто ночевал в сарае моего друга Ивана Онищенко. Его родители не только прятали, но и кормили меня, заботясь, как о сыне. Здесь же скрывалась Куцько Александра. Помню случай, чуть не стоивший мне жизни. Зная, что днем при появлении полиции, если даже она и переодетая, мы скрываемся, один из самых подлых и особенно зверствующих полицаяв — Шпонька — забрался в сарай с вечера.

Когда я пришел перед рассветом туда, то, увидев на сеновале спящего, принял его за хозяина и повалился спать. Было уже светло, когда чуткий партизанский сон был прерван шорохом. Гляжу, а рядом сидит подлый предатель и палач моего отца, на совести которого кровь десятков людей лично пойманных им и отправленных в гестапо и в Германию! Партизанский суд заочно приговорил его к смертной казни, но непоиманного не казнишь... Уж больно был хитер и, как говорят, везуч, всегда умел выскользнуть в решающую минуту.

Каково же было наше взаимное удивление, когда увидели один другого! Два кровных, непримиримых врага — и вдруг нос к носу!

Только ему сорок лет, а мне шестнадцатый... Я даже обрадовался, что так повезло, забыв, что безоружен и встреча не в мою пользу. Но сообразил мгновенно: коль злодей тут, значит, близко команда полицаяв. Кошкой метнулся в потайной лаз, бросился в кусты и скрылся в посевах кукурузы. Он даже не успел выстрелить...

Тогда он ворвался в наш дом со всей бандой. Матери с сестренкой Любой дома не оказалось. Злобу выместили на том, что перебили, переломали все, что могли. Был обнаружен тайник, но уже без оружия.

Было ясно, что оставаться мне в селе больше нельзя. Организация разрешила уход в партизаны. Был пущен слух, что я пропал ночью с лошадьми во время партизанской акции в Вышевичах. Но я опасался за мать, сестренку и бабушку. Положение спасло появление в наших местах сильного партизанского соединения конников. Оно вовлекло в свои ряды не только всю нашу подпольную организацию, но и тех, кто ожидал лучшего момента...»

Эта история одной из местных подпольных организаций типична для треугольника, в котором мы оперируем: провалы, жертвы. На место схваченных гестапо отцов становились их сыновья. Борьба против оккупантов не прекращалась ни на один день. Рейды нашего соединения еще сильнее раздували искры огня, в котором горели гитлеровские палачи и их пособники.

Через пропасть

Село Гута Добрынская, 26 км юго-восточнее Коростеня.

Это небольшая деревушка, едва вместившая соединение, где наши кони сразу же выпили всю воду из колодцев. Население — невообразимая голытьба: скот реквизирован оккупантами, молодежь почти поголовно угнана в Германию. Ни цыбули, ни чеснока на грядках. Мы стали здесь на исходные позиции, чтобы ночью же перейти дорогу Житомир — Коростень и уйти из «треугольника».

Кое-кто из соединения начал поглядывать на леса, на Пинский край. Некоторые полагают, что пора уже вернуться туда, что мы слишком зарвались и напрасно рискуем. Появились панические донесения из отрядов, что нас окружают вражеские танковые резервы, что мы излишне расхрабрились и что нельзя вот так подставлять головы...

Я придерживаюсь иного мнения. У меня нет никакого желания уходить в лес, а тут еще перед глазами все время стоит это ограбленное фашистами, беззащитное, нищее село... Ставлю этот вопрос перед коммунистами, на обсуждение партсобрания. Можно было бы и приказать, но нельзя пренебрегать мнением других руководящих товарищей да и всеми теми, из кого складывается коллектив, без которых невозможно жить, тем более воевать, да еще в тылу врага. Хотелось бы соединить как-то все мнения... Правда, в запасе у меня довольно веский аргумент — указание ЦК КП(б)У, которое мы обязаны выполнять. А кроме этого, мы не можем уходить отсюда, не дождавшись возвращения диверсионных групп Верховского и Ксензова из-под Фастова, Величко и Астахова из-под Коростеня. Кстати, к ним уехал и мой заместитель по разведке А. Ф. Гаврилюк, которого я обязан дожидаться и мнение которого также должен учитывать.

Конечно, совсем недалеко, в соседних селах, немало карателей. Но они не решаются напасть. Видимо, ждут подкреплений. Их тактика — окопаться с броневиками и сидеть в засаде. Наша тактика — не сидеть на месте, маневрировать. Свои стремительные переходы мы обычно делаем ночью...

Иду к своему ординарцу Андрейке Ляху. Меня обступают его друзья: полтавчанин Владлен Гончаровский, уралец

Николай Божко, москвич Петя Насонов и черкес Пшимах Гвашев, каждый — живое напоминание о Степном рейде. Смешливые, острые на язык, шустрые и храбрые ребята! Они никогда не падают духом, всегда готовы в огонь и воду, хоть к самому черту на рога! С ними легко.

— Перекусить бы... — говорю им. — Что-то проголодался...

Но «перекусить» у них нечего: дают яйцо с горилкой — выпейте! На закуску тоже сырое яйцо, затем — еще несколько яиц. Хлеба — ни крошки. Таков наш неустроенный партизанский быт...

Весь завтрак занял у меня пару минут... Благодарю ребят, уверяю, что сыт по-настоящему. Они понимающе хохочут.

Во время завтрака ребята рассказывают мне о выгрузке эшелона пехоты в Турченке.

Последнее к сожалению, факт. Только что оттуда приехал помощник Гаврилюка Павло Шевченко. Он сам следил за разгрузкой из лесу. Дальнейшее наблюдение за прибывающими войсками поручено Федчуку и Сайченко из Чоповичского отряда.

8.9.1943 г.

Село Злобичи, 12 км юго-восточнее Коростеня.

Когда на партсобрании началось обсуждение вопроса о том, как нам быть дальше — рейдировать здесь или уходить в леса и болота Пинщины, вдруг появился Гаврилюк.

Он рассказал, что ехал один среди бела дня через большие села: Десятины, Мелены, Шершни, Сычовку, Буки с Бучками. Только по прямой он покрыл не менее 25 километров.

— Ни одной собаки не встретил за всю дорогу! — докладывает Гаврилюк.

За бравладу пришлось ему тут же сделать внушение. Затем, словно прочитав мои мысли, выступил наш врач Михайло Михайлович:

— Может, это и ненужный риск — Гаврилюкова бравлада, но то, что партизан в военной форме целый день ездил по оккупированной врагом территории да еще недалеко от Киева, говорит о многом. Разве мы не создали здесь свой партизанский край? Зачем же нам уходить из него?

Все присутствующие вдруг заговорили о том, что, по видимому, мы до сих пор неправильно оценивали сложившуюся обстановку.

Дальнейший рассказ Гаврилюка о своем десятидневном пребывании в группе Величко — Астахова еще больше укрепил меня в том, что мое решение оставаться здесь, в треугольнике, правильное.

По словам Гаврилюка, хлопцы Величко и Астахова не сидят сложа руки. Теперь это конная рота, глубоко пустившая корни в четырех селах, по которым сегодня проезжал Гаврилюк. Эти корни уходят в самые Чоповичи. Наши минеры пустили под откос более десяти вражеских эшелонов. Гаврилюк же за это время произвел глубокую разведку Коростеня — вплоть до гебитскомиссариата. Внедрил своих людей и кое-куда повыше...

Узнав, о чем идет разговор, Гаврилюк объявил, что лучше останется здесь один, но не пойдет в леса ни за какие коврижки! Общий вывод Гаврилюка таков: враг никогда еще не дрожал за свою шкуру так, как сейчас. Гебитскомиссар Коростеня и имперский комиссар Житомирщины — в панике, мол, блокированы партизанской конницей. Они вынуждены голодать или посылать за молоком и яйцами в ближайшее село не менее роты солдат. Эти трусы понятия не имеют о том, как идут дела в центральных районах области, все еще не начавшей обмолота... Гаврилюк тут же предложил произвести налет на первый обмолоточный пункт, который, по его утверждению, начинает молотьбу в Злобичах, куда завезены из Германии под охраной сотни казаков молотилки и двигатели...

Собрание решило: из треугольника не уходить, усилить удары по оккупантам.

В обед, когда вся охрана обмолоточного пункта расселась в школьной столовой, три конных партизанских отряда налетели на тока и школу, превращенную в казарму.

В результате — горят молотильные агрегаты, горит школа-казарма, разгромлена наголову охрана, убиты немецкие офицеры с их овчарками. Трофеи — 25 винтовок, две пулеметных тачанки, много патронов, 80 комплексов обмундирования и обуви, два ящика гранат. Захваченное зерно, а также несколько сот голов скота с заготпункта отправляем в наши партизанские села — Десятины, Шершни, Старики, Дерманку.

К сожалению, и эта операция не обошлась без потерь. На площади села мы захоронили Юрчишина Федора, начальника штаба эсманцев, и пулеметчика Степаненко Митю из отряда Сыпльового, погибших во время атаки. Был салют и был митинг над могилой. И была клятва продолжать борьбу еще смелей и бить вражью силу еще яростней!

Сижу во дворе хаты, беседую с пленными. Это те пятнадцать из ста десяти, которые не стреляли, а, подняв руки, сразу сдались. Все пожилые. Рыжебородые, с заскорузлыми толстыми пальцами хлеборобов, с мозолистыми ладонями. Все с Дона.

Спрашиваю, как же они согласились служить врагу?

Ответ у каждого один:

— Дак приказали ж.

— Мобилизовали...

— Заставили...

Еще вопрос: хотят ли стать партизанами? Смыть позор, оправдаться перед Советской Родиной?

— Дак понятно!.. Как иначе-то?..

— К тому и сдавались...

Темны, как и упрямы. Словом, «свои», «домашние элементы», которых надо перевоспитывать. Пусть смывают позор, искупают свою тяжкую вину в боях за Родину. Говорим с комиссаром: «Милуем и зачисляем по отрядам. Оправдывайтесь в боях против фашистов!..»

У старшего политрука Павловского уже готово и специальное обращение от их имени к остальным «казачкам», которые еще служат немцам. Призывают их переходить с вооружением на сторону партизан, создавать свои партизанские отряды и уничтожать оккупантов.

Поставлены подписи всех пятнадцати, с указанием родных станиц, фамилии, имени и отчества каждого. Новорожденным партизанам мы тут же возвратили оружие и пожелали честно и храбро сражаться с врагом.

12.9.1943 г.

Хутор Дубовик, 42 км северо-восточнее Житомира.

Мы снова в пути. Прошли много сел, вчера простояли день в Ляховой, утопающей в садах и закормившей нас яблоками. Везде радушный прием и помощь в уничтожении всего, чем могли бы поживиться оккупанты, — тракторов, молотилок, мостов и линий связи. Мы расширяем треугольник на юг к Житомиру. Уже не оглядываемся на леса. По всему видно, что у оккупантов обмолота не получится. Стоим в Дубовике, в двух километрах от местечка Потиевка.

Нацеливаемся на местечко. Но Потиевка сильно укреплена. Там засели немцы и отдельная часть легионеров, сформированная из пленных армян. Нам хорошо известно их настроение — все готовы перейти к нам. В этом меня уверяет Павло Шевченко: его данные свидетельствуют о полном успехе предстоящей операции, Шевченко рассказы-

вает, что внедрился в Потиевку, заслал листовки, напечатанные от имени «казаков» в Злобичах. И якобы уже договорился с кем-то, что армяне перейдут на сторону партизан. Я убежден, что необходим шаг навстречу.

Из окна хаты гляжу на широкий шлях, на золотую стерню скошенного пшеничного поля. Очень тепло, солнечно.

Мы уже позавтракали. Вокруг тишина. Потиевка словно вымерла. Шевченко твердит свое: армяне сегодня перейдут к нам. Вот-вот появятся парламентареры. Так задумано. Так условлено, такова его «агентурно-оперативная комбинация»...

Что ж, комбинация так комбинация... Подождем еще.

Конечно, мы готовы и к бою. Но мне хочется верить, что между нами и армянами не будет кровопролития.

В Потиевке немало гитлеровцев и доморощенной полиции. Как раз ей-то и предъявлен ультиматум: переходить к нам со всем вооружением или быть поголовно уничтоженной...

Мы гарантируем им жизнь, возможность оправдать себя с оружием в руках в борьбе против оккупантов.

Прежде чем предпринять этот шаг навстречу армянам, у нас был большой партийный разговор. Взвешивали все за и против. Нельзя было упускать из виду того, что перед нами люди, изменившие Родине, взявшие из рук врага оружие. Но мы не могли не учитывать и всех обстоятельств, побудивших их к этому. Большинство армян пошло в легионеры из немецких лагерей смерти. Они рассуждали так: ну, погибнем в лагере, кому от этого польза? А не лучше ли обмануть врага: согласиться взять из его рук оружие, а потом этим же оружием беспощадно уничтожать оккупантов, отомстить им за свой позор, унижение, за свои страдания. В этом, конечно, была своя логика, и мы обязаны учитывать ее.

Но главное, что заставило нас сделать шаг навстречу легионерам,— это указание ЦК КП(б)У и директивы УШПД: всеми средствами разлагать и привлекать на свою сторону солдат и офицеров из вражеских формирований, будь то словаки, мадьяры, власовцы, полицаи, даже сами немцы.

Указание, конечно, правильное и дальновидное. Зачем сражаться с людьми, которых можно привлечь на свою сторону и которые потом охотно будут воевать против своих вчерашних хозяев и наших лютых врагов?

Наш КП расположился в хате на окраине хутора.

Уже 10 утра. Душно, жарко. По-прежнему со стороны Потиевки ни звука. И никого на широком прямом шляху.

Но вот над плоской возвышенностью поднялась пыль: идут! Показалась голова пешей колонны. Ряд за рядом поблескивают штыки. Идет не менее как человек 300. За колонной — большой обоз, поднимающий тучу пыли. Приближаются без разведки и мер охранения.

Странно... Впрочем, они идут к нам не как враги...

— Сдаваться топают! — ликует Павло Шевченко.

Но не тут-то было: кто-то в нашей обороне открыл преждевременный огонь. Колонна вмиг расчленилась, и солдаты побежали по полю.

Кто-то кричит: «Обман: это же немцы! Огонь, огонь, товарищи!!»

13.9.1943 г.

Село Будиловка, 50 км северо-восточнее Житомира.

...Они-таки развернулись — к бою... И повели наступление на Дубовик, и даже бегом бросились вперед, однако тут же и залегли. Быстро-быстро начали окапываться...

С их стороны работало несколько пулеметов. Огонь этот, как оказалось, не причинил нам вреда. Час или полтора я выжидал, затем перенес КП в рощу за Дубовик. Там ко мне подскочили два кавалериста — Оборский и Зиневич, парламентареры от потиевской полиции. Это, как понял я, через них «комбинировал» свои мероприятия Павло Шевченко. Парламентареры сказали, что ультиматум принят, что потиевский гарнизон полиции переходит к нам этой же ночью. Однако они ничего не могли сказать о наступающих армянах, об их намерениях...

Налет бомбардировщиков положил конец переговорам. Пришлось уходить из рощи. Осколком бомбы тяжело ранило командира эсманцев Ивана Борова. Бомбежка продолжалась с небольшими перерывами почти до вечера. Дрожали земля и роща. Но бомбы взрывались в лугах, в небольших кустарниках.

Бой с легионерами продолжался около двух часов, но потерь у нас не было. Некоторые армяне доползли даже до хуторских огородов, но почему-то убежали назад. Почему так получилось? Эту загадку поручаю разгадать Гаврилюку, Чернышу и Георгиевскому. Шевченко продолжает уверять, что армяне, будучи накануне в селах, очень доброжелательно относились к местному населению. Спрашивали дорогу к партизанам, называли себя партизанами.

— Они не каратели! Их привезли в Турченку прямо из польского концлагеря,— уверяет Шевченко.

Я и сам хочу этому верить. Осторожно замечаю:

— Называться и быть партизанами,— это, брат, разные вещи...

14.9.1943 г.

Село Берковка, 110 км северо-западнее Киева.

Хочется помочь командиру эсманцев Ивану Борову. Для того и заняли лесные села, вплотную подошли к Малину — чтобы не бомбили. Ведь в Малине постоянно большой вражеский гарнизон. Но они затаились, готовят жестокую оборону.

Тяжелый случай с Иваном Боровым: осколок вошел в спину, пробил легкое, но застрял на выходе из груди...

Я навестил его. Операция, видимо, прошла удачно. Повеселел парень — все время пьет воду. Михаил Михайлович показывает стального «жука», извлеченного из его раны.

Ох и намучился, бедняга! Каково-то было в таком состоянии трястись по бездорожью! Да еще нужно было крепиться, когда Валюша изо всех сил тащила щипцами проклятого «жука», а они срывались, и приходилось начинать все заново. Боров только скрежетал зубами. Ведь у нас нет анестезии. В лучшем случае стакан самогонки для бодрости — вот и вся анестезия. Потом Иван рассказал, что после ранения бежал еще метров 300 и тащил автомат, пока не лишился сознания. Ординарец Миша Ермоленко привел его в чувство водой, позвал сестру Зину Шелкову, нашел доктора Тарасова... А потом пришлось трястись на коне по кочкам и сухому болоту. Километров тридцать трясса, а там — ночь, тоже нельзя делать операцию.

Теперь опасность позади — уже не захлебнется кровью, не сгорит от жажды.

На арбе соорудили ложе с подрессорниками из иршанской лозы и амортизаторы из гибких прутьев. Так мы перевозим тяжелораненых. Ведь у нас нет стационарных медсанбатов и госпиталей, и наши раненые всегда с нами: и на отдыхе, и на марше, а нередко случалось — и в бою.

Трудней всего раненым во время движения по азимуту, по бездорожью. Какие там толчки и тряска, знают только они!..

Борову повезло: спасен. Обеспечен «рессорами». Может, потому и разгулялись его эсманцы в Щербатовке. Зеленые,

по-городскому уютные дворы и хаты гудят от плясок и песен — из края в край!

17.9.1943 г.

*Местечко Потиевка, 48 км
северо-восточнее Житомира.*

Они явились ко мне в серо-голубых мундирах немецкой армии: высокий, сухощавый лейтенант Осипян, очень бойкий черноглазый унтер-офицер Сайян, плотный рыжеватый унтер-офицер Саркисян и болезненный пожилой жилистый Арутюнян, представившийся как старший политрук Красной Армии...

Легионеры...

Вытянувшись в струнку, они напряженно-взволнованы, потрясены. Окаменело глядят мне в глаза и еле стоят на ногах от внутреннего перенапряжения. Осипян рапортует:

— Отдельная рота 814-го батальона... армянского легиона... восстав, ушла из Потиевки, чтоб соединиться с партизанами, чтоб громить и мстить, чтоб сражаться с врагами нашей Советской Родины, чтоб... Мы — не предатели! Мы — ваши, свои, советские воины!..

У него закружилась голова, он пошатнулся, задохнувшись, и тогда я сказал, шагнув навстречу:

— Все знаем. Надеялись. Ожидали вас. Станете партизанами. Оправдаете себя в боях против фашистов. Позор смоете... — и пожал каждому руку.

За обедом узнали, что Арутюнян подпольщик, что в армянском секторе концлагеря так называемого «легиона кавказцев», дислоцированного в польских Пулавах, куда собирали в свозили их, где обучали, формировали и откуда послали на Житомирщину, у них была подпольная организация. Конечно, он — коммунист с двадцатилетним стажем, кандидат партии и Осипян; комсомольцы Сайян и Саркисян; в подпольной организации у них не менее полусотни человек. Еще в Пулавах было решено уйти в леса, чтобы стать партизанами. В легион попали не по своей воле, а в силу обстоятельств. Гитлеровцы изо всех сил старались создать мнимую опору среди кавказских народов: вот, мол, сыны Кавказа идут вместе с фашистской армией «плечом к плечу» и «рука об руку»! Во имя этого не жалели ни времени, ни энергии, ни средств на поиски армян; отбирали их среди захваченных раненых; рыскали по оккупированным районам и глухим хуторам, выискивая прибывших из окружения и бежавших из плена, даже освобождали из тюрем-

ных застенков как необходимых для легиона, нужных эмигрантам-дашнакам, рьяно взявшимся помогать Гитлеру.

Судьба окунула этих людей в мутный водоворот. Они пережили неслыханные издевательства, насилия, голод, всечеловеческие оскорбления, крайнее отчаяние. Многих их товарищей — патриотов советской Родины — фашисты расстреляли. Но лучшие среди выживших, прежде всего коммунисты и комсомольцы, помогли прозреть массе несчастных, подали руку помощи, благодаря чему они сегодня перебрались через пропасть, отделявшую «легионеров» от матери-Родины.

У них был заговор — восстать и вырваться к своим всем батальоном. Восстать, как восстал первый батальон на Кавказском фронте, под Майкопом, второй батальон армян по пути в Голландию. Восстание 814-го было назначено на 20 сентября, но Осипяну грозил арест, руководителям — расстрел, а всей части — новый концлагерь. Поэтому все произошло не двадцатого, а сегодня, и перешли они на сторону партизан не всем батальоном, не тысячей солдат, а одной ротой в двести пятьдесят бойцов. По той же причине не перешли к нам в Дубовике. К тому же за их спиной стояли тогда две сотни эсэсовцев. Они разместились в укреплениях. Их еще предстояло разгромить, и здесь немало надежд возлагалось на армян. Они же не отрывали восхищенных глаз от нас, партизан-офицеров, от наших орденов и золотых погон на плечах. Перехватив их изумленные взгляды, я объяснил:

— Этим мы хотим показать, что прочно стоим на своей земле, хотя и оккупированной.

— Мы ничего не прячем нашего, советского, — улыбнулись Кищинский и Тарасов. — Мы убеждены, что настоящий партизан — непокорен, непримирим и не только ненавидит оккупантов-завоевателей, но и презирает всякий страх перед ними, демонстрируя это перед населением всем своим видом. Поэтому важно все время находиться среди местных жителей.

— У нас нет ни землянок, ни шалашей, — вступил я в разговор. — Мы не гоняем за собой коров, не возим котлов и глечиков, не выделяем кож для снаряжения и обуви, не крутим жерновов, чтоб намолоть муки. Любое украинское или белорусское село — наш родной дом и швальня с пральной, и вообще та база, которая снабжает партизан всем необходимым.

Я рассказал им, что постоянное маневрирование — основа тактики партизан-конников. Это опрокидывает устояв-

шиеся представления гитлеровцев о тактике партизанской борьбы. Ведь, готовя легионеров к тыловой «охранной» службе, немцы вдабливали им в головы, что партизаны — это фанатики-одиночки, которые сидят в лесах и болотах.

Конечно, Дерманка или хутор Шевченково, где мы находимся сейчас, — не предел наших мечтаний. И я предложил такой план: сегодня же нанести удар по потиевскому гарнизону и уже с утра расквартироваться там, в райцентре, который надо сделать центром партизанской борьбы в треугольнике Житомир — Коростень — Киев.

— Стать в Потиевке? — удивился доктор Михаил Михайлович.

— Занять Потиевку? — напряг крепкую шею Гаврилюк.

— Но это, пожалуй, рискованно, — развел руками Кищинский. — И гости наши не спали и прошли не менее полуста километров, — высказал свои сомнения Сергей Семенович.

— Да, да! Не возражай, Сергей Семенович! Согласись и ты, Гаврилюк, — убеждал я присутствующих. — Часы промедления, перемноженные на кубометры окопных работ, выполненных солдатами и жителями Потиевки, превратятся в такие укрепления, что не разбить их, ни взять, если мы не используем фактор внезапности... Не забывайте, что это последний пункт врага на пути к Житомиру.

— Но ты же сам говоришь — не взять! Подходы — скошенные поля! Где возьмем артиллерию? — горячился Кищинский.

— Как не взять, если Потиевка для них — мост на Родину! Хоть и четырежды чертов, но все равно мост чести! — говорил я офицерам, а им самим хотелось того же. Все заявили, что, если надо, хоть сию же минуту пойдут на штурм Потиевки.

Я отпустил офицеров в отряд.

А спустя полчаса вместе с комиссаром Кищинским и Гаврилюком я подъехал к отряду, замершему в двух длинных шеренгах. После рапорта Осипяна были сказаны те заветные слова, от которых радостно забились сотни сердец:

— Здравствуйте, товарищи!

Был тот волнующий миг, когда в ответ выплеснуло не трафаретное «Здраст...», а что-то вулканически горячее и мощное, как бы затопившее длинную хуторскую улицу, и поле, и край леса. И слезы, как благодатный весенний дождь, брызнули из сотен черных горячих глаз. Это рухнул

груз пережитого в плену и в лагере. Словом «товарищ» был разрублен канат с камнем, тянувшим этих заблудших на дно пропасти...

Поздравив с возвращением на Родину, я спросил, помнят ли они присягу, которую давали Родине, и готовы ли бороться против врага плечом к плечу с другими партизанскими отрядами?

— До последней капли крови!..

Единодушное «ура» было подтверждением этой готовности.

Я приказал снарядить пятьдесят подвод, чтобы с наступлением ночи перебросить армян к Потиевке. Этот день запомнился многим. Хмель радости пьянил всех. Отовсюду слышались громкий говор, смех, взаимные поздравления.

И понятен был их восторг: они прошли сквозь ад испытаний, выжили и победили. Наконец-то они больше не пленные и не legionеры, и теперь смогут отомстить за legionерское тавро тем, кто хотел испоганить их души!

Польские Пулавы, Демблин, Легиново были теми местами, где за колючей проволокой муштровали, дрессировали, вытраивали и убивали в этих людях все советское, человеческое. Но не убили и никогда не убить в нас этого никаким гитлерам!

К вечеру прибыли из сел снаряженные подводы, и к 12 ночи армяне, как и все наши отряды, подошли к Потиевке.

С девизом: взять или умереть, они бросились в рукопашную. Двести эсэсовцев, подоспевших из Житомира и 300 полицаев, эвакуированных с востока, были той силой, которая противостояла нам в этом бою. Но ярость наступавших, умноженная на самоотверженность и жажду мести, сделали свое. Гитлеровцы не устояли. Не спасли их ни окопы, ни бункеры.

Забрезжил рассвет, когда Осипян приехал на КП соединения и доложил, что приказ выполнен, Потиевка взята, убит командир взвода Ваган Абовян. Сколько было уничтожено врагов, еще не подсчитали, но, добавил Осипян, сколько бы ни уничтожили, все равно мало. Так думал и я.

Потиевка для армян — только начало. Только мост! Главное — доказали, разбили, вышибли хищников из логова! Заставили их бежать.

— Теперь мы вам верим — молодцы! Так и передай отряду, — сказал я Осипяну. — И объяви еще мою благодарность — каждому!

Безмерно счастливый, забыв усталость, Осипян умчался в Потиевку. Кричал на все поле: «Прорвались! Нам верит Родина!..»

Соединение вошло в Потиевку праздновать день рождения Армянского партизанского отряда на украинской земле. Осипян ходил как именинник.

— Глядите: начинаем новую жизнь,— говорил он всем новым знакомым.— Никогда еще не было такого настроения у моих парней. Разучились было смеяться!

Да и какое могло быть веселье на краю пропасти!

Среди этих темноглазых, чернявых, крепко спаянных и дисциплинированных солдат и офицеров у меня уже немало знакомых. И одни из первых — врач Сурен Тунанов, начальник разведки Мукуч Карапетян, историк по образованию, старшина Тигран Насхулян, уроженец Ростовского Чалтыря. Все они отлично говорят по-русски и потому сейчас наиболее говорливы и общительны.

Тигран первым начал подначки-шутки, да еще над самим командиром:

— Они оскорбляли тебя, Осипян, во время боя. Называли собакой!

— Спасибо,— парировал Осипян.— Это высшая похвала. Я только и боялся остаться для врага хорошим!

— А я думал — обидишься да лучше бить их станешь!..— не унимался Насхулян.

Вокруг смех, веселый говор, сыплются шутки на трех языках — украинском, русском и, конечно же, армянском.

Уверенно и бодро начинает свою новую жизнь Армянский отряд. Осипян говорит, что никогда не было подобных отношений в легионе.

— Доказали, кто есть мы на самом деле!

— И еще докажем не раз! — уверяет Мартин Сепханян, командир минометчиков. Он с восторгом рассказывает, что не всякий стрелок попадал так в цель, как укладывали они свои 85-миллиметровые гостинцы в гнезда гитлеровцев.

Доволен и я: возросли наши силы, партизанский треугольник расширен до Житомира. По соединению издан приказ о создании Армянского партизанского отряда в составе соединения. Мы решили не разбрасывать армян по частям соединения и не смещать их командиров. Наоборот, взводные стали ротными, отделенные — взводными командирами. Подразделения армян пополнились кавказцами из других отрядов соединения.

Почин, сделанный в Потиевке, явился началом развала всего тысячного 814-го батальона так называемого Армян-

ского легиона, сформированного в Пулавах. В одиночку и группами побежали теперь эти «легионеры» в леса, к партизанам. Многие продолжают пробиваться к нам. В соседнем, Радомышльском районе, например, армяне перестреляли гитлеровцев и ушли в Тетеревские леса. Разбежались армяне и из гарнизонов Новограда-Волинского, Коростышева, Житомира, пополнив наш Армянский отряд.

Стараясь подчеркнуть, что мы полностью доверяем им, я послал в новый отряд лишь трех ветеранов соединения. Иван Михайлович Козеха — обаятельный и простой человек, досконально знающий порядки и партизанские обычаи, стал у них помпохозом, молодой капитан Федя Лобач — начальником штаба, старший политрук, редактор нашей газеты Юрий Павловский — комиссаром. Можно было бы обойтись и без такого назначения, но Осипяну, не знающему всех тонкостей партизанской жизни, необходима помощь.

Ведь у нас все: и политработа, и дело материального и боевого обеспечения, и связь, и учет, и отчетность, и боевая подготовка, и распорядок, и гарнизонная внутренняя служба — построено по-своему, сведено не в армейскую, а в свою, немного своеобразную систему.

А мне не дают покоя мысли: смогут ли эти товарищи с надлежащим тактом и пониманием отнестись к новым партизанам? Смогут ли преодолеть понятное в таком случае чувство отчужденности и недоверия к людям, еще вчера служившим врагу? Ведь легко, ох, как легко обидеть человека подозрительностью, недоверием, озлобить его. А ведь с обиженными, а тем более с озлобленными, не навоюешь. Найдут ли Павловский, Лобач и Козеха отзвук и понимание в сердцах людей, которые болезненно чувствуют свою вину перед Родиной?

Собрав отряд, Павловский прежде всего сказал новичкам, что его можно звать просто Юрием Афанасьевичем. А далее начал читать статью из газеты «Правда», где говорилось об освобождении нами 2000 военнопленных из лагерей смерти у города Сумы.

— Среди оккупантов, — рассказывал Павловский, — царил страх и паника: железнодорожные мосты вокруг города были взорваны. Уничтожен был мост и в самом городе. Эшелоны простаивали.

Тогда оккупанты решили гнать пленных пешим строем. Их, босых, голодных и обессиленных, гнали в мороз по колена в снегу по глухой, занесенной сугробами дороге. Подгоняли выстрелами, каждый шаг пути стоил чьей-нибудь жизни...

Все это армяне знали и сами, все это в свое время они испытали на себе. Поэтому так поразило открытие: оказывается, и комиссар, и капитан Лобач — оба из тех освобожденных партизанами военнопленных!

— За наше освобождение полегли лучшие партизаны, — волнуясь, говорил Павловский. — Они были ветеранами Котопского отряда «Смерть фашизму», рожденного еще в 1941 году. Мы никогда не забудем начальника штаба отряда лейтенанта Байдина Евгения, командира автоматчиков лейтенанта Мороза Николая, комиссара соединения Анисименко Ивана, которые сложили головы в Степном рейде...

Слово правды о Родине, о наступающей Красной Армии несут наши партизаны-конники в народ, в многомиллионные его массы, вселяют в них веру в победу. Суд и месть настигают тех, кто прислуживал оккупантам.

— Вот кто мы такие, вот к кому вы пришли. Будьте же достойны той славы и святой крови тех, кто обозначил ею боевой путь нашего соединения!.. — так закончил беседу комиссар Павловский.

После Павловского выступили начальник штаба Лобач и командир роты из отряда «Смерть фашизму» Володя Туров, освобожденный нами из того же лагеря. Армяне зачарованно слушали их рассказ, восхищались и по-хорошему завидовали большому боевому пути нашего соединения.

Скупым на слова было выступление Ивана Михайловича Козехи, но оно оставило в сознании новичков неизгладимый след.

— Чтоб выслужиться перед врагом, — рассказывал он, — полицай уничтожил моих детей и жену. Спалил их вместе с хатой. Изверг этот был моим братом...

Не выдержало сердце Ивана Михайловича, и по его щекам покатились слезы. Заблестели слезы и на глазах армян. Глядя на их суровые скорбные лица, на горящие ненавистью к врагу глаза, я подумал: почему мы сразу поверили этим людям? Легковерие ли это? Притупление ли бдительности? Нет и нет! Ведь мы не ошиблись! В чем же загадка?

Думается, в человечности, в доверии. Люди, попавшие в большую беду, увидели в нас тоже людей. За доверие платят тем же — безграничной верой и сердечностью. За человечность — человечностью, за дружбу — дружбой. В этом весь секрет и ключ к людским душам...

19.9.1943 г.

Там же, в Потиевке.

— Довольно квартировать в затерянных лесах и селах! Даешь райцентры в степных просторах! — таково настроение у наших конников.

Потиевка стала центром партизанского треугольника. События разворачивались с невероятной быстротой. Наша кавалерия, включая группы подрывников-минеров, распространилась от Коростеня до Фастова и Киева. Армянский отряд мы посадили на парные повозки, сделали его более мобильным. Очень быстро формируется Потиевский кавалерийский отряд. Набирается сил лесной, Чоповичский. Враг, отступающий к Днепру от Орла и Курска, несет потери и здесь.

На досуге спрашиваю Осипяна, почему они не перешли к нам в Дубовике 12 сентября?

Оказывается, они ждали нас почему-то с северо-востока, тогда как Дубовик находился на юго-восток от Потиевки.

Их роту, рассказывает Осипян, тогда послали на хутор по зерно. У солдат не было даже патронов — лишь по пять штук к винтовке. И не хотелось ставить под удар другие роты преждевременным выступлением... Тем более, что по пятам армян шли немцы. Они-то и били из пулеметов...

— Как только мы прошли половину пути, — вспоминает Осипян, — услышали выстрелы. Я подумал: «Наверняка, партизаны». Скомандовал взводам залечь и окопаться.

Начальник гарнизона Шпрингер запсиховал:

— Ауф, ауф, форвертс! Марш-марш!.. *

— Ему надо было, видите ли, атаковать. А мы — ни в какую! Продолжаем окапываться на стерне. Кто-то постреливает. Конечно, в белый свет... Карапетян, командир транспортного взвода, спешит отослать лошадей в укрытие — за крайние дома, в Потиевку. Обывательские подводы, снаряженные под зерно, тоже разворачиваются, опережая куцехвостых тяжеловозов. Видим, что и партизаны стреляют, лишь бы стрелять, экономными, редкими выстрелами.

Но вот партизаны совсем прекратили огонь. Прекратили стрельбу и мы. Кричу через поле Шпрингеру: «Надо отходить: рота без патронов, партизаны делают рокировку, обходят с флангов!..» Конечно, придумал... Шпрингер же негодует и храбрится: ведь его укрепления совсем рядом, и партизаны не смогут взять их. Он посылает унтера, чтоб

* Давай! Давай, вперед! Быстрее, быстрее!.. (нем.)

подвез боеприпасы. Но обоза нет, ни единой подводы! Я же в это время думал только об одном: не убит ли кто у партизан? Командую: «Скорей назад!» Бросаю условную ракету. Только назад! Нельзя допускать, чтоб перебежали к партизанам поодиночке. Немцы перестреляют остальных, и какие же мы командиры, если придем к партизанам с остатками? Не было бы доверия ко мне, кто знает, чем бы все кончилось.

Да, только назад! Даю сигнал командирам: «Отбой. Все ко мне». Возвратил роту в Потиевку. Выстроил, поблагодарил за правильные четкие действия. Все, конечно, поняли, что и к чему. Еще раз напоминаю главное для нас: «Быть всегда вместе. Решать вместе. Действовать только заодно».

Немцы тоже собрались совещаться. Меня не зовут. Да вряд ли пошел бы я на это совещание. Чтоб отогнать партизан, они вызвали бомбардировщиков...

Я смотрю на Шевченко.

— Как же это вы напутали?

— Так ведь комбинировали... — неуверенно оправдывается он.

Хорошо, что все хорошо закончилось...

20.9.1943 г.

Село Дерманка, 55 км севернее Житомира.

Продолжаем быстро расти. По пути из Фастова Верховский и Ксензов привели Коростышевский отряд Кучеренко — Таратуты. Любой партизанский командир позавидовал бы такой диверсионной группе!

Коростышевцы специализировались преимущественно на подрывах подземного кабеля Берлин — Киев — фронт, то есть досаждали, как говорят хлопцы, самому Гитлеру.

Сказочно выросли потиевцы — у них уже около двухсот только конных. Народ, в основном, хороший, крепкий. Преобладают кадровые военные. Вооружение, правда, слабенькое, случайное, очень пестрое. Но экипированы неплохо, большей частью — в трофейном. Видно: бивали и мадьяр, и немцев! Только недостаточно энергично очищают район от гитлеровских пятколизов, на что я строго указал командиру отряда Грищенко.

По радио обращаюсь к генералу Строкачу с просьбой — прислать побольше оружия: пулеметов и автоматов, противотанковых ружей и бронебойных патронов. И уже получен ответ, чтоб сегодня же принимали самолеты на посадку... С давно скучающим без дела нашим аэродромным началь-

ником Пашей Акаткиным выбрали подходящее место на лугу и взялись оборудовать посадочную площадку. Расчищать и выравнивать ее помогает нам население. В поте лица трудятся и местные партизаны из отрядов Федченко и Сайченко. Аэродром будет готов к ночи. Радируем в Москву сигналы опознания, заверяем: готовы принимать самолеты любых типов с посадкой...

Радуют фронтовые новости. На Курско-Орловском выступе и в районе Харькова наши войска одержали большую победу. Они уверенно продвигаются к Днепру! Это сказывается и здесь, в тылах противника. К нам валом повалило население! Не успеваем принимать всех желающих. Создаем много новых подразделений в отрядах. Обучаем новичков на ходу, на практике — в боях местного значения, которые ведут отряды походя, в порядке патрулирования и на хозоперациях — в поисках фуража, продуктов и лучших коней.

Сегодня нас уже на треть больше, чем вчера. Соединение разбито на отдельные отряды, каждому из которых отведен свой сектор. Четвертый день они действуют широким фронтом, в поисках вооружения и лошадей непрерывно рейдируют по немецким колониям вдоль Брест-Литовской асфальтированной дороги. Червоный отряд, например, за минувшие сутки побывал в десяти селах: Нераж, Жадьки, Селец, Осовка, Росовка, Добрынь, Буки, Бучки, Сычовка... Мы действуем на большой территории и заняли около 50 селений, что равно двум административным районам.

Такое рассредоточение сил сейчас целесообразно, как мера самосохранения, а также для усиления агитационной работы среди населения и пресечения грабежа этого края оккупантами.

21.9.1943 г.

Село Буки, 50 км севернее Житомира.

Ошеломляющая задача: нашему соединению приказано захватить плацдарм напротив села Сваромье, чтобы обеспечить наведение переправ через реку Днепр. Это в 30 км выше Киева!

Задание надо выполнить в сжатые сроки — за трое суток. Успеем ли?

Гляжу на карту: расстояние 140 километров, на пути — реки Тетерев, Здвиж, Ирпень. Вдобавок пригородное шоссе Киев — Иванков. Задача, конечно, не из легких... Самое трудное — очень малый срок! Но приказ есть приказ.

Обещают прислать боевые грузы. Надо подготовить, сгруппировать у аэродрома отряды и в то же время сохранить все это в секрете от противника. Обращаюсь к начальнику радиоузла Борису Козлову с особой просьбой: усилить конспирацию. Радиопередачи прекратить, а принимаемые радиogramмы никому не показывать. Впрочем, это предупреждение излишне: наши радисты — Николай Агафонов, Клава Малашкина, Дашенька Крестьянинова, Олег Лукомский и Вильям Лобачев — умеют хранить тайну.

Нужно, чтобы штаб усилил разведку во всех направлениях. Все дороги и скрытые подступы к посадочной площадке в Буках следует перекрыть заслонами. Туда ставлю Армянский отряд в полном составе.

О предстоящем приеме самолетов пока не говорю даже штабистам, тем более о задаче на Днестре.

22.9.1943 г.

Село Мирча, 90 км северо-западнее Киева.

До Сваромья осталось 100 километров. Чтобы успеть туда в срок, требуется двое суток.

А ведь надо и отдохнуть, накормить коней, дожидаться вечера, так как вблизи фронта не пойдешь днем колонной.

Коротаю время в кругу армян. Командир их Осипян ранен. Во время боя в Злобичах под видом своих он с одной ротой зашел в тыл батальону эсэсовцев и нанес им удар в тот момент, когда они начали наступление на другую часть его отряда, имевшую цель заманить карателей.

«Расступись: перехожу в наступление!» — дал Осипян сигнал ракетами. Гитлеровцы подумали, что это подоспевшие каратели, это позволило Осипяну осуществить свой дерзкий замысел. Эсэсовский батальон едва унес ноги.

Армяне радуются своим удачам в Буках и в Злобичах.

А немцы взбешены. Еще бы! У них под носом мы приняли на посадку целую эскадрилью транспортных самолетов. В ночь приема самолетов каратели решили поквитаться с нами за свои неудачи и попытались пробраться лесом к аэродрому. Только им не удалось застигнуть нас врасплох, и мы дали им надлежащий отпор. Из полученных пушек, минометов и противотанковых ружей партизаны дружно били по врагу с ближней и дальней дистанции. До восьмидесяти фашистов осталось навечно в Буках с Бучками. Может, не унесли бы ноги и остальные, но пришло время прекратить бой. Соединение выступило к Сваромью...

У Осипяна пулей раздроблено колено. Лежа в арбе под

крышей сарая, он бодро перекликается со своими минометчиками.

— Па-а-чему атстали, заставили ганять связных и разведчиков?— допрашивает он командира минометчиков Мартина Сепханяна. А тот только лукаво усмехается:

— Как мог отойти без команды? Никто не говорил — снимайся!.. Наш взвод был на самом дальнем фланге.

Я вслушиваюсь в пространный и неторопливый рассказ о том, как маршировали гитлеровцы тесными рядами, как их «приземляли» и отрывали от земли минометчики, а затем подсекали пулеметчики.

— Когда немцы пошли в «психическую» атаку,— продолжал Сепханян,— они нас не заметили, потому что мы были в окопах, за постройками. Я строго приказал не стрелять даром, а подпускать их как можно ближе и расстреливать в упор. Мы их косили 25 минут, пока не загорелись возле нас постройки и не пришлось менять позиции и отходить. А через село куда пойдешь? В огонь и дым? Надо в обход, а лучше — через болото. Пришлось наломать веток и гатить болото, а потом искать следы отряда. Два часа мы догоняли колонну. Товарищи предупреждали: не попадайся на глаза Осипяну. А как не доложить, когда мы столько гитлеровцев истребили!

В разговор вступает посыльный Осипяна Паруйр Мелконян, молоденький рослый и расторопный боец. Будучи раненым, он не оставил своих обязанностей и не сошел с коня. Правая рука его повязана цветастым платком.

Этот платок дала ему в Буках женщина. Сняла прямо с головы и осталась простоволосой.

— Я уверен,— горячится Паруйр,— это у нее последний платок! И я поклялся, что если останусь жив, подарю после войны самую лучшую кавказскую шаль этой женщине! Я так и сказал ей, а она только заплакала: «Дай тебе бог здоровья, сынок, гони супостатов с нашей земли, и тогда снова все будет у нас на Украине и у вас на Кавказе вашем...» Вот какая женщина!

Меня радует хорошее настроение армян, их говор, шутки и смех, не умолкающие ни на минуту. Откровенно люблюсь ими, сидящими на арбах, запряженных тройками и четверками коней.

Среди нас, партизан, армяне уже успели завоевать уважение, а ведь прошло всего две недели. Правда, для партизана две недели не такой уж и малый срок, если, конечно, не скрываться от врага, а искать его и бить ежеминутно!.. Они с честью вышли из всех суровых испытаний. Это друж-

ное цементированное подразделение. Их сила — в коммунистах. Арамаис Осипян, Сухарич и Ашот Арутюняны, Жора Багдасарьян, Армен Тукасов, Мукуч Карапетян, Петрос Егоян, Павловский, Лобач, Козеха — это крепкие руководители, авангардная роль их как коммунистов видна каждому. Они во всем показывают пример беспартийным — и в боях, и в походах, и в повседневном быту.

Растянувшись в огромную колонну, соединение идет по широким, бескрайним полям. Волнующее зрелище! Это идут люди, готовые в любую минуту отдать свою жизнь во имя Родины! Кто может завоевать и покорить такой народ! Никто и никогда!

Чаще всего наше соединение делает переходы ночью. Днем люди отдыхают, спят. В это время я организую и принимаю разведку, забочусь об охране. А ночью, когда все бодрствуют, я засыпаю в тачанке на сене, завернувшись в большой черный тулуп. Чем резвей аллюр, тем крепче спится. Малейшая заминка, замедление в темпе — просыпаюсь и устремляю глаза в звездное небо: по памяти знаю азимут. В темные, беззвездные ночи сверяюсь с компасом.

В отрядах оживленно обсуждают события прошлой ночи, когда Москва прислала семь «дугласов», принятых в Буках на посадку. Многие партизаны отвели душу во время встречи с летчиками. Обнимали и целовали пилотов и штурманов, засыпали вопросами о Москве, о руководителях партии и правительства, о положении на фронте, с жадностью набрасывались на свежие газеты, со слезами на глазах читали и перечитывали их.

А каким счастьем засияли глаза каждого, когда узнали, что можно послать письма на Родину!

23.9.1943 г.

Село Мирча.

К нам прибавилось еще с полтысячи партизан. Наше соединение напоминает разжимающуюся боевую пружину. Чем ближе Киев, тем сильнее, многочисленней становится оно. Вместе с нами сегодня в селе Меделевке ночевали отряды Киевщины: Макаровский — капитана Коротюка, Киевский — Кузнеца и Новика, Радомышльский, он же второй Макаровский, руководимый совсем юным парнем с Белокриницкого стеклозавода Петром Жудрою. Они говорят, что впервые ночуют в селе. Не хотели бы расставаться с нами. Коротюк и Кузнец пишут заявления с просьбой принять их в наше соединение.

Встреча с местными партизанами была очень кстати.

Теперь у меня есть надежные, знающие проводники, связные, разведчики из самого Киева. Их предоставил нам Макаровский отряд капитана Коротюка. Макаровцы как бы проложили для соединения готовую дорогу от Тетерева до Здвижа. Далее к Днепру нас поведут киевляне.

Жаль, нет времени на разговоры: колонна соединения уже на марше. Беседовал с комиссаром Новиком уже на повозке. Уверяет: ребята крепкие, фронтовики, рабочие, интеллигенты. Прошли нелегкую школу подпольной, а затем и партизанской борьбы с врагом в невероятно трудных условиях, буквально под носом у оккупантов.

Следуем на Сваромье. Высылаю туда разведку — Куприяна Марченко с 86 автоматчиками. Жудра заверил, что этот опытнейший партизан сделает все, что надо: найдет дорогу через фронт, обеспечит необходимый контакт нашего соединения с наступающими частями Красной Армии. Внешне Куприян Марченко неказист, одежка сельская, домотканая. Но лошадка у него шустрая, бойкая, плетка на запястье у всадника — козья ножка с серебряным набалдашником, на ногах — постолы. На сухом лице с резкими морщинами — реденькая бородка. А глаза — чисто орлиные. Таков наш посланец, прослывший на Тетеревщине легендарной личностью...

26.9.1943 г.

Село Майдановка, 50 км северо-западнее Киева.

По радио нам сообщили, что задача идти на Сваромье отменена, что уже поздно.

Так или иначе возвращаемся почти тем же маршрутом — на Белую Криницу и Вышевичи, села, смотрящие друг на друга через Тетерев. Мы и на этот раз почувствовали, что значила для немцев Киевщина, в которую они вцепились мертвой хваткой. Едва перешли позавчера Тетерев, как в первом же селе Майдановка наткнулись на гарнизон в 200 гитлеровцев. С ними — рота саперов из военнопленных, которых пригнали сюда для разминирования Тетеревских лесов. Они поспешили сдать, некоторые разбежались. А 67 человек сразу же пошли в наши саперные подразделения. Гитлеровцы, оказавшие сопротивление, были уничтожены.

Уже смеркалось, когда мы расположились в Майдановке. Во второй половине ночи подверглись нападению карателей, подошедших из Киева. Им удалось захватить пушку у Сыпывого, но ее отбила контратакой армянская рота.

Враги откатились в поле, а чуть свет уже с гораздо большими силами пошли в атаку. Пришлось оставить Майдановку и с боем отходить в сторону леса — к Песковке и Мигалкам, через сплошные минные поля. Фашисты, правда, в этом бою потеряли два танка, два броневика и четыре автомобиля с солдатами, но продолжали настойчиво наступать, преследуя нас в лесу плотным минометным и артиллерийским огнем.

Пришлось уходить через заминированную просеку, строгойше придерживаясь приказа: «ни шагу в сторону от тропинки». Впереди пустили волов с порожними повозками. Это были все те же пинские непотопляемые тягачи, которые вывозили нас из болот.

Выстроившись в колонну по два со всеми мерами предосторожности, мы начали этот поход в глубину леса. Бежавшая впереди волов большая черная собака Жудры вскоре налетела на мину. Снова громыхнул взрыв, и не стало первого бурого вола, а когда убрали его останки с дороги, подорвался и второй. Благодаря этим жертвам мы прошли через минное поле и оторвались от эсэсовцев...

В дневнике моем — трехнедельный пробел. Заполняю его записями двух Иванов — Борова и Коренского, командира и комиссара Червоного отряда.

Коренский. 28.IX.43. Проливной дождь. Мы снова на аэродроме, в Замирах. К 8 утра стали в селе Добрынь на дневку. Обидно всем раненым: прошло четыре ночи напрасных ожиданий эвакуации.

Боров. 29.IX.43. В 11.00 заговорили пулеметы и минометы в Бучках и Бучках, где расквартированы Хинельский и Армянский отряды. С каждым днем гитлеровцев в селах все больше. Приходится иметь дело с фронтовыми частями.

Коренский 30.IX.43. Яновка. Конотопский, Киевский, Хинельский и Армянский отряды находятся в селах Потиевского района. Частые стычки с немецкими разъездами. Наша задача — занять село Устиновку Чоповичского района, где мы должны расположиться на ночь.

Боров. 1.X.43. Устиновка. В 4.00 разбужен бойцом Кохаровым, сообщившим, что подошли немцы. Бросили белую ракету. Затем красная ракета и автоматная очередь. Отряд поднимается по тревоге. Меня, как и всех раненых, увозят в лес, где сосредоточивается и весь наш отряд. В селе оставлены только боевые подразделения конотопцев. Немцы бьют из минометов, зажгли несколько построек. Бой продолжался до 12 дня, после чего немцы отошли к Чоповичам.

Коренский. 1.X.43. Сегодня день, который запомнится на всю жизнь. Недаром снилось, будто медленно умираю и меня хоронят со свечой в руках... Проснулся, когда началась стрельба. Отряду полагалось сразу же отойти на Будиловку (на юго-запад), а я приказал начальнику штаба Стаднику держать оборону...

Чтобы описывать детали, надо иметь время и бумагу, а у меня нет ни того, ни другого. Одним словом, я отошел с отрядом не на Будиловку, а вместе с конотопцами — на Рубанку, то есть к югу... Потом до-

кладывал генералу, как получилось, и вот гром на голову: меня обезоружили, арестовали «за спасение немцев», за то, что не заманил за собой в Будиловку, в западню...

Сердце кровью обливается, готов немедленно умереть, если действительно виноват. Что будет дальше со мной? Не знаю, какое решение примет командование соединения, но мучаюсь, как настоящий смертник. Для меня этот арест хуже расстрела. Что значит расстрел — это мгновение и только. А я еще принес бы пользу Родине. Нет слов, мне трудно писать. Кончаю.

2.X.43. Меньковка. Пока под арестом. Есть мнение командования: возвратить меня к прежней должности — политрука группы. Мне все равно — хоть рядовым. Ведь я воюю не за должность, а за Родину, мне чин безразличен. Как трудно прошли эти двое суток! Досада невыносимая! Спасибо, меня навещала Зина, приносила вчера перекусить... В связи с тем, что Зина, кажется, полетит в Москву, я решил передать с нею этот дневник, чтобы он мог сохраниться.

4.X.43. Будиловка. Я снова политрук роты. Нужно взяться за работу так, чтобы смыть грязное пятно — арест. Ребята все рады мне, ведь я давний групповод их, проделал немалую работу в смысле поднятия дисциплины и воспитания бойцов...

Боров. 8.X.43. Старики. Погода ясная. В бронзе леса. Все отряды собрались на берегу Ирши, где стояли до вечера. Шло совещание комсостава. Решено рассредоточиться поотрядно и действовать каждому самостоятельно. Намечены сектора. Нашему отряду приказано быть при штабе соединения.

Коренский. 9.X.43. Замиры. Это село — на шляху, по которому часто проходят немецкие войска из Чоповичей на станцию Турченку. Вечером ездили на аэродром, в Забраное. Самолетов не было. Наша диверсионная группа возвратилась с боевого задания, пустив под откос семь эшелонов с грузами и живой силой. Действовали на железной дороге Ростов — Киев.

Боров. 10.X.43. Замиры. Нахожусь при штабе соединения, а мой отряд — в селе Дерманка. Здесь подписан приказ — эвакуировать меня на лечение в Москву. Командиром назначен Верховский, а комиссаром капитан Муракин. Только хотели зачитать этот приказ отряду, как на Дерманку начали наступать немцы, прибывшие на 18 машинах. Стадник с сотней конных поскакал в помощь конотопцам в Буглаки. Немцы, которых было намного больше, трижды атаковали их, открыли огонь из орудий, начался пожар: но наши партизаны крепились и село удержали. Бой длился десять часов. Генерал послал хинельцев в обход, чтобы ударить с тыла. Немцы струсили и бежали, оставив убитыми и ранеными 160 солдат и офицеров.

Коренский. 10.X.43. Будиловка. Вели сильный бой. Наш отряд дважды ходил в атаку из Будиловки в Буглаки; за третьим разом убивали немцев с большими для них потерями. Подбито три машины. У нас убитых нет, но трое ранены: Васянович, Титов, Паулов. Да, бой был жаркий и неравный. Немцы приезжали на 25 машинах и с двумя танкетками. Но победа за нами!

Мой номер с отправкой в Москву дневника не вышел: не было самолетов. Правда, прилетел один, осветил прожекторами аэродром да как шархнет четырьмя бомбами! Только впустую: кроме горящих костров, на площадке ничего не было.

Боров. 11.X.43. В шесть утра выехали из Замир. Проследовали к Устиновке, где оказались немцы. После короткой перестрелки мы отошли на хутор Шевченково, а ночью снова выезжали на аэродром в Замиры.

Боров. 12.X.43. Гута Потиевская. Только позавтракали, как на Червоный отряд в Замирах напали немцы, прибывшие на сорока машинах. Но мы боя не принимали. Всем соединением совершили бросок за Тетерев, в район Кодры. Прошли до полусотни километров.

Коренский. 14.X.43. Стоим в лесу за рекой Тетерев. Ушли из Потиевского района. Теперь там базироваться невозможно, эти места насыщены фашистскими войсками, и нам приходится туговато. Но ничего — наше будет еще за нами!

15.X.43. Полицаи обстреляли нашу разведку в селе Крымок. Ребята оставили лошадей, а один разведчик не вернулся — это Толстыкин Ваня. Он жив, конечно, где-то плутает по лесу.

Боров 16.X.43. Сегодня стоим в лесу. Обороняем Белую Криницу. Ночевали в ней же. Варим суп в ведрах. Утром, еще не успели позавтракать, как немцы начали нас обстреливать, ведя огонь с левого берега. Перестрелка длилась до 17 часов. Можно пойти позавтракать, отобедать, поужинать...

Коренский. 18.X.43. Меньковка. Обрато переправились через реку Тетерев. Целый день стояли в этом селе и в Меньковском лесу. Немцы пытались наступать с двух сторон, но везде получили отпор. У нас убит Коля Коршок, политрук роты Хинельского отряда, молодой, но уже ветеран «хинельской гвардии». И еще — командир взвода старший лейтенант Анатолий Полущенко. Вечная им память...»

На этом я заканчиваю цитировать дневники Борова и Коренского.

19.10.1943 г.

Село Вышевичи, 60 км северо-западнее Киева.

Не спят хозяйки: заквашивают и месят тесто и пекут, пекут, пекут. Не сомкнуть им глаз, будут работать беспрерывно сутки — надо сделать три выпечки хлеба, на это отпущена и мука, наколоты и нарублены дрова.

У нас же — своя работа: держать Вышевичи и переправу, не подпуская к ней врага, наступающего от Радомышля долиной.

Гитлеровцев — не менее полка пехоты. Они атакуют, не считаясь с потерями. Заняли хутор Пасеку, заполнили Межиричку, Заболоть, Великую Рачу. Они настойчиво штурмуют, а трубы в Вышевичах все дымят...

Только один Армянский отряд введен в дело. Он обороняет западную околицу села. Командует им в отсутствие Осипяна комиссар Павловский.

Наши армяне успешно выдерживают экзамен на стойкость. Уже захвачено немало трофеев: медсанбатовский обоз — 70 фур, 8 автобусов, 6 грузовиков, 150 лошадей; обмундирование, белье, 500 шерстяных одеял, оружие с боеприпасами и... французское вино в корзинах...

Что опасней: бочка с порохом, бочка со спиртом или наступающий полк гитлеровцев? Конечно, опасней спирт! Раненый Осипян не усидел, приказал подать коня!

— К черту контратаковать! Зачем заходить в тыл наступающим, когда они сами к нам лезут — по голым полям и при сиянии солнца? Какая необходимость вылезать из окопов, из крепости-села, где любая хата может быть дзотом!

Так говорил и я Павловскому. Трижды не разрешал, запретил идти в обход и брать на то дело людей. Но, видимо, кое у кого зашумело в голове французское...

Отделение Рубена Акопяна решило пробраться в тыл наступающим. Одетые в немецкие мундиры, они сумели просочиться на КП к противнику, пройдя лозняками у теревского берега.

— Братья, прекратите наступать на своих! Стойте! Красная Армия подступила к Киеву! — кричал врагам отделившийся. Он считал, что наступающие — легионеры или власовцы, и надеялся повернуть их оружие против немцев. Однако это оказались эсэсовцы, прикрывавшие КП и штаб. На мгновение они остолбенели, бросили оружие и подняли вверх руки с засученными рукавами. А затем, по знаку оберста, расступились, и залегшие позади пулеметчики плеснули в партизан несколькими свинцовыми струями. Многие из них пали на поле боя.

Там же, при попытке выручить из беды отделение Акопяна, пали комиссар Юрий Павловский и помпохоз Иван Козеха, которых теперь заменили Петр Величко и Зосим Шелест, командир Белоцерковского...

20.10.1943 г.

Там же, в Вышевичах.

Много новостей. Прежде всего, сбросили нам офицеров-радистов. Одному из них, капитану, нужно помочь перебраться в район Коростеня, где он возьмется за этот важнейший транспортный узел, а также за Житомир...

На охрану его рации выделяю группу лучших автоматчиков, среди них Вася Сидоренко как наиболее опытный подпольщик. Придаю также ему Чоповичский отряд, который станет отныне разведывательно-диверсионным и будет работать на фронт.

И еще явился парашютист — страшный лейтенант Леонов. Привез приказ УШПД от 18.9. 1943 г. Согласно этому приказу, мы должны действовать вместе с партизанскими соединениями под командованием Шитова, Скубко, Одухи, Олексенко.

Соединение Сабурова — мой левый сосед с разграничительной линией вдоль железной дороги Сарны — Киев. Моя

правая разгранлиния — Брест-Литовское шоссе. Наша общая цель — Киев.

Надеясь встретиться с другими соединениями, мы рейдировали, то ведя бои на берегах Ирши, то уходя в долину Тетерева. Приготовились к рывку в район Киева. Еще две ночи — и мы будем в пущах под самым городом.

21.10.1943 г.

Село Хомовка, 55 км западнее Киева.

Дремучий заповедный лес. Сегодня стоим на месте. Ждем вечера. Сейчас только утро, у меня, наконец, есть время ознакомиться с дневником Киевского отряда, с «узелками на память» Миши Дьяченко.

Почти ни одной точной даты, а лишь: «зима», «весна», «лето»...

Около сотни предельно кратких, емких записей, начатых еще зимою 1941 года, сделанных твердым размашистым почерком.

1. Зима 1941-го. Люди ходят, как зачумленные. Самое большое развлечение — игра в карты.

2. Повстречался с хлопцами, на которых надеюсь: Дан(илук), Ник(олаенко), Буд(ник) *.

3. Играем в карты и заодно выведываем у населения, где видели брошенное оружие.

4. Приезжали немцы за податью. Стреляют кур, орут: «Матка, яйки!», увозят свиней, угоняют скот.

5. Полицаи вынюхивают и отнимают у людей «военное имущество», вылавливают бежавших из плена красноармейцев.

6. Районный старшина из Бородянки собирал сходку, молол про «Вильну Украину».

9. В Киеве голод.

10. Некоторые знакомые в растерянности — не знают, что делать; кое-кто пошел работать.

11. Изучение в Козинцах своих людей и предателей закончено. Собраны сведения об оружии.

12. Договорились: каждый из нас побывает в Киеве у знакомых, разведает, с кем можно поддерживать контакты.

15. Установились морозы. Село выполняет разверстку на кожухи, теплые кашне, рукавицы и соломенные чувяки. Люди смеются, ищут в хлебах старые попоны, которыми укрывали телят, и шьют наколенники для войск Гитлера.

16. Городской люд кинулся менять по селам: у каждого свои новости и все обозлены на оккупантов.

---

* В заметках все фамилии и имена сокращены для конспирации. В дальнейшем тексте фамилии и имена для удобства чтения подаются полностью и без скобок.

23 Был в Клавдиево у старика Полякова. У него 12 надежных человек с оружием, согласны на любое задание.

29. Василек Поляков (сын старого Полякова) вместе с радиотехниками Михиевичем и Харитоновым собрали радиоприемник. Слушали Москву, записали сводку, размножили ее от руки, отослали в Киев, Ворзель, по району.

33. Недалеко от Козинцев есть два минных поля в лесу. Тысячи замечательных «штучек» для диверсий! Но теперь они приморожены. По дождем — оттают.

40. Сошел снег. Нашел в лесу пять коробок запалов для гранат. Другие нашли и сами гранаты, и заряженные диски к пулемету.

41. Втроем ночью были в лесу. Разжились кое-каким оружием.

42. Клавдиевские ребята тоже нашли оружие. Я поделился с ними запалами для гранат.

46. Каждый день принимаем сводку Информбюро, размножаем, отправляем в Киев, Ворзель, Клавдиево, Козинцы, Рубежовку.

49. Массовый саботаж. Наши портят оборудование на восстановлении железной дороги.

50. Срываем отправку молодежи в Германию. Уже все знают правду — там каторга.

51. Мне в Клавдиево дорога закрыта: слезка. Поляков предложил уходить в лес с его сыном Васильком...

А немцы трубят в газетах, что скоро захватят Сталинград.

В этих кратких записях дневника — вся история возникновения, укрепления и боевых действий Киевского партизанского отряда. Каждая из них — свидетельство мужества и стойкости советских патриотов. И главное — коммунисты были цементирующей силой отряда!

Подзываю к себе Дьяченко:

— Расчудесный ты, Миша! Молодец! Очень интересные, полезные заметки!

Дьяченко только что возвратился из Клавдиевских лесов и Козинцев. Привел 250 бойцов пополнения, отобранного и присланного Николаенко и Середой. Вооружены, правда, через одного. Но у нас есть много запасного оружия. Только вчера снова подбирали сброшенные с парашютами автоматы.

Читаю донесение К. И. Середы, комиссара Киевского местного отряда. Сообщают: у них уже не группа, а два отряда. Они захватили на станции вагон с вооружением. Операцией руководил подпольщик Дубровский, привлекавший подруг комсомолки Жени Тищенко. Вынесено на руках три станковых пулемета, 28 винтовок, другое оружие и различные боеприпасы. Они минировали также полотно железной дороги и шоссе. Подорвали 8 автомашин, убили 27 нем-

цев, захватили зенитные пулеметы и автоматы. На Марьяновской дороге тоже проведена засада, обстреляна легковая машина.

Решаю: Дьяченко со связной Харитой, Вазником и группой автоматчиков из Киевского отряда послать вперед. Надо предупредить Николаенко и Середу, чтоб умерили боевую активность и прекратили вылазки против гитлеровцев, так как соединению потребуется полная скрытность в Клавдиевских и Козинецких дубравах.

Дьяченко, прежде чем отправиться в дорогу, оставляет в свою очередь провожатых для соединения — Катю Ткаченко с ее подружкой Марусей Хоменко. Никто лучше их не проведет колонну, особенно на подходах к реке Здвиж, где, не зная местности, не перейти болота и реки даже одиночному путнику.

Глава VII

В дубравах под Киевом

24.10.1943 г.

Лес, 25 км западнее Киева.

3 300 наших партизан окопались в Клавдиевских лесах. Под нашим контролем весь массив этих тенистых дубрав, дачные поселки и хутора. Удивительно, что враг до сих пор не отважился выступить против нас. Должно быть, побаивается, полагая, что осуществляется задуманная генералом Ватутиным какая-нибудь ловушка. Разведывают...

Наезжающие в Дуброву Ленина *, Козинцы и Немешаево полицаи хвалятся, что они, мол, знают, кто окопался в лесу. Карапетян со своей разведкой разогнал и частично перебил команду какой-то немецкой артиллерийской части, тянувшую кабельную линию и усадившую наблюдателя на вершине самого высокого дуба в нашем тылу со стороны реки Здвиж.

По всей вероятности, немцы готовятся бросить против нас авиацию. В ближайших селах противник сосредоточивает танковые части. В небе барражируют самолеты. В лесу у нас тягостная, напряженная тишина. Безводье. Почему-то начали дохнуть лошади. Первым пал мой гнедой. Страшно смотреть на раздувшиеся туши бедных животных с неестественно задранными ногами. Похоже на отравле-

* Дуброво-Ленинское.

ние. К счастью, другой мой конь, любимый Серый, простоявший эту ночь у тачанки, остался невредим. Нам не до поисков отравителей. Надо изготовиться к прыжку под самый Киев. На пути — сильно заболоченная река Ирпень. Туда не более пятнадцати километров, которые, надеюсь, пройдем к первой половине ночи. Изучаем этот маршрут по карте, где все легко и просто. Расспрашиваем местных жителей.

— На бумаге не мешают овраги...— Придвигается ко мне комиссар Кищинский.— А попробуй сунуться!.. Ночевать бы тут, ейной маме!.. Кто поручится, что те берега — кисельные? Что не ждут нас по ту сторону пулеметы в дотах? Попробуй перейти реку под свинцовым ливнем!..

По всей вероятности, сначала пойдем балкой, которая пересекает поле, затем перейдем вброд торфянистую речушку Бучу, за ней — большие кустарники и снова поле, и только потом — заветный рубеж, река Ирпень. Пойма Ирпеня заболоченная, широкая. По ту сторону реки лес. Он тянется до самого Киева.

Мы знаем, что немецкие оборонительные рубежи по рекам Ирпень, Здвиж и Тетерев оберегают две танковые дивизии. Это резервы немецкой обороны Киева. О самом Киеве и говорить нечего: там, может быть, десяток таких дивизий. Это слишком серьезно, хотя наша роль вспомогательная в готовившейся операции войск Красной Армии по освобождению Киева.

25.10.1943 г.

Там же в лесу, близ станции Немешаево.

Неоценимую помощь оказывает нам разведывательная сеть Леоновой, Миндича, Николаенко и Ясоловой. Она состоит главным образом из девушек и старушек, но эта сеть могуча своей информированностью и умением проникать в расположение врага. Не будет преувеличением сказать, что они все видят, все слышат и все знают. Нити их связей тянутся до самого Крещатика, вяжутся узелками явок через дачные поселки Клавдиево, Немешаево, Кичеево, Ворзель, Буча, Горенка, Пуца-Водица. И как ни стараются оккупанты, им не порвать этих нитей, не развязать этих узелков.

Леонова и Николаенко через свою сеть собирают ценные разведывательные данные, которые мы тут же передаем офицерам разведупрфронта.

Близится ночь. Отряды стоят на исходном рубеже, в общей колонне. У моей тачанки собраны все конные развед-

чки, проводники, командиры местных партизан Николаенко и Миндич, Маруся Леонова с группой девушек. Они готовы вести нас до Крещатика. Отдельной группой стоят наши «кадровые» командиры и комиссары девяти отрядов: Сыпловый и Петрикей, Боров и Коренский, Саморока и Чуркин, Осипян и Величко, Кузнец и Новик, Коротюк и Шевченко, Кучеренко и Таратута, Федоренко и Лопата, Жудра и Пашкевич. Они ждут своего часа, готовые ко всему. Мрачная решимость на молодых лицах. Все молчат, ожидая сигнала к действию. А я никак не могу оторваться от карты, не решаюсь отдать подписанный приказ, хотя его уже на память знают командиры и комиссары.

Оглядываю тесный круг своих побратимов, всматриваюсь в лица командиров и комиссаров, готовых на все. Одно только слово, и они ринутся в огонь и на броню вражеских танков, увязнут в трясилах Ирпеня, поливаемые перекрестным многослойным огнем.

Вдруг появляется наш главный радист Борис Козлов с радиограммой от секретаря ЦК партии Д. С. Коротченко. Читаю вслух:

«Наумову, Кищинскому. Отходить на запад. Повторяю — только на запад! Прежняя задача отменяется...»

Исчезли каменные маски с лиц командиров. Обращаюсь к начальнику штаба Мельнику: «Идем назад!» И диктую приказ Николаенко и Миндичу.

Приказ № 044 от 25.10.1943 г.

Николаенко и Миндичу оставаться в Клавдиевских лесах. Работать на разведупр, чтобы помочь фронту. Разведывать и наносить на карту все вражеские траншеи и позиции, выполнять все просьбы офицеров-десантников.

Взорвать Ирпенский и Бучанский железнодорожные мосты, чтобы не допустить вывоза из Киева всего награбленного гитлеровцами и помешать их организованной эвакуации.

Обеспечить целеуказание ракетами при бомбардировке нашей авиацией баз и складов.

Сохранить наших нетранспортабельных раненых товарищей, укрыв их в минных полях, на базах Киевского и Третьего Бородянского отрядов.

Теперь без промедления в обратную путь-дорогу, в глубь вражеского тыла.

Часом позже был отдан приказ и соединению.

Вперед — на запад! Таково его содержание.

26.10.1943 г.

Забуянский лес, 50 км западнее Киева.

— Танки — слева!

— Танки — справа!

Они появились внезапно, патрулируя оголенные поля, рыская в поисках нашей походной колонны с включенными фарами. Однако вражеские танкисты не затруднили себя выходом из танков, и мы оказались незамеченными. Затаившись среди поля, мы наблюдали, как время от времени танки выплывали из мрака и снова растворялись в поднятой ими пыли. Обошлось без боя.

Так миновала ночь. Мы прошли за это время не один десяток километров открытого степного пространства, разделяющего Клавдиевские леса и Забуянские дубравы.

Шли молча, без привалов. Только при виде леса, проступившего в лиловом тумане утра, вырвался тысячный вздох облегчения:

— Пришли!

Как снопы, повалились люди на подмерзшую землю и тут же уснули. Натруженно храпят и кони, которых пришлось угонять подальше, чтобы они не попались на глаза вражеским танкистам. Партизаны спят вповалку, жадно вдыхая чистый, пахучий воздух, насыщенный прелью опавших листьев.

— Пришли-то пришли, — озабоченно замечает Кищинский, — но еще не прошли!

Мы склоняемся к освещенной фонариком карте и принимаем единственное решение: без промедления — вперед, за реку Тетерев, где оставлены в селах наши кони и припрятаны в укромных местах седла. Нам не миновать в лесных селах вражеских гарнизонов, но в тиши дубрав можно двигаться и днем, лишь бы хватило сил.

И вот снова построение.

— Киевский — в голову колонны!

В пальто, в пиджаках, в немецких и венгерских шинелях, в трофейных пилотках и фуражках, а то и вовсе с непокрытыми шевелюрами киевляне следуют за походной заставой Петра Химича. К хвосту тощей лошаденки хлопцы привязали «максим», и он подпрыгивает на корнях, громяхая на ухабах.

За киевлянами идут макаровцы. Впереди — лейтенант Пасько в жандармском кивере и трофейном клеенчатом дождевике. Рыжие усищи и озорные глаза, в каждом движении — удаль.

Пасько подшучивает над Осипяном. Он часто оглядывается и, копируя командира армян, выкрикивает:

— Бис-стрэй, бис-стрэй, джан-Ереван!

Осипян широко улыбается с повозки, сверкая белизной зубов. Смеются и остальные армяне.

Нет конца нашей колонне. За армянами идут сумчане — ветераны и основатели соединения: хинельцы, эсманцы, участники брянских и хинельских походов, герои Степного рейда. А еще дальше — партизаны белоцерковские, коростышевские, радомышльские...

Встревоженно трещат сороки, порхают сойки. Солнце расслабляет и томит, пронизывая бронзовые кроны дубов и дробясь на опавшей светло-желтой листве берез и кленов.

И вдруг крики:

— Немцы впереди! Немцы на конях!

Действительно, гитлеровцы стоят на полотне железной дороги и, показывая на пулемет, привязанный к хвосту лошади, покатываются со смеху. Приняв партизан за полицейских, они приветствуют их возгласами по-русски:

— Го, го, го! Спешили? Устали? Пулеметы нести не можете?

Химич сперва опешил: неужели наши? Но в эту минуту в стороне на вырубке показались танки, раздались выстрелы, захлопали разрывные пули. Вздрогнула и заколебалась колонна киевлян. Кузнец иступленно закричал:

— С дороги в сторону! Ложись! К бою!

Фашисты тоже бросились по своим местам, судорожно припали к пулеметам и брызнули огнем. Одновременно заработали пулеметы где-то справа и слева.

Сияясь перекричать грохот, Химич командовал:

— Огонь!

— Ленты, ленты с патронами!

— Ой-ой!

Кто-то бросился назад, кого-то сшибло, и он ткнулся лицом в прохладную землю. Гремят залпы, пулеметы стригут орешник. Командиры стараются перекричать шум боя: «Вперед, вперед, по-пластунски!..» Перед глазами кони, бегущие без всадников, метнувшиеся назад люди. Со всех сторон крики:

— Куда лезешь? Убьют!..

— Вот попали!

Но вот все крики перекрывает мощный клич:

— Коммунисты, вперед! Ура-а... В атаку!

— Ура-а! — подхватили со всех сторон, и десятки людей, обгоняя друг друга, помчались вперед.

— Вперед, вперед, братцы!

— Ой, мамочка!

— За Родину-у-у! — Протяжный, все заглушающий крик покотился по лесу. Грянула партизанская артиллерия.

— Ура-а! — шумел и катился людской прибой, уже перехлестнувший железную дорогу. Колонна развернулась и атаковала широким фронтом.

Гитлеровцы не выдержали. Они бежали кто куда, оставив на просеке убитых и раненых. Длинный обоз полковых фур, запряженных мохноногими битюгами, стал нашей добычей.

Вправо, вдоль железной дороги, убегающих преследовал взвод Химича, влево по танкам били наши орудия. Забыты усталость и бессонная ночь. Уже слышны смех и шутки. Проголодавшиеся бойцы бросились к походным кухням фашистов.

— Братцы! Макароны, мясо!

Они пригоршнями загребают горячие, дымящиеся макароны.

Кто-то торжествующе провозглашает:

— Фура с хлебом!

Наскоро организуется сбор трофеев — боеприпасов, оружия, продовольствия.

Пасько показывает Кузнецу планшетку.

— Сюда гляди, у меня — приказ командующего охранными войсками.

Он начинает переводить приказ о карательных операциях против партизан, подписанный самим генералом Шеером.

Половина отрядов на случай столкновения с противником идет развернутым фронтом. Опомнившиеся гитлеровцы ведут минометный огонь по месту, где произошла схватка.

Отойдя километра четыре, делаем в лесу привал. Где-то позади гудят танки. На всякий случай занимаем круговую оборону и тщательно маскируемся. Однако танки выжидающе останавливаются. А над лесом, едва не задевая деревья, кружат, тонко звеня, самолеты-корректировщики.

Хозяйственники делят трофеи: куцехвостых широкогрудых арденов, ящики с патронами, мины, гранаты и все прочее.

Окопавшись, бойцы уснули. Устроились на отдых и командиры. Минометы и пушки противника все еще ведут огонь по прежнему месту. Рвутся снаряды. Немцы надеются «накрыть» нас где-нибудь на привале.

С Кищинским и Мельником оцениваем наше незавидное положение. Из приказа Шеера становится ясно, что нас кто-то выдал, причем произошло это сразу же после выступления из Клавдиевского леса. Ведь никто из нас, в том числе и я сам, еще вчера утром не знал, что пойдем на

запад, поскольку указание на этот счет пришло только вечером. И вот, не прошло и полсуток, а враг уже встретил нас у Забуянья. Без сомнения, сработала агентура Шеера. Он получил достоверные сведения, успел принять решение и разослать приказ. А главное — вражеские части уже прибыли на указанные им участки.

— Феноменально, — вскидывает брови Кищинский, — но факт! Они ловили нас еще в степи. Как в паутине... Мы батальон разбили, а это, оказывается, лишь палец в кулаке Шеера...

— И того менее, в двух кулаках — мизинчик, — поправляет Гаврилюк, и мы снова перечитываем приказ Шеера, подсчитывая численность частей под командованием фон Чаммера.

Решаем ожидать вечера. Пока же — как можно тщательнее укрыться, окопаться и отдохнуть.

Надо все взвесить. Мы в центре трехслойного кольца. Внутреннее кольцо состоит из отдельных батальонов, ожидающих нас на берегах заболоченных речек Гуски и Белки у торфоразработок. От этих мест мы находимся в нескольких километрах.

За внутренним кольцом — среднее. Оно состоит из бронемашин, танков эсэсовского полка «Бранденбург» и полицейских сил.

Третье образуют части 213-й охранной дивизии, расположенные вдоль шоссе и вниз по Тетереву.

«Плотно блокировать и уничтожать партизанскую группировку, не допустив прорыва за реку Тетерев не только групп, но и партизан-одиночек» — так сформулирована задача в приказе, и командир дивизии фон Чаммер получил, наконец, возможность свести с партизанами старые счеты.

А началось с того, что фашисты в этих местах развернули усиленные лесоразработки. Они рассчитывали нацедить здесь тысячи тонн смолы и скипидара, собирались построить фанерный и бочкотарный заводы, проложили новую железную дорогу. Благое дело, «зеленое золото» простиралось на сотни километров — было что грабить.

Здесь даже побывал сам Гиммлер. Собрав начальников СС и СД, охранной полиции и жандармерии всех областей Украины, он объявил, что через пятьдесят лет от Карпат до Уральских гор не останется ни одного славянина, что Германия осуществит второе великое переселение народов — переместит немцев на Украину, а украинцев загонит в тундру. В заключение Гиммлер пообещал, что сотрудники СС получат имения на лучших землях Украины.

Однако не суждено было фашистским колонизаторам осуществить свои планы. Красная Армия громит их на фронте. Партизаны прочно закрепили за собою леса, начиная от Киево-Житомирского шоссе и к северу, вплоть до белорусского Полесья. И фон Чаммеру пришлось свернуть лесоразработки.

...Стемнело. Мы снова на марше. Узкую прямую дорожку тесно обступают сосны. То скрывается за быстро летящими облаками, то вновь выглядывает полная луна. Ветер шумит в кронах деревьев. Неслышно идет колонна. Лишь изредка стукнет повозка, наткнувшись на корень, да фыркнет в обозе лошадь.

И вдруг одна за другой взлетели искры — голубые, светло-зеленые. Что-то треснуло. Шипя и брызгая светляками, взвилась ракета. Злобно застрекотали пулеметы... Но тут же все стихло. Из головы колонны сообщают, что это гитлеровцы обстреляли нас в упор и скрылись. Четырнадцать партизан ранено.

— Лежать! Не обнаруживать себя! — отдается приказ по колонне.

Я пробираюсь вперед. Удар пришелся по головной заставе. Пострадал взвод лейтенанта Еременко, сам он тоже ранен. Пострадавших перевязывают в темноте. Зная, что нельзя нарушать тишину, ребята молча преодолевают боль.

Повсюду вспыхивают ракеты. Но темнота скрывает не только нас, она прячет и врага. А он всюду: в хуторах, на высотках, на перекрестках дорог, на опушках леса. И везде подстерегают нас пулеметы...

И снова тот же вопрос: как быть?.. Наступать, не имея возможности даже развернуться? Отходить? Но куда? У нас нет ни тыла, ни флангов, кругом один враг — в секретах, засадах, заслонах...

Партизаны лежат на просеке. Простор только вверху, над узким просветом между вершинами деревьев, да и то лишь когда в разорванных просветах быстро несущихся по небу туч проглядывает неприветливая луна.

Муторно на душе у каждого. На дороге из Киева со стороны Боровки слышен непрерывный гул машин. Это противник сжимает кольцо. Он знает, что мы в западне, и принимает меры, чтобы не дать нам прорваться. Каждые полчаса наши разведчики доносят из Комаровки, лесной деревеньки в каких-нибудь полутора-двух километрах от нас, о прибывающих фашистских войсках. Пользуясь темнотой, разведчики прямо из огородов следят за подходом подкреплений врага.

В тревожном молчании проходит ночь. Южное направление перекрыто, путь на запад перерезан танковой колонной. Мы у нее буквально под боком. Если прекратится движение танков на Комаровку, может быть, нам удастся незаметно перейти дорогу. А если нет — то штурм колонной!..

К утру наши надежды сбылись. Мы перешли дорогу всего лишь в километре от села, заполненного танками.

Холодный ветреный день застал соединение в нескольких километрах от Комаровки. Мы окопались. Попарно в окопах разместились пулеметчики, следят за дорогой. Сквозь ветки орешника видно, как без конца бредут колонны усталых немецких солдат, их с ревом обгоняют бронемашинны, тянутся фурманки, запряженные тяжеловозами. И все — в Комаровку.

Пользуясь передышкой, киевляне хоронят павших товарищей — Ивана Третьяка и Юрия Чувашина. Хоронят по походному, без митингов и салютов. Кишинский, нахмурившись, уточняет потери этих дней. Составляю список погибших.

— Левкович Иван, Прокопенко Тарас, Русакович Ваня, Бурлаков Семен,— перечисляет по памяти погибших киевлян комиссар Афанасий Новик. Он заглядывает в записную книжку и добавляет:

— В Вышевичах еще трое: Целованский Борис, Ваховский Афанасий да Денисенко Коля...

Доктор Тарасов, отмечая что-то в своей тетради, подсказывает:

— Павловский Юрий, комиссар армянского отряда, Козеха Иван...

— Еще Бурлаков Семен,— перечисляет Новик.— И Евсеенко Микола, Лада Александр, Лукин Демьян, Лысак Семен, Люшаревич Леня, Микийчук Микола, Мовчун Петро, Сашко Рыбка, Предченко Иван, Сытник Ваня, Таращуки — Порфирий и Григорий, Петро Трегуб...

— А Березюк Никифор, Оладько Анатолий, Хурсамиди,— подсказывает Коротюк,— и Андрей Жудра...

— И Войналович Александр, Мирковский Андрей — конотопские, да еще Иван Галушко,— припоминает Петрик.

— Еще радомышляне,— добавляет Жудра:— Барановский Иосиф, Войтенко Даша, Дворская Галина, Дудус Петр, Кучинский Валя, Лысак Семен, Мороз Николай, Поляков Василий...

Холмы могильные! Где вас только нет...

Мы оставили их на Южном Буге, над Сулой, Росью и Тясмином, на Ятрани и Синюхе... И над Припятью, где не забыть геройской гибели под танками парторга Королькова, двух командиров отрядов — Щebetуна и Будаща, бойцов Ананьева Василия, Захаровых, Петра и Павла, Шурова Ивана, Шамана Григория, Тамбовцева Алеши, Мартовского Андрея, Феликса Островского, Ильи Жирова, Степана Королева.

На Звездали остался навсегда Иван Анисименко, наш первый комиссар, павший, как все, кто упомянут в этих скорбных списках, за честь и славу, за свободу нашей Советской Родины...

27.10.1943 г.

Село Веприн, 60 км северо-западнее Киева.

С каждым днем становится холоднее. Звездное небо, значит, будет ясный день, всегда опасный с «воздуха». Мы торопимся, чтобы успеть форсировать реку Тетерев. К двум часам ночи отряды подошли к берегу.

Звучат голоса:

— Вплавь будем, что ли, переходить?

— Как вплавь? Ведь на воде ледяная корка!

— А я и плавать не умею, — признается Надя Солодюк, врач Киевского отряда. И слышно по голосу, как трясет ее озноб. Зато бывалые партизаны бросаются в реку с форсом.

— Эй, кому пить хотелось — пользуйся!

— А ты разденься, да нагрей водицу, чтоб горлышко не застудить!

— Насморк не пристал бы! Наполеон, говаривали, будто из-за насморка проиграл Бородинскую битву!

— А как мне с винтовкой да с медикаментами переплыть, если я не умею плавать! — жалуется молоденькая санитарка из Макаровского отряда.

— Фу, черт, застыло кругом, и ни рожна не видно.

Тьма, ругань, плеск воды. Коней силой сталкивают с берега. Конникам лучше: кто держится за гриву, кто ухватился за хвост, иные, не слезая с коня, взламывают тонкий ледяной покров Тетерева.

Пешие, собрав одежду в узелок, ломают лед грудью, плывут толпой, кто как может. Люди задыхаются от сковывающего все тело холода, зубы выбивают дробь, и нельзя ее удержать. Все мышцы сокращаются. Учащенно стучит сердце. Наконец, нащупывается берег. Но на воздухе еще сильнее обжигает холод и стынет все тело. Тысячи нагих парней бросаются в хаты села Веприн. Бегут, растекаются

по кривым улочкам, заполняют избы, пугая разбуженных жителей. «Свят, свят,— пугливо крестятся на образа старушки, прячут глаза молодницы. А ребята, стуча зубами, все еще не могут вымолвить ни слова. Вытираются рушниками, дерюжками, отжимают одежду. Но вот немного отогрелись, и развязываются языки.

— Эх, мамаша, сейчас бы яешню з горилкою...

— Ой, риднэнький мий! — приходит в себя хозяйка. — Та дэ ж вона, тая горилка? — И уже сует в печь пучок соломы, ставит на огонь сковородку.

Какой-нибудь весельчак, поводя носом, кладет компас на ладонь и подносит хозяйке:

— Гляньте, мамаша, на прибор. Нет от него секретов. Этот учебный прибор все партизану скажет: и кто брешет, и кто горилку прячет...

Хозяйка испуганно глядит на бегающую стрелку компаса.

— Ах, божичко ж ты мий! Ой, соколики! Та я зовсим забула про тую горилку, що за Миколаем Угодником от старого ховала. — Под торжествующий смех гостей хозяйка тянется рукой за образа, куда указывает бегающая стрелка компаса...

Начинающийся за Тетеревом рассвет заставляет торопиться, и вот колонна снова в походе. Я оглядываюсь и мысленно прощаюсь с сине-зеленой далью. До свидания, Тетеревские леса! Мы, как только могли, оберегали вас. Настанет время — придем сюда с двустволкой, чтоб подкараулить краснобрового глухаря или выследить пышнохвостую лисицу...

29.10.1943 г.

Лес южнее Малина, 80 км северо-западнее Киева.

Наконец-то получено донесение от Куприяна Марченко. Рацию он не использовал, а прислал по эстафете связных и, конечно, потерял на этом бесценное для меня время. Наш посланец сообщает: «Прошли Розважевский, а также Ивановский районы (но когда это было!..) В районе Дымера встретились с Красной Армией. Весь материал, раздобытый по пути следования в штабе танкового немецкого корпуса и других штабах, — все в целости доставлено нашему штабу фронта». Словом, чудесно! Только для чего было вторгаться во вражеские штабы и рисковать главным — как можно скорее и незаметней пробраться в Сваромье? Зачем Куприян переполошил вражий стан — один аллах ведает. Впрочем, пожалуй, понимаю: он сводил счеты с гитлеров-

цами, пользуясь предоставившейся возможностью: ведь впервые в его распоряжении был значительный отряд автоматчиков. Это его намерение видно из дальнейшего сообщения:

...При помощи связной, местной комсомолки Цукан Нины, партизаны сняли часового, захватили двух офицеров и адъютанта командира танкового корпуса, с помощью которого проникли в офицерскую спальню, усыпив там на веки вечные каждого, кто попался под руку... Не забыли при этом прихватить с собой шеф-повара с его рабочими из пленных, которых взяли для пополнения своих рядов, вооружив пулеметами, захваченными у команды полицаев, возвращавшихся из засады против партизан Марченко... У села Зарудье они прихватили еще троих немцев, ехавших на двух подводах. С их помощью остановили автоколонну. Проверили, оказалось — порожняк. Успели подорвать четыре и поджечь пять автомобилей, а затем спасались от другой автоколонны с солдатами, из которых уничтожили семерых. У села Ивакино рано утром взяли в плен 13 конвоиров, освободили и распустили по домам 300 рабочих, валивших лес и ремонтировавших дорогу, разгромили лесопункт, пожгли все лесовозы и уничтожили мотопилы.

Далее разведчики пошли прямо к Днепру, счастливо миновав позиции и засады противника с помощью захваченного с автоколонной шофера. При этом им содействовал пленный немецкий офицер инженерных войск, а его карта с обозначением всех укреплений в полосе танкового корпуса досталась Куприяну. Тот же шофер вместе с пулеметчиком Роговченко и Цукан Ниной незаметно подобрался к самолету на полевом аэродроме и сожгли его зажигательными пулями из пулеметов. Отряд Марченко подорвал, кроме того, еще пять мостов. Он, по словам Куприяна, абсолютно «незаметно» проникал через вражеские позиции на фронте и действовал совершенно «тихо» и абсолютно «конспиративно», «осмотрительно и осторожно»...

Гаврилюк с восхищением говорит: «Славно сделано! С блеском исполнено!»

Наша разведка доблестно послужила всему фронту: доставила ценнейшие данные — вплоть до карты укреплений в обороне противника, привела «языков» — военного инженера и адъютанта командира корпуса!

«Это же Куприй, Куприй Марченко. Одиночка-партизан!» — припоминал я слова Жудры, рассказавшего, как однажды лупцевал этот мститель верзилу, отсиживавшегося дома на печи:

— Почему не воюешь? — орал он, крутясь на своей кобылице и настегивая верзилу плеткой. — Воюй, надо войну кончать! Не знаешь, за кого и с кем? Так вот тебе, вот тебе!!!

Вон, видишь Радомышль? Там немцы. Вон за рекой, в лесу, — бандеровцы! И вон в Потиеве — партизаны! Выбери: с кем и за кого. Да торопись, а то война закончится, не успеешь! Бери винтовку, стреляй хоть в черта, а только не сиди дома!..

Таков Куприй. Он не мог обойтись без своей «взрывной» агитации даже во время особо важной разведки на территории, заполненной врагами.

Прифронтная полоса. Села забиты вражескими войсками. По дороге Радомышль — Малин прошла автоколонна — 500 машин с солдатами. Мы все время маневрируем. Об этом в дневнике у Коренского записано так:

«...Когда мы были в Клавдиевских лесах, немцы прочесывали Тетеревские. Ходили в три цепи по лесу. Так они прочесывали и Иршанские леса, когда мы были в Тетеревских. Доносили командиру: «Банда прорвалась на восток». Ну, а теперь, наверное, будут писать: «Банда прорвалась на запад»...».

1.11.1943 г.

Село Десятины, 12 км юго-восточнее Коростеня.

Встретился разъезд диверсионно-разведывательного Чоповичского отряда. Возглавляет его юный партизан Вася Сидоренко. Рассказывает, что рассеяли взвод полицаев, отбили 40 лошадей и уничтожили легковую машину. Они специально гоняли наших коней по селам, говоря: «Это лошади Наумова. Его соединение уничтожено».

— Как же так? Втроем разогнали целый взвод? — недоумеваем.

— Мы мчали по селу, а за углом сарая — нос к носу столкнулись с верховыми. Мой первый номер Иван Бомбардер. Он так вздыбил коня, что один немец с перепугу заорал благим матом:

— Партизан!.. — И этого было достаточно, чтобы весь взвод как ветром сдуло...

Меняются времена: все страшней становятся оккупантам и их приспешникам партизаны, и все больше нас, партизан, на Украине. Наша Чоповичская группа Федченко и Сайченко стала уже отрядом, закрепились в лесах вокруг Коростеня. Капитан-радист обосновался в Чигирях, в полукилометре от Коростеня. Юные разведчицы отряда взяли

под свое наблюдение не только станцию, но и весь транспортный узел, выслеживая уходящие из него автоколонны и эшелоны. Капитан по два раза на день отстукивает свои радиogramмы.

2.11.1943 г.

Село Мелени, 22 км юго-восточнее Коростеня.

Завтра уйдем из треугольника, а местные отряды останутся. Пусть берегут население от оккупантов, сохраняют хлеба и скот.

Остаются:

Второй Киевский — Николаенко и Середы;

Третий Бородянский — Миндича и Будника;

Второй Белоцерковский — Барашкова и Демьянова;

Второй Макаровский — Грабара;

Третий Макаровский — Федоренко и Лопаты;

Радомышльский — Жудры и Бойко;

Малинский — Белоруса;

Потиевский — Грищенко и Пашкевича;

Чоповичский — Федчука и Сайченко.

Всего до тысячи человек. Эти отряды сохранили конный состав. Спасибо Плаксину. Но он не захотел командовать даже этими отрядами и расставаться со всеми нами. Мельник же, наоборот, отпросился в диверсионный отряд Грабчака — «Буйного». Я не удерживаю. Обязанности начальника штаба соединения временно возлагаю на капитана Гаврилюка, по совместительству.

Лейтенанта Плаксина назначаю начальником штаба к Сыпльовому, где майор Горобец останется в заместителях.

Глава VIII

Конец «Бранденбурга»

4. 11. 1943 г.

Село Белка, 80 км северо-западнее Житомира.

Сегодня утром под прикрытием сильного тумана вдруг подкатили бронемашины и более ста автофургонов полка СС «Бранденбург». Эсэсовцы прямо с машин открыли по нас огонь, после чего, сопровождаемые бронемашинами, пошли на штурм. Обрадовались, что наконец-то настигли нас, но, видимо, не учли, а может быть, и не знали о наших долговременных огневых точках — дотах, хоть и полуразру-

шенных, хоть и без крыш, зато с амбразурами. Хорошо послужил нам, партизанам, старик-укрепрайон! Бой не прекращался до вечера. Бесстрашно сражались партизаны Макаровского и Коростышевского отрядов. Червоный отряд эсманцев отбил у врага две пушки. Армянский, выручая киевлян и конотопцев, завершил бой сокрушительной контратакой. С упорством обреченных дрались и эсэсовцы. Ведь у них был приказ: «Победить или погибнуть!»

У нас тоже есть убитые. Но настроение в отрядах отличное.

— Разбили! — ликовали партизаны. — Не мы уносили ноги, а они свои пятки мазали!

Пишу радиодонесение начальнику УШПД: только сегодня в восьмичасовом бою истреблено 214 немецких солдат и офицеров, уничтожено три бронемашины, пять автомобилей, захвачено две пушки, семь пулеметов, пятьдесят винтовок, тридцать автоматов, много снарядов...

Эти славные страницы в летописи нашего соединения так записаны лейтенантом Георгиевским:

«Дорога битком забита: люди, кони... Все спешили, разминают ноги. Санитары Хинельского запалили бурьян, и ветер поднял желтые языки огня, легкий дымок взвился над полем.

Шутки, смех. Но вот показались три всадника. Озабоченные, широкой рысью мчались они из головного отряда. Все узнают Романа Астахова с братом Ильюшкой и Володей Керножицким из разведки соединения.

— Что нового, ребята? — раздалось несколько голосов, и Керножицкий, скакавший задним, сообщил доверительно:

— Скоро немцев сушить будем. Километрах в четырех отсюда!..

Начались догадки, где, сколько немцев, удастся ли ночевать в тепле? Начали будить загостившегося у «соседей» помпохоза из Червоного:

— Вставай, Батеха, тикай: твой отряд, кажется, в хвосте сегодня.

— Мотай, немцами пахнет!

Брезент зашевелился, из-под него показалась измятая физиономия Батехи.

— Дэ нимци? Як меншэ полка — нэ турбуйтэ!

Под общий смех Батеха снова скрылся под брезентом.

Самодов Митя, высокий блондин из Архангельска, в кожаной мадьярской куртке с орденом Ленина на груди, рассказывает, как отличился Батеха под Первомайском, расстреляв из автомата почти взвод эсэсовцев. Они вели огонь по окнам хаты, а Батеха подсекал их, укрывшись за дымарем.

Впереди прогремели пушечные выстрелы. Все насторожились.

Захлопали знакомыми двойными выстрелами немецкие винтовки-маузерки, и вдруг застучал длинной четкой очередью «максим». Впереди началась горячая перестрелка: частые очереди наших автоматов, сухой стук немецких пулеметов. Взвыла и взорвалась первая мина. Шутки-прибаутки как метелкой смело. Все напряженно вслушиваются в звуки боя. Короткие автоматные очереди партизан ободряют: дают наши фрицам!

Но как только ударят залпом из минометов, партизаны укоризненно покачивают головами:

— У-у-у, чертов фриц! Вишь, как лупасит минами!

— Смотри, смотри! — отозвалось сразу несколько голосов. Все задирают головы. Многие садятся на коней, чтобы лучше видеть. Километрах в трех-четыре впереди из-за темнеющей полоски леса поднялись клубы белого дыма, вскоре ставшего желтоватым.

— Хаты палят. Удирают, значит...

— Это их попросили освободить квартиры...

Перестрелка то стихает, то вновь разгорается. Правее белесых дымов закуривались столбы черного, который слился с надвигающимся туманом. То горели автомашины.

Еще три всадника мчатся навстречу колонне. Кони взмылены. На крупах и боках следы от ударов плетью. По лицам сразу видно, что «там» — дело серьезное.

Зашевелилась, заволновалась колонна. Соединение расчленилось поотрядно и двинулось в два смежных села с хуторами — Сушки и Рышавку.

...Главный удар эсэсовцев пришелся по Макаровскому отряду, но партизаны засели в полуразрушенных дотах.

На Рышавку пошли густые цепи пехоты. Со стороны Володарска-Волынского появилась автоколонна — шестьдесят пять автомобилей. Вот она остановилась, и по полю побежали солдаты. Стрекоча короткими очередями из автоматов, они пошли ускоренным шагом, держа ряды, как на параде.

— Видали мы такие парады! — прохрипел новый комиссар Армянского отряда Величко.

— Ах, фрицы несчастные! — ругался Грушецкий. — Ближе подпускай, ребята, ближе!..

Первым застрочил из автомата Роман Астахов, фонтаном брызнули гильзы; из дота застучал пулемет лейтенанта Дьякова. Партизаны открыли ближний огонь, и нарядный строй рассыпался. Цепи фашистов начали приземляться, и град немецких мин обрушился на доты. С рышавской церкви, которую успели занять гитлеровцы, потянулись трассирующие струи пуль — это немцы указывали цель своим минометам. Артиллерийский огонь эсэсовцы сосредоточили по зарослям у села Сушки, где, к счастью, не было ни одного партизана. Антон Пасько, начштаба макаровцев, выхватил у Дьякова пулемет, сунул ему свой автомат и устремился к сгоревшему дому. Торчащая из руин русская печь послужила ему отличной позицией. Пока Пасько устанавливал пулемет, немцы уже оказались в сотне метров. Он слышит их надсадные крики и злобные, зычные команды. Пасько видит развороченный сверху соседний дот, занятый комиссаром Павлом Шевченко. Подложив куски бетона под ноги, Шевченко бьет с упора по гитлеровцам; два пулемета

и автомат лейтенанта Беззапонного образуют огневую группу комиссара.

Басовито-глухо загудел правый дот. Это — прямое попадание мины.

— Побили хлопцев! — пересиливая грохот стрельбы, кричит кто-то из-за спины Пасько.

— Там Никитин сидел с хинельцами!

— Братва, помогай справа, тут немцы близко!

От Ушомирского леса наползает густой молочный туман, застилая поле боя. Командир макаровцев капитан Коротюк по трое, по пять посылает партизан к «погашенному» доту. Устилая убитыми и ранеными поле, гитлеровцы ломятся к позиции комиссара Шевченко.

— Гай-ла, Гай-ла! — орут каратели.

Когда несколько пуль щелкнуло в стенку печи, занятой лейтенантом Пасько, капитан Коротюк закричал из-за угла сруба:

— Уходи, Антон, тебя заметили!

Но Пасько ничего не слышал в разноголосом грохоте и, лишь когда пулеметная очередь выгрызла из печной трубы несколько кирпичей, обрушившихся на пулемет, отпрянул за стенку печи. Пули чиркали по бокам печи, не позволяя выглянуть, и тогда Пасько всей тяжестью немецкого МГ-34 начал долбить кирпичную стену.

Раз, другой, еще несколько ударов прикладом — и образовалась большая дыра. Толкая пулемет вперед и забрав коробки с лентами, Антон и сам лезет в дыру, где темно и тихо. Зев русской печи обращен как раз на дорогу, в кустарники, где в сотне шагов поблескивают и шевелятся стальные шлемы.

Установив пулемет и зарядив его новой лентой, Пасько прижал приклад к плечу и методично застрочил, обстригая кустарник и дырявя немецкие каски. Из дымохода кусками посыпалась сажа, и дугообразное отверстие печи застлала пелена медленно опускавшейся копоти, которая мешала метко стрелять, но зато гасила пулеметные вспышки. Начальник штаба макаровцев оставался невидимым и неуязвимым до тех пор, пока дыру печи не заслонила своим корпусом бронемашина с торчащим из башни длинным стволом крупнокалиберного пулемета. Желто-коричневые пятна камуфляжа хорошо маскировали ее на фоне развалин дома и порыжелого кустарника. Пасько пришлось вылезать из печи.

— Товарищи, рядом бронемашина! — закричал он, укрываясь за срубом.

— Где? — бросился к нему Роман Астахов.

Держа в правой руке автомат, а в левой гранату, он заорал на Пасько:

— Бро-не-ма-ши-на? Врешь! Ну где же она?

Пасько вцепился в кожанку Романа и потащил его за угол сруба.

— Гляди: воз с грушами, да?

Бронемашина изрыгала огонь по щели дота. Наконец Роман увидел ее.

— А-а-а, так! — закричал он. Лицо его побледнело и вся фигура хищно сжалась. Он вырвал пулемет из рук Пасько, схватил холщовую сумку с магазинами и бросился к броневнику, который стоял уже на дороге.

— Роман! Роман! Куда?

— Назад! Убьют! — закричали ему вслед.

Пробежав метров десять, Роман плюхнулся наземь.

— Убит! — сорвалось с языка у кого-то.

Внезапно пулемет Романа залился длинной очередью. В ответ на это башня машины развернулась в его сторону, красная огненная струя крупнокалиберных пуль протянулась под основание дота, и белая пыль бетона запенилась на его стенке. Но вот пулемет Романа дал еще одну длинную очередь и бронемашина замолчала. Назад Роман возвращался не торопясь. Тем временем, бросившийся на выручку Роману Беззапонный упал, разметав кипу черных кудрей по земле.

— Женя, Женя! — крикнул медсестре Иван Нечай. — Командира, капитана Коротюка ранило!

И Женя Панасюк побежала на зов. Слева, справа, сзади брызжет песок, взбитый частыми пулями. Ротный Иван Нечай перебежками обгоняет девушку. Но вдруг ойкнула Женя и упала на свою санитарную сумку. Нечай хватает ее в охапку, бросается к доту, но, подкошенный пулей, падает.

— Командир! Патроны на исходе! — кричит кто-то из партизан.

Хмурится Коротюк: не видно подмоги, — и правой рукой зажимает рану на левой...

Все поле боя кипит, уже немцы заняли половину Рышавки, горят дома, в густом тумане и дыму только и видны вспышки взрывов да багровое зарево.

Справа и слева взвились в небо красные ракеты. Воздух дрожит от непрерывного огня станковых пулеметов и противотанковых ружей. Внезапный и сильный огневой налет опустошил ряды эсэсовцев. Соединение перешло главными силами в контратаку.

На помощь макаровцам и киевлянам подходит Армянский отряд, ударивший во фланг противнику. Рота Александра Титова тоже готовилась к контратаке.

— Немцев множество, — отрывисто говорит Титов, — они душат макаровцев... Понимаете — грудью взялись ломить все наше соединение...

— Нечего понимать! Командуй, Сашка!

— Распатроним шакалов, чего тут под дождем мокнуть! — отвечают ему бойцы из молодежного и самого боевого взвода Петра Некрасова.

Роты Титова, Савельева, Коновалова известны как самые сколоченные, обученные, отлаженные, «как часы».

— Шире шаг, шире шаг! — передается по колонне команда Титова.

Сквозь туман моросит дождик. Многие не успели позавтракать, и ребята злые как черти.

Всюду стучат невидимые в туманной мгле пулеметы, трещат немецкие автоматы, деловито строчат ППШ, бухают противотанковые ружья. И никого и ничего не видно в тумане, кроме красноватых вспышек гремучих разрывов немецких снарядов и ручных гранат.

— Вон туда — наше направление! — орет что есть мочи Титов, перекрикивая шум боя. — Я — середина! Вправо и влево — развернись!

Ребята сразу бросаются выполнять приказ. У них большая огневая мощь — четыре немецких «универсала», четыре наших «ручника», три миномета и еще взвод автоматчиков!..

Справа проступает в тумане отряд Осипяна, слева — коноваловская рота Червоного...

Только залегли — навстречу три бронемшины. До них не более 150 метров. Раскамуфляжены, что мадьярские плащ-палатки.

— Дать по ним жару! — кричит командир роты.

Броневики шарахнулись в сторону, а за ними замаячили пригнувшиеся фигуры. Кто они?

Кричим:

— Армянский?

Отвечают:

— Да! — И залп по нас. Застонали раненые. Рота ударила в ответ всеми огневыми средствами и повернула наступавших вспять. А мы — рывком на их место, где брошены убитые и раненые. Осматриваем — все гитлеровцы из «Бранденбурга». Значит, хорошо бьем, коль бегут. Взвод

Некрасова преследует своим огнем бронемашины. Одна загорелась.

Во втором взводе крики: «Убит Барченко!». Титов тут же назначает на его место нового взводного — Федю Пархоменко.

Вдруг «заговорила» ближняя пушка. Небольшой перелет. В тумане точно не видно, где она, но до нее метров 150. Командир роты Савельев обращается к Титову:

— Нужно взять батарею. Да и туман нам поможет.

— Конечно, взять! — закричали бойцы.

— Пусть и эти партизан узнают!

— Чего по щитам лупить — мины поточней надо бросать, минометчики!

Решили обойти справа и слева. Взвод Некрасова хлещет по артпозиции, а обе роты ползут, обходя ее с обеих сторон.

В небе — красные и зеленые ракеты. Чьи они — не разобрать. Из соседних Сушек доносится протяжное «А-а-а!», всюду грохочет стрельба. Многие ребята сбросили вымокшие плащи, кожушки, шинели, пальто, даже пиджаки и куртки, чтоб легче было ползти. Некоторые замирают на месте: не понять — убиты или ранены.

Остаются десятки метров до цели. Неизвестно, кто первый начал в цепях, но грянуло такое «ура», что волосы дыбом!

Все бросились в атаку. Справа застрочили два пулемета, и с криком «Фойер, фойер» (огонь!) враги начали убежать.

Пушки перешли в наши руки, и мы тут же открыли из них беглый огонь по отступающим фашистам. Снарядов захвачена не одна сотня, и эсэсовцам от нас не убежать.

...В Коростышевском отряде политрук Федя Теодорович со своим взводом прикрывал фланг Червоного отряда. Когда враги приблизились к канаве, в которой залег взвод, на полсотню шагов, коростышевцы начали стрелять. От первого залпа ряды наступающих поредели так, что уцелевшие гитлеровцы на мгновение опешили, а затем поспешно бежали. Их преследовали, стреляя на ходу. С Володи Пелеха сорвало фуражку пуль, пущенной ему в спину раненым эсэсовцев, и Володя, обернувшись, добил его ударом приклада. Увлечшись преследованием, бойцы наскочили на дот, занятый фашистами. Выручил пулеметчик Головатин, давший по амбразуре длинную очередь.

На участке коростышевцев осталось около сорока вражеских трупов и трофейное оружие — одна пушка, два пулемета, автоматы и карабины.

В этом бою обошлось без жертв, только был ранен разрывной пулей в колено боец Неделько и слегка царапнуло Сергея Бунькова.

...Уже вечерело, а все еще гремел бой. В свете пожаров перебегали фигурки партизан, все теснее сжимавших кольцо окружения вокруг Рышавки и Сушек. На главную улицу соседнего села Белка партизаны свозили немецкие пушки и тяжелые пулеметы «шварцлозе».

Уже совсем стемнело, когда Коротюк и Пасько выехали осмотреть поле боя. Местами слышалась еще густая стрельба. Трассирующие пули чертили светлые линии. Вспыхивали и затухали ракеты. Два партизана из Червоного, пригнувшись, волокли кого-то на плащ-палатке.

— Чей убитый, ребята? — наклонился над убитым Коротюк.

— Коростышевский. Взводный Панченко... — ответил кто-то тихо.

Пасько освещает фонарем молодое задумчивое лицо с темным пятнышком ниже русого чубчика. Узнает другого убитого — политрука роты Киевского отряда Третьяка Ваню...

— Когда окружили другую пушку, — рассказывает тот же тихий голос, — бросились мы на ее прикрытие, да и не вернулись бы, но тут он подоспел со своей гранатой...

— Взяли пушку?

— Эту — нет. Гитлеровцы ее взорвали и сами погибли с нею. А две другие вон и сейчас колотят по эсэсовцам! Пригнувшись, партизаны потащили убитых на подводу. Коротюк и Пасько остановились на бугорке.

— Стой, там кто-то лежит, — сказал Коротюк и взвел «парабеллум».

Вдали, под самой Рышавкой, поднялись три ракеты, и в их мерцающем свете можно было разглядеть, что лежащий в каске. Присветили фонариком. Немец лежал навзничь, раскинув в стороны руки. Сбоку валялся клеенчатый бумажник, из которого высыпались какие-то пилюли.

— Здесь пилюли не помогают, — заметил Пасько.

...Вскоре в Сушки, а оттуда в Белку потянулись колонны партизан. Огни фонариков запрыгали по грязной осенней дороге, зафыркали кони, загудели голоса. У главного штаба на улице попрыгивала самокрутками большая группа партизан разных отрядов — делились впечатлениями от боя.

— А говорят, Астахов один против бронемашин пошел, когда макаровцев немцы сушили,— начал один из куривших.

— Ну, браток, до Романа нам далеко,— ответил другой, и все узнали голос макаровского комиссара Павла Шевченко.

Раскрылась дверь штаб-квартиры. В освещенном про свете партизаны увидели, как двое из главразведки вывели немецкого офицера. Он был с перевязанной головой.

— Смотрите — череп на рукаве!

— Кого ведете?

— Штабной попался,— пояснил конвоирующий разведчик.— Из Бранденбургского полка. Эсэсовец...

— А что оно такое «Бранденбург», хлопцы? — спросил один из партизан, провожая глазами пленного.

— Ворота есть такие,— пояснил комиссар макаровцев,— украшательная арка в Берлине.

— Верно,— подхватил чей-то молодой голос.— Триумфальная. И область есть Бранденбургская в Пруссии...

Все снова дружно заговорили.

— Во, как били, аж прах посыпался!

Сопровождаемая капитаном Грушецким, в штаб проследовала группа женщин. Они наперебой рассказывали, как началось «коло ихних хат» в Рышавке:

— У меня докипали якраз вареники, и один ваш забежал поснидать. Только начал, як у село въехали те машины. Говорю ему: «Тикайте! Немцы!». А он — в сенцы, да из автомата по них! И назад в хату ко мне, говорит: «Они часто обеды портят нам, да на сей раз я вареники доем-таки!» А под окном уже немцев полнешенек грузовик, да только партизан не хочет вареники оставить, все ест и ест, нанизывает на вилку. по два, по три, да в сметану мокает,— торопливо рассказывала хозяйка.— «Тикайте!» — кричу ему. А он в упор по ним из окна. Потом сама видела, как из машины девять убитых и восемнадцать раненых немцев вынесли. А тот хлопец от моей хаты майнул к другой, та й зовсим скрылся...

— А у меня в погребке один ховался,— сообщила другая.— Кожуха вывернул, и немцы его видели, да за здешнего посчитали. А как отошли немного, так он из автомата прострочил. Хвалился: «Я, тетка, заставлю их гопака танцевать перед вами!» Свистнул и на белой конячке полетел по полю...

Я замечаю себе имена героев, которым уже не бывать в строю и не летать на конях... Их ровно двадцать, которым никогда не подняться с Ушомирского поля, где полегли они, уничтожая фашистов. Привожу здесь список, в котором значатся: два Николая — Григораш и Федоренко, два Сергея — Баранченко и Панченко, два Василия — Либус и Осадчий, два Григория — Бердников и Каширный, два Павла — Ярошенко и Феофилов, четыре Ивана — Третьак, Жилецкий, Денисенко, Беззапонный; Никитин Евгений, Драба Конон, Еременко Петр, Люшенко Виктор, Мкртчян Багдад, Прокопенко Прокофий.

Вечная слава им, павшим за счастье Родины!

5.11.1943 г.

Село Бондаревка, 50 км
северо-восточнее Новограда-Волынского.

Еще сегодня убито около сотни врагов. Мы прорвались к большим лесам. Здесь начинается жизнь наших отрядов более расчлененно и самостоятельно. Ввожу правило, чтоб каждый командир и политработник обзавелся дневником.

Для начала интересуюсь записями Гаврилюка, Коренского, Дьяченко. Они давно ведут дневники.

Вот что записали они сегодня:

Гаврилюк. Ночевали в Бондаревке. В Охотовке противник ведет ночную разведку боем. Получены данные: в Кремно (20 км севернее) выгружаются войска из двух эшелонов. В Белоковичи (30 км северо-западнее) прибыло два эшелона автомобилей. В Кривотин (5 км западнее) и окружающие села прибыло из Емильчино две тысячи немцев.

Коренский. Держим заслон в лесу, просто не знаю, в каком районе. Сегодняшний день — знаменательный в моей жизни. Год назад вступил в партизанский отряд «Червоный», и с тех пор я партизан. Были моменты и хорошей и плохой жизни. Вспоминать их сейчас нет времени.

Нас и здесь преследует большая группировка немцев. Вчера целый день находились в обороне, а ночью — тоже. Сейчас, кажется, немного оторвались от преследования.

6.11.1943 г.

В лесу западнее Коростеня.

Гаврилюк. Встретили два отряда из соединения Маликова. У них был тяжелый бой с гитлеровцами.

Со станции Ушица на отряд «Смерть фашизму» выступило до сотни врагов, из которых убито 20, взято в плен шестеро; уничтожено два автомобиля. Трофеи: 16 винтовок, пулемет, 5000 патронов...

Дьяченко. Расположились в лесу близ речки Уборть в Зубковичах. В хатах грязно. Многие из жителей больны коростой. Наш Сашка Дубовик объявил себя доктором, взял у Нади Солодюк халат и целую банку мази против чесотки. Открыл в одной хате амбулаторию. Народ охотно приходит, а Сашка тому, кто постарше, мазь выдает на дом.

7.11.1943 г. Село Жубровичи, 55 км северо-западнее Коростеня.
Коренский. Сегодня 26-я годовщина Октябрьской революции.
Сейчас два часа ночи. Пока тихо.

Узнали радость великую — освобожден наш Киев! Местные жители падают на колени, крестятся, прося у бога победу нашей Красной Армии.

9.11.1943 г.

Село Зубковичи, 65 км западнее Коростеня.

Гаврилюк. Стоим спокойно. Проводим дезинфекцию жилья и одежды личного состава. Горобец выехал с группой за боеприпасами, забазированными в тайнике в начале рейда на Киевщину.

Коренский. Привели себя в надлежащий порядок. Выпустили боевой листок. Попарили белье, чтоб ликвидировать «танки» и «танкетки», которые завелись во время похода...

11.11.1943 г. Там же.

Гаврилюк. Получены данные: противник собирается идти на Олевск через наше село. Привел отряды в боевую готовность.

13.11.1943 г.

Гаврилюк. Решили передислоцироваться на Янче-Рудню, а если свободно Емильчино, занять его. Разведка туда направлена.

14.11.1943 г.

Емильчино, 30 км северо-восточнее Новограда-Волинского.

Коренский. Бежали все — и немцы, и полицаи — с приближением наших партизанских отрядов. Нашлись люди, которые видели, куда они посваливали цинки и ящики с патронами, чтобы освободить подводы для своих семей. «Водолазы» полезли в омуты, а лейтенант Пасько уже вытаскивает эти цинки, орудуя пожарными баграми.

Развернулся и наш госпиталь. Доктор Тарасов имеет стационарную операционную.

Наша портативная и городская типографии выпускают листовки, печатая их на оборотной стороне плакатов, показывающих, как искореняют партизан эсэсовцы.

15.11.1943 г.

Емильчино.

Дьяченко. Немцы нам оставили очень большие трофеи, особенно продовольствия. Тысячи тонн картофеля, зерна, муки, целый склад сушеных груш, черники, брусники. Муку получают и соединения, стоящие навдалеке, — жуковцы, Фурманова...

В городке полностью восстановлена Советская власть. Назначен комендант. Над помещением горсовета развевается красный флаг. А мы готовим концерт художественной самодеятельности.

Гаврилюк. Пустили в ход электростанцию, пекарню, баню. Пропускаем через баню весь личный состав. Дезинфицируем одежду.

Работает кинотеатр. Смотрели первую часть «Богдана Хмельницкого» и немецкую комедию «Я тебя люблю...». У нас готовят аэродром — обещают самолеты. Получено указание не выходить за фронт, в тыл Красной Армии.

16.11.1943 г.

Емильчино.

Гаврилюк. Расследуем подлости предателей.

Утром на Червонный отряд наступал 59-й мотомехбат 8-й бронетанковой дивизии. Захватили у них три мотоцикла, 20 велосипедов, 10 винтовок, один универсальный пулемет, много патронов. Уложили 20 фашистов.

Вечером на киевскую заставу Батоева нарвались еще мотоциклы. В кино сегодня «Аннели».

Коренский. Живем культурно. Вечером был в кино. Картина, правда, нестоящая, преотвратительная. Девки заголяют себя — выше некуда...

Днем раздавали зерно крестьянам. Кончаю писать: тревога, наступают немцы, идем в оборону...

19.11.1943 г.

Емильчино.

Гаврилюк. Получили радиограмму: Ковпак занял участок железной дороги Олевск — Остки. Красная Армия заняла Коростень, Речицу.

Застава Армянского отряда захватила в Степановке две автомашины, винтовки, шестерых немцев. Разведкой установлено, что в 20 км рейдируют наши танки. Посылаю туда разведку.

Коренский. Неужели дождемся здесь Красной Армии?

...Армянским отрядом был дан концерт — нашему и Киевскому. Клуб был переполнен: местная молодежь, партизаны при оружии. Раздался звонок и шум прекратился. На сцене появился черноглазый конферансье.

— Товарищи! — начинает он. — Артисты Игорь Ильинский, Кето Джапаридзе, Ляля Черная, Рина Зеленая...

Зал аплодирует.

— Эти артисты у нас на вечере отсутствуют и выступать не будут...

В зале смех, аплодисменты.

— Так что и не рассчитывайте! А вашему вниманию я предлагаю самодеятельных артистов...

Танцы, песни, шутки настолько увлекли зрителей, что те, не жалея ладоней, от души благодарят участников.

На другой день снова концерт — выступает Киевский партизанский отряд. Зал пуще прежнего переполнен публикой. Аплодисменты, говор, смех — все это сливается в сплошной гул, далеко выходящий за стены театра и пропадающий где-то в тишине темной ночи...

Газета соединения «Народный ключ» уже выходит в городской типографии большим форматом, издаются многочисленные листовки, призывающие местное население на активную борьбу с оккупантами.

24.11.1943 г.

Гаврилюк. Днем приехали к нам командиры жуковцев. Оказалось, это Скубко, которого ждали еще при подходе к Киеву!

Коренский. Съездили со Стадником в засаду. По пути к дороге Коростень — Новоград нарвались на полицаев, хорошо намяли им бока и вернулись с трофеями: пулемет с 12 дисками к нему, два ротных миномета с 50 минами, три верховых коня...

27.11.1943 г.

Коренский. Вчера к нашему отряду присоединился местный Емильчинский отряд, 75 человек; командир — Федя Игнатенко. Теперь отряд — наша шестая рота, а раньше он был на положении отдельной группы и входил в отряд «Гая» — Нечипоренко из Гольшей, где мы начинали формировать свою конницу.

На этом я заканчиваю цитирование дневниковых записей Гаврилюка, Дьяченко, Коренского.

5.12.1943 г.

Там же. Емильчино.

Разведка донесла: противник подтянул к городу фронтовые части. Более 2000 солдат при поддержке 10 танков и полковой артиллерии начали наступление.

Приглашаю командиров на краткое совещание. Задача яснее ясного: уйти дальше, на запад, что согласуется с директивами ЦК партии. Все обозы — санитарные и боепитание, всех лошадей отправить сейчас же в Рудню Подлубецкую и дальше в леса под прикрытия Макаровского отряда. Мельницу, пекарни, электростанцию разобрать, важнейшие детали припрятать. Учесть, что все три моста через реку Уборть сгорят и рухнут, как только вражеские танки окажутся в городе; каждый отряд должен навести себе кладки через реку.

Брезжит рассвет. Уже начинают искриться покрытые изморозью кусты.

Подхожу к хинельцам, стоящим у костела. Где-то неподалеку идут танки. В полуразрушенном доте молча лежат автоматчики Николай Свиницкий и Тасютка Дроздова. За рекой слышно ругань. Вероятно, кто-то увяз с возом в грязи. Тасютка прыснула со смеху. Говорит, что по голосу узнала знакомого полицая из Конотопа и ждет не дождется, чтобы угостить его свинцовым гостинцем.

В густом тумане замаячили неясные фигуры. Раздались сначала одиночные, а затем частые выстрелы. С противным воем через нас летят мины и взрываются где-то позади, не причиняя никакого вреда хинельцам. От стрельбы, холода, воя мин и шуршания снарядов кровь стынет в жилах. С трудом удерживаемся от того, чтобы не открыть преждевременный огонь по наступающему врагу.

Вдруг, как бы проявившись из тумана, цепи гитлеровцев бросились к окраине города. Хинельцы открыли огонь со всех видов оружия. Немцы залегли, зло огрызаясь из пулеметов и автоматов. Через час на греблю выползли танки и сразу же запылали мосты. Это сигнал для отхода всех отрядов. Где по льду, а где через заблаговременно положенные кладки неторопливо уходим на северную окраину города.

Враг наступает превосходящими силами, и нам нет смысла ввязываться в затяжные бои. Тем более, что впереди у нас настоящая крепость — огромный лес и весь партизанский край до самых Пинских болот.

Вместе с последними бойцами отхожу на Рудню Подлубецкую.

6.12.1943 г.

Село Подлубы. 8 км северо-западнее Емильчино.

Подлубы — большое село среди лесов. Наконец-то гитлеровцы оставили нас в покое. С болью в сердце смотрю на догорающую Рудню Подлубецкую. Каратели на ней выместили злобу за свои потери — за пять подбитых танков, за десятки, а может, и сотни убитых в Емильчино, Середах, Кулешах, Яблоньке и Симаковке. Своей дерзостью мы довели гитлеровцев до бешенства. Соединение захватило базу восьмой танковой армии и перерезало рокадное шоссе Новоград-Волынский — Коростень. И это в разгар битвы за Киев, когда у немецкого командования и без того не хватает резервов, чтобы штопать дырявый фронт.

Ночуем в Подлубах и Большой Глумче. Подумываем: не ворваться ли снова в Емильчино. Не хочется разрушать его. А кроме того, наша задача — двигаться на запад, иначе, того и гляди, можем попасть «в плен» наступающей Красной Армии.

Мне не хочется идти в леса, но здесь мы беззащитны против танков. Вчера бронбойщик Киевского отряда Петя Бабаев из роты Батоева подбил из ПТР три танка. В других отрядах осталось по одному-два патрона к ПТР. Выручили доты старого укрепрайона.

7.12.1943 г.

На запад от Коростеня.

Идем без отдыха. Вокруг леса и села. На месте сел — пепелища и почерневшие, полусожженные сады. Тоскливо стоят колодезные журавли. Деревни угадываются по торчащим печным трубам. Людей нет. Они где-то в лесах, живут в землянках или ушли в партизанские отряды Шитова, Маликова, Грабчака, Андреева...

К вечеру достигли чудом уцелевшего села под тенистыми сводами деревьев — Малой Глумчи. Здесь мы и ночуем.

8.12.1943 г.

Леса западнее Коростеня.

Повторяется вчерашний день. Снова те же сосновые и смешанные леса, болота. Пепелища. Ночуем в полууцелевшей, знакомой по летнему времени Броннице, где отдыхали во время похода из Пинских болот на Киевщину.

Поглядишь вокруг — сердце сжимается. Все сожжено, разрушено, разорено. Зона пустыни и голода. Люди редко встречаются — изможденные, больные, оборванные. Из сво-

его скудного запаса раздаем зерно жителям. Женщины спешат поставить на стол оставшуюся картошку, капусту.

По требованию из Москвы А. Ф. Гаврилюк возвращен к исполнению своих непосредственных обязанностей начальника разведки.

В связи с этим начальником штаба назначаю Я. М. Кузнецца, а командиром Киевского отряда — капитана К. В. Степанова.

Глава IX

На берегах Случи

9.12. 1943 г.

Старая граница западнее Коростеня.

Проехали старую польско-советскую границу. Как-то не обратили на нее внимания тогда, летом, должно быть, по ночному времени. Теперь с любопытством разглядываем. Просека с полосатыми столбами, полуразрушенный кирпичный домик, бывший когда-то заставой: граница! Святое для меня слово! Но сегодня ее никто не охраняет...

Начались польские деревни, заполненные партизанами — шитовцами, андреевцами, карасевцами. Откуда только нет здесь людей: с далекого Кавказа, из глухой тайги, с юга и севера — со всех концов страны! Дороги войны привели их в эти края лесов и болот.

Места глубинные. Названия пройденных деревень — Мокрое, Мочулянка — напоминают о соседних Пинских болотах.

Поляки встречают нас — «вельку партизанку» — с еще большей радостью, чем прежде, летом, когда мы формировали здесь свою конницу.

Соединение расквартировалось в Брониславке, Подраловке, Старой Гуте и в лесных хуторах, что километрах в двадцати от Случи.

В домах — невообразимая теснота — по 25 и более душ. Все — беженцы «от Бульбы», прибывающие из-за Случи. Но гостеприимные хозяева отдают нам лучшие помещения — «бардзо просим!» Сами ютятся в проходных комнатах и на кухнях. Значит, есть причина радоваться нашему приходу. Лучше жить в тесноте, чем иметь дело с националистами. А в остальном здесь все так же, как было летом, только куда-то исчез ксендз пан Леон. Да вроде поменьше

стало молодых мужчин. И нет в Старой Гуте, ни певуны Вероники, ни сестры ее Зоси, экономки пана Леона. Может, просто где-то скрываются от озверевшей бульбашни.

Еще по пути сюда разведчик Коля Свинцицкий (родители его были поляки, жившие на Украине) рассказывал товарищам у костра:

— Представьте себе деревню, населенную украинцами и поляками. До сих пор жили в согласии. Как обычно, многие украинцы женились на полячках, поляки — на украинках. Но вот украинские и польские националисты, поощряемые гитлеровцами, одурманили многих, посеяли между этими людьми вражду. Немцы разжигают эту взаимную национальную вражду, им надо увести народ от борьбы с оккупантами. А главари националистов, скрывая свой союз с Гитлером, под видом борьбы «за незалежну Украину» и «Польську от можа до можа» обманом и угрозами вовлекают население в банды, сгоняют в «курени» и военные лагеря. И льется невинная кровь... Сосед уничтожает соседа. Пускают в дело топоры, режут ножами, подвергают инквизиторским мукам свои жертвы. Невозможно постигнуть, откуда столько зверства в человеке! — все более накалялся Свинцицкий. — Ведь они проповедуют: не убий! Где же у них, у сволочей, бог и совесть?..

За Брониславкой и Старой Гутой уже много «чистых» от поляков деревень. Брониславка ожидала своей очереди. На улицах висят колокола и «рейки» — куски рельсов для сигнализации. При появлении бульбовцев охрана должна бить в набат, чтоб спасались люди.

Вокруг села дежурят «секреты». Жители вооружаются кто чем может. В дело идут охотничьи ружья, выкованные кузнецами острые пики и сабли. Эта деревня — крепость, переживающая осаду и постоянно ожидающая своей Варфоломеевской ночи. В других местах в таком же положении оказались украинские села, население которых либо истреблено польскими националистами, либо разбежалось.

Поручаю Армянскому и Киевскому отрядам потряхнуть хорошенько бульбовцев в Быстричах, на родине вожака банд — Боровца, назвавшегося Бульбой. Командиры донесли: «Банда УПА под командованием Шаулы разбита наголову, захвачены большие трофеи: скот, хлеб, фураж, снаряжение и обмундирование».

Оттуда прибыли ко мне 33 белобородых старца. Беседую с дедами, усадив их в большой классной комнате школы.

— Я — партизанский командир, представляю здесь, во вражеском тылу, Советскую власть. Мне надо знать, почему не было людей в Быстричах? Почему, кроме дряхлых стариков, никого не нашли в хатах? Куда скрылись молодежь, женщины, дети? Почему прячется население?

В ответ — ни звука. Словно проглотили языки, хотя все смотрят на меня приветливо и с любопытством.

— Я решил поговорить с вами один на один, чтобы вы никого не боялись. Слово чести партизанского командира — весь разговор останется между нами...

Снова — ни полслова.

— Вы здесь одни, вы мои гости, делегаты к партизанам. Я не стану вас задерживать и отпущу домой. Но только помогите понять мне, почему убегают от нас люди? Неужели верят вздорным слухам, что советские партизаны убивают украинцев? Боятся возвращения Красной Армии?..

Я не добился от дедов ни слова. Они по-прежнему молчали, очевидно, боялись друг друга. Тогда я решил побеседовать с каждым с глазу на глаз.

Первый же дедок сразу заговорил:

— Хиба люды не ради червоной партизанке? Хиба наши люды — бульбовци? Вынни галычаны, яки всих лякають, катують, у норы позаганялы, убывають всиякого, хто слово скаже або рукою покаже...

— Ото ще клятэ «СБ» — ихня таємна «служба бэзпэки», — рассказывает другой. — Скажи слово за Совиты — и тоби петля на шию и запыска на груды. Дома, у ворит задавлять, та ще й так, що нихто и не побачить.

Нашелся и фанатик-самостийник, не побоявшийся раскрыть мне голую свою правду.

— Зачем же так с поляками обращаются — даже детей и женщин уничтожают, грех на душу берут христиане? — спросил я.

— А щоб зэмли нам бильше потим зосталось! За зэмлю! Вы сами бачитэ — в нас дуже зэмли замало, а людэй багато... По других сэлах поляки тэ самэ з нашими роблять...

Накормив дедов и снабдив газетами, листовками и сводками Информбюро, я отправил их на подводах за Случь, ближе к дому. А Быстричи решили удерживать Червоным, Макаровским и Коростышевским отрядами.

13.12.1943 г.

Село Брониславка, 55 км
северо-западнее Новограда-Волынского.

Та же картина в селах Хотынь и Моквин, раскинувшихся по обоим берегам Случи. Здесь тоже поголовно вырезано польское население. Гитлеровцы поощряют эту резню. Им все равно, кто истребляет славян. Националисты же выслуживаются перед немцами, хотя последние не очень верят им и остерегаются давать современное оружие.

Среди ослепленных националистической заразой есть и те, кто гол и бос, пашет узенькую полоску на замороженной лошаденке с допотопной сошкой. Забитые нуждой, неграмотные, они тоже борются «за нэньку Украину», не понимая, что «самостийність» под эгидой Гитлера приведет их не только к рабству, но и к полному искоренению самой украинской нации.

Центром этого фанатического движения оказалось и село Моквин.

Когда полсотни наших разведчиков прибыли в это село, там не было ни одного мужчины, а женщины на вопрос «Где муж?» отвечали, что они вдовы, хотя в каждой хате висела люлька с младенцем. Разведчики не торопились с выездом и перед вечером дождались «покойничков». Завязался бой. На подмогу вооруженной банде националистов прибыл карательный отряд гитлеровцев. Мы провели весь день на том берегу в бою. С нашей стороны невосполнимая потеря: убиты комиссар Червоного отряда Иван Коренский и его ординарец Саша Яценко. По шею в воде переходили они Случь и уже проломил было прибрежный лед, когда их настигли пули националистов.

Я не нахожу себе места. Коренский в составе соединения прошел Степным рейдом по Украине, был виднейшим участником партизанской борьбы на Киевщине и Житомирщине.

В руках у меня его дневник, повествующий об этих походах и рейдах. От 13 декабря в нем только три слова, написанные крупным твердым почерком: «Едем на Бульбу»...

Комиссаром вместо него назначен наш славный диверсант Ксензов Сергей Иванович, член парткомиссии соединения.

14.12.1943 г.

Село Брониславка.

Перед нами поставлена новая задача: выйти в район Шепетовка — Здолбунов и оперировать там. Но с чем вый-

ти? У нас ведь ни взрывчатки, ни карт этой местности, ни патронов к бронебойкам, ни радиопитания, ни новых кодов для шифрованной связи с Москвой и Киевом...

Правда, УШПД обещал снабдить нас всем этим, но, как назло, установилась непогода. Висят свинцовые тучи. В Москве — снегопад, а здесь — дожди, туманы. Куда там самолетам!.. Но от нас уже требуют разведданные по Новограду-Волынскому, Житомиру, Бердичеву, по Шепетовке и Славуте.

Как доносить об этом без шифродокументов, чем отбиваться от танков без бронебойных патронов?

Мои радисты узнали, что в диверсионном отряде Шитова имеется запас анодного питания — до 20 комплектов! Я съездил к нему в Леваче, погостил. С радиопитанием, говорит, тоже трудно, сам на голодном пайке. У него задача — выход на Тернопольщину. На нашу бедность выделил один комплект радиопитания и сто патронов для ПТР, что, конечно, тоже немалое подспорье для моих бронебойщиков, которых не обеспечишь патронами за счет трофеев. Но анодное питание по-прежнему остается неразрешимой проблемой. Как быть? Надо и Гаврилюка снабдить рацией в его походе к Бердичеву по заданию УШПД. Выход только один — чтобы экономил и не радировал мне, а держал прямую связь с Киевом...

18.12.1943 г.

Село Брониславка.

Гаврилюк докладывает, что Брест-Литовский асфальт не перейти, что на каждых ста метрах дороги — пулеметные гнезда, а по ту сторону гитлеровцы очищают от партизан леса, «кольцуют» села...

Написал им едкий ответ: «Не знал и не слыхал, что оккупанты охраняют дороги, что ведут борьбу против партизан и учиняют облавы на людей, чтоб угнать в Германию. Признателен за открытия!..»

Гаврилюка это не прошибло. Ответил, что теперь он подчинен УШПД и будет действовать самостоятельно.

Хуже, что нам отказано в помощи самолетами. Вооружение можно получить только в Овруче, на передовой базе УШПД. Но для этого надо прорваться через линию фронта, что не так просто. Не каждому отряду поручишь такое дело! За малым грузом посылать нечего. Уж коль своими колесами да на базу, то надо взять как можно больше... Пошлю 100 парных упряжек и поручу это дело Армянскому отряду.

Сижу над картой, оценивая местность и обстановку. Картина такова: расстояние — 200 километров. Леса. Болота. Бездорожье. Опустошенная, выжженная земля. Снежный покров мизерный, следовательно, будут ехать очень медленно. Оба конца займут не менее 10 суток хода. Семь суток надо дать на просчеты, непредвиденные задержки. Как ни крути, как ни прикидывай, а нужно по меньшей мере полмесяца...

Теперь, у кого взять лучших коней? Придется посылать из каждого отряда по 10—15 пар лошадей с ездовыми и отделенными командирами, с фельдшером и политработником. Для прикрытия обоза необходимо выделить человек 500... Их надо снабдить продовольствием и фуражом не менее как на полмесяца. Значит, необходимо ударить еще раз по Бульбе и вырвать у них сани, фураж и продукты.

19.12.1943 г.

Село Брониславка.

Вместо ожидаемого мороза и снега накатился сырой туман. Точит последний снег. Надо срочно восстанавливать колесный обоз и посылать за грузами на повозках. Даю для этого сутки.

В прошлые годы в такую пору ездили по зимнику. Мосты ледяные на всех реках!.. Нынче, кажется, природа против нас. Надо ожидать гололедицу. На колесах галопом не поедешь, а поскольку кони некованы и ковать их нечем, негде и некому, то уж наперед можно сказать, что осложнения будут немалые.

26.12.1943 г.

Село Брониславка.

Снаряжаем 600 человек, 110 подвод, 250 лошадей. Оси-пяну, Величко и Лобачу доверяются наши лучшие силы. Они должны самостоятельно прорваться за фронт и привести сюда транспорт с оружием.

Но погода!.. Неожиданно ударил мороз. Сковало песчаные дороги, и они стали словно каменные. Наш колесный обоз поднял такой грохот, что можно было подумать: с места снялась огромная армия. Надо готовить и сани; вдруг выпадет снег, тогда пошлем вдогонку.

29.12.1943 г.

Городница, 30 км

северо-западнее Новограда-Волынского.

Полковник Андреев, командир Второго Молдавского соединения, соблазнил меня вместе встретить Новый год в Городнице. Уговорились: он ставит на оборону Городницы 700 штыков; «Батя», командир Чапаевского отряда, — 200 автоматчиков, а я — 1200 штыков, автоматов и сабель.

Идея этого замысла состояла в том, чтобы вынудить гитлеровцев праздновать Новый год не в условиях городского комфорта, а в выжженных ими селах! Фронт у них трещит, откатывается к Западу. Емильчино потеряли. Поглядим, как долго они продержатся в лесах.

Наше новогоднее приподнятое настроение омрачено глубокой печалью: умер от ран Миша Немолот, юный ветеран. В стычке с бульбовцами за Случью он был ранен разрывной пулей в живот. Наш хирург спасти его не смог. Горюют и плачут конотопские девчата Тасютка Дроздова и Маруся Охрименко. Даже выдавшие виды партизаны Лопатников и Петрикей ходят, будто сами не свои.

Хоронили Мишу сразу же по прибытии в Городницу. В почетном эскорте были три соединения во главе со мной, Андреевым и Грабчаком. Молдаване трубили всем оркестром траурные мелодии. Место захоронения выбрали у собора, на горе над Случью. Сосредоточенные суровые лица партизан. Слезы на глазах местных женщин.

Наш салют слился с выстрелами подступавших к городу фашистов. Наши отряды сразу же начали занимать опорные пункты: леспромхоз, маслозавод, фаянсовую фабрику, МТС и другие каменные здания города. Гитлеровцы, получив отпор, откатились.

Полковник Андреев прислал всем нашим командирам и офицерам приглашения на елку.

30.12.1943 г.

Городница.

Неожиданно узнаем радостную весть: наши танковые части внезапным ударом освободили Новоград-Волынский и Коростень. Все вражеские войска на этом участке фронта оказались в котле, без переправ на Случи и разбрелись по лесам. Брод для них — только Городница. И они опять пытаются войти в город. Андреев прислал записку: «Отражаю атаки пластунов, возможно, придется отложить званый ужин»... Отвечаю: «Держать, как уговорились. Придем в

гости, хоть камни с неба!» Салютовать бокалами под бой Кремлевских курантов! И только в городе!..

Бои начались и на участке Второго Воронежского соединения. Тысяча партизан капитана Шукаева не пускает вражескую пехоту через рабочий поселок Гуту Курчицкую. Транспорту и технике врага там не пройти: берега скалистые, никаких бродов.

Пытаюсь наладить связь с капитаном Шукаевым. Путь к лесам ему — только через нас, по городу.

Если бы нам удалось установить связь с командованием Красной Армии!

31.12.1943 г.

Городница.

Вечером с юго-запада на дороге, ведущей из Корца, появилась немецкая автоколонна. Сыпывый подумал, что гитлеровцы заблудились, и приказал пропустить головные машины на правый берег. Но фрицы знали, куда ехали. Пленный раскрыл замысел комбинированного удара по нас с запада и востока с целью пробить коридор для немецких частей, метавшихся в котле. Но за это жестоко поплатились. Берега, как и поля восточнее Городницы, усеяны трупами, посреди реки дымятся вражеские автомобили. Три или четыре из них стоят на нашем берегу в лужах крови.

Вечереет. На часах 19.30. Пора в гости к полковнику Андрееву. Комиссар Кищинский, доктор Тарасов, Андрей Лях, а также командование Хинельского отряда — Сыпывый, Петрикей, офицеры штаба соединения — Грушецкий, Лопатников, Шевченко — все готовимся ехать к Андрееву. По окраинам города не прекращается стрельба. Хлещут разноцветными трассами немецкие пулеметы, но мы уже привыкли к этому «концерту» — он длится вторые сутки. Пусть стреляют, пока не окоченеют в полях на морозе.

Поднять бокалы за Новый год по Кремлевским курантам!.. Это окрыляет. В штабах отрядов условились, что на заставы передадут московские радиопоздравления ракетами: «С Новым годом, товарищи!»

Однако обстоятельства сложились так, что мы вынуждены были встречать Новый год порознь — мы у себя, а Андреев у себя... Ждем двенадцати ночи, боя курантов. Налиты бокалы, приготовлены закуски. Ярко горит лампа в затемненной комнате. Мечтаем, как будем жить после победы. Подшучиваем над обещанием доктора написать анналы нашей войны. Комиссар Сергей Семенович Кищинский говорит, что без него наш уважаемый эскулап не осилит

такой мудрой вещи, поэтому придется кооперироваться с ним, комиссаром. Оживленно обсуждаем эту тему, начатую еще в Емильчино. Да и материал будет. Ведь у нас каждый командир обязательно должен вести дневник...

Уже без пяти двенадцать... На восточной окраине города началось что-то невообразимое. Явился встревоженный Сыпловый за указаниями.

Как можно спокойнее говорю ему:

— Новых указаний нет. Разослали фляги по заставам и караулам, чтобы люди смогли вовремя поднять чарки «с Новым годом»?

— Все сделано,— говорит Сыпловый,— в окопах порядок. Не забыты ни пушкари, ни дежурные пулеметчики...

В торжественной обстановке пробили Кремлевские куранты.

Сдвинуты стаканы.

С Новым годом!

Чтоб Гитлер сдох! Выпили и за успехи нашего Армянского отряда, приславшего первое донесение. Они далеко, у Белокоровичей. Там — фронт. Дорога Сарны — Олевск и есть линия фронта. Дзоты, проволока, переезды в завалах, обвалованные и замурованные узлы сопротивления на станциях и разъездах. Осипян и Величко в затруднении: как быть? Поздравил их и потребовал: прорваться любой ценой, но поставленную задачу выполнить!

1.1.1944 г.

Городница.

Это была атака обреченных. Пластуны саранчой ползли на усадьбу МТС, оборону которой держал лейтенант Пасько. А где Пасько, там настоящая драка с немцами. У него свои счеты с ними. Оставив на подступах к МТС десятки трупов, противник отступил.

В 3.00 атака повторилась. И снова была отражена.

В 10 часов тысячи полторы фашистов сделали новую попытку прорваться за Случь. Но оборона Хинельского отряда несокрушима.

В 12.00 еще удар с востока. Как раз на центр города — по отряду Андреева.

По всей линии обороны трупы и трупы врагов. Каски, пилотки, магазины к пулеметам и автоматам, гранаты, котелки и лопатки — все брошено перед нашими окопами. И почти никаких потерь среди макаровцев и конотопцев.

У коростышевцев также все целы. Читают из «Боевого листка» фрагменты баллады «О фрицах при Городнице», сочиненной политруком Федей Теодоровичем:

...И вот ночью, под двенадцать
(Ночь была под Новый год),
В маскировочных халатах
Лезет немцев целый взвод...

— Не стрелять,— приказ мы слышим;
Надо всех их подождать,
Чтоб фашист был каждый виден,
Чтоб точнее поражать...

...Обер Глюппе взял ракету,
Чтоб своим сигнал подать.
Но условных знаков этих
Немцам не пришлось видеть.

Из разведчиков немецких
Ни один не уцелел:
Точный — за народ советский —
Провели мы свой обстрел.

И опешили в колоннах;
«Всем закрыт на Запад путь!
И в лесах нет сел, где б можно
Хоть немного отдохнуть...»

Немцы смело — в Городницу,
Но не так туда войдешь!
Городница, что граница,—
В ней костей не соберешь!..

...Я переписал эту политинформацию к себе в дневник как образец живой, квалифицированной агитации на конкретном, «домашнем» материале.

Изможденные и обессиленные враги делали отчаянные попытки спастись. Мы держались весь день уверенно. Мы уже знали: если по нас не ведут артобстрел, значит, нет у них снарядов. Не появились танки — значит, нет горючего.

Перед гитлеровцами был выбор; прорваться или погибнуть. Пехотой, конечно, могли бы переправиться и в других местах. Но уйти без техники, без транспорта и госпиталей с ранеными... Спасение — брод или чудо. Но брода нет, а надежда на чудо растаяла еще позавчера в зимнем тумане под огнем отряда Сыпльвого.

Во второй половине дня лавина вражеских войск обрушилась на Молдавский отряд. Тяжело и чапаевцам: КП их за городом, а обстановка меняется ежечасно. Попробуй-ка в этих условиях своевременно принять нужное решение. Что делать? Скачу на край леса, к дачному коттеджу, где КП Андреева.

— Вызывайте резервы из леса! — говорю ему.

— Надо уходить из Городницы...— предлагает он.

— Тогда погибнут шукаевцы — тысяча партизан-воронежцев!

В это время раздается крик адъютанта Андреева, шустрого малого в кубанке:

— Фашисты наступают из лесу!

Цепи гитлеровцев колышутся по грязно-белому полю и мельтешат между деревьями. Однако не стреляют! Прекратился и пушечный огонь. Масса иззябших и истощенных солдат, скопившаяся на поле еще затемно, казалось, только начинала оттаивать и разминаться. Возможно, у них не было патронов и снарядов, и они подняты в наступление лишь для того, чтобы поугагать партизан своей многочисленностью.

— В город! — сказал я Андрееву.

Надо выручать воронежцев. Выбитые из своего лесного табора, они вот-вот должны подойти. А в это время в Городнице уже идут уличные бои.

Удержать город, пока не пройдут воронежцы! — стало девизом нашего Новогодья. Уличные бои затянулись до вечера. Последний, Киевский отряд под командованием Степанова и Новика снял свои пулеметы лишь тогда, когда через Городницу проследовало последнее, замыкающее подразделение капитана Шукаева.

ВПЕРЕД, НА ЗАПАД!

Глава I

В думах и заботах о рейде

2.1.1944 г.

Село Брониславка.

Жду Гаврилюка с Червоным отрядом. Его рация молчит, и поэтому мы не знаем, где они и что с ними. Жду добрых вестей из Армянского отряда. Жду самолетов с грузами.

Два месяца назад УШПД определил нам новый район действий — Шепетовка — Здолбунов. Мы должны парализовать там железнодорожные магистрали-артерии, по которым к фронту непрерывным потоком идут техника, боеприпасы и резервы противника. А мы все еще никак не можем вырваться из лесов. Нет у нас ни взрывчатки, ни противотанковых патронов, нет командирских карт и шифродокументов, без которых невозможна радиосвязь с Центром. А без радиосвязи ничего не получишь из Центра, без радиосвязи и командир — неполноценный руководитель, и в глазах населения не будет он уполномоченным Москвы.

Ясно, что все необходимое нам удобнее получить здесь — в глубинном крае, в лесах. Но нет и нет самолетов...

3.1.1944 г.

Село Брониславка.

Возвратился из бригады Армии Крайовой полковника Вуека капитан Грушецкий. Переговоры не привели ни к чему, хотя мы относимся лояльно к этому посланцу эмигрантского, антинародного лондонского правительства Польши и готовы объединиться для совместной борьбы против оккупантов. Но полковник Вуек не хочет этого, все выпраши-

вает о наших дальнейших планах. По всему видно, что у него другое на уме. Не хочет воевать с немцами.

Вуек бывал у меня в гостях со всем штабом в количестве семнадцати офицеров. Это — Армия Крайова в западноукраинских областях. Вуек — не только командующий крайовистов, но и будущий военный министр. Об этом он проговорился мне на званом обеде перед Новым годом. Хвалился, что закончил академию генштаба в Лондоне, откуда и десантирован сюда, на Случь. Гаврилюк уверяет, что знал Вуека до войны как руководителя пограничной польской разведки в районе Шепетовки и Здолбунова. Но об этом Вуек умалчивает.

Теперь понятно, почему так мало здешних поляков пошло к нам в партизаны и почему ксендз пан Леон говорил на достопамятной встрече у него в доме, что духовенство якобы не занимается политикой... Но вот пожаловал и он ко мне на обед, где галантно представился как «бригадный поп», изобразив на своем чисто выбритом лице хитрейшую мину...

Бригада Вуека по сути — армия, стоящая «с ружьем у ноги». Польские гарнизоны, в двести человек каждый, стоят «на охране лесов от партизан», неплохо вооружены. Кое-где такие гарнизоны охраняют польские села от бульбовцев, мельниковцев, бандеровцев. В бои с немцами они не ввязываются. Выжидают момента. В надежде запугать нас Вуек хвалится, как богаты вооружением и боевой техникой их тайники в Августовских лесах. Но не на тех напал.

Однако, готовясь к рейду на запад, нельзя не учитывать позиции Армии Крайовой. Поэтому я говорил откровенно Вуеку, что мы пойдем дальше на запад, что хочу знать, какую позицию займет в отношении нас Армия Крайова?

Вуек только загадочно улыбался...

4.1.1944 г.

Село Брониславка.

Наконец-то возвратился Червоный отряд! Более шестисот бойцов заняли свое место в соединении. Для меня это большая радость.

Получено донесение и о том, что Армянский отряд возвращается с большим транспортом. Сообщают, что прорвались к Овручу. Дали «прикурить» фрицам. А потери при этом — только две повозки и три лошади...

Эсманцы же поохотились на славу. Они наделали «рикошету» при Емильчино. Понабирали автомобилей и других трофеев. Тамошнее население спасается от немцев в лесах

и землянках. Жители благодарны нам за то, что обеспечили хлебом, не дали угнать в Германию. Оказывается, вражеское командование издало приказ, в котором назначена цена за мою голову... Смешно! Неужели оккупанты не понимают, что дело не во мне. Не будет меня — будет кто-то другой, но от этого врагу не станет легче. Ведь воюет народ!

Наши фронтовые войска входили в партизанский край. В связи с этим комиссар Кищинский вызвался ехать в Киев, чтобы многое выяснить и разъяснить. И надо, наконец, получить все то, без чего не обойтись.

5.1.1944 г.

Снова Городница.

Перешли линию фронта. Она — по старой границе. С Верховским и Ляхом заночевали у комдива 181-й стрелковой дивизии генерал-майора Сараева. Встреча была радушной и теплой.

Говорили о том, что сейчас нет нужды растягивать цепочки войск вдоль старой границы, что лесные пространства к северу и на запад насыщены партизанами, что можно смело продвинуться вдоль Случи до Березно и Моквина, где завладеть всем левым берегом, получить хорошее жилье и навести переправы, и что налицо у нас все возможности очень хорошо обеспечить тылы и фланги дивизии. Однако комдив не смог принять нашего предложения. У него, конечно, приказ, общий замысел и планы командования... Рубежи для закрепления и строгие разгранлинии. А жизнь под открытым небом — дело привычное...

Договорились о сдаче наших раненых в медсанбат и о совместном наступлении на Березно, если оно будет. Сараев обещал помочь нам выйти в тыл противника, когда понадобится...

Это слияние с фронтом произошло буднично, и теперь уже оно не казалось чем-то необычным, недопустимым. Может, потому что мы не намерены оставаться в тылу нашей армии. Об этом не хочу и думать. Того же мнения командир молдавских партизан полковник Андреев, приехавший, как и я, на свидание с командованием Красной Армии.

Назад ехали на трофейном опеле Андреева. Очень долго тянули по бездорожью. Собственно, не машина везла нас, а мы тащили ее всеми возможными способами, в том числе и нашим трофейным мотоциклом.

6.1.1944 г.

Село Брониславка.

Утром прибыл к нам комиссар Шитова Шумак. Узнавал, как и что на фронте, где КП генерала Сараева. Рассказывает, что в Овруче их дивизия получила немного — 200 автоматов, 350 винтовок, снаряды, мины, минометы и тому подобное.

Вечер 7.1.1944 г.

Село Брониславка.

Проводил генерала Сараева специально снаряженным конным взводом. Визит дорогого гостя означает, что мы попали-таки в тыл Красной Армии! Что-то скажут в Киеве?

А для рядовых партизан радость преогромная: «Свои! Наши! Ура!..»

Воины регулярной армии еще с утра перемешались с пестро одетыми партизанами. Много интересных встреч. Довелось даже отцу-красноармейцу встретиться с партизаном-сыном!..

Генерал Сараев предложил мне и Шитову участвовать в освобождении Березно. Казалось, не стоило большого труда сделать это немедленно. Но город надо не просто взять, а окружить и при этом уничтожить обороняющие его вражеские силы. Поэтому Сараев просит 1200 партизан-шитовцев. А часть отрядов нашего соединения — Киевский, Червоный, Макаровский и Коростышевский — должны форсировать Случь к утру 8 января, окружить Березно с юга и юго-запада и перекрыть пять лесных дорог, чтобы отрезать пути отступления противника.

Наступление намечено на 12.00, его поддерживает артиллерия дивизии. Предполагаем, что противник начнет отходить по направлению к нашим засадам. Вознаграждение нам — вся боевая техника врага.

9.1.1944 г.

Село Брониславка.

Березно брали «на ура». Червоный наступал во весь рост, но ожидаемого эффекта не получилось: не успела подойти артиллерия.

Вражеская оборона Березно, по данным разведки капитана Грушецкого, была довольно серьезная!.. Снова вглядываюсь в схему расположения сил противника с численностью в 1600 штыков.

Вдоль Случи — траншеи: вокруг школы, польского кладбища, парка — дзоты; почта окружена земляным валом;

в школе, на почте, в здании суда — полицаи. Центр и Корецкую улицу обороняют немцы. Вооружение — автоматы, пулеметы, минометы, пехотные пушки...

Читаю дневник К. В. Степанова о вчерашней операции — вместо доклада и донесения:

«...Наш Киевский отряд получил задание стать засадой на лесной дороге Березно — Костополь и станции Моквин.

В ночь на 9 января отряд, взломав лед на Случи, форсировал ее вброд и вплавь... К рассвету были на заданном рубеже. Рота Батоева встала заслоном со стороны Костополя, рота Рябченко оседлала дорогу в направлении Березно. Как только мы окопались, со стороны Березно послышался гул моторов и на дороге показались машины, среди них много фургонов.

Отдаю команду — приготовиться к бою. Все укрылись и тщательно замаскировались в окопах. Я, комиссар Новик, врачи Солодюк Надежда и Панасюк Евгения зашли по траншее за угол лесной сторожки для наблюдения.

Как только автоколонна приблизилась, взлетела моя ракета. Тишину разорвал пулеметный огонь и выстрелы из противотанковых ружей.

Через мгновение головные машины были объаты огнем. Шарахнувшись в стороны, они перекрыли дорогу остальным. Началась беспорядочная светлая стрельба. Многие гитлеровцы соскакивали на землю, где тоже не находили спасения.

Я с группой бойцов бросился наперерез убегающим в горячей одежде фашистам, которых тут же пригвоздил отсечный огонь. Но одному из них удалось прорваться, и он уходил, отстреливаясь из пистолета. Наконец и он упал замертво. Я подошел, чтобы забрать документы убитого. Оказалось — шеф жандармерии, командовал в Крыму, Таганроге, Мариуполе, Александрии, Ровно, Костополе и Березно. Но как бы ни хвастался Адам Штольц послужным списком в своем дневнике, он не ушел от партизанской пули, оборвавшей его бандитскую жизнь!

И не помогли заклинания его отца о пощаде. Вот текст письма отца-Штольца сыну Адаму:

«29.11.1943 года.

В первых строках моего письма большое спасибо за твое счастливое письмо... Колбаса очень вкусная, но масло еще вкусней...

Я всегда помню о своем сыне, защищающем Родину и всегда побеждающем. Я не дождусь того дня и часа, дорогой сын, когда ты вернешься домой с окончательной победой и я тебя крепко расцелую.

Дорогой Адам! Я хочу тебя спросить, как обстоит дело с твоим отпуском, сможешь ли ты приехать в родительское гнездо на рождество? Это было бы восхитительно! И ты приедешь, конечно! Я не допускаю мысли, что что-то остановит тебя. Тем более не допускаю мысли, что кто-то посмеет поднять на тебя руку. Тебя пощадит судьба!

Все, Адам. С пожеланием тебе счастья в жизни и с приветом
Твои родители.

Хайль Гитлер!»

Как бы не так! Смерть охотилась за Адамом с того времени, как он ступил своими погаными сапогами на советскую землю. И это еще не все: мы доберемся и до его правителя — Гитлера. И его ждет то же, что и палача Штольца!

Мы быстро закончили эту стычку. 22 немецких трупа лежат на дороге, а сколько их догорает в десяти автофургонах! Мы захватили

большие трофеи оружием и снаряжением и одну уцелевшую грузовую машину со съедью и боеприпасами.

С нашей стороны тяжело ранен командир расчета противотанкового ружья Пётр Бабаев, уроженец города Ростова-на-Дону. Я тут же отправил его в медсанбат на трофейной автомашине...»

10.1.1944 г.

Село Брониславка.

Из ЦК КП(б)У получена радиограмма, а от начальника УШПД генерала Строкача — приятная весточка: меня поздравляют с награждением орденом Богдана Хмельницкого I степени.

За операцию по освобождению Березно — благодарность. Желают успехов в борьбе с гитлеровскими захватчиками. Конечно, ждут, когда двинемся в свой третий рейд. Уточняют, а по сути, ставят совсем новую задачу, говоря мягко, довольно трудную.

Дают месяц срока на сборы. Вот дословное содержание этой радиограммы:

«ЦК КП(б)У предлагает вам к 10 февраля выйти в Дрогобычскую область с задачей парализовать движение на железных и шоссейных дорогах: Самбор — Комарно, Самбор — Хыров, Самбор — Ужгород, Самбор — Дрогобыч. О ходе рейда доносите ежедневно лично секретарю ЦК партии...»

Радиограмма адресована мне лично.

Есть о чем поразмыслить. Смотрю на карту, но и без нее знаю и хорошо помню этот стык границ четырех государств: СССР, Венгрии, Чехословакии, Польши... Бывал там на границе, когда служил в штабе погранотряда. Оттуда и начинал свою одиссею по вражеским тылам. Конечно, не забыл ущелья, горы, моросящие дожди, полонины с их неприметными для глаз болотцами. Это очень интересный и поэтический край, но где там ютиться коннице, чем кормиться, как маневрировать?..

Правда, может, в последующем укажут путь еще западнее — в так называемую Закарпатскую Русь и в соседнюю с ней Словакию? Еще со времен службы на границе запомнились мне тамошние жители, закарпатские русины, тоскующие по России — матери всех славян, по большой Украине, ожидая от них помощи... Как благородно было прийти туда именно теперь!.. Открылась бы замечательная перспектива, которая имелась в виду в радиограмме начальника УШПД генерала Строкача.

Мое воображение уносит меня за облака и горы, называемые Высокими Татрами. Всю ночь путешествую в Татрах и на Дунае. Читаю карту. Брожу в поднебесье...

Думы, думы наедине. Не с кем поделиться ими. Комиссар в Киеве. Воображаю, какую получит он головомойку, будучи непрошеным гостем. Зададут «по первое число». Я спрашивал, не боится ли отлучиться без санкции верхов? Может, и влетело уже? Но почему радируют только на мое имя? Не означает ли это, что оставят нашего Сергея Семёновича там, в Киеве?!

Признаться, во всем этом нелегко разобраться. Надо «сбалансироваться», привести мысли в порядок, подсчитать силы и средства, определить свои возможности.

Прежде всего о силах. У нас сейчас 1355 человек, а с Армянским отрядом, который уже возвращается, добавится еще шестьсот человек. Итак, всего около двух тысяч, возможно, даже больше, так как отряды продолжают пополняться. В связи с этим возникает вопрос: целесообразно ли идти в рейд большим соединением? Убежден — нецелесообразно.

Структура конницы такова: взвод — 20 человек, эскадрон — 50, дивизион — 150, полк — 350—400... И здесь в первую очередь возникает проблема управления. На марше колонна растягивается километров на пять-десять. Если в хвосте колонны завязывается бой, в голове ничего не слышно. В этом вся сложность, но не менее сложна и организация водопоя, маскировки от вражеской авиации. А еще обозы — боевые, продовольственные и особенно — санитарные!..

Форсирование реки или переход через дорогу занимает половину ночи. Не будет выполнен план ночного марша — придется днествовать где-нибудь на глазах противника. Это — лишний бой, напрасно пролитая кровь и все новые и новые осложнения...

Значит, около двух тысяч... Из них коммунистов — 192, комсомольцев — 350. По возрасту — зрелая, «кадровая» молодежь, испытанные, закаленные в боях войны. Это большая сила, к тому же очень подвижная.

В новый рейд выступают: Хинельский отряд (командование — политрук А. Г. Сыпловый, старший политрук П. И. Петрикей, начштаба лейтенант Г. Т. Плаксин), Червоный отряд (лейтенант И. И. Боров, политрук С. И. Ксензов, начштаба Т. М. Стадник), Армянский отряд (лейтенант А. М. Осипян, младший политрук А. Я. Васянович, начштаба капитан Ф. И. Лобач), Конотопский отряд (лейтенант В. А. Туров, политрук А. Ф. Лазарев, начштаба К. В. Климович), Киевский отряд (капитан К. В. Степанов, комиссар А. С. Новик, начштаба лейтенант М. А. Дьяченко), Макаровский отряд (капитан

Г. Я. Коротюк, лейтенант А. А. Пасько), Коростышевский отряд (лейтенант В. Д. Кучеренко, политрук Б. И. Таратута, начштаба лейтенант Н. Н. Березин).

С этим народом не страшен любой рейд! Лошадей тоже достаточно. В рейде еще добудем. Вооружение отряда — 4 пушки, 12 минометов, 16 станковых пулеметов, 139 ручных, 7 противотанковых ружей. Мы неплохо обеспечены и боеприпасами: 125 тысяч патронов, 400 гранат, 17 мин к батальонному миномету, 70 снарядов к пушкам, 3 килограмма тола, 132 ракеты. Кроме того, миллион патронов, захваченных в Емильчино, которые в учетах не значатся. Командиры научились хитрить, но я знаю, что мы с патронами...

А на душе все же скребут кошки: где Армянский отряд? Почему так долго в пути? Уже прошло 16 суток. Чем они питаются? Чем кормят коней? Генерал Строкач сообщил, что седьмого числа отряд был в Овруче, получал грузы. Значит, задержан там на неделю. И все равно уже пора ему возвратиться. Чтобы ускорить прибытие, я послал им навстречу в Городницу овес и сено. Жду гонцов...

12.1.1944 г.

Село Брониславка.

Фронт, перекатившись через нас, находится километрах в шестидесяти западнее. Видимо, на рубеже реки Горынь. У нас уже — учебные стрельбы и пристрелка оружия. Результаты стрельбы неважные — 30 % выполнения нормы хинельцами, около 60 % — Червоным отрядом. Побывал на стрельбищах, поблагодарил лучших стрелков — Золотова, Беляйцева, Денисова, Жирнова, Каверина, Байко, Ишимова, Козарова, Кищенко и Камнева. Задача недели — каждому добиться попадания в мишень.

— Равняться по Еве Мартыненко и Андриюше Крупе! — сказал я новому комиссару конотопцев политруку Александру Лазареву.

В отрядах идет заготовка сухарей, колбас, фуража, саней, ремонтируются повозки. Все знают: будем прорываться через фронт, который, увы, не скоро догонишь!.. Позорно, что в тылу у него находимся, в обозе... Но пока ничего не поделаешь.

Хочу продумать маршрут будущего рейда, но нет нужных карт. 8 января отправил за ними помначштаба Анатолия Швейцарского. Ожидают, что вернется и привезет карты до пятнадцатого. Но тут есть много если... Если он раздобудет свежих коней. Если покроет расстояние в 700 километров. Если найдет кули с картами, спрятанные в лесу

под Киевом. Если сумеет провезти их по фронтовым дорогам — через контрольные пункты и комендантские пикеты... Если... Да еще если подойдут они, карты, присланные в свое время для похода на Буковину, к данному, строго западному маршруту...

13.1.1944 г.

Село Брониславка.

У меня гости. Офицеры НКГБ Людвипольского и Костопольского районов. Молодежь. С пистолетами на портупеях. Им надо узнать обстановку. Беседовали часа два, и настроение их падало поминутно. «Националистические элементы», представляющиеся единицами, обращались в «десятки», сотни, «курени». По мере ознакомления заметки, записи и учет все более оказывались не тем, с чего следовало начинать, и все более обнаруживалось, что ключ ко всему не в заметках, не в бумажках, а в живой связи с местным населением.

С приходом нашей армии не прекратились вражеские вылазки бульбовцев. Девятого января они вырезали пятнадцать наших солдат в Белашовке, днем позже отравили тридцать красноармейцев в Моквине. Они ежечасно обстреливают из-за угла советских воинов. Говорю офицерам:

— Вооружайтесь по-настоящему. Ведь много местного населения еще живет по куреням, которые надо отыскивать в лесах и болотах. А там рыскают полицейские, легионеры, гитлеровцы, но чаще всего — вооруженные банды националистов.

Пришлось помочь им: выдаем 180 винтовок и несколько пулеметов для самообороны, уже организованной в занимаемых нами селах — Брониславке, Старой Гуте и Мочулянке.

15.1.1944 г.

Село Брониславка.

Наконец прибыл Армянский отряд с транспортом оружия. Сколько обид и возмущения высказывали Осипян, Величко, Лобач! Нераспорядительные работники передовой базы в Овруче, Олевске и Коростене мариновали отряд, пока кое-что выдали. Ребята побывали, оказывается, и под Малином, объездили всю Житомирщину. Это и ничего бы, да там тоже не оказалось боевых грузов, напрасно только гоняли коней. Задержались, бесфуражные, на четырнадцать суток!

Нашу заявку на вооружение, боеприпасы и взрывчатку удовлетворили не полностью. Патронов ППС не дали. Мин

к ротным минометам не нашлось, автоматов не 200, а только 50, ПТР тоже только 5 штук вместо 15, пулеметов — ни одного в наличии...

Но мне кажется, что все отлично! Радиопитание уже есть, и, в сущности, у меня теперь полная чаша. Возвратился и Гаврилюк из Киева.

Он, к сожалению, не привез нужные листы оперативной карты, и мы всю ночь изучали предстоящий маршрут по «полумиллионке». Теснины, горы, паутина железных и шоссейных дорог, гарнизоны оккупантов и гнезда националистов — вот трудности нашей третьей партизанской зимы.

16.1.1944 г.

Село Брониславка.

Чувствую: не быть Кищинскому нашим комиссаром. Не дождусь его из Киева. Загостился. Гаврилюк говорит, что, возможно, комиссар там и останется: потребность в руководящих кадрах... А надо бы сейчас, ой, как надо подналечь на политрабоду...

Ночь. 18.1.1944 г.

Там же.

В отрядах полным ходом идет подготовка к походу на запад... Проводятся партийные и комсомольские собрания. Многие вступают в ряды комсомола, в партию — пойдут в рейд коммунистами! Разворачиваем ремонт упряжи, саней, повозок, одежды, обуви, ковку коней, ведь «лошадь у кавалериста — жизнь!»

Все знают: пойдём в неведомый, далекий, нелегкий и очень опасный путь. Всем памятливы невероятные трудности, с которыми столкнулись ковпаковцы в Карпатах... Наша разведка выискивает, высматривает слабые места противника. Гаврилюк все чаще контактирует с фронтом, уходящим от нас все дальше на запад.

Громим банды бульбовцев. Отбиваем заодно и «схроны» с провизией. Словом, перешли на подножный корм. Кажется, уже есть недельный запас провизии. В хозчасти у Кузьмина завелась и колбасная, а разведчицы — Руфь Никитина и Валя Енько-Астахова оказались первоклассными мастерицами. Колбаса закладывается в НЗ — для раненых.

А в Киевском отряде свое самостоятельное хозяйствование: капитан Степанов, как знающий сибиряк, лично руководит сооружением бани-каменки. Учит также киевлян делать сибирские пельмени.

Однако наибольшее оживление наблюдается в обозах Армянского отряда. Осипян сейчас за главного вооруженца и раздает по разрядке нашего штаба все, что привезено из Овруча: взрывчатку, снаряды, мины, прочие боеприпасы. Вооружение в общем подходящее. Почти каждый отряд получает противотанковое орудие, несколько минометов и автоматы. Всех это радует. Даже командиры отрядов приезжают к Осипяну и цыганят по-ярмарочному:

— Почему не все винтовки новые? — допытываются у Осипяна.

— Такие в Овруче выдали...

— Да разве на складе могли быть старые, на третьем-то году войны, что ты?.. Где взяли бы, в музеях, что ли? На выручку Осипяну спешат Лобач с Шелестом:

— Чудак! — говорит Лобач. — Ведь многие партизанские отряды расформированы после соединения с войсками Красной Армии. А оружие их куда девается? На склад. А из склада кто получает? Партизаны. Вот и получай подарочки с передовой партизанской базы!

Озадаченный командир приказывает грузить полученное на повозки, хотя, конечно, догадывается: каждый хочет иметь новенькое оружие, тем более бойцы Армянского, которые 20 суток маршировали, мерзли и голодали, добывая для соединения оружие.

Не меньше перипетий и там, где раздают патроны. Каждый командир хочет получить побольше бронебойно-зажигательных и трассирующих. Ожидающие своей очереди ревностно наблюдают за выдачей и, увидев, что получающий нагрузил уже достаточно ящичков со знакомыми полосками, начинают протестовать: «Хватит! Так все себе заберешь, нам не достанется!»

В ящиках обычно по 960 или 1080 патронов, но иногда это не обозначено, и тогда лейтенант Георгиевский срывает крышку с ящика. Получающий бурно возражает: «Зачем вскрывать, какая разница, меньше-больше на пятьдесят патронов?»

— А такая, что придет пора, и ты бодню сала за пачку патронов променяешь каптенармусу, — отвечает Георгиевский.

Патронные ящики молодецки подхватываются дюжими руками, размещаются в арбах, под сеном. Весело возвращаются бойцы с нагруженными возами «домой», к отряду.

В соединении много разговоров о предстоящей задаче. Всех волнует, куда пойдем?

В общих чертах все знают, точнее, догадываются, что на запад, за Буг, может, к Днестру.

— Да, это задачка! А как другие соединения?

— Уже ушли. Говорят, ни шитовцев, ни маликовцев в этих краях не видно. Гаврилюк сказывал, что соединения Ковпака, Еремчука и Олексенко получили приказ выйти в Станиславскую область, а сабуровцы да маликовцы — на Львовщину...

— Хорошо. Молодцы. Теперь почувствуют оккупанты... Вот только обидно, что мы нежданно-негаданно угодили в обоз Красной Армии...

Настроение у всех приподнятое: уж коль одним отрядом прорывались через фронт, то о соединении и говорить нечего — прорвемся! В этом уверен каждый, только побольше бы гранат, снарядов да вооружения противотанкового...

19.1.1944 г.

Село Брониславка.

Получена радиограмма... Гаврилюк за самовольный выезд в Киев снят с должности заместителя командира соединения. Ему же объявлен строгий выговор.

Но расставаться с Гаврилюком мне сейчас никак нельзя. Ведь впереди у нас сложнейший рейд. Однако приказ есть приказ, и его надó выполнять. Вот и приходится делать так, чтобы и козы были сыты и сено цело. Назначаю Гаврилюка помощником командира соединения по разведке, что, по сути, то же самое. Что поделаешь? Другого Гаврилюка с его опытом, чутьем разведчика, бесстрашием у меня нет и взять его неоткуда...

С этим согласился и Кищинский. Сегодня он приехал из Киева, чтобы проводить нас в рейд. Комиссаром соединения назначен московский хирург, секретарь парткомиссии Михаил Михайлович Тарасов. Кищинский привез нужные карты, автоматы, медикаменты, папиросы, мыло. С ним приехали кинооператор Паша Касаткин и назначенная начальником типографии нашей газеты «Народный клич» Галина Гордиенко. Она попросилась к нам из университета. Чернявая, гибкая, уроженка Недрыгайлова Сумской области. Впервые в тылу врага! Касаткин — лауреат. Его сразу монополизировал Кищинский. Мы с доктором попытались усадить Галинку обедать, но не тут-то было: села в углу комнаты, и только черные глаза, как угли. Не хочет «обременять». До нас, не знающих продкарточек, никак не доходила такая щепетильность гостыи. Когда же, отогревшись,

она незаметно исчезла из квартиры, доктор подсказал: объесть, оказывается, побоялась...

Посмеявшись, позвали еще раз Галину. Поговорили по-товарищески, и я взял с нее слово, что будет писать не только в газету, но и вести дневник, необходимый доктору «для анналов», которые он собирается писать после войны. Но мне хочется большего: чтоб Галина вела более подробные записи, чтоб отображала наше партизанское житье-бытье таким, каким оно есть, и давала описываемым событиям эмоциональную окраску.

Кажется, уловила Галинка, что от нее требуется. Обещала записывать ежедневно и показывать мне записи. Посмотрим, как пойдет дневник. Самому мне тоже надо бы побольше записывать. Копию своего дневника отправляю с Саморокой и Чуркиным, которых направляю в распоряжение генерала Строкача. Туда же отсылаю дневники Сыпльвого, Петрикея, Коренского, Коновалова, Борова. Прошу Самороку доставить их в полной сохранности. Не хотелось мне расставаться с ним, но как идти в рейд с больным командиром отряда? Тут же подписал приказ о назначении лейтенанта Турова вместо Самороки. А политрука Лазарева — комиссаром. Оба из Конотопского отряда. Туров прикнул к нам в Ворожбе, где оказался среди двух тысяч освобожденных пленников. Лазарев также достаточно «прокипячен в котлах окружения...»

Вечером был на партсобрании в Армянском отряде. Обсуждали итоги похода в Овруч и задачи коммунистов в предстоящем рейде. Собрание прошло бурно, выступления коммунистов были принципиальные. Оказалось, что в отряде начала хромать дисциплина. Выступавшие говорили о случаях пьянок. Дошло до того, что выпили спирт, полученный для медицинских целей. Кое-кто, говорили коммунисты, запутался в женских юбках... Пришлось освободить Величко и назначить комиссаром отряда Алексея Васяновича, бывшего секретаря райкома комсомола в Чоповичах.

20.1.1944 г.

Село Брониславка.

Можно бы и в рейд, да нет взрывчатки и маловато мин к минометам. Сегодня мой специальный уполномоченный капитан Грушецкий радирует из Олевска: имеется 500 мин и несколько тонн аммонала. Машины, прибывшие с Кишинским, должны пойти в Олевск — к Грушецкому. Мой заместитель по тылу Иван Кузьмин предусмотрительно запасся кое-чем, отпирающим запоры к бензоколонкам, на тот слу-

чай, если бы вдруг у Грушецкого появились трудности с заправкой автомашин горючим.

Явное нарушение существующих правил, но у нас, можно сказать, правительственное задание под угрозой срыва. Хочешь не хочешь — приходится идти на некоторые нарушения...

21.1.1944 г.

Село Брониславка.

Началось выдвижение отрядов за Случь — пока на заготовку продовольствия и двухнедельного запаса фуража. Думается, что переходить фронт придется в пустошах, где не на что рассчитывать. Гаврилюк уже там, за Сарнами, в армейском штабе. Вытребовал к себе и разведчиков Киевского отряда во главе с лейтенантом Шабалиным. Начнется зондаж фронта вместе со штабом нашей 13-й армии. Тринадцатой!..

Каково это звучит для нас, воинов этой же армии в 1942 году в Брянском крае!..

Вспоминаются слова Васи Буянова:

— Вперед, непогибаемая, непробиваемая, сто раз окружаемая 13-я!!!

Погода испортилась. Дождь не прекращается третьи сутки. Снега все нет и нет. Приказал сесть на колесный транспорт. Потерял всякую надежду на легкие зимние пути, на ледяные мосты и быстрые переправы. Точь в точь та же ситуация, которая сопутствовала нам во второй половине Степного рейда.

22.1.1944 г.

Село Брониславка.

Наконец-то приехал Грушецкий! Кроме мин, снарядов, патронов к ППШ, магазинов к пулеметам, привез самое ценное, самое дорогое — карту-двухкилометровку от Сарн до Ковеля! Оказалось, что заместитель начальника УШПД полковник Илья Старинов свою отдал. Спасибо ему!

Теперь веселей на сердце. Ведь у меня, кроме единственного экземпляра «полумиллионки», ничего не было. И Гаврилюк и Кищинский не доглядели в Киеве, что упаковали им вовсе не те карты, которые нам были нужны!

Грушецкий привез также письмо от начальника отдела кадров УШПД. Сообщает о награждении наших партизан за рейд по Киевщине.

Вперед, на запад!

23.1.1944 г.

Березно, 55 км северо-восточнее Ровно.

Уходим. Население восторженно и горячо благодарит нас. Что ж, сделано нами тут немало и оплачено недешево. Шесть могил наших партизан в Брониславке и Гуте Быстрецкой красноречиво свидетельствуют об этом. Жители заботливо огородили холмики оградками. Польские девушки увидели их лентами. Эти могилы, своеобразные вехи партизанской доблести, разбросаны на огромной территории от реки Случь до Киева и на юг — за Винницу, Кировоград, и в Брянском крае...

Всюду, где мы бывали в жарких схватках с врагом, обрывались молодые жизни.

Буду жив — отдам все свои силы увековечению памяти моих боевых друзей-партизан.

Теперь же — вперед, на запад!!!

Катится, катится тачанка. Вот и Случь. Еще не убраны трупы врагов, разбитых авангардным отрядом «Смерть фашизму». Был бой за мост, за переправу. За рекой — «бульбовская территория». Поля, сверкающие изумрудом озимых. На холме огромный, метров в десять высотой, крест с пьедесталом из дерна. Это могила бульбовца, убитого конотопцами.

Сооружение воздвигнуто, видимо, руками многих людей. Мой адъютант Андрей Лях спрашивает встречного старика:

— Хто цэ построив?

— Нэ знаю: побудовано вночи.

— З чого цэ строили?

— Нэ бачив, робилося вночи.

— Кого тут заховалы?

— Нэ знаю, бо то робылося опивночи.

— Давно воно побудовано?

— Нэ знаю, бо робилося опивночи...

Словом, поговорили, как глухой с немым. Можно только представить себе угрюмые толпы согбенных людей, согнанные для того, чтобы принести на себе дерновину и уложить ее в этом строгом геометрическом порядке в форме изумрудно зеленеющей трапеции...

И не слова молитвы, не изречения библейские, а злоб-

ное предостережение людям выжжено на крестовине во всю ее длину: «Або здобудеш свою державу — або загинеш у боротьбі за неї!».

У нас на пути село Холопы. Оно словно вымерло. Не видно жителей ни на улицах, ни в окнах хат. Все еще боятся националистов, хотя уж две недели, как местность находится в тылах Красной Армии.

Теперь бульбовцы сидят в «схронах», в норах где-нибудь под конюшней или коровником. Ушли в подполье. Основное их оружие теперь яд или удавка на шею с запиской на груди удушенного. И подпись «СБ» — служба бэзпэки». Тайная, свирепая, неумолимая...

Хотя мы и позади прошедших накануне частей Красной Армии, а движемся со всеми мерами предосторожности. Главразведка не теряет бдительности.

О сложившейся здесь обстановке Галинка сделала в своем дневнике такую запись:

«...Непроглядная ночь. Лошади мокрые, усталые. Мы уезжаем из Березно, а навстречу — человек. Командир Коля Фурлет окликнул его, спросил дорогу на Старую Березну, но неизвестный как-то неопределенно махнул рукой:

— Вот этой дорогой часа два хода!

Командир остановился, усомнившись, а неизвестный заторопился в темень.

— Задержите его!..

Несколько человек и я с ними бросились догонять уходившего. И тотчас увидели еще одного

— Эй, папаша, как проехать на Старую Березну?

А он в ответ:

— Нет ли у вас, люди добрые, огонька раскурить трубку?

— Да ты раньше покажи дорогу, потом и закурим.

Старик широко расставил ноги, помолчал, пожевал губами, а потом ткнул пальцем в противоположную сторону.

— Вот по этой дороге проедете с километр, а потом берите вправо, — и он начертил пальцем острый угол расходящихся дорог. Его объяснение не сходилось с тем, что говорил первый встречный.

— Эй, пан! — кричал между тем Миша Томич исчезнувшему в темноте. — Шагай назад, мы еще что-то спросим у тебя.

— Где ты живешь? — осведомился разведчик Саша Шиян.

— Вон в той халупе, — неопределенно махнул рукой задержанный.

— В которой? Какая твоя хата? Показывай! — настаивал Шиян.

Незнакомец снова неуверенно указал на одну из хат, в крошечных окнах которой мерцал свет.

— Галя, смотри за ним, а мы с Томичем зайдем в хату, посмотрим, что там. Пошли, Миша!

Я осталась одна с тем знакомцем. Вид у меня воинственный, сбоку наган с тремя или четырьмя патронами, в руках автомат. Кобылка моя «Ксюшка» хоть и необученная, но видная. Когда хлопцы ушли, я недвусмысленно направила свой автомат на детину. Он молитвенно сложил руки и фальшиво-дрожащим голосом заговорил:

— Пани, у вас тоже будут муж и детки, отпустите меня, я век буду за вас богу молиться.

Я молчала.

— Вы дивчина, неужели вы можете быть жестокой!? У меня дети, жена!

Он шагнул ко мне, протянул руку к ступени. В этот момент хлопцы вышли из хаты, и яркий свет карманного фонаря упал на его лицо, искаженное ненавистью. Он быстро отдернул руку.

— Ни шагу, еще одно движение и пристрелю! — сказала я. — Скорей сюда, товарищи!

Хлопцы сбежали со ступенек, погасив фонарь, в сгустившейся темноте снова зазвучал вкрадчивый голос:

— Я не ожидал, что советские такие жестокие!

Подошедшие Томич и Шиян приказали детине следовать вперед, к нам присоединилась вторая группа разведчиков с двумя задержанными — мужчиной и женщиной. Этих перехватили с пакетом, со сведениями шпионского характера для Бульбовского штаба. Растерявшись, женщина сразу же выдала себя как связную штаба и согласилась указать дом задержанного нами мужчины:

— Я не знаю, как их зовут, — говорила она, — но знаю, где живут... Если позволите, я могу показать ихнюю хату. Только прошу не выдать меня людям. Пане командир, не выдавайте, — умоляла она, — они убьют меня прежде, чем дойду до своего дома...

Женщина указала на несколько дворов, в которых, по ее словам, живут ярые сторонники националистов. Потом повела в переулок, где особняком от других стояла красивая, богатая усадьба.

— Цэ будынок кошового чи куринного отамана, — сказала она. — Заходьте обэрэжнише...

— Кошевой?! — присвистнул Шиян и тут же сказал Томичу, чтоб сообщил начальнику разведки Фурлету.

Человек пятнадцать разведчиков, спешившись, окружили надворные постройки. Сначала все шло тихо. Потом раздался глухой стук, словно что-то упало, а далее послышались женские причитания и вопли. Командир послал одного партизана сказать, чтобы поменьше шумели, но вопли не прекращались. Возвратившийся связной доложил, что хозяин скрылся куда-то, а сына не было дома.

— Что делать с этой женщиной? Орет, как недорезанная, — указал он на хозяйку дома.

Фурлет приказал пока что задержать женщину, и ее тут же привели. Она была одета обыкновенной крестьянкой. На вопрос, где ее муж, не ответила.

— Но у вас есть муж?

— Не знаю!

— Как зовут его?

— Не знаю.

И так без конца. Уже прошла мимо походная колонна соединения. Забрезжил рассвет. Нужно было успеть побывать еще в некоторых хатах, чтобы все же найти куренного. Всю партию задержанных, человек уже пятьдесят, среди которых был и показывавший нам дорогу, Фурлет отправил в штаб соединения.

Было совсем светло, когда мы присоединились к Червоному отряду, расположившемуся в селе на дневку. Заместитель командира Женя Верховский, комиссар Ксензов и наш Фурлет тут же организовали Военный трибунал, включив в состав его и комиссара разведки Романа Астахова.

Я осталась при трибунале дневальной в тамбуре. Начался допрос. Людей приводили и уводили. Это были забитые нуждой крестьяне. Мно-

где из них имели по моргу земли, большинство — по полморга. Видать, что голод и нужда — частые их гости, а то и постоянные спутники. Ответы односложны: «Що ж маемо робыты, земля выснажэна, худобы нэма. Нэмае чым обробыты зэмлю. Паны все поилы».

Наконец привели того, кто показывал нам дорогу. Его уже разоблачили как кошевого или фуренного. Упитанный, высок ростом, тридцатилетний верзила, он держал себя очень развязно и вовсе не походил на того, каким был ночью.

Я сидела у окна и приводила в порядок эти записи, когда ввели его в помещение. Увидев меня, он проговорил с иронией: «О, пани советка-журналистка. Добрый день! Прошу, пани, записать и меня на память...»

В его речи было что-то наигранное, фальшивое.

О чем и как его спрашивали — не знаю, я ни разу не заходила в комнату трибунала. Допрошенные ранее рассказали, что задержанная — жена кошевого, он же ее не признавал, всячески запирался, все отрицал, говорил, что одни из зависти, а другие из личных счетов хотят его утопить. Привели жену. Она же или хорошая артистка, или и вправду с перепугу лишилась ума, но на все вопросы отвечала «не знаю». Не стали тратить времени, отпустили: пусть идет к ребенку. Один из допрашиваемых показал, что в организации имеются большие оружейные, вещевые и продовольственные склады, но где они, об этом знает только пан кошевой. Им устроили очную ставку. Кошевой продолжал запираяться.

— Грех бэрэтэ на душу, що так мордуэтэ ни в чем нэ вынну людыну.

Его вывели в коридор подумать, и он снова обратился ко мне со своими разговорами:

— Пани советко, за дви годыны мэнэ ужэ нэ будэ на свити, грех ляжэ на вашу душу за мою нэвынну смэрть, мои сыроты вик будуть плакать на вас, бо я и моя душа чисти, как пэрший сниг, що падае на зэлэну траву...

В это время в хату вошел командир взвода Вася Захарченко. На Васе был старый костюм и страшно рваные сапоги. Кошевой посмотрел на Захарченко, криво улыбнулся и сказал:

— Панэ-товаришу, давайтэ поминяемося на чоботы. Ваши зовсим порвалысь, а мои нови, за дви годыны мэнэ все одно стратять, бо я не могу довэсти ничим своеи нэвынности, а люди так налякани, що ладни все, про що их пытають, казаты на мэнэ.. А я проста людына, мырный хлибороб, ничего нэ вдию.

Вася, посмотрел на него и, как всегда, весело сказал:

— А вот я сейчас помогу тебе. Ты что же это, парень, не забрал свои документы из потайного карманчика? Это и помогло бы тебе оправдаться и доказать свою невиновность. А теперь документы у меня. Сейчас иду в трибунал и докажу твою «непричастность» к банде да еще в подтверждение документ покажу. Враз поймут, что ты невинная дева, а не начальник штаба УПА*!

Захарченко решительно скрылся за дверью.

Кошевой стоял бледный, с беспомощно повисшими руками и бессмысленно выпученными глазами. Его надежды запутать допрашивающих улетучились. Он больше не запирался в трибунале. Документы сказали все. Среди них был приказ, который гласил, что каждый вступивший в войско «визволення Украины» должен убить двадцать красноармейцев. Оружие и обмундирование с убитых сдать на склады УПА.

* УПА — так называемая Украинская повстанческая армия.

В руках трибунала оказались и списки «районных провидныков»*, и комсостава бульбовских вооруженных банд, и перечень тайных складов — оружейных, продовольственных, вещевых. Все это не только избыточно было, но и принудило его показать эти склады. Оказалось, что никто из рядовых не знал мест нахождения складов, хотя они и привлекались к устройству таковых. На первый взгляд, это может показаться неправдоподобным, но это так. «Провидныки» сгоняли людей, завязывали им глаза, а потом кружили их по полям и перелескам, пока они не теряли всякую ориентацию. С работы уводили точно так же.

Склады (их называли «ямками») устраивались на землях, принадлежащих «провидныкам». В лесу заготавливались срубы, которые привозились затем к готовым ямам. Ямы заполнялись зерном, бочонками с колбасой, залитой смальцем, бочонками с топленным маслом и копченостями, медом, сахаром, спиртом, мукой, крупой. После заполнения ямы ее закрывали досками, засыпали землей, которую разравнивали боронами. Все это делалось на протяжении одной ночи.

Мы отрыли тридцать таких ям.

Мне пришлось увидеть одну из первых «ямок», показанную кошевым. Оказалось, тайник был рядом, на зеленом озимом поле, и можно было ходить по нему сколько хочешь и не заметить».

24.1.1944 г.

Березно.

Захвачены документы штаба Бульбы, обнаруженные в специальном подземелье. Списки, инструкции, директивы. Правда, все имена в списках зашифрованы под псевдонимами, но ребята сумели выявить и арестовать всю верхушку надрайона «Берег», простиравшего бразды правления от Случи до Горыни.

В наших руках и перечень всех подземных хранилищ «Берега», значит, по Людвипольскому, Березновскому, Корецкому, Костопольскому, Сарненскому, Степанскому, Тучинскому, Боровскому районам... Мы захватили огромное количество продуктов и фуража, которые полностью удовлетворили все наши потребности!

Теперь у нас трехнедельный запас довольствия. Хлопцы раскрывают один за другим тайные кладовые. В них всего вдоволь. Склады устроены по левому берегу Случи, на высоких холмах, тщательно замаскированы молодыми посадками или посевами озимой пшеницы. Копнешь по зелени — крышка люка! А далее спускайся в «ямку» с выбеленными стенками, с ларями, с бочками, с карточками-табличками, где аккуратно помечено, когда, чего, сколько положено и сколько хранится в складе того или иного фуража и продовольствия.

* Проводник — руководитель.

В руках у меня инвентарный фолиантище. Более трех тысяч наименований всяческой продукции, включая спирт и масло, мармелад и колбасы, свиные окорока и куры, залитые смальцем. Даже пушка и несколько станковых пулеметов, готовых к употреблению, зачехленных, смазанных и установленных в специальных складах, как на позициях...

Документов первостепеннейшей важности преогромный куль!.. Более 1700 директив, приказов, оперсводок, ориентировок, методразработок, брошюр, писем. Отправляю все это с нарочным Яковом Бовсуновским... Педагог, кандидат наук, старый коммунист, участник штурма Зимнего, он не подведет. Напоминаю ему пушкинское: «Казак отдаст лишь только с бою и то лишь с буйной головою!..» Провожая Якова Ивановича с кавотделением под командой капитана Горобца до Брониславки, чтоб оттуда местная самооборона сопровождала Бовсуновского до Олевска, на передовую базу УШПД к полковнику Старинову.

Гаврилюк явился только «к финишу» этого крайне интересного для него дела. Но зато преуспел в основном: разведаль, что Шитов, Буйный и Маликов находятся за линией фронта, за Горынью и Стырью, даже будто бы заняли Колки и туда же, очевидно, пошли Сабуров и другие. Значит, и нам следовать туда же. А они нам помогут переправиться через Стырь. Это прямо-таки везение — не так просто перейти фронт и прорваться в тыл противника.

Встретился с председателем райисполкома Березно. Просит помощи. У него собраны представители сельских Советов. Надо проводить в Боровое (самый глухой угол лесного края) 700 новобранцев. Задание неотложное, мобилизационное, а у них на район только пять человек вооруженной охраны. Что могут они сделать?

Рекомендуем обратиться к армейскому командованию. Гаврилюк подсказывает, что в Боровом стоит кавалерийский полк из корпуса генерала Баранова, у него и надо просить помощи. Пока не пришлют конное сопровождение, не посылать мобилизованных. В порядке помощи людьми оставил райисполкому трех бойцов для охраны. Задерживаться нам невозможно. Ликвидация «Берега» отняла у нас и без того лишние сутки.

26.1.1944 г.

Степань, 55 км севернее Ровно.

Мы в походе. Движемся отдельно и попеременно с войсками Красной Армии, обошли дивизию генерала Сараева. Она выдвигается на рубеж Горыни — в оборону. Слушали

канонаду фронта. И радостно было на душе: сила советского оружия гонит гитлеровцев на запад.

Расквартировались в необитаемых, большей частью разрушенных жилищах Степани, Казимирки, Волоши, Зульни, Колонии и в окружающих хуторах. Сыро, холодно. Стекол, конечно, в домах нет. Гуляют сквозняки. Но мы отдыхаем до ночи. Фронт слышится сразу за рекой. Горынь широка — метров до ста — и стремительна. Но фронт здесь, видимо, не сплошной, а очаговый, по крайней мере, на север от Степани.

Передовые подразделения 13-й армии форсировали реку вчера. Захватили небольшой плацдарм севернее Степани. Попробуем и мы переправиться здесь. Сараев сказал, что займет своей дивизией фронт протяженностью в 22 километра, а в полках у него только по шесть рот численностью 55—60 человек. Он просит поддержать их. Обещает выручить нас при наступлении и доверительно раскрывает мне часть предстоящей операции: наступление 13-й армии уже начато двумя кавалерийскими корпусами, повернувшими теперь на юг из района Сарны — Маневичи. Показывает свою карту.

— Ба! — торжествую я. — Перед нами пустошь, левая сторона которой — сплошной фронт, а правая — плацдарм продвигающейся на юг кавалерии... Туда, в пустошь, мы и попробуем втиснуться, тем более, что все междуречье Стыри с Горынью — леса и болота.

Жду вечера. Думаю о возможных потерях. Даже здесь, в тылу своих войск, выбывают из строя люди. Сегодня зафиксировано три «ЧП»: умер Забияка Савва, ветеран соединения, конотопский подпольщик, участник всех наших походов и рейдов по Украине и в Брянском крае. Молодой, могучий организм отравлен... Похоронили Савву вчера в селе Городище, а сегодня ранен бульбовцами Андрей Лях, мой адъютант. Жаль, приходится отсылать в госпиталь. Такого боевого парня больше в соединении нет. Никто лучше его не ориентируется в пути и обстановке.

Отравлен и кинооператор Касаткин. Едва живой, почти не видит. Просится в полевой госпиталь.

— Нет, капитан, не выйдет, — возражаю я. — Лучше уж повезу тебя дальше «по зеленым паркам». Молоком, медом, яичками прикажу откармливать. У нас быстро выздоровеешь. В госпиталях и во сне не увидишь таких знаков...

Я вызываю черноокую его спутницу из Киева — Галинку, начальника типографии.

— Вот, капитан Павел Кириллович... Поручаю шефствовать, а также взять на хранение себе киноаппарат, пленку, фотоматериалы. Помните, что кинооператор очень нужен нам. Постарайтесь как можно быстрее поставить его на ноги.

Галинка радуется. Блестят бойкие черные глаза: первое важное поручение...

Дневник она ведет аккуратно.

Читаю строки, бегло написанные округлым почерком. Они впечатляют непосредственностью и свежестью восприятия.

«...Мне разрешается бывать в любом месте колонны, в каком хочу отряде. Дали коня с ездовым Денисом. Как всегда, хочется больше хорошего, а не получается. Все слишком заняты. Первая встреча с ужасами войны: проезжали по мосту мимо убитых, еще не убранных. Лучше бы я не видела их! Тягостный осадок на сердце, поговорить не с кем, радистов не вижу, мало кого знаю. Все мужчины, а женщин нет! Страшновато...»

— Да как же нет девчат, Галя? — удивляюсь я. — Женщины у нас есть. Радистки, медицинские сестры, врачи. Познакомьтесь. Да вот и медсестра, которую мы затребуем к больному, Надежда Филимоновна, конечно, хотя и начальник медслужбы, а тоже женщина... И венгерка Ева, что вместе с тобой приехала. Не знакомы? Ну не беда. Она в Москве воспитывалась, отлично знает русский язык.

Поговорил с девушкой, приободрил. Вижу, настроение у нее улучшилось.

Вызываю Романа Астахова. Спрашиваю, не согласится ли пойти ко мне адъютантом. Правда, он не столь осмотрителен, как Лях, но знаю: беспредельно смел этот чернявый парень. За Романом — и рейд через украинские степи, и дела на Киевщине, и даже походы хинельские, а значит, и брянские. За плечами его сотни и сотни стычек с гитлеровцами. За ним и фронт, и школа окружений 1941-го. Он — лейтенант, образцовый конник.

— По рукам, что ли, Роман?

Роман согласен, благодарит за доверие.

Вручаю ему свой рюкзак с бритвенным прибором, с куском мыла и несколькими парами белья, комплект запасных карт, сумку с дневниками, а также передаю в подчинение отделенного Петю Зайцева с его автоматчиками.

Углубляюсь в карту, в безбрежную зелень лесов, испещренных голубыми прожилками речушек и синими штрихами болот, таящих в себе оборонительные очаги и рубежи гитлеровских батальонов.

Сегодня решающая ночь: переход фронта. Грудь в крестах или голова в кустах!.. Третьего не дано. Здесь уже никто не поможет, рассчитывай исключительно на собственные силы. Но все верим свято: «Прорвемся!..» Каждому ясна формула: где устоит армия, там не выдержать партизанам, где проскользнем мы, партизаны, там не пройти армии.

27. 1. 1944 г.

Степань.

Вечер, гнусный, слякотный. И не погибли, и не прорвались. Переправиться не удалось: навстречу нам по переправе продвигались партизанские соединения Маликова, Сабурова, Шитова, совершавшие большой маневр. Они должны парализовать Ковельский транспортный узел. Зайдут со стороны Бреста — через большие болота, обойдут крупное сосредоточение танковых сил противника западнее Луцка...

Близилось утро. Увязали в болоте, надрывались кони, трещали повозки, ломался лед под ногами, лопались постромки.

Уже не было смысла дожидаться своей очереди на переправу, и мы снова возвращаемся в Степань.

28.1.1944 г.

Село Хростомель, 45 км северо-восточнее Луцка.

Смертельно устал, однако нужно кое-что записать в дневник. Мы вышли в район местечка Колки. Перед нами — Стырь, которую не перейдешь с ходу. Да и нет сил двигаться дальше. Буквально падаем с ног: прошли, как и намечалось, километров сорок. Дождливо, слякотно, темно. Стало теплей. Время от времени накрапывает дождь, а с юга налетает порывистый ветер.

Обозы то и дело останавливаются. Мы не рассчитывали идти в рейд повозками, готовили санный обоз и только в последнюю минуту перешли на колеса. А теперь приходится на ходу устранять обрывы постромков, поломки колес; то там, то тут переворачивается в канаву воз, застревают среди деревьев пушки. Черт бы побрал такую езду! За первые три часа еле одолели восемь километров. Зато речку при злосчастных Бутейках форсировали быстро — по мосту. Правда, два или три воза опрокинулись на крутом спуске — вот и все происшествия.

С рассветом пошли быстрее и успели втянуться в густой лес, что в 6 км западнее Гуты Степанской. Пролетел

немецкий разведчик, но нас не заметил. Из-за отсутствия моста на Ромашково проследовали по другой дороге к Ничеговке, где едва не встретились с грозным фронтовым патрулем в 26 танков. Но нам повезло, не успели перехватить нас ни на степанских полях, ни на ожеговских полянах. Мы затаились в лесу, в стороне от просеки. И здесь снова повстречались с партизанами. Теперь уже ровенскими. От комиссара отряда Кизи узнали, что идут они на Пинск и Гнилую Припять.

— Обошлись, кажется, без потерь,— сказал нам комиссар соединения Тарасов, он же доктор.

— А не тут-то было,— говорю,— не хватает одной подводы... с медикаментами.

Этим сообщением я поверг Тарасова в отчаяние. Еще бы! Весь запас стрептоцида, весь медицинский спирт, гипс и все остальные «дефициты» на той злосчастной повозке!

— Как и где осталась подвода? — спрашиваю.

Оказывается, в Степани. Никто не разбудил ездового, не проверили... Обысканы все обозы соединения...

— Как же вы, Михаил Михайлович, так дали маху? Почему не рассредоточили медикаменты, не разложили их по ранцам медсестер? Почему самое необходимое и ценное не держите при себе, как бывало на Киевщине?!

В ответ Тарасов только вздыхает. Конечно, больше всего в этом виновата начмед соединения Надия Солодюк. По привычке она все еще чувствует себя главврачом только «своего», Киевского отряда... И, что говорить, комендатура штаба прошляпила. Приказываю начштаба:

— Медикаменты найти — кровь из носу!..

А за кровью дело не станет: из разведки возвратилось отделение конников и привезло тяжело раненного товарища. Да и трое ребят, высланных доктором на поиски походной аптеки... Что они смогут найти? Какая досада: еще не было боев, а уже кровь, потери...

К тому же, оказывается, фронт мы не перешли. Засели, как в лифте, «между первым и вторым...», то есть между первой и второй оборонительными линиями врага. За Стырью опять же — оборона немцев. Они оборудуют артиллерийские позиции, роют траншеи. Фашисты в каждом заречном селе. К несчастью, еще и половодье началось. Где уж тут искать брод! Даже летом глубока Стырь, говорят жители...

Когда стемнело, эсманцы попытались переправиться на лодке, но с того берега фашисты сразу же открыли арт-

огонь. Даже по отдельным разведчикам, «по шороху» давали артиллерийские залпы.

Ночь. Отряды квартируют по хуторам: Киевский, Коростышевский, Макаровский, Чапаевский — в Ничеговке, остальные — в Мацейках. Армянский занял Черныж. Эти селенья полусожжены. Их накануне уже «обработала» вражеская авиация. Из-за реки их может достать и артиллерия. Надо перебазироваться в район Гараймовки и дневать в лесу. Но мне докладывают, что туда не перейти — болота. А перейти надо!

29.1.1944 г.

Село Гараймовка, 50 км северо-восточнее Луцка.

Поистине разверзлись небеса! Дождь хлещет без устали, температура +10°. Восемь километров одолевали с четырех до восьми утра. Это был не поход, а борьба за спасение коней, то и дело тонувших в массе вязкой и топкой грязи. Всякий ручей — непреодолимая преграда!

У армян полные ботинки грязи. Все мокрые до последней нитки. И каждый зверски устал. Отдохнуть бы, но мы еще не решили, каким маршрутом пойдём. Надо тщательно разведать местность. Гаврилюк ищет контакт со штабами корпусов, которые, по его донесениям, где-то севернее нас, в междуречье Стыри и Горыни.

Пока останавливаемся на отдых. Немецкий разведчик «Фокке-Вульф» промчался над нами на небольшой высоте, но почему-то бомб не сбросил. Не заметил, что ли?

Гадаю над картой. Куда двинуться?

Очень заманчиво пойти за Стырь, на Ковельщину, однако наш штаб изучает направление и на юг, на Цумань, так как мостов, кроме Луцка, нигде нет. Переправа, наведенная у местечка Колки, снесена ледоходом. Как назло, природа сегодня работает на гитлеровцев. Будь лед на реках — мы без остановки перемахнули бы через Стырь. Теперь же это только мечта. А мне некогда мечтать, не то вновь попадем «в плен» к своим войскам. Надо поскорей решиться, определить маршрут, и тогда начнется общая работа — людей, коней, оружия.

Но куда?..

На запад — Стырь, со вторым ярусом обороны противника, на юг — его главные коммуникации. Там и железные, и шоссейные дороги на Брест — Киев... На север — топи, топи и болота Гнилой Припяти...

Нас бомбят. По-видимому, все те же шесть самолетов кружат над расположением отрядов. Бросают большие бом-

бы на Черныж. Это запоздалая акция: партизан там уже нет. Выигрывает тот, кто пораньше утром поднимается...

У комиссара большая радость: прибыла подвода с медикаментами!.. Ее привели три юные партизана, три комсомольца: Петя Кашеед, Миша Щигельский и Алеша Полищук. Эти три неразлучных белорусских парня, рискуя жизнью, спасли наш аптечный склад. Словно сказочные колобки, ушли они и от 26 танков, и от автоматчиков, и от националистической нечисти, столь падкой на отдельных партизан и красноармейцев!.. Смельчаки затаились в кустах, переждали трудный момент, и пустились затем не в Степань, а вдогонку за нами.

Я не столько радуюсь медикаментам, сколько героизму ребят! Чего проще было уехать в советский тыл — в Березно, Брониславку, Городницу — на добрых конях, так нет же: догнали свое соединение, когда оно переходит фронт. Не молодцы ли?! Не герои ли?!

Горжусь: таких парней у нас две тысячи!

30.1.1944 г.

Там же.

Как ни старались уйти подальше во вражеский тыл, но Червоный отряд снова оказался в тылу наших наступающих частей — нас опять догнали кавалеристы генерала Баранова... Правда, они сейчас пешие. Даже без гужевого транспорта. Отстал и весь автопарк. Вконец вымотались, легли и не могут встать лошади кавалеристов, не в силах идти дальше и быки. В эскадронах осталось по 40 сабель, треть бойцов вовсе без коней...

Но задача корпусов мне еще неизвестна. Похоже, они — правая клешня 13-й армии, наступающей на Ровно, которая охватывает Луцк с северо-запада! Вот это дело! А нам нужен рывок вперед. Только так мы сможем оторваться от фронта.

Вечер. Провел совещание с командирами. Решили — пойдем на юг. Надо пересечь дороги Луцк — Ровно, Дубно — Луцк и Львов — Владимир-Волынский. Скорей вперед! Но для этого надо сократить обозы. Они у нас великоваты, почти 500 подвод, а обозных лошадей не менее тысячи.

— Все и всех на коней! Лишних лошадей обменять на седла, повозки передать войскам.

Любопытны результаты торга, уже затеянного между нашими партизанами и интендантами кавкорпуса. Говорят,

заломили они за каждое седло по десять лошадок, а в эскадронах и на батареях наоборот: отдают нам за каждую лошадь десяток седел!

31.1. 1944 г.

Село Германовка, 22 км северо-восточнее Луцка.

Движемся на юг. Позади оставлены Кутки, Рудники, Остров, Журавичи, Клубочин, Германовка — все это деревни, которых фактически не существует, они разгромлены и выжжены. Опять обгоняем кавалерийскую дивизию генерала Хрусталева. Начинаю улавливать замысел нашего командования в этой комбинированной Луцко-Ровенской операции, осуществляемой войсками 13-й армии: одновременный удар с фронта и тыла, куда просочились два кавалерийских корпуса. Сейчас они образуют своеобразную развилку: первый нацелился на Луцк с северо-запада, второй — на Ровно с запада. Нам достается середина. Как только начнутся бои за Луцк и Ровно, мы прорвемся за магистральные дороги и окажемся в тылу противника. Эту уверенность стараюсь внушить всем командирам. Да никто и не сомневается: ведь не впервые.

Настроение боевое! Громить фашистов — всегда общая цель партизан и красноармейцев. Военные восхищены нашей дерзостью. Они уже знают о боевых рейдах соединения по Украине.

Командир минометного полка, лихой кубанец, с которым знакомлюсь под дубами, пережидая авианалет, удивляется, как мы смело идем в тыл врага! Он хорошо знает нас, поскольку освобождал город Севск, бил немцев в Хинельском лесу, давно идет со своим полком по нашим следам — через Клавдиевские, Забучновские, Тетеревские, Иршанские села, Емильчино и Городницу... В Дерманке, говорит, останавливался на той же квартире, что и я...

Среди кавалеристов наши партизаны повстречали немало земляков. Есть ребята из Сумщины и Курской области.

Комроты Червоного Иван Коновалов повстречался с однокашником из родного Подывотья Орловской области... И все партизаны, кто из тех краев родом, цветут улыбками: узнали, как и что в их районах, селах, а сам Коновалов не нарадуется: жена, дети, мать, кумовья и сватовья — живы, здравствуют!

Партизаны передают солдатам треугольники писем на полевою почту. Мол, живы, воюем, находимся под Луцком. Идем во вражеский тыл! Не печальтесь, не ждите скорых весточек... Завидуют кавалеристам: хорошо им — всегда при

письмах из дому, а ранило — в тыловой госпиталь, а там — посылки, письма от девушек.

Другие же за солдат болеют душой: каково им пушки вручную перекачивать по болотам! Потому и обгоняем их без азарта, с глубоким сочувствием. Мы бы и рады помочь им, да недосуг: далеко идти самим. И неизвестно, какие встретим трудности...

Каждый шаг приближает нас к решительному моменту. Мы осуществляем свой прорыв за Брест-Литовскую магистраль, а далее — сразу же россыпь хуторов в холмистой степи, местечек и сел; кружева речушек, черная сетка грунтовых и железных дорог, перелески-ловушки для нашего брата.

До четырех утра — сон. Пройдено за день более 40 километров. Все в грязи по уши.

Ночью при Хинельском отряде в Сторожеве. Теснотища: на всех — три домика. Мне кажется, что утром начнется наступление на Луцк кавалеристов генерала Баранова. Так должно быть...

Нам важно воспользоваться часом «Ч» — обусловленным началом наступления для 13-й армии.

Сегодня полагалось бы отпраздновать годовщину выхода из Хинели в рейды...

1.2.1944 г.

Местечко Острожец, 18 км юго-восточнее Луцка.

Густой, непроглядный туман. Темно. Разгромив банды националистов, стоим в местечке Острожец. Армянский отряд завязал бой в селе Воротневе. Ударили из пулеметов и пушек. Что-то горит. Жду донесений от Осипяна и Васяновича. Туда уже помчались штабные разведчики.

Капитан Грушецкий доносит, что враг дрогнул, а затем панически побежал. Вначале гитлеровцы приняли Армянский отряд за своих и выжидали, тогда как Осипян решительно шел на сближение и так же решительно начал атаку.

Галинка отметила в своем дневнике переход нами железной дороги и шоссейной магистрали такими записями:

«Вот мы и в тылу врага! Едем ночью по лесу. Предупреждают, что впереди железная дорога. Все насторожились, поддаюсь этому чувству и я, но не представляю, как это будет. Выезжаем на узенькую просеку, а там — и через железную дорогу. Вдруг совсем недалеко — сильный взрыв, и эшелон с грохотом полетел с насыпи. Раздались автоматные очереди, затрещали, захлебываясь, пулеметы. Мы перебегаем через железнодорожное полотно. Все стараются как можно быстрее перебежать открытое поле, отделяющее дорогу от роши.

Спустя еще какое-то время разместились в селе, и я вспоминаю прошедшую ночь. Не понимаю, почему так много предосторожностей

при переходе железной дороги. Все прошло так обыденно: только подорван эшелон, враги с дороги убрались куда-то, да и мы, обозники, прошли стороной от места боя, как и сейчас тоже в стороне находимся».

А вот и донесение из Воротнева. Партизаны разбили немцев, ударили по фольварку и овладели церковью и селом. Батальон охранных войск разгромлен и в панике бежит из опорного пункта. Захвачены трофеи: пулеметы, патроны, много снарядов, мин, ручные гранаты в ящиках, 120 стрелевых лошадей, более 200 свиней, склад с фуражом, сигаретами. Потери отряда: двое тяжелораненых. Доктор Туканов тут же эвакуировал их в медсанбат Красной Армии.

С приятной мыслью, что перешли фронт и находимся в тылу противника, ждем вечера, отдыхаем. Сгустившийся туман оберегает нас от самолетов противника и позволяет улучшить расположение отрядов. Вокруг топкие поля, что исключает внезапный подход противника даже на танках.

Смертельно усталым людям и коням необходим отдых, а значит, квартиры, фураж, продукты. Можно отметить годовщину пребывания в рейдах и то, что прорвались, что выдержали темп и сроки: ведь за последние сутки прошли фактически по болотам около 70 километров!..

2.2.1944 г.

Село Пьяное. 22 км юго-восточнее Луцка.

Шоссе Луцк — Дубно, пересекающее нам путь на запад, забито вражескими автоколоннами. Оккупанты покидают Луцк. Прямо на обочине шоссе по нескольку штук на километр стоят зарытые в землю немецкие танки. До них не далее трех километров, но им не до нас: прикрывают, говорит Гаврилюк, драп-марш из Луцка. Туман и болото спасают нас от этих танков.

Мы продолжаем занимать Острожец с несколькими соседними хуторами. Кое-где постреливают националисты, но им нелегко уйти от конников. Один фанатик взялся стрелять по нашей колонне из... нагана, другой расположился обстреливать высоту, занятую им одним...

Кусаются. Вчера вот таким «героям» удалось обезглавить двух бойцов из Макаровского отряда.

Земля здешняя исковыряна «ямками» для припасов и «схронами» с тайными ходами для людей. Мы находимся в осином гнезде, того и гляди, ужалят... А между тем сразу же за шоссе Дубно — Луцк надо форсировать реку Стырь около местечка Торговица.

Даю в отряды специальные указания: не допускать хождения по одному и по двое. В любом дворе может ока-

заться банда. Конечно, эти шакалы знают, что нас, партизан, немного. Поэтому все более нагледят. Чувствуется, понимают это и в УШПД, в Киеве. Генерал Строкач радирует нам сегодня: «Соединение имени Ковпака под командованием Вершигоры занимает город Порицк». Эта весть — моральная поддержка нам.

Где же тот Порицк? Нахожу голубой глазок у Владимира-Волынского. Узел грунтовых дорог... От нас километрах в 80-ти... Если занять Горохов, сократим расстояние втрое. Сконтактируемся с Вершигорой — веселей станет.

— Значит, даешь Горохов! — говорю комиссару.

Он того же мнения.

В конце дня движение на шоссе прекратилось. В сторону Дубно прошли 16 последних танков, промчали мотоциклисты и два фургона, которые увезли снятых с дороги «маяков», не без тревоги посматривавших в нашу сторону.

Конечно, мы в их глазах — кавдивизия Баранова. Посчитали, что отрежем Луцк с юга. Наш удар по Воротневу показался немцам окружением, что ускорило освобождение Луцка.

3.2.1944 г.

Торговица, 20 км южнее Луцка.

Зимнее бездорожье. Океан грязи вместо ожидаемого нами снега. Выручают сильные лошади, которых здесь множество. Меняем выбившихся из сил на свежих. Только и выезжаем на свежем тягле по резиновому чернозему. Требуя передвигаться в пешем строю, но поминутно растут обозы.

В такое ненастье оно, может, и к лучшему: ведь труднее принимать бой, если боец с головы до ног в грязи, смертельно усталый, с натертыми ногами, лишенный возможности выполнять нужный маневр... Хоть и не выиграем в скорости, но не потеряем в боеспособности. Правда, настораживает то, что колонна неповоротлива и непомерно длинна. Попросту говоря — малоуправляема.

За ночь прошли из Пьяного в Торговицу, но Стырь не форсировали: посреди реки вместо моста торчат обгорелые сваи. Это работа бандеровцев. Они же навязали бой авангардному Киевскому отряду, но киевляне стремительно атаковали и разгромили их наголову. Теперь уже известно, что местечко Торговицу обороняла офицерская школа и сотня УПА под командованием «провидныка» Калины.

Они упорно оборонялись, стараясь выиграть время, чтобы успеть угнать население. Вначале нам так и показалось:

люди бежали за Стырь, на запад, сожгли мост, и весь городок достался нам как бы неживым. Однако днем разобрались. Разведчики Грызлов и Свиницкий нащупали вилами нечто подозрительное в садочке у моей квартиры. Стали копать лопатами, обнаружили настил из досок, а когда разобрали его, открылся лаз для людей: норы и в одну и в другую стороны.

Грызлов прыгнул туда с пистолетом и фонарем в руках, но то, что зашевелилось там, исчезло, и разведчики снова взялись счищать землю с досок. Вот и яма с соломой на дне, с бидоном для воды, с продуктами питания и одежкой. Далее снова лаз, заткнутый подушкой. Оттуда начали вылезать люди. Сначала дед, за ним — молодая учительница, потом еще пятеро: женщины, ребяташки, хозяйка квартиры.

— Думали, прийшли аковцы карать, од ных ховалыся... — оправдывался дед. То же сказала и учительница.

Комендант штаба поднял тревогу: куда-то девалась Галинка... Может, попалась в лапы душегубов? Поднят на ноги весь Хинельский отряд — постоянная охрана командования и основное ядро соединения.

Проходит и час, и два в поисках. Нет Галинки...

Наконец, нашли. Ведут ко мне. Притащила мешок трофеев. Бегала в местечковую типографию. Набрала бумаги, шрифтов, пробельного материала. Глаза разбежались, говорит, и забылась! Все ведь нужно. А приказа о запрете отлучаться и ходить в одиночку, оказывается, не знала.

В Червоном отряде тоже была тревога. Исчез фельдшер емильчинской роты Анатолий Мельник. Доставили его ко мне разведчики Сыпльвого с пакетом ваты, бутылкой йода и мешком бинтов. Он был и обрадован своей добычей, и испуган: разыскивая на глухой окраине аптекаря, фельдшер потерял отряд, переместившийся в село Красное. «...На улице никого не видно. Стучусь в окно — никто не отвечает, иду к другому дому — к окну подойти нельзя: злой пес кидается. Собаки подняли страшный лай, — рассказывает Анатолий. — Стало жутко. Кровь стучит в висках, сердце стынет от мысли о глупой гибели. Даже друзья не узнали бы, куда я девался... Вынул пистолет из кобуры, положил в карман. Без боя не сдался бы. И приготовился взорваться с гранатой...»

Нужно быть настороже и помнить, что под местечком — пещерное поселение, в лабиринтах которого скрываются националисты. Нельзя знать, когда и откуда они ужалют смертельным ядом! Прошу комиссара, чтоб политработники

прониклись сознанием этого, чтоб резко повысили бдительность коммунистов и комсомольцев, всех партизан.

4.2.1944 г.

Местечко Торговица.

Самолеты, словно коршуны, вырываются из-за горизонта и проносятся над плесом реки, которая величаво катит свои желтые воды. Говорят, гитлеровцы спустили пруды для укрепления позиций в районе Дубно. Поэтому переправа для нас — не простое дело. Вот только беда — не успеют партизаны приняться за работу, как раздается команда «Воздух!». Не сумел спрятаться в кустах — стой столбом или прирасти на лугу кочкой, не шевелись. Таково требование ко всем, строящим наплавной мост под обрывистым берегом реки Стырь у Торговицы.

В самом местечке — те же требования, только сложней с конским составом, повозками и тяжелым вооружением. Коней прячем даже под крышами жилищ. Но всего опаснее сейчас националисты. Сыпловый говорит, что из 25 квартир, занятых его первой ротой, только в одной были жители — дети да женщины. Мужчин не видно. Часть из них — в подземельях. Об этом убедительно говорят захваченные бумаги и множество разных документов УПА, над которыми уже работают Гаврилюк и Шевченко.

На мой стол они положили новенькую карту Галиции как самостоятельного государства с границами и столицей в городе Лемберг, то есть во Львове. Гитлеровцы даже позволили националистам сформировать эсэсовскую дивизию «Галичина», головорезы которой казнили своих же людей за малейшее неповиновение.

Из Берлина Гитлер подбросил и готовый полк — костяк дивизии, старших офицеров, артиллеристов, саперов и связистов, автомобилистов, танкистов, штабистов, инструкторов и советников, выдрессированных загодя по прусской методе. Мол, создавайте «свою» регулярную армию, а подойдут большевики — вцепитесь им в горло.

Как рассказали нам, в последнее время гитлеровцы всячески заигрывали с галичанами: не везде брали поставки, не всех отправляли в Германию. В Торговице они создали «рай» для националистов. Молодой учительнице, прятавшейся в своем «схроне» и сидящей теперь у меня в комнате, бандеровские референты по пропаганде не говорили, конечно, что орудуют заодно с Гитлером, не говорили и о том, какова участь молодежи на всей территории Украины. Им это невыгодно. Они всячески скрывали и то, что все мель-

ницы на Украине опечатаны, что каждый выращенный там сноп стал теперь собственностью «Великой Германии», что за размол зерна расстреливают и люди крутят там «жерна» ручных мельниц, как полтысячи лет назад, что удел молодых украинок и украинцев — это угон под конвоем в рейх и скорая гибель там от недоедания, непосильного каторжного труда, от горя и безнадежности...

И все же не удалось Гитлеру и его националистическим прислужникам в Галиции отравить ядом национализма все местное население. Большинство трудящихся с нетерпением ждало своих истинных освободителей — советских воинов. И здесь было подполье, и здесь боролись патриоты против оккупантов и их холоуев.

Мы быстро разобрались в хитроумных планах обанкротившихся политиканов и наладили отношения с местными жителями. Собираем лодки и подручные материалы, наводим переправу. В Хинельском отряде уже заготовлено 200 м канатов, 300 м проволоки, с 30 колодезных воротков сняты тросы.

Городок оказался богатым. Кроме склада с разнообразными продовольственными припасами, мы захватили много медикаментов, бинтов, марли, медицинского спирта, более 5 килограммов марганцовки, которой нам недоставало.

Теперь у нас есть все, только бы поскорей за Стырь! Эсманцев и армян (1000 человек и 700 лошадей) посылаю вверх по течению, в село Красное, навести вторую переправу. Хотя Стырь там в несколько раз шире, зато была паромная переправа, и ее можно восстановить. Но как это получится, сами не знаем. Река не только полноводная, но и стремительная, бросишь щепку — вмиг уносит.

Ночь. Я побывал в Красном. Паром, затопленный бандеровцами, отыскали. Остановка за тросом, который также припрятан ими. Еще не нашли, но армяне попытались счастья и без него. Да где там! Жителям стремнинных рек не поддается река равнинная: паром перевернуло, пришлось поработать спасательной команде. Жертвою оказалась, правда, только одна лошадь. Возвращаю Армянский отряд в Торговицу.

5.2.1944 г.

Местечко Торговица.

Эсманцы уже на том берегу. Расширяют плацдарм, орудуя всю своим паромом в Красном.

В Торговице тоже начата переправа. Узенький мостик выгнулся по течению и дрожит, словно натянутая струна. Через него хлещет вода, а бойцы перекатывают освобож-

денные от грузов повозки, пушки без передков, тачанки без пулеметов. Все остальное переносят на плечах, перевозят на лодках. Лошадей переводят на укороченных поводьях. Они пугливо пятятся, еще больше раскачивая плохенькое сооружение. И только после того, как им завязывают глаза платком, покорно шагают рядом с хозяином, низко опустив голову.

С того берега машут руками коноводу:

— Левей, Петька, левей держись!

И в этот момент слышится команда «Воздух!..» Переправа пустеет. Петька же, оступившись, вместе с конем скрывается под водой. В сердце каждого тревога: «Товарищ тонет!» А самолет кружит над рекой, и помочь Петьке нет возможности, нельзя выказать переправу.

Но вот «утопленник» вынырнул. Парень крепится, держась за уносимого течением коня.

— Отбой! Отбой! — кричат с берега товарищи, но Петька не слышит. Да и теперь ему это не нужно.

Но вот из-за поворота реки показывается лодка с дедом. Под радостное «ура» дед подплывает к окоченевшему в февральской воде Петьке, хватает его за шиворот и вталкивает в лодку. Челнок причаливает к берегу. Кто-то подбегает с ватным одеялом, кто-то отпускает шатающемуся коню подпругу, а дедок философски приговаривает:

— Ничего, сынок, ничего! За матушку Русь да за Советскую власть и в огонь можно прыгнуть!

Дед подплыл к дамбе с косматыми вербами, где Касаткин уже приготовился его фотографировать. Горделиво подняв вверх бородку клином, он начал рассказывать:

— Я сам при Брусилове, земля ему пухом, искупался однажды в ледяной воде. И ничего, никакая болячка не прицепилась. Настоящий был генерал. Солдат жалел, любил. Нашей кости был человек...

И снова:

— Во-о-оздух!

В воду плюхнулась повозка Киевского отряда. Пропало только два ящика со снарядами. У эсманцев в Красном тоже сорвалось с парома 14 лошадей, но все они выплыли на луга противоположного берега...

Картина переправы запечатлена и в Галинкином дневнике. Она уже лучше ощущает биение жизни соединения, дальше видит, только еще жалуется на погоду:

«Все время стоит туман и моросит дождь. Дорога невозможная. Места вообще низкие, болотистые, а теперь это — сплошные болота. Почти все мы сели на лошадей.

Ребята соскучились по хорошим коням и вихрем носятся по улицам. Гитлеровцы все дальше откатываются от Луцка и говорят населению: «Завтра здесь будет рус, а мы — к матке додому».

Ну и с богом! Скатертью дорожка. Ее, кстати, охраняли мадьяры. И не хотели стрелять. Несколько человек даже перебежали к нам — на радость нашей венгерке Еве с ее товарищами.

Вообще — что ни день, то новость. Этой ночью форсируем Стырь. Переправы уже наведены отрядом капитана Степанова и инженером Ключниковым. Ехать надо, а на пути много грязи. И с каким бы наслаждением отдохнула, хотя бы одну ночку! Но цель зовет! На пути — переправа через реку. Дашь Стырь и южную Волынь!»

Глава III

Галиция

7.2.1944 г.

Местечко Горохов, 45 км юго-западнее Луцка.

Не переходя Стыри, 13-я армия повернула на юг и наступает на Млынов — Дубно. Для нас это означает, что мы оторвались от большого фронта, уйдя в свой — малый, где нет ни флангов, ни тыла, ни конца, ни края...

Большинство местного населения явно и тайно симпатизирует нам. Но кулачье, националисты и кое-кто из голытьбы, одурманенный националистической пропагандой, настроены враждебно.

Наше положение осложняется еще и тем, что приходится действовать в густо населенной местности. Хутора, села, местечки, города, станции, фольварки и заводы как бы цепляются друг за друга. Понимаем, что их не обойти, а потому нам ничего не остается, кроме дерзкой смелости. Тем более, что везде и всюду — вражеские гарнизоны, и нам и впредь придется действовать в этой обстановке. После недолгих раздумий решаем атаковать Горохов.

Мы вступили в этот город под утро. Оккупанты поторопились уйти без боя, попросту бежали. И при этом подожгли свою автоколонну, увязшую в непролазной грязи. Теперь черный кудрявый дым стелется по оголенному полю. Из местного концлагеря уходят последние невольники.

Население Горохова искренне радуется нашему приходу, помогает наладить работу электростанции, бани, прачечных. В отряды вступают местные парни, и, что особенно трогательно, в соединение просится несколько девушек. Многие со своим оружием — винтовки, гранаты, автоматы. Словом, повторяется Емильчино!

До нашего прихода в городе «хозяйничали» молодчики другого заправила украинских националистов, бывшего петлюровского полковника Мельника. Пасько, начштаба макаровцев, показывает мне его фотографии времен гражданской войны. На белом коне впереди войска «сборников» гарцует Мельник при въезде на киевскую окраину. Это запечатлено также в польской иллюстрированной книге, найденной в домашних аппаратах Мельника.

Бульба, Мельник, Бандера — эти три сука одного дерева. Только препираются между собой за портфель, за право прислуживать немецким фашистам. У Мельника, как и у Бульбы, свое воинство, правда, поменьше.

Наши ребята тут же разузнали, где находится склад вооружения и боеприпасов мельниковцев.

Сыпльвый с Петрикеем уже побывали со своим отрядом в селе Колнов, где к ним присоединились пятьдесят узбеков, туркменов и казахов, попавших в окружение еще в 1941-м и принявших националистов за партизан. Даже три итальянца оказались там же, в рядах мельниковского воинства.

Тем временем Осипян в другом селении разогнал мельниковцев и освободил 32 советских военнопленных. Во все стороны посылаем разведку. В первую очередь шупаем «границу» Галиции. Там «терен» самого Бандеры. «Граница» всего в десяти километрах от Горохова. В Печиховстах Гаврилюк обнаружил ковпаковцев, расположившихся там как дома. Мы с комиссаром несказанно рады встрече с ковпаковцами. Мне не терпится побыстрее установить личный контакт с Вершигорой.

Подбодрила нас и радиограмма из ЦК КП(б)У за № 995:

«ЦК партии поздравляет весь личный состав с выполнением ближайшей задачи — с выходом на магистраль западнее Луцка. ЦК ставит перед вами дальнейшую задачу: выйти всем соединением к концу февраля 1944 года в Дрогобычскую область. Желаем вам быть ведущим соединением...»

Очень хорошо! Вот только бы знать, кто и куда вышел в рейд; установить бы связь, контакты с другими партизанскими соединениями, обменяться позывными. Это было бы замечательно. Комиссар Тарасов уверяет, что все так и будет: остальные тоже пойдут на запад. Пойдут, дай только срок... Ведь Ковпак первый проторил дорожку...

Все же пишем запрос генералу Строкачу, просим сориентировать, кто где находится, куда повернули те силы,

что встретились нам в Степани, на рубеже реки Горыни? Да и в лесах близ Ровно... Еще не успели передать запрос, как новая радиограмма от Строкача. Сообщает, что Вершигора стоит близ Горохова. Просит уточнить наши координаты, хочет, видимо, установить контакты между нашими соединениями.

Мне надо ехать в Печихвосты. Комиссар того же мнения. Побываем у них. Ведь земляки мы с ковпаковцами, сумчане. Вместе хинельские походы совершали...

В сумерках, сопровождаемые усиленной главразведкой, мчимся через заболоченное поле к Печихвостам. С ковпаковцами мы видались месяцев девять назад. Тогда командовали соединением Ковпак и Руднев, и находилось оно в устье Припяти. Тогда еще не ходили ковпаковцы в Карпатский рейд. И состав соединения был в основном сумским да брянским... Было теперь нам о чем поговорить с Вершигорой, Кульбакой, Брайко, Бакрадзе, Воронько...

Мы свели своих радистов и обменялись позывными; договорились о параллельных действиях, о перспективных маршрутах на тот случай, когда, может, придется маневрировать и шире, чем это определено задачей.

У Вершигоры задача идти на Станиславщину, а путь нашего соединения лежит к границам Чехословакии.

Потом мы отужинали большим застольем. Было так: жарко горели на блюдечках жировики-светильники. Веселые, дружные командиры — Кульбака, Воронько, Брайко, Бакрадзе, Тутученко, Войцехович, Ленкин пели любимую рудневскую: «В чистом поле, поле под ракитой, где клубится по ночам туман...».

За ужином завязался непринужденный, задушевный разговор. Вспомнили Брянский лес и боевые дела в белорусском и украинском Полесье. А потом занялись «границей» Галиции, чтоб договориться штурмовать ее и форсировать Западный Буг сообща. В Спасове, Збойской, Торках, Княжем — сильные вражеские гарнизоны. Там не только пограничная стража из УПА, но и батальоны немецкой полиции...

8.2.1944 года.

Там же, в Горохове.

И смех и горе: рота наших армян была в бане. Оттуда вышли без мундиров и нижнего белья. Так и продефилировали эти парни через город, сверкая голеньями из-под шинелей. А на дворе белым-бело от снега, да еще и подморозило... Случилось так потому, что старичок-слу-

житель при дезкамере объявил, чтоб никаких спичек в карманах не оставляли, но не сказал ничего о патронах, детонаторах и гранатах. Результат — взрывы и пожар в бане, белье и обмундирование всего подразделения сгорело, а старичок почел за благо спрятаться...

Берусь помогать горю. Созываю политрабработников всех отрядов, делю улицы и сектора города между ними и ставлю задачу: обойти дома и просить от имени командования помочь кто чем может, — добровольно, без нажимов и укоров.

Помню, в апреле 1942 года в Знобь-Новгородском на Десне мы уже применяли такой метод, когда надо было перейти на летнюю форму. Как и тогда, результат превзошел всякие ожидания: очень быстро в конце улиц выросли горки из вещей: белья, костюмов, кожухов, сапог и ботинок. Без лишних хлопот мы одели и обули целую роту.

Одновременно заменили повозки на сани и саночки, чтоб перелететь и галицийскую «границу», и Западный Буг по зимникам. Вот только разведка доложила, что везде на нашем пути враг возводит укрепления.

9.2.1944 года.

Горохов.

Галинка записала в дневнике после встречи с батрачкой Мариной Янюк...

«О, это была самая светлая мечта синеглазой Маринки — встретиться с русскими. Под словом «русский» она понимала каждого советского человека. Осень 1939 года осуществила Маринкину мечту: кончилось панско-польское владычество, освобожденные земли были отданы в руки трудового народа. Началась новая жизнь, но радость была кратковременной — фашисты прервали ее войной. Вместе с русскими отступил любимый брат Марины Петр, добровольно ушедший в Красную Армию...

С приходом фашистов в ее родном селе начали хозяйничать кулаки и прислужники оккупантов. Маринку бросают в сарай в городке Стоянове, чтоб отправить в рейх на каторжные работы. Там в неволе уже мучилась ее сестра Надя...

В сарае три девушки и восемь парней. Охраняют их «сечевики» — бандеровцы. Горькие слезы разлуки с родными, с Родиной. Среди мужчин двое русских парней, лечившихся от ран у местных жителей. Улучив момент, они набрасываются на «сечевиков» и их же штыками прокладывают путь на волю, которая кажется Маринке неотделимой от русских.

Но куда направиться после побега? Где приклонить голову? Домой нельзя: виселица!

Начались скитания по дальним дорогам вместе с этими двумя русскими, взявшимися за оружие. Марина готова была на любое дело, лишь бы помочь родной армии, родному брату Петру! Попытались создать подпольную организацию, искали партизан. Много было опасностей

и неудач. Так прошел год. Но вот наконец партизаны в Горохове. Как же теперь подойти к ним?

С хлопцами Ваней Коваленко, Степаном Миндюком и Пилипчуком Марина еще затемно явилась на партизанскую заставу, на госмельницу. Партизаны Киевского отряда как раз раздавали населению муку, зерно и сахар. Командир капитан Степанов и комиссар Афанасий Новик приняли пришельцев, расспросили и распорядились принять всех в ряды Киевского отряда.

У Марины сердце вырывается из груди от счастья, от радости. Теперь она вместе с русскими братьями, она — партизанка Киевского отряда и будет сражаться в рядах славных конников!

Только что же она может?

Женщина-врач, скромная, с ласковыми глазами, которую называли Надеждой Филимоновной, подбодрила девушку, заверила, что вернется ее брат с победой, что освободит Красная Армия и ее сестру Надю из неволи.

Этот разговор был прерван появлением командира роты Ивана Рябченко. В схватке с врагами его ранило в руку.

— Вот это и будет твой начальник, — сказала Надежда Филимоновна Марине. — Возьми бинт и перевяжи ему рану.

От страха часто билось сердце девушки, тряслись руки. А вдруг причинит боль своему первому пациенту! Он же только улыбался да подбадривал:

— Смелей, девка, завязывай! Этой руке много еще надо побить фашистов!

А Надежда Филимоновна приговаривала:

— Молодец, правильно делаешь! Будешь медсестрой в роте у Рябченко. Вот и санитарная сумка, твое главное оружие, Марина!...»

Галинка печатает сводки Информбюро. Кажется, крепко приросла она к Киевскому отряду, обзавелась там друзьями. Доктор только улыбается ее непоседливости:

— Разве ее, журналистку, привяжешь к штабной повозке!..

10.2.1944 г.

Местечко Переспа, 65 км северо-восточнее Львова.

Мы захватили действующий спиртзавод. Чтобы не было соблазна, я приказал весь спирт из цистерн слить в реку, а завод вывести из строя. Запасы зерна и другое сырье раздаем рабочим. И скот также.

На Переспу наступают гитлеровцы: двумя колоннами — со стороны Сокаля и Крыстинополя и одной группой — из Радехова. Их атаки отражают Армянский и Конотопский отряды.

Гитлеровцы селятся спасти завод и поддержать нерушимость галицийской «границы». Но им не совладать с нами. Не выдержав встречного боя, они бегут, оставив до шестидесяти трупов, вооружение и снаряжение. Армяне преследуют бегущих. Захвачено 15 подвод боевого обоза с патронами, пулеметами, минами...

Бой в Торках и на ряде других «кордонов» шел точно по нашему плану. Теперь все помыслы — на переправе через Западный Буг. Из Горохова везем всякие переправочные средства — бочки, канаты, тросы. До Буга недалеко, около четверти перехода. Но перед нами три шоссе, три станции, четыре железных дороги и пять городов. А главное — Западный Буг, который мы решаем форсировать в Добротворе...

11.2.1944 г.

Село Купичволя, 36 км севернее Львова.

Обошлось без наведения переправ. Все решила внезапность. Налет был настолько сокрушающим, что гарнизон Добротвора предпочел спрятаться. Так и отсиделся в своих укреплениях без единого выстрела.

Прогудели тысячи копыт по булыжным улицам. Пронесли ураганом конники. Галинка записала об этом так:

«...Снова предупреждение — железная дорога! Я только сейчас поняла по-настоящему, что значит перейти железную дорогу. Бой завязался сильнейший, как и вчера, в Переспе, когда переходили через шоссе. Я увязалась за ротой Рябченко, все время находилась возле Маринки. Взвод Сережки Назаренко пошел в наступление. Сначала уничтожили двух полицаев и четырех гитлеровцев, подбили их машину, а дальше давай брать приступом гарнизон. Я сама помогала тащить на земляной вал штурмовую лестницу. Так уничтожена была погранстража на этом «кордоне» Галиции.

Правда, поплатились и мы одной молодой жизнью: погиб там при штурме Саша Савченко. Напрасно старалась оживить его Маринка. Вместе с ней в составе роты Рябченко ходили мы также на переправу под Каменкой Струмиловской. Среди ночи захватили железнодорожную станцию. Но вдруг появился пассажирский поезд. Майор Горобец перевел стрелки, паровоз перевернулся в тупике, и мы побежали к вагонам. Фашисты пытались удрать и всюду наталкивались на огонь. С нашей стороны ранены Ваня Пряхин — святошинский, Филоненко Василий из Емильчино. Погиб смертью храбрых отделенный командир Филлипов Иван Яковлевич, уроженец Ленинградской области.

Мы еще долго вместе с Рябченко, Федей Банниковым, Маринкой, Сашей Ниюшковым и Колей Смирновым преследовали немцев в лесу и успели перехватить беглецов. Семеро фрицев сдались в плен. И, может, благодаря нашей работе соединение уже за Бугом.

Но макаровцы, наверное, превзошли всех: разрядили свои пулеметы и автоматы по составу фашистов, оказавшемуся полнешеньким офицеров».

11.2.1944 года

Местечко Жолкев, 22 км севернее Львова.

Ночь. Снежная вьюга, темень непроглядная. А на шоссе Львов — Рава-Русская — ненужный, случайный бой, оплаченный жизнью капитана Лобача, начштаба Армянского отряда.

Армяне окружили какой-то дом, уничтожили человек сорок фрицев!.. Но сейчас ночь, а у нас нет света, и поэтому мы лишены возможности оперировать, а значит, нельзя спасти Лобача, раненного в живот... Сегодня у него день рождения, неумолимая судьба отмерила капитану двадцать семь лет и на этом поставила черную точку.

Прощай, друг Федя! Кто заменит тебя в штабе отряда, кто сможет стать таким же авторитетным и распорядительным начальником? Где взять офицера с твоим опытом? Ведь ты прошел семь тысяч партизанских верст!.. Черная весть прокатилась по отряду, подняла людей и бросила их в Магеров на расплату. Первыми пошли в атаку коммунисты. Неудержимой была партизанская месть, и не устоял перед отрядом фашистский гарнизон.

Богатейшие трофеи — вооружение и боеприпасы, обмундирование и медикаменты, отдельный склад с сахаром и авторемонтные мастерские захватил Армянский отряд в Магерове. Под горячую руку угодили и высокие гости из Львова и Берлина, пожаловавшие в город на девяти легковых машинах, чтобы на месте согласовать план обороны от партизан на рубеже Западного Буга. *

Но так и не успели гитлеровцы согласовать этот план. Не состоялся и банкет. За празднично накрытым столом отобедали партизаны. Помянули своего друга, коммуниста, бесстрашного капитана Лобача.

Вместе с Лобачем хоронили и политрука разведки отряда Петроса Егояна, разведчика Ашота Адамяна, артиллериста Василия Григоряна. Остались в памяти гробы в черном крепе, печальные лица партизан, скупая траурная речь комиссара Алеши Васяновича, прощальный залп, врезавшийся в пургу... И дома́ вблизи могилы, зияющие дырами обгоревших окон, похожие на склепы. Там нашли себе могилу 18 вражеских офицеров.

На заснеженных улицах остались трупы гитлеровцев да дымящиеся остовы машин.

В Магерове мы не собираемся задерживаться. Надо быстрее обойти Львов и выйти в западный район, к Самбору.

12.2.1944 года.

Город Яворов, 45 км западнее Львова.

Немиров остался позади. Он встретил нас мертвой тишиной. Очевидно, гарнизон, комендатура и полиция предпочли спрятаться, узнав о нашем приближении. Сопротивления никакого. Натыкаемся на беженцев из Львова. Кто на подводе едет, кто тащит за собой санки, кто с рюкзаком

за плечами. Наперебой сообщают, что во Львове — ужасная паника. Страх буквально парализовал оккупантов. Бегут из города кто как может. Генералы — на самолетах, а прочие военные — на автомобилях и в поездах. У всех на устах: «З Волини прорвалася вэлыка дэсантна армия!» Это, конечно, нас и Вершигору принимают за большую десантную армию. По всему городу расклеены наскоро отпечатанные воззвания к населению, в которых фашисты хотят запугать нами жителей. По их словам, мы — дикая дивизия, бросаем детей в огонь, сжигаем села, грабим города, насилуем девушек и женщин и чуть ли не закусываем на своих «оргиях» поджаренными на огне украинцами... Все должно подняться на борьбу с нами, нарушившими «мирную жизнь в тихом цветущем крае — Галиции...»

Бесшумно скользят обозы. Не слышно и топота конников: снежный покров приглушает все звуки. И час, и два идет наша колонна, повернув к югу, чтобы неожиданно-негаданно появиться у Дрогобыча и Самбора.

Около границ Венгрии и Чехословакии у нас создаются опорные базы и оперативный простор. То же хотим создать в Западных Карпатах, а может, и в Альпах Трансильванских...

Колонна минует Яворов. Город словно вымер. Капитан Грушецкий докладывает, что здесь много немецких госпиталей. Охрана и обслуга их разбежались, бросив тысячи раненых офицеров и солдат. Раненые нервничают, и напрасно. Мы с госпиталями и ранеными не воюем.

13.2.1944 г.

Село Любени, 30 км восточнее Перемышля.

Ночью пошел сильный дождь, и поля превратились в озера, дороги также скрылись под водой, и нам не удалось выполнить план марша...

Стоим на хуторках, погрязших в болотах. В Мельниках, Любених, Макарах, Дуброве и Высувке, кишат националистами. Они нападают на отдельных партизан, как гнус. Искромсали ножами бойца Армянского отряда... Они «вартуют» на Львовско-Варшавской магистрали, охраняя ее «вид совитив та червонои партызанки». Верой и правдой служат Гитлеру.

Очувтившись в плену бездорожья, мы с опозданием почти на четверть суток подошли к станции Хоросница. Червоный и Макаровский отряды, двигавшиеся во главе колонны, успели перейти магистраль еще затемно. К рассвету на станции скопилось уже много эшелонов. Мы явились

в Хоросницу как снег на голову. Сначала фашисты никак не могли понять, почему их задерживают, а зеленую улицу дали каким-то обозам и неизвестным конникам...

Когда начался день, завязалась перестрелка. Чтобы не ввязываться в бой в невыгодных условиях, пришлось изменить маршрут движения. Мы круто повернули вправо, не переходя дороги. Штаб, конечно, уведомил об этом эсманцев и макаровцев, оказавшихся по ту сторону магистрали. И они должны вернуться. Но прошло уже несколько часов, а прибыл только один Стадник, начальник штаба Эсманского.

Вызываю его к себе. Вид у него самый «фрицевский»: грязен, долговяз, в сапогах-раструбах, за поясом торчат гранаты с деревянными ручками.

Стадник рассказывает:

— Конечно, Коротюк с Боровым успели бы повернуть отряды, но помешало большое скопление эшелонов. Пришлось двигаться по ранее намеченному маршруту на юг. Я сам ползком пробрался под вагонами. Выручил маскрад под немца.

Тем временем эшелонов на станции скопилось еще больше. На некоторых следы обстрела из пушек и пулеметов, а два офицерских поезда особенно старательно обработаны.

— Все заварил Пасько, начштаба макаровцев, — возбужденно поясняет Стадник. — Началось с того, что лейтенант Антон Пасько, внимательно присмотревшись к стоявшим на станции двум составам, подумал: «Что за чертовщина! Составы пассажирские, а из окон вагонов не видно ни одной рожи». Решили посмотреть в вагоны. Поехали между составами и, привстав на лошадях, заглянули в окна. А в вагонах полным-полно офицеров — бледных, с искаженными от ужаса лицами. Кто лежит на полу с пистолетом в руках, кто засунул голову под лавку — наружу торчат только обтянутые сукном зады.

Пасько заржал, как он умеет, да как зыкнет на всю станцию:

— Хлопцы! Ведь это отпускнички от тещ да маменькины сынки из Берлина возвращаются на пространства восточные!..

А у хлопцев самих руки чешутся. А тут еще и макаровцы подоспели, вся коноваловская рота эсманцев да еще сам Иван Боров с сорокапяткой. Ну и отвели душу...

Стадник уверяет: каждый вагон изрешечен пулями. А полякам-машинистам Пасько строго-настрого приказал,

чтоб во Львов, на пассажирскую станцию, везли все это крошево!

Пасько и Стадника можно понять: у них свои, личные счета с фашистами. Да и кто бы на их месте не ударил? Как удержаться от искушения поговорить на партизанском языке с таким скопищем офицерни вермахта?.. Ну и поработали хлопцы тремя ротами из Червоного, Макаровского и Коростышевского... Увлеклись, потому и оторвались. Теперь надо соединяться. Как же мне сориентировать Коротюка, Кучеренко, Борова и Ксензова? Надо определить где-то место встречи, что зависит от трех неизвестных слагаемых: где и когда переправимся через магистраль и куда направимся в последующие дни?

14.2.1944 г.

Разъезд Мазуры, 20 км восточнее Перемышля.

2.30 ночи, а светло словно днем. Горят домишки железнодорожников, горят хаты, горят вагоны эшелонов, горят топки поваленных паровозов, вспыхивают факелы и ракеты. Вокруг ни на минуту не смолкает стрельба: пушечная, минометная, пулеметная, автоматная. Все смешалось. Не поймешь, кто в кого стреляет там, в темных коридорах между составами, которые все подходят и подходят. Среди них оказался воинский эшелон. Он и дал нам бой. Пленные фашисты рассказывают: был остановлен офицерский поезд, в котором находился генерал, вот он и взялся командовать.

Враг применил обычную тактику: ударил зажигательными пулями по деревянным строениям и поджег их, чтобы стрелять по видимым целям. Загорелся рабочий поселок. Теперь нам видно все, как на ладони: откуда стреляют немцы, где их огневые точки. И врасплох нас не застали: артгруппа майора Горобца развернулась вовремя, партизанские орудия стреляют прямой наводкой. Мин и снарядов у нас достаточно. Отряды тоже развернулись согласно плану-приказу, кое-каким подразделениям удалось проскочить по ту сторону дороги. Однако планомерность «форсирования» двухколейной магистрали и лежащего за нею асфальтированного шоссе, конечно, нарушена. Приходится пробиваться с большим боем, тратить бесценное ночное время, снаряды, патроны, проливать кровь... И, разумеется, нарушился план марша, за что тоже придется платить своею кровью, не говоря уже о новых расходах боеприпасов, сил и времени...

И все из-за безответственного поступка одного человека...

Были и точные данные разведки, и заблаговременно разработанный детальный план форсирования, то есть перехода через Львовско-Краковскую магистраль. Все было предусмотрено, все рассчитано.

Киевский отряд громит гарнизон и автотранспортную часть оккупантов в фольварке Лядская Воля и выставляет сильный заслон на шоссе в сторону Перемышля; Конопский выбивает из села Острая Гура отряд эсэсовцев и уничтожает их транспорт — 25 автомобилей; Коростышевский, овладев деревней Соломенской, перекрывает шоссе со стороны Львова; Червонный, под командованием Верховского — Стадника, и Армянский прорываются в это время за магистраль, расчищая дорогу для всего соединения с его обозами.

Операция была намечена на два часа ночи, когда движение на магистрали должны были остановить диверсионные группы. Группа инженера Николая Ключникова взрывала свои мины на обеих колеях в семи километрах от Перемышля, а группа старшего лейтенанта Величко делала то же самое в трех километрах восточнее намеченного нами переезда — Мазуры, но... Величко осуществил минирование и взрывы тремя километрами западнее, то есть непосредственно на переезде в Мазурах... И вот возникла совершенно непредвиденная ситуация...

Как это получилось — разбираться некогда. Только когда в установленный час наша колонна подошла к Мазурам, под эшеленом врага, следовавшим из Львова, неожиданно взорвалась мина. Эшелон оказался товарняком. Он и загородил путь нашим обозам. Почти в то же время по другой колее подоспел и воинский состав, тоже наскочивший на мину, но на малом ходу, без крушения. Я сразу же оценил положение, в которое мы попали. Расчеты на молниеносный скачок в Карпаты рухнули. А впереди Самборский транспортный узел, реки, теснины гор, которые теперь, после шума, наделанного нами на магистрали, не проскочишь незаметно.

Пересев с тачанки в седло, я прискакал к головному отряду, где бушевали не только пожар и шквальный автоматный огонь, но и наш комиссар, доктор Тарасов:

— Застрелю своею рукой!! Как ты смел нашу переправу минировать?! — кричал он на Величко.

А виновник всего — огромный, с посеревшим лицом и

дрожащими губами — что-то невнятно лепетал в свое оправдание.

Пришлось пускать колонну в обход, мостить переезды через канавы и рельсы и с трудом пробираться на фольварк, где все было охвачено пламенем, и, казалось, сам воздух взрывался и горел. Горели один за другим десятитонные бюссинги, фургоны, автомастерские, горели конюшни, в которых оказалось 200 тяжеловозов. Их душераздирающее ржание, их предсмертный зов о помощи заглушал даже взрывы и терзал сердца наших конников. О том, что там кони, никто не знал, и когда спохватились и настезь распахнули широченные ворота боксов, было уже поздно: на двор, охваченный огнем и взрывами, лошадей не выгонишь.

В эту ночь всем нам довелось и бежать, и ползти, и переходить на четвереньках под вагонами и через рельсовые пути. Дозы свинца выпадали всем одинаково — передовым бойцам и езовым обозов. Да в ночную пору, кроме того, никогда не знаешь, где подстерегает тебя опасность: уходишь ли ты от гибели или приближаешься к ней?

Утро 14.2. 1944 г.

Лядская Воля, 20 км восточнее Перемышля.

Уже пять часов переходим через станцию Мазуры и Лядскую Волю. Большая часть отрядов перешла дорогу и шоссе, только на переезде Мазуры до сих пор гремит ожесточенный бой. Перемешалось все: кони, люди, убитые и раненые. Продолжается перестрелка и на шоссе. Фронт нашего комбинированного удара растянулся на несколько километров, управление отрядами явно разладилось. Пытаюсь свести отряды в одну колонну: по-видимому, надо избрать местом сбора ближайшее село. Это позволит внести в хаос какую-то организацию.

Рассылаю связных, чтобы вызвали ко мне командиров отрядов. Через окно в хате мне видно, как появляются грузовики и офицерские легковушки, а партизаны встречают их короткими автоматными очередями. Очередь — и машина летит в кювет. Это уже не бой, а охота на трусов, старающихся поскорее улизнуть. Под наши пули попадает и тот, кто еще не успел понять простой истины: не те нынче дни на дорогах Галиции.

Вот мчится «мерседес» со стороны Львова. Видно, как машина на полном ходу начинает пересекать осевую линию дороги, шофер не удерживает баранки, и офицер дрожащими руками пытается выравнять машину. Поздно: он

вылетает из нее через распахнувшуюся дверку в канаву и барахтается в воде.

Коростышевцы обыскивают его, политрук Федя Теодорович подбегает к начштаба Николаю Березкину и показывает документы. Затем мы все вместе разбираем готическую вязь в офицерской книжке убитого. Оберлейтенант Вельдман... спешил в Берлин, на побывку. Автомобиль полон провианта: сало, масло, яйца в ящичках, мед и сахар в багажнике...

Мерно раскачиваясь, мчатся двухэтажные автобусы. Первый летит в кювет со всего размаха. Все пассажиры гибнут. Из другого, задымившегося посреди дороги, выпали офицеры. Некоторые с оружием. Как ужи, расползаются они по грязи в канаве, что-то кричат, ругаются. Один трусливо пятится с поднятыми руками, а затем бросается к автобусу.

— Глядите: это он за оружием! — предупреждает криком Березкин.

Гитлеровец действительно подскочил к машине, но пулеметная очередь находит его и за высокими резиновыми баллонами. А в канаву летит граната Андрюши Попова.

Огромный грузовик с прицепом, прорвавшийся через заслон Киевского отряда, показывается из-за пригорка. Грозно рыча и не сбавляя скорости, он явно намеревался прорваться, но вот уже горит с обеих сторон. Коростышевцы кричат своему пулеметчику Юрченко, чтобы не жалел зажигательных пуль.

Хлопцы в ударе. Возле меня собрались офицеры штаба соединения. У каждого свое восприятие пережитого и увиденного. Галинка, вся исцарапанная, с ног до головы в грязи. Спрашиваю: каково пришлось ей в хвосте колонны, среди «обозников»? Невесело улыбается. Позже я прочел в ее дневнике:

«Бой завязался ужаснейший, немцы запрудили весь разъезд, и над путями, и вдоль эшелонов непрерывным потоком несется шквал трассирующих пуль. Подходы к дороге также густо простреливаются, все взялось пожаром, что-то поминутно рвется даже в воздухе. Кажется, нельзя и шагнуть по направлению к дороге, но это только кажется. Венгерка Ева попросила меня помочь: кто-то тяжело ранен и находится в домике у лесника.

Пробираемся задами и лесом на мукомольню. Грязь по уши. Партизаны выносят ящики с боеприпасами из повозок, безнадежно увязших в болоте. Мы с Евой перепрыгиваем с кочки на кочку, от дерева к дереву. И вдруг взрыв за взрывом. Ева говорит: это Женя Верховский на панское хозяйство наступает с эсманцами...

Раненого мы унесли на повозку, в обоз Надежды Филимоновны. А затем снова поспешили на медпункт отряда. Вернувшись в домик

лесника, услышали приглушенный стон другого раненого. Я зажгла карманную парафиновую плошку, пробралась к сдвоенным скамейкам и... ужас! Увидела раненого Женю Верховского.

— Зачем же именно Женя? — говорила себе я. — С Женей мы вместе выехали из главштаба, к нему я была ближе всех. Теперь у меня вообще никого нет.

Все тонуло в дыму, падали подбитые лошади, но мы все-таки с Евой прошли и сейчас находимся далеко от места боя. Очень хочется узнать, где теперь Женя, сделана ли операция ему и как себя чувствует?...

— Галинка, Галинка! — говорю ей. — Где ж это «далеко от места боя», когда мы сидим прямо на варшавском асфальте!.. И что с нашими венграми, где сама Ева? Зови ее сюда, а за Верховского не беспокойся: Михаил Михайлович уже делает ему операцию.

Я втыкаю иголки циркуля в те места на карте, где находится магистраль и восточный выступ Словакии. Прикидываю расстояние на линейном масштабе.

— Что, не осталось и сотни километров? — блестят черные яркие глаза и белые зубы Евы. Она не нарадуется, что так неожиданно подошли близко к венгерской границе, ее родине.

— Около ста до Словакии, столько же остается и до Венгрии. — Ева радуется и с любопытством заглядывает в карту.

— Это, конечно, при нашем темпе, несколько дней пути?

— Ночей, Ева, ночей... Как остальные ваши товарищи? Где Йожеф Фазекаш? Оправился ли от простуды Декан Иштван? Все ли перебрались на эту сторону? Поздравьте их от меня. Скажите им, что они молодцы, благодарю всех до единого.

Ева не понимает:

— За что молодцы? Какое задание они выполнили?

— Ах, задание... Скажите: благодарю за то, что перешли, не погибли, не остались на рельсах, не бросили оружие, не трусили, не побоялись швабов, а это самое главное у нас...

Ева становится серьезной и задумчивой. Она передаст все, сказанное мной.

У Галинки тоже замирает душа при виде коричнево-зеленых завитушек на моей карте: «Подумать только, к самим Карпатам подошли...»

Только Роман, не отлучавшийся ни на шаг, не очень-то воодушевлен: он знает, каково там воевать без коней. В горах их нечем кормить. Там бегают по утесам разве только быстроногие олени. Чтобы воевать в Карпатах, надо быть

альпинистами. Знаю это и я, бывший пограничник из Прикарпатского погранотряда Ворохта — Турка. Как раз эти места были участком погранотряда, в котором служил. Там я встретил первый час войны на границе. О Карпатах наши партизаны знают из рассказов боевых ковпаковцев про их летний поход. Летний... А сейчас зима, да еще прихотливая, капризная.

Вот и сегодня за ночь едва добрались до вершины горы — по прямой не оторвались от врага и на пять-восемь километров. Положение незавидное. Будешь сидеть на макушке горы — враг окольцует тебя внизу, в долинах. Делаешь попытку перейти на другую гору — внизу уже караулят тебя. И все носи на себе. Ни одного возка, только вьюки, только носилки; ну, а насчет продовольствия — разве шишки еловые да буковые...

Коней придется там съесть, если не подохнут с голоду. Ведь теперь в Карпатах и травы нет...

Я снова углублен в карту. Хотя к Карпатам не более двух переходов, меня это не радует.

Чтобы выйти за Турку, нужен рывок, но при условии свободной дороги, без переправ, без пересечения железных и шоссейных дорог, идущих от Перемышля к Самбору. Но я ведь знаю, что впереди шесть рек и речек, три железных и не менее семи шоссейных дорог плюс десятки гор, горок, высоток от 300 до 900 метров. Вот какой он, этот скачок. И не скачок это, а серия скачков, если вообще возможны скачки в горах!..

Сегодня с двух ночи и до семи утра мы продвинулись к югу лишь на четыре километра! Темп — менее километра в час. Да, тут не сносить головы, если ввериться наобум Карпатам!

Каждый километр, каждый шаг туда придется оплачивать ценой чьей-то жизни. Только сегодня расстались мы навсегда с нашими юными товарищами: Лисовским Константином — пареньком с берегов Ирши, из села Меньковки; Лозко Митей — из Емильчинской Руденки; Данильчуком Денисом, тоже емильчинцем; Дейнекой Гришей, оттуда же — из Подлубов; Журовичем Колей, вступившим в партизаны в Белоруссии; Филипповым Ваней — ленинградцем; Макаренко Сашей, юным ветераном соединения с Глуховщины. И десятки, десятки раненых...

Каждый шаг брали сегодня с боем. В Карпатах будет труднее. Но мы должны быть там непременно.

Наша цель — Самбор и Комарно, где надо парализовать

железнодорожное движение, целясь на Карпаты. Но это — ближайшая задача. Придет время, когда неизбежно начнем осваиваться за рубежом Венгрии и Чехословакии. Вот бы сразу туда, подложить бочки пороха под фашистов!

Вместе с командирами отрядов подсчитываю потери. Кажется, они не столь велики, зато вместо снарядов и мин на артиллерийских возах размещено очень много раненых.

Больше других досталось Армянскому. У Осипяна в списке убитых: Ованес Симонян из Иджевана, Мартирос Абрамян из Шамшадина, Маркис Давнукян из Мартуни, Варздат Оганесян из Еревана, Эрван Мкртчян из Азербайджанского Олитарака. А еще — Мкртчян Ованес и Габриелян Мартин, откуда родом — неизвестно.

Среди коростышевцев отличился упорной защитой своего окопа на высоте Ваня Вознюк из Радомышля. Он оборонял сопку до последней мины к миномету, до последнего патрона в автомате и пистолете. И не отступил с позиции. Сердце обливается кровью, когда докладывают о гибели таких чудесных парней...

14. 2. 1944 г.

Село Руставечко, 20 км восточнее Перемышля.

Вечереет. Целый день ведем изнурительный бой, атакуем, контратакуем. Почти сутки, как выступили из Любени. Никто не ел и не пил. Никто не сомкнул глаз. Мы угодили в огненное кольцо в буквальном значении этого слова. Отошли к югу от шоссе лишь на несколько километров. Вокруг раскисшие поля, овраги да селения с мизерными перелесками. Все потонуло и увязло в грязи. И везде гитлеровские войска. Воздух словно прокален снарядами, наполнен роями пуль, ракет.

Каратели окружили нас в двух небольших селениях — Чишки и Руставечко. В последнем — не более 200 дворов и ни одного каменного строения. Кровли домов соломенные, ограды — из лозы да камыша. Наше спасение — густой и плотный туман. Видимость — не далее 300 метров. Этого достаточно, чтоб уничтожать врагов, наседавших со всех сторон.

Из-за тумана они не могут бросить против нас авиацию и вынуждены сражаться с нами на равных условиях, неся большие потери. Пытаясь подбодрить свое воинство, вражеское командование не жалеет спирта. Но спирт, как известно, еще никого не спасал от смерти. Невзирая на наш ураганный огонь и топи, пьяные фашисты очумело лезут под пули все более густыми и многорядными цепями.

Уже горит что-то в Чишках. Там Хинельский и Армянский отряды. Хинельцы оказались там потому, что первыми перешли магистраль. Едва они успели захватить командную высоту, как их атаковали фашисты. Атака была отбита.

Туда всего три километра от села Руставечко, расположенного в котловине. Как боевая позиция, оно никуда не годится, это, по существу, западня, ловушка. Но у нас нет выбора. Сельцо необходимо для передышки. У нас вся надежда на туман и на стойкую оборону высоты, где вкопались в землю армяне с хинельцами. Бой там все нарастает. Уже отражено пять атак, а Армянский отряд четыре раза ходил в контратаку. Враги выбиты с высоты, но это привело лишь к наращиванию усилий вражеских войск, подтягивающихся со стороны Мостиски и Самбора.

На нас жмут и из Судовой Вишни; минометчики вслепую швыряют сотни мин, не смущаясь недолетами и перелетами. Киевляне, конотопцы и чапаевцы отражают беспрерывные атаки гитлеровских пластунов.

Жарко и в Чишках. Из-за пожаров нечем дышать, пришлось отрядам занять позиции ближе к горе. Пока они там, враг не может приблизиться к Руставечку. Но нам не спасти село от пожара. Все чаще над соломенными крышами поднимаются султаны огня и дыма. Мы буквально задыхаемся. Хорошо, что из-за тумана и дыма фашистам не видно, насколько переполнено село обозами и людьми: куда бы ни ударили из минометов — нанесли бы большой урон. А если бы налетела авиация — всем бы нам тут конец.

Туман, как и ночь, надежный союзник партизан. В тумане и танки не страшны. Но танков что-то не видно. По всей вероятности, застряли в болотах. Нам бы продержаться до вечера, а потом... А что же потом? Ведь мы знаем, что все пути на юг перекрыты карателями. По данным Гаврилюка, там осиное гнездо. Вот только непонятно, почему они выжидают, почему не ударят с юга? Или, может, избрали тактику засады, чтобы обрушиться на нас, когда выйдем на переправы через полноводные реки? Но ведь там наши макаровцы, там и Боров с двумя ротами эсманцев и батареей! В этом наша тактическая хитрость. Гитлеровцы сбиты с толку, они не знают, куда бросить свои главные силы: сюда под Перемышль и Мостиску, или туда, к Самбору, на который соединение нацелилось еще позавчера и куда, вероятно, вышли уже макаровцы и эсманцы Борова.

— Как они там? — тревожится комиссар.

— Ничего, как-нибудь выкрутятся. Они без обозов. По-

ра уже вернуть их назад. Придется послать Стадника с разведчиками.

Я твердо убежден, что нам здесь не прорваться в Карпаты, да и нет смысла прорываться. Но куда повести людей, которые даже не подозревают, сколь грозна опасность, нависшая над соединением? Жду разведку Карапетяна из Мостиски и Шабалина — из Баличей. Вышагиваю по карте циркулем и машинально напеваю: «Все васильки, васильки...» Наверное, только Роман догадывается, какое огромное напряжение кроется за этим мурлыканьем. Поэтому он никого не пускает ко мне в комнату.

Спасти нас может только ночь. Она уже недалеко. А сейчас требуется лишь одно: чтоб командиры оставались на своих местах. Хоть в огне и дыму, а на своих местах. Тогда и бойцы тоже останутся на позициях — в цепях. Самому мне также надо оставаться в домике, чтобы думать, думать!..

Склонившись над картой, потихоньку напеваю: «Все васильки, васильки» — и... «Много их в поле весной»...

Загорается крыша и надо мной. Тушить? Нечем. Никаких средств, кроме торб для водопоя коней. Но что те торбы, когда смерчи зажигательных пуль обрушиваются на соломенные кровли...

В это мгновение в избу врываются Осипян и Сыпльвый. С обоих — ручьями пот. Их отряды вытеснены со спасительной высоты. Оба сверкают воспаленными глазами и возбужденно размахивают руками: «Невозможно, в поле уже темнеет, не видно пластунов. Если не отступить — обойдут, отрежут!.. Надо отходить!..»

Они указывают на прогоревшую в потолке дыру. Я и сам вижу в щели кухонной дверцы жаркое пламя, подбирающееся к моей комнате. Видимо, пришла пора оставить квартиру. Все село — сплошной костер, нечем дышать. Однако для меня сейчас имеет значение только услышанное: «Темнеет в поле!..»

— Можно выйти к речке и отходить по балке? — спрашивает Осипян.

— Да, можно... Только отходите строго на запад, к местечку Баличи. Твой отряд — авангардный...

Две ракеты — и отряд Осипяна сбегается к нему. Топкая, вязкая лощина заполняется людьми в немецких шинелях. Пошли... Оставляю Степанова с отрядом в арьергарде, а сам бреду через топкую лощину. Ноги уходят по колени в болотную жижу. Наши оседланные кони проваливаются по живот... Роман вдруг обрадованно кричит:

— Вот они!..

Да, я их ждал — Мукуча Карапетяна и Михаила Шабалина.

Карапетян возвратился со Львовско-Варшавской магистрали. Он докладывает: весь асфальт забит вражескими войсками, даже надменные генералы появились на асфальте у Мостиски.

Сибиряк Михаил Шабалин ходил на запад. Рассказывает, что в Баличах вражеских войск нет. Лишь в фольварке три сотни солдат. Фольварк небольшой, но все службы и дом — кирпичные. Крепость!

Окончательно решаем: нужно идти в западном направлении.

Глава IV

На польских землях

15. 2. 1944 года.

Местечко Баличи, 14 км восточнее Перемышля.

Сколько времени? Мои часы остановились, а Роман говорит: не более часа ночи.

Темень непроглядная.

Невыносимая тяжесть во всем теле.

Выехали на широкую мостовую, по обе стороны ее белеют каменные дома. Очертания их еле угадываются. Баличи это или нет? Гляжу на компас. Оказывается, в город мы въехали не с востока, а с юго-запада. Значит, обошли крепость...

У кого спросить, чтобы сориентироваться? Городок погружен в глубокий сон. А может, все попрятались по схрамам?

Везде непролазная грязь, резкий запах порохового дыма и конского пота. Рассыпавшиеся в боевые цепи партизаны продолжают отражать фланговые атаки гитлеровцев.

Не все прошли сюда, в Баличи. Многие потерялись в трясилах-балках, не смогли выбраться из глубоких топких канав, утонули в коварной речушке Сечне. Пострадал и наш обоз. Провалились в какую-то бездонную трясику пушка Армянского отряда и большая рация наших венгров... Утонули там вместе с лошадьми!

Лопаются постромки, ломаются телеги, барахтаются в грязи раненые, надрываются измученные кони. Люди падают с ног от усталости. Еще бы! Без сна и хотя бы минутного отдыха весь вчерашний день и уже две ночи. Толпы партизан и табуны лошадей медленно бредут, засыпая на ходу. Многие ведут коней на поводу, иные держатся за повозки, чтобы не упасть. У них нет даже сил, чтобы взобраться на воз или на лошадь...

Вся эта масса людей и коней, перемешанных с пушками и тачанками, движется только по инерции. Нам бы хоть немного передохнуть, отоспаться. Но прежде надо привести в порядок подразделения. Где связные с отрядами? Где штабы? Где дежурный по колонне с его связными? Кроме Романа да отделения охраны при мне — никого. Везде надо успеть теперь Роману.

Надо бы собраться в кулак, остановиться на короткий привал, сгруппировать отряды и подразделения. Но в нашем положении — без мер обеспечения и круговой обороны, без патрулей и часовых, без дежурных пулеметов и орудий — привал невозможен. Всего лишь в двух или трех километрах фольварк, и в нем батальон гитлеровцев. Поэтому Роман о привале не хочет и думать! «Станем останавливаться, остановятся и все они, — убеждает он. — Разве вы не видите: все падают от усталости!»

В окне одноэтажного белого дома забрезжил огонек. Он зовет нас к уюту, теплу. Входная дверь с улицы открыта. Чистенькая передняя комната, электрический свет. Далее — двухстворчатая белая дверь. Но мне и здесь хорошо. Сажусь за стол, сбрасываю с плеч тулуп, расстегиваюсь и разворачиваю карту.

Прежде всего, где мы? В Баличах или не в Баличах? Роман стучится в дверь, а потом что-то кричит хозяину, зовет, но никто не отзывается. Я прошу его постучать в соседний дом. Роман выбегает. Через некоторое время из белой двери выходит черноглазый и черноволосый солдат в немецкой шинели. Увидев меня, он пугливо выбегает на улицу. «Кто-то из наших армян, — думаю я. — Наверное, искал кусок хлеба или забежал молока напиться».

Хочу верить, что мы в Баличах, и ориентируюсь от них по карте. Это хорошо, что северо-западная окраина упирается в большой лес, который пересечен магистралью, а далее, к северу, — снова лес и река, и болото. Наша колонна движется в том же направлении, к северу...

Тем временем из тех же белых дверей выходит офицер во всем немецком. Увидев меня, он на мгновение приоста-

навливается, щелкает каблуками и, козырнув, выбегает на улицу...

«Что за чертовщина! — думаю. — Ведь офицеров-армян я знаю в лицо всех, а этого что-то не признал. Да и не смуглый он, а светлоглазый. И без шинели... И мундир новенький, отутюженный, и сапоги до блеска начищены!» Эти детали доходят до моего сознания позднее! «Эхма! Да ведь это был немец! — пронзает догадка. — Как же так?»

В это время в саду за домом щелкнуло несколько выстрелов и сухо треснула короткая очередь из ППШ. На пороге вырос Роман:

— Да тут фашисты ночуют, в Баличах! — говорит он, показывая пистолет. — Я только что обер-лейтенанта ухлопал в садике за этим домом. Сигнальными пулял в небо...

— Обер был без шинели? — спрашиваю Романа.

— А вам откуда известно? — изумленно оглядывает он меня и прихожую. Только теперь мы оба видим шинель обер-лейтенанта, висящую на оленьем рогу вешалки в углу передней.

— Это Баличи, а мы в доме ксендза находимся, — уже шепотом сообщает Роман. — Но ксендз в отъезде, дома только паненка-прислужница.

Значит, мы остановились на отдых в Баличах, где уже расположился противник. Потому и не видно ни одного жителя. Где же их часовые, патрули? А может, измотаны, как и мы, и спят мертвецким сном? И где тот армянин, что улизнул отсюда? А может, это и не армянин, а немецкий солдат, охранявший своего офицера? В конце концов дело не в этом. Главное, что мы, пожалуй, выскользнули из котла. Остается часов пять до рассвета. Прикидываю по карте: до шоссе километров пять, а там еще два — до асфальта, всего — не более семи... Надо выслать разведку, наверняка сейчас нет никого в мокром лесу. Возможно, удастся и поспать часок-другой. Это так необходимо! Часа на подход к магистрали и шоссе вполне достаточно. А там рывок — и мы проломим стену, возведенную фашистами. Надо послать Степанова, чтобы выдвинулся с отрядом вперед.

15. 2. 1944 г.

*Местечко Старява, 20 км
северо-западнее Перемышля.*

Случилось так, как мы и предвидели. В глухой пред-
рассветной темени отряды миновали рощу, заваленную
мокрым снегом, и бесшумно переправились через пустынь.

ное шоссе. Без единого выстрела в сонной тишине наша настороженная колонна подошла к железнодорожной магистрали всего лишь в десяти километрах восточнее Перемышля.

Вокруг все спало. Какой-то эшелон стоял как раз на том месте, где нам нужно было пройти по каменному водоспуску. Охрана эшелона при виде нашего головного охранения бежала, предпочитая «не замечать» грохочущей по камням грозной партизанской колонны, и это только подтвердило мои догадки, что стеною, которая должна была остановить нас, были именно Баличи. Сегодня узнал, что на эту западную сторону котла подтянулся из Добромиля и Хырова вражеский полк, оставивший свои автомобили и технику в непролазной грязи где-то близ Перемышля.

Теперь мне все стало ясно. Оказалось, что гитлеровцы появились в Баличах только двумя часами раньше нас. Смертельно уставшие, они сразу же легли спать.

Мы же, «не сходя с места», постояли часть ночи на улицах, под открытым небом. Поскольку команды на привал не было, наши люди дремали, кто где мог: на возах, на крылечках домов, на завалинках.

Только рота Савельева из Червоного отряда заспалась в Баличах, в помещении школы. Проснувшись, наши эсманцы увидели, что рядом спят немцы. Не раздумывая, партизаны потихоньку разбудили своих и пустили в ход гранаты и автоматы. Это всполошило весь вражеский полк. Только близость леса выручила наших товарищей. Эта ночная кутерьма стоила жизни нескольким партизанам. Тем не менее, мы выиграли сутки времени, чтоб перевести дух.

Над Самбором целую ночь полыхало зарево. Теперь вся махина вражеских войск, увязаящая в грязи, будет прикована к району Самбора. Пока они разберутся, что и к чему, пока перегруппируются, пройдет немало времени. А нам это только и надо.

Не сомневаюсь, что там, где полыхают пожары, пробираются наши макаровцы и эсманцы. Теперь уже ясно, что с ними еще и большая часть Коростышевского отряда, и разведка, и диверсионная группа Сыпльового.

Посылаю на связь с ними Стадника. Отрядом командует комроты-1 тамбовчанин Миша Савельев. Он подробно рассказал мне о ночном приключении в Баличах. В ночной потасовке погибли емильчинцы Федор Игнатенко, Степан Яворский, Володя Карпюк, Миша Горбик и Денис Ситайло.

16. 2. 1944 г.

Местечко Калеников, 20 км
северо-восточнее Перемышля.

В пять утра мы перешли реку Вишню, сожгли за собой мосты и окопались в Каленикове. Неприятелю не удалось перехватить нас на переправе, где еще с ночи заняли оборону Киевский и Чапаевский отряды. Теперь они отражают атаки гитлеровцев, прибывающих на машинах из Ярослава и Радомного. Еще два батальона на подходе с восточной стороны — из Кракова.

Вечереет. Враг несет потери, но продолжает наседавать со всех сторон, а мы на пределе сил отбиваемся, надеясь на спасительную ночь, когда снова сможем одурачить противника и снова оторвемся от него. В долине, окутанной дымом горящих бронемашин, уже наступают сумерки. Наши истребители танков ввели правило: не открывать огня далее полусотни метров. Бьют почти в упор. И смотришь, горят бронемашины. Такое самообладание поразительно.

Вот запись о вчерашнем ночном марше в дневнике Галинки:

«...Мы пробираемся через лес, потом — под железнодорожным мостом. Ребята вешают мины, а немецкие часовые греются в будке. Перешли ту же дорогу без шума, а уж потом — бой, бой. Так целый вчерашний день и сегодняшний.

Валя Касьяненко приказал мне отвезти раненого в село. Усадили его на лошадь, он обхватил меня, и так верхом ехали. А когда снимали его в санчасти, то перепугались: оказалось, ранен в живот, истек кровью — и, наверное, он уже умер... Это ужасно! Лучше сразу насмерть, чем так!»

17. 2. 1944 г.

Местечко Кобыльница Русская, 32 км
северо-восточнее Перемышля.

Всю ночь скитаемся по бездорожью, поскольку враг поджидает нас на всех шоссейных дорогах. На асфальте Радомно — Яворов мы уже под утро обнаружили несколько засад фашистов на автомобилях. Но каратели уснули и стали легкой добычей отрядов «Смерть фашизму» и Армянского. Среди трофеев — пулеметы, минометы, боеприпасы.

Мы заняли Кобыльницу Русскую, чтоб позавтракать горячим, накормить и напоить коней. А затем, укрывшись в соседнем лесу, надеемся хотя бы один день отдохнуть без боя. Заодно сокращаем обозы, разросшиеся до невероятных размеров.

Погода благоприятствует нам. Замело все наши следы. Пурга такая, что ни один вражеский самолет не поднимет-

ся в воздух! Превосходный случай провести беседу с партизанами, причем можно охватить все сто процентов состава, что почти неосуществимо и в более спокойных условиях.

На посты заступают взводные и ротные командиры, политсостав. С ними поговорю о том же во вторую очередь.

Вот содержание моей беседы:

1. Мы, советские люди, за границей, на территории Польши, находимся вынужденно, временно. Мы — друзья и братья поляков.

2. Мы, как и поляки, — славяне, у нас общий враг — фашизм. Все, кто помогает нам в этой борьбе, — наши друзья и союзники.

3. Польша была раздавлена Гитлером. Наш долг — помочь ей в борьбе против нацизма.

4. Мы ничего не берем у местного населения даром. Наши базы — помещичьи фольварки, да и то лишь потому, что они объявлены собственностью Германии.

5. «Цо мувит пани» у себя дома — закон для поляка. Закон это и для нас, гостей. Ни одного случая неуважения к женщине! Культура и скромность — отличительные черты советского человека.

6. Храмы, монастыри, костелы и их служители — святы и для нас. Никаких насмешек над крестами, крестиками.

7. Всенародная помощь партизанам и Красной Армии — залог победы над гитлеровскими захватчиками...

Все, о чем я говорю, партизаны слушают с большим вниманием. Я, сам бывший пограничник, понимаю, что не простое это дело — перейти границу сопредельной страны. Еще труднее найти общий язык с местным населением, завоевать его доверие и дружбу. Но глубоко верю, что нам это удастся.

Один день отдыха в лесу будто подменил бойцов и командиров. Люди повеселели, у них совсем иное настроение. Это заметно и по Галинке. Вот что она записала в дневнике:

«...Стоим целый день в лесу. Никто не тревожит. Удивительно! Даже шашлыком лакомимся. Капитан Степанов всех угостил пельменями. Смеялись ребята. Все-таки необычно: командир Киевского отряда — и пельмени! А капитан сказал на это, что необычное в другом: пельмени и наш рейд.

Конечно, если представить себе всю технологическую канитель при изготовлении пельменей, то не наудивляешься: когда и кто мог настрять этих лакомств на весь отряд, да еще в такие огненные дни и ночи?»

18. 2. 1944 г.

Село Луковец, 38 км

северо-восточнее Перемышля.

Снова вьюжит. Настоящая зима. Снова переходим с колесного на санный обоз. Эта хозоперация у нас развернулась от Кракова до Яворова, Немирова и Любачева. Крестьяне охотно выменивают за подсанки телеги на железном ходу. Благодаря санному пути соединение перешло на резвый аллюр. На душе радостней. Особенно сейчас, в связи с добрыми весточками от затерявшихся трех отрядов. Они живы! Стоят в Завадове. Разослали гонцов во все стороны и, конечно, отыскали свое соединение! Молодцы! Читаю донесения Пасько, Борова, Кучеренко. Нашего полку немало прибыло: с Боровым и Ксензовым — 250 эсманцев, а макаровцев — 200, да еще коростышевцев не менее пятидесяти бойцов! С ними же — диверсионная группа Ключникова и разведка Сыпльового под командованием старшего лейтенанта Леонова. Последним и выпала удача найти все соединение. Предоставляю им полный отдых, а к Борову, Кучеренко и Пасько (Пасько, а не Коротюку, ибо нет в живых уже капитана) посылаю отделенного Серафима Хрячкова с указанием: безотлагательно двигаться к нам, в Лукавец. Этому благоприятствует погода — сегодня нет угрозы с воздуха.

Я все-таки не утерпел и послал навстречу весь Хинельский отряд, который занял село Дрогомышль, что на полпути к Завадову.

Тут мы бывали, когда шли к Самбору. Тем самым соединение замкнуло кольцо маршрута, вытянутого вдоль польской границы. Как и тогда, я остановился на квартире в доме священника, отца Григория.

Вечер 18. 2. 1944 г.

Село Дрогомышль, 45 км

северо-восточнее Перемышля.

Гощу у эсманцев — в роте Коновалова и Романенко. Ребята обросли, похудели. Боеприпасы, сообщил Коновалов, истощились окончательно. Но коноваловская рота по-прежнему огромна и грозна: четыре стрелковых взвода, минометный и противотанковый, состоящий из ПТР и 45-миллиметрового орудия.

Вот коноваловский дневник, в котором запечатлены события последних дней.

«...В шесть часов вечера 11 февраля выехали в путь-дорожку. В Магерове съехались с немецкой автоколонной и обстреляли ее.

Гитлеровцы «благополучно» удрали, а мы последовали своей дорогой. Наутро, 12 февраля, достигли местечка Вельки Очи, где побывали в панском хозяйстве, которым владел немец. Управляющий скрылся, но распорядились и без него. Взял для своей роты 12 свиней, 16 лошадей, седла. Все остальное раздал крестьянам и рабочим. Крестьянам деревни Липино отдали 15 коров, большое количество свиней и разного продовольствия из складов. Люди очень радовались этому и трогательно благодарили нас.

Мы снова пустились в путь-дорожку. Противник обстрелял нашу ГПЗ*. Но ему самому же пришлось уносить ноги.

13-го утром форсировали двухколейную железную дорогу в Хороснице, остановили много эшелонов. Затем долго вели бой. Моя рота обрабатывала один офицерский поезд, а макаровцы проверяли в другом таком же поезде, кто по какому праву едет на восток. Паника на дороге неопишуемая! Эшелонов приткнулось один к другому столько, что нам не удалось прорваться назад, к соединению. Пошли к Самбору — по ранее заданному маршруту...

Остановились только в Волостокове, километрах в 10-ти от Хоросницы. Захватили там спящими 15 жандармов и управляющего экономией — белогвардейца-эмигранта, но они все же успели передать по радио в Мостиску, и тогда набросилась на нас всякая сволочь. Отогнав их, немного отдохнули, а к утру достигли Рейтаревичей — предместья Самбора. Стали поджидать главные силы соединения, но среди ночи фашисты ударили по отряду капитана Коротюка, который мне очень хорошо знаком еще из Киева.

Отбивались общими силами, едва прорвались из горящего села в перелесок, но там узнали, что рядом, на спиртзаводе, немцы готовятся для второго удара. И вот к исходу ночи — снова потасовка с врагами. Пьяные — им жизнь копейка! Моя рота окопалась на лесной опушке. На нее и пришелся весь удар со стороны поля. Правофланговый пулемет, правда, у меня отказал, и там враги ворвались на опушку. Ох и жарко было! В этом бою потеряли лучших своих бойцов и командиров. Погиб смертью героя лейтенант Кошель Петр Яковлевич, сумчанин, уроженец села Уланово. Погиб также и лейтенант Лелехин Виктор Григорьевич, уроженец Приморского края. Погиб командир отделения Журавкин Николай; два бойца — Лисовский Константин и Лозко Митя из Житомирской области.

В этом бою пережил я многое и, если останусь жив, никогда об этом не забуду. Макаровцы здесь тоже потеряли самых хороших своих ребят. Погиб и их командир капитан Коротюк. Вечная ему память и слава!

16 февраля мы достигли спиртзавода. Простояли там день в небольшом лесочке. Еще тихий денек провели в другом лесочке. Оттуда форсировали асфальт и железную дорогу Краков — Львов, где не забыли поставить мины. Один эшелон тут же грохнулся под откос. Гитлеровцы отдали богу душу.

17 февраля выехали в 5.00, пересекли шоссе Краковец — Яворов, достигли Гучковых хуторов, где отдохнули.

Наш пулеметчик проверял пулемет и поджег сарай, который мгновенно сгорел. В порядке компенсации за ущерб я уплатил поляку-хозяину 3 000 злотых и подарил лошадь. А потом мы переехали в Завадув, и там я узнал, что ночью скончался мой друг и наш общий товарищ, выходец из Хинельского леса, из Брянских мест — Шеколдкин

* Головная походная застава.

Саша, Александр Федорович, политрук роты. Смертельно ранен был в Рейтаревичах.

Александр Федорович участвовал во всех рейдах, дрался с оккупантами мужественно, без страха. Вечная ему память и слава! Похоронили его тут, в Завадуве, салют давали из всего оружия, даже из пушек били... Адрес дорогого Саши Щеколдкина: Армавир, ул. Набережная, 33; адрес его сестры — ул. Комсомола, 13».

...Я глядел на этого геркулесоподобного и всегда бесстрашного парня, которого не брали вражеские пули ни в Брянском крае, ни в украинских степях, ни на Киевщине, ни на крайнем западе страны, ни в Польше. Было радостно сознавать, что кровавое пекло борьбы не покалечило его доброй души, преданной Хинельскому лесу, в глуши которого его земляками, советскими партизанами, вырезано восемь огненных слов на дубе-обелиске у братской могилы детей и женщин, замученных карателями:

«Кто смирится — тот предатель!

Кто забудет — тот подлец!»

Русский парень Иван Коновалов пронес эту святую клятву сюда — на запад, не зная ни устал, ни колебаний, но и не утратив своей душевной доброты. Для него даже этот наш дерзкий и глубокий рейд — только ежедневное отправление «в путь-дорожку», увы, усеянную не цветами...

Со слов Антона Пасько я дополнил список товарищей, навечно оставленных в Рейтаревичах под Самбором:

Коротюк Григорий Яковлевич, капитан, командир отряда, уроженец города Грозного; Вознюк Иван Яковлевич — радомышлянин; Яценко Василий Андреевич — емильчинец; Дейнека Григорий Степанович и Гресько Григорий Яковлевич — тоже подлубенские емильчинцы.

С каждым днем у нас все больше тяжелораненых. Сейчас их уже более ста двадцати, а это — 120 подвод, столько же санитаров и ездовых, 240 коней и 240 неактивных в боевом отношении людей. Во время марша мы дополнительно растягиваемся на целых три километра, а у нас и без того огромный обоз и громоздкая колонна конницы. Так мы теряем способность быстрого маневра — нашего главного оружия.

Вся надежда на УШПД. Если не эвакуируют раненых самолетами, мы окажемся в безвыходном положении.

19. 2. 1944 г.

Гута Стара, 45 км южнее Замостья.

В глубоких складках лесистых холмов можно немного отдохнуть, привести в порядок изрядно потрепанные отря-

ды и подготовить посадочную площадку. Все же надеемся получить на посадку самолеты и отправить раненых.

Мы немного оторвались от карателей. Отдохнули, выспались. Галинка принесла очередную сводку Информбюро и обращение к польскому населению от имени партизан, отпечатанные в нашей походной типографии.

Галинка удручена визитом к Верховскому. Самочувствие, говорит, у него тяжелое: закован в гипс, очень исхудал, издергался.

Неделю назад у меня был разговор с доктором. Тогда он, как главный хирург, докладывал, что должен ампутировать Верховскому ногу во избежание гангрены, а я не дал на это согласия, даже при угрозе гангрены. Меня просила об этом Галинка. Молодому, красивому парню — како-во-то остаться вдруг безногому!

Теперь критический момент миновал. Выручил стрептоцид — подарок института Склифосовского. Гангрены не будет. Мы, все трое, радуемся за Верховского. Он удостоен звания Героя Советского Союза еще за эшелоны врага под Киевом.

Читаем свежий номер газеты «Народный клич», сверстанной Галинкой, Ходоркиным и Рыбалко. Делали на ходу, в повозке. Весь подвал занят очерком «Переход через гостинец», написанным самой Галинкой. С интересом читаем очерк.

«Гостинец» — это асфальтированная дорога. С обеих сторон она обсажена различными фруктовыми деревьями. За ними — небольшая бровка, дальше — аккуратно вырыта и зацементирована канавка для стока воды. Такие гостинцы проложены по всей Польше вдоль и поперек и доставляют немало хлопот при пересечении их партизанским соединением. Раньше по ним днем и ночью сновали немецкие автомашины. А теперь катаемся мы, партизаны.

Ласкает ухо цокот подков, словно умелые руки выщелкивают кастаньетами. Лошадки грациозно идут рысью, не чуя тяжести седоков. Кажется, сотни километров можно проехать без отдыха. Гладкая, ровная дорожка.

Но для того, чтобы выбраться на асфальт, надо проехать десятки километров, нужно найти такое место, где не видно дальше, как на пятьсот метров по прямой. Поэтому ехать надо стороной, чтобы гарантировать себе полную неуязвимость и скрытность от глаз противника.

Кони устало опускают головы и спотыкаются о кочки на болоте. Время тянется бесконечно долго, а проклятые машины скользят по асфальту, и сколько же стоит труда удержаться, не выпустить хоть самой короткой очереди по резиновым баллонам!

В конце концов кто-нибудь начинает просить:

— Товарищ командир, разрешите посмотреть: видно али нет?

— Смотри, только раньше прислушайся, не слышно ли машины.

И боец прыгает с коня, бросая повод товарищу, и уже пробирается к асфальту. Затекишие ноги конника не сразу повинуются.

И вот начинается гадание — видно или нет. Хоть бы не видно: сейчас бы скрытно расположились, замаскировали лошадей и стали бы наблюдать за дорогой, а несколько человек поехали бы за соединением.

Чья сегодня очередь минировать дорогу? Вот возвращается товарищ — и глаза всех впиваются в него. Наш югослав Миша Томич вполголоса вопрошает:

— Ну, видно?

Пермяк Митя Боков, наш разведчик, виновато улыбается, как будто он во всем виноват, и отвечает:

— Так точно, видно...

— А что ты видел?

— Особенного ничего, а только видел, что далеко видно...

— Видно, видно! Пovyлазило бы им... — и Андрюша Марковский, забыв деликатность, употребляет крутое выражение.

— Что ж, раз видно, то поедем дальше, — успокаивает Томич Бунькова и Лобачова.

И опять покачиваемся в седлах.

Пробираясь кустарником, болотными зарослями, балками, наконец добрались до подходящего места. Здесь дорога проходит большим зигзагом, как будто нарочно устроена для засады. Густые еловые посадки подступают к самой канаве, а по ту сторону, метрах в 300 от дороги, виднеются постройки, напоминающие не то склады, не то конюшни или коровники. Быстро спешили, отвели в укрытие лошадей, заняли наблюдательные посты. Несколько человек направились в разведку к постройкам. Томич и Руденок со своими отделениями, Гриша Вагин, Володя Гланчуков и Ваня Гаврилов поехали к соединению, а остальные расположились отдыхать. До прихода соединения можно еще и выспаться. Но падает мокрый снег, и ложе получается неудобным.

Усаживаемся вплотную, переговариваясь вполголоса и прислушиваясь, как радист Вильям Лобачов пересказывает последнюю сводку с фронтов Отечественной, а его изредка перебивают хлопцы вопросами и возгласами. Идут жестокие бои за Умань и Винницу. Все ближе подходит наша армия к Южному Бугу. Лобачов заодно рассказывает и о прошлогоднем рейде нашего соединения по тем местам, где идут теперь решающие сражения за Украину, куда брошены почти все танковые войска Гитлера.

— Эхма, да не дома! Бывало, выйдешь летом на пасеку, сколько глазом достанешь, все наша пасека тянется! — вздохнул Шиян, припоминая свои медвяные места в том степном крае.

— Не вздыхай глубоко, не отдадим далеко, — ответил кто-то на вздох Шияна и сам продолжал мечтательно:

— И почему не дома, коль при своем соединении? А хорошо бы в баньке помыться, чайку попить, ну и все прочее, что положено по домашнему уставу при милой, кроткой хозяйшке!..

Вернулись люди от построек и доложили: это не конюшни, как показалось, а большой гараж. Весь двор уставлен машинами.

— Семьдесят две насчитали, а сколько стоит в сараях, не знаем. Во дворе — грузовые, легковые и несколько цистерн для горючего. Охраны с этой стороны не видно, а с той — двое часовых. Забора никакого нет ни с той, ни с этой стороны, — закончили свой доклад Хутров и Сулейманов, смысленные парни из Башкирии.

Послышался легкий стук колес. Это подходит соединение. Нужно торопиться с переходом через гостинец, но нельзя же забыть и про автопарк. Мягко постукивают и поскрипывают повозки, сонно фыркают усталые кони, но как только приближаются к асфальту, дремоту будто

бы сдувает с них сильным ветром. Ездовые энергичнее дергают вожжами, причмокивают губами, прищелкивают кнутами, пускают лошадей галопом и, перелетев через дорогу, несутся вихрем к синеющему невдалеке лесу.

А на фольварке между тем зачастили выстрелы, загрохотали взрывы. И жарко-жарко взметнулось пламя, и черные дымы начали ввинчиваться в розовеющее на востоке небо.

— По коням! — сказал тогда командир разведки Томич. И мы снова несемся вперед, чтоб налететь где-нибудь снова на зазевавшихся врагов, которым нигде у нас не будет ни пощады, ни покоя!..»

22. 2. 1944 г.

Местечко Цевкув, 50 км севернее Перемышля.

Село огромное. Неопишуемая радость населения: и стар и мал высыпали на улицу, на крылечки домов. Все восторженно смотрят на партизанскую армию. Два часа, пока проходили отряды, старики, женщины и дети в плохонькой одежонке стояли на улицах и радостно махали руками. А ведь зима, а некоторые чуть ли не босиком...

Поляки откровенно радуются, что прибыли «товарищи». Для них это настоящий праздник. Ведь это значит, что в скором времени отсюда выгонят немцев и не надо будет ходить на каторжную работу в фольварки, где оплачивают по полтора злотых за день изнурительного труда, ровно столько, сколько стоили две коробки спичек.

Более дотошные спешат докопаться до самой истины происходящего. Вот от толпы отделился старик и, видя во мне старшего, спрашивает так, чтоб слышали все остальные:

— Вы из советской партизанки будете?

Увидев звездочку на кубанке, тут же повернулся лицом к своим, развел руки в стороны, приподнял плечи:

— Вот и пойми: нам брешут, что у советов людей нет для фронта, а они даже сюда послали таких добрых хлопков!.. Брехал Геббельс: исчерпаны людские резервы! Отсталая техника у советов!..

За годы оккупации польский народ прошел большую школу ненависти!.. Здесь чуть ли не каждый мужчина — беглец с каторжных работ в Германии. А фольварки, что были раем для обжиралющихся там оккупантов, стали адом для поляков. Поэтому и встретили нас, как родных братьев, своих освободителей.

Освободили мы частицу польской земли, а они отдали нам свои лучшие чувства братства. Нет у простых поляков и признаков неприязни к нам, русским людям, украинцам, белорусам, армянам, грузинам, казахам. Мы рады ответить им тем же.

Тысячи овец, сотни коров, десятки тонн масла, мармелада, крупчатки, вина, сыра из фольварков пошло на столы друзей-поляков. Не бывало еще такого обильного обеда и ужина в Цевкуве. Так и хотелось закричать на всю Польшу: «Лейся вино! Пойся песня! Славян нельзя превратить в рабов! Еще выпрямится во весь свой богатырский рост свободолюбивый польский народ, возродится польская держава!»

Немало радости и у наших венгров. Ева сказала, что настроение отличное, что им важно знать политическую обстановку в Польше и, может, посчастливится ознакомиться с соседней Словакией. Важно также досконально изучить партизанские дороги, которые обязательно приведут их в Венгрию.

Вокруг Цевкува превосходные равнинные поля, природные аэродромы. Но на беду много дорог: шоссейные, железные, грунтовые. Повсюду рыщут каратели. И поэтому нам нельзя задерживаться здесь. Спешим перейти Сан, что возможно, конечно, при полной внезапности нашего маневра. Туда надо сделать большой скачок — километров в семьдесят!

23.2.1944 г.

Село Ожанна, 60 км севернее Перемышля.

Сегодня большой праздник — день рождения нашей родной Красной Армии!

Проснулся чуть свет, хоть и прибыли сюда в середине ночи. Начал вспоминать, где я был в этот день в 1941 году? В Черновцах. Командовал учебным полком пограничников. А в 1942-м? Близ Хинельского леса. Отправился искать партизан или возможность перейти фронт под Курском... А в 1943-м? На узловой станции Хутор-Михайловский. С капитаном Гудзенко совместно с партизанами-ворошиловцами громили батальон немцев, уничтожили карательный отряд эсэсовцев, сожгли два эшелона с автомобилями и автодрезиной, захватили несколько складов с оружием, склад с сахаром и вернулись победителями.

Затем — Полтавщина. Разгром карателей на Хороле. В Турбаях. И дерзкий поход к Днепру в среднем его течении.

А нынче мы встречаем этот великий праздник на берегах Сана, в нижнем его течении. Вот они — знаменательные вехи боевого пути!..

Потрескивают дрова в печи, гудит пламя. Хлебосольная хозяйка угощает «бранденбургками» — очень вкусным

блюдом из картофеля. Это те же «деруны», только на Полтавщине их называют «картопляниками», в южной Белоруссии — «бульбаниками», а на Волыни, кажется, «кромпками».

Ожанна, как и Адамовка, Теплице, Пискоровице, Рудна и Жухув,—прибрежное село, занятое нашими отрядами. Эти села—своеобразные трамплины для прыжка на западный берег Сана. Ищем переправу. После дождей и оттепелей в Карпатах все реки грозно клокочут. Неистовый грохот Сана и разбудил меня. Это похоже на прошлогодний март, когда неистовствовал Буг, хотя мы были тогда в Одесской области, да еще в разгар весеннего половодья, а не зимой, как здесь. Вот и форсируй бешеную реку, словно заключившую союз с противником...

Неужели Сан не замерзает? И тут же вспоминаются строки Ивана Франко:

...Зима была, замерз зеленый Сан,
И по блестящей ледяной равнине
Широкий след прорезали обозы.
...Вот лошади, на миг не задержавшись,
На лед взлетели, глухо застонал
Помост хрустальный, звонко застучали
По нем копыта, резко закрипел
Промерзший снег под шинами колес...

Зима была... И помост был хрустальный... Куда все девалось, словно врагам на радость?!

Рванули бы, ни на миг не задержавшись, и тогда ищи нас в лесах да в горах, где тоже летали бы на конях...

Чую сердцем: и здесь нас подстерегает неудача. Плохо уже то, что мы не перешли Сан с ходу. Принимаю разведчиков. Гречуха, начальник разведки Коростышевского отряда, и Федя Теодорович, политрук, доложили, что в Белгорайских лесах отмечено появление бандеровских эмиссаров.

— Непонятно,—говорю разведчикам.— В Польше — и бандеровцы? Невероятно что-то...

— Заходят в села, ведут пропаганду: идут, мол, красные партизаны. Всех, кого застанут дома, вырезают до последнего. В огонь бросают...

Что кроется за этим для нас? Зачем сопровождают они нас и за пределами Галиции? Прошу Теодоровича и Гречуху рассказать, как они ходили в разведку в Куриловку?

— Взяли проводника, поляка,—поясняет Теодорович.— Дали ему коня. Он повел нас к роще, откуда открылся вид на широкую дорогу с рядами древних лип. Заезжаем по ней в фольварк. Спешиваемся. Окружаем красивый панский

дом. Сначала расспросили старика-сторожа. Потом постучали в замерзшее окно: «Откройте!» Русское слово лишило помещика дара речи. Двери поспешил открыть управляющий. Входит нас восьмеро: я, Роман Гречуха, Андрей Попов, Васька Старшинин и еще четверо автоматчиков. Все со звездочками и красными ленточками на кубанках. Ждем, пока оттаает язык у пана помещика, после чего начинаем деловой разговор. Нас угощают сигаретами. Сторожу приказано открыть ларь с овсом для наших коней и навалить им сена. Дзенькуем * за овес и сено, предлагаем злоты. Приносят чаю. Мы ничего не требуем и не просим. Увидев это, оттаял наш помещик. Говорит: подумал вначале, что это бандеровцы или головорезы из эсэсовской дивизии «Галиция». Тут же объясняет, что есть такая, четырнадцатая... На днях вошла в Польшу. 15000 штыков, танки, своя артиллерия. Командует ими гитлеровский генерал, старшие офицеры и все специалисты — тоже немцы. Верить или не верить — не знаем. Он хоть и поляк, но ведь помещик! — как бы оправдывались Гречуха с Теодоровичем.

Наношу на карту данные разведки.

Все села, которые занимали мы в течение последних трех дней, заняты националистическими бандами. Они следуют за нами по пятам.

Гречуха дополняет:

— Еще затемно в Куриловку вступили гитлеровцы, приехали на тридцати машинах. Вечером же появились войска и в селе Ясном. Из квартир гитлеровцы не выходят, пьянствуют. Не показывались и в лесу. Похоже, выжидают, хитрят.

Читаю донесение главразведки, доставленное Свинцицким от Грызлова: «Немцы убрались за реку — в Лежайск. Паром и канаты к нему утащены ими тоже на тот берег...»

Свинцицкий рассказывает, как радушно приняли его поляки под Кжешувом.

Пишу Грызлову о возможности нападения из Куриловки и приказываю быстрее пробираться к нам, пока не отрезали.

Инженерная разведка Сана Ключниковым не радуется меня. Глубина реки от шести до восьми метров, ширина — 40—50, течение быстрое!.. О переправе на подручных средствах не может быть и речи...

Предположение Гаврилюка о том, что восточный берег гитлеровцы освободили преднамеренно, совпадает с моим.

* Дзенькуем — благодарим (польск.).

Замысел довольно прост: давайте, мол, наводите переправы, а мы потом утопим вас в реке или искромсаем по ту сторону Сана и на последующих переправах — на Вислоне и Вислоке!.. Западня, конечно! Генералы, упустившие нас у Перемышля и Самбора, жаждут реванша...

Напрашивается вывод: без ледостава на реках не пройдем. Надо искать совсем другое решение. А что, если броситься навстречу «Галичине», на что там меньше всего рассчитывают. «Галичина» не сразу поверит в такую дерзость, поскольку уже идет сюда. А мы знаем силу инерции. Не так-то просто остановить развернутую в предбоевом порядке двинувшуюся армию, не так-то просто остановить заведенную машину, отступить от штабного шаблона. Надо полагать, что действия дивизии «Галичина» тщательно рассчитаны, зарегистрированы и санкционированы в Ровно у рейхскомиссара, а также в Варшаве у генерал-губернатора...

Решили взять мост в Кжешуве и переправиться через Сан. Туда выезжал капитан Грушецкий с коростышевцами, побывала там и разведка Киевского и Армянского отрядов. Они привезли неутешительные новости: моста не взять. Его охраняет на том берегу зенитный дивизион. Подступы к переправе обнесены колючей проволокой, подходы минированы. Охрана сидит в бронеколпаках и дзотах. Все это подтвердил доставленный разведчиками русский паренек Григорий Сыромятников.

Павел Шевченко, помощник Гаврилюка, уже побеседовал с ним и составил подробную справку. Парень родом из Барабинска, окончил киевскую школу связи. В начале войны был в летной части в Каунасе. В ночь с 24 на 25 июня сорок первого летали бомбить фабрику «Галиция» в Дрогобыче. На обратном пути их сбили. Спаслись на парашютах, но командир самолета капитан Чернышов был ранен и вскоре умер, а бортмеханик был убит. Раненного в голову Сыромятникова гитлеровцы схватили и бросили в местный концлагерь, оттуда попал в Варшаву, затем в Познань и, наконец, в Берлин на фабрику. Там Григорий заболел. Его отправили в Штутгарт, оттуда — в Дрезден, в какую-то рабочую команду. Сговорившись с восемью такими же, как и он сам, военнопленными, Сыромятников бежал. Беглецам удалось достичь Варшавы, потом их поймали и бросили в Вольштейнский концлагерь.

В сентябре 1942 года Григорий был переведен в Черновцы. Работал на разборке развалин и снова бежал. В Снятине был пойман и брошен в коломыйскую тюрьму,

а потом — во львовскую, откуда его снова пригнали в Дрогобыч на фабрику «Галиция». Вскоре Григория вывозят в Германию на работы в шахтах. По пути к Кракову невольники прорезали дно вагона и бежали. Григорий переплыл Сан в двух километрах от Жухува, в корчах на болоте вырыл себе нору и жил до 20 февраля 1944 года. Питался картофелем: Жухувский староста Криль Михаил Карпович, зная о его местонахождении, поддерживал парня, дал ему одежду, снабжал картофелем. 20 февраля староста уговорил одного поляка-крестьянина взять еле живого парня к себе, тем самым он спас жизнь советскому воину. Когда Григория привели в соединение, он был худой, заросший, грязный. После санобработки и бритья вид его улучшился. Сыромятникова зачислили в разведку.

24.2.1944 г.

Хутор Майдан Сенявский, 52 км севернее Перемышля.

Начальник УШПД генерал Строкач радирует, чтобы в период с 23 по 28 мы принимали самолеты. Нужно оборудовать посадочные площадки, лучше всего около Цевкува с его равнинными полями.

Притаившись, стоим в лесных хуторах, разбросанных на запад и северо-запад от Цевкува. У нас непомерно большой обоз за счет раненых. Если бы удалось их эвакуировать, пусть даже не всех, какое бы это было счастье! Сразу же резко возросла бы боеспособность и маневренность соединения. Только б дождаться наших соколов!

Армянский отряд размещаю в Павлове и выставляю заставы на западной окраине Цевкува. Вскоре туда подоспел и враг. Завязался кровопролитный бой. Потери с обеих сторон. У нас убиты: Сукасян Ванно, Саакян Лазарет, Никогосян Артем, Дереник Иван, Выробян Георгий, Арутюнян Левон, Сукосян Ваго, Оганесян Артем. Мы похоронили их в братской могиле близ хутора Павлово...

Из наблюдательного пункта, оборудованного нами на высоте 235,0, возвратился капитан Грушецкий. Докладывает, что на севере, от Бжиской Воли до Майдана Сенявского, все занято гитлеровцами. Они наступают на высоту 235,0, тесня Армянский отряд к хутору Красное и далее на Нагурне. Это начало общего наступления. Надо подкреплять армян Киевским отрядом, повернув его фронтом на юг для обороны хутора Новины. Конотопцам поручаю оборону Буковца. Чапаевскому приказываю развернуться в направлении на север тоже в помощь Армянскому. Перед Коро-

стышевским отрядом ставлю задачу: активными действиями вдоль леса, что южнее села Ружанец, отвлекать противника на себя.

Вечер 24.2.1944 г.

Там же.

В домике лесника по его плану лесомассива разрабатываю пути отхода на Мощаницу.

Решаю разойтись во встречном бою. Что-то подсказывает мне, что рогатый в образе вновь испеченной галицийской армии не так страшен, как малюют его бандеровцы.

Встречный бой принял на себя Червоный отряд. Партизаны легко опрокинули батальон «Галичины», и тут же обнаружилось, что это за армия!..

Сначала были задержаны два «казачка», а затем на нашу сторону перебежали шесть лейтенантов во главе с командиром роты. Оказывается, они русские.

— Как же так: русские — и в «Галичине»?!

Рассказывают, что после ранений еще в июне 1941 года остались в Карпатах. По наивности пошли в «украинские партизаны», как называли себя бандеровцы. Там лейтенантов начали всячески обхаживать и увещевать, «щоб навчали новобранцев» военному делу. «Допартизанились» лейтенанты до того, что стали военнослужащими галицийской эсэсовской дивизии!

Конечно, вскорости лейтенанты разобрались, что не туда попали. Но куда им податься из Карпат? И не так-то просто ускользнуть от националистов. Как в оглоблях находились, засупоненные: ни в сторону не уйти, ни отказаться от хомута, — позорной и тягостной службы.

И все же благодаря им я точно знаю теперь, что перед нами действительно «Галичина» и что это она готовила нам котел у Перемышля, и что теперь эта сила должна утопить нас в реке Висле.

Оцениваю эти данные.

Мотополк в Куриловке, мехполк в Сеняве, немецкие танковые части на рубеже Тарногруд — Томашув — Нароль — вот те жернова, которые должны перемолоть наше партизанское соединение на рубеже Сан — Висла.

Перебежчики помогли мне разобраться в диспозиции карателей. Учтя ее, мы начали петлять по лесным опушкам. Если поглядеть сверху, то откроется занимательная карусель: то гитлеровцы неожиданно натыкаются на партизан, то, сев на коней и сделав вираж по лесу, наши

неутомимые наездники прищемят где-нибудь хвост расчлененной по лесам дивизии.

Гаврилюком установлено, что «Галичине» придан танковый полк СС.

25.2.1944 г.

Старое Село, 60 км юго-западнее Замостья.

И сегодня петляем по Тарногрудским и Любачувским пушам. Основные силы отдыхают. Люди отсыплются на возах, на хвойных ветках, а то и просто на снегу, прислонившись спиной к дереву.

В таких случаях я завидую рядовым партизанам: обычно они знают только «одну горячую точку» во время боя и видят только опасность, которая непосредственно угрожает им.

Командир же должен знать об опасности, грозящей со всех сторон, и сознает всю серьезность или трагичность положения. Во время боя он «горит синим огнем», что капитан Грушецкий именует «заделом для инфаркта». Капитан все чаще является ко мне со своей картой, отмечая на ней изменяющуюся оперативную обстановку. А иногда развлекает игрой на своей скрипке всех бодрствующих на КП и в штабе... Политрук роты Киевского отряда Петро Химич читает свои новые стихи, обращенные к полякам:

Товарищи! Братья!
Чтоб смерть на пороге не встала зловеще,
Ищите дороги, что кроет
Поутру туман,
Дороги отважных
Лихих партизан!..

Наша разведка установила, что дивизия «Галичина» заполнила своим вторым и третьим эшелонами Белгорайские и Сенявские леса.

Теперь уже ясны три основные направления наступления «Галичины» на ее пятидесятикилометровом фронте:

Краковец-Сенява;
Любачув — Цевкув;
Цешанув — Тарногруд.

Все развернуто фронтом к Сану. Прочесывают леса. А наши неуловимые диверсионные отряды оперируют в их тылах и на флангах, подрывают мосты, минируют дефиле, уничтожают линии связи. Это сбивает с толку гитлеровцев: они никак не могут понять, где наши главные силы и куда следует направить основной удар?

Мы же, собранные в кулак в лесной глуши, по несколько

раз в день меняем место своего расположения. Уже можно бы пуститься и на восток, но приходится ожидать возвращения к своим отрядам диверсионных групп. Пока нет еще с задания хинельцев и чапаевцев, не возвратились также Карапетян Мукуч с разведчиками Армянского отряда и Михаил Шабалин с разведчиками Киевского отряда. Отсутствует весь Коростышевский отряд, а также часть Макаровского.

Обстановка все еще очень сложная. С крайним напряжением трудятся конные разведчики. Основные силы соединения все время маневрируют. Но не успели мы приблизиться к Старому Селу, чтоб выйти, наконец, из лесу, как тут же показались фашисты, и снова пришлось вступать в бой. Казалось, ни одна душа не могла ускользнуть из соседнего фольварка, а враг тут же открывает по нас огонь. Мы давно уже заметили, что гитлеровцы мгновенно реагируют на каждый наш маневр. Спасибо макаровцам, они первые установили, в чем дело: оказывается, у врага есть тайные линии связи. Телефоны установлены и в конюшнях, и в подвалах у лесников и лесничих. Похоже, что все здешние леса опутаны сетью телефонных проводов. Макаровскому отряду расшифровка этих секретов стоила жизни замечательного товарища — Ивана Найды...

Чтобы спрятать соединение в лесу до наступления ночи, оставляем в фольварке только роту Батоева «дразнить противника», а с основными силами снова отходим в лес. Очень важно создать у карателей ложное представление о наших подлинных силах и намерениях. Рота Батоева уже прекратила перестрелку и отошла к лесу, а гитлеровцы, примчавшись на 50 подводах, развернулись и наступают на Молодыч, где часом раньше находился Армянский отряд.

Вечер 25.2. 1944 г.

Село Залужье, 75 км южнее Замостья.

Враг не смог обнаружить наше соединение даже с помощью самолетов, шнырявших над макушками сосен. В 18.00 наша колонна двинулась двумя просеками на Дахнув и далее на восток по азимуту. В 23.00 достигли Залужья, где походя свалили под откос воинский эшелон, торопившийся в том направлении, откуда мы только что прибыли.

Возвратилась разведка Киевского отряда, следившая за противником у переправ в районе Куриловка — Ожанна. Как и следовало ожидать, «Галичина» по инерции продол-

жает таранить леса по течению Сана. Этой громоздкой и малоповоротливой машине явно недостает маневренности.

Под моим окном железная дорога, и мне видно, как партизаны валят столбы, рубят проволоку, разбивают изоляторы. Словом, дорвались хлопцы до дела.

На пороге появляются разведчики Карапетян, Грызлов и Свинцицкий. Для меня это большая радость, так как отсутствие этих разведгрупп очень тревожило. Ребята в течение двух суток пробирались в основном по нашим следам. Натерпелись всего, пока нашли свое соединение. В Цевкуве Свинцицкий угодил на мосту в засаду и потерял коня. Раздобыл санки — громоздкие, тяжелые, словно для буйволов. Не очень-то разгонишься на таких! Боялись, что не найдут соединения. А в Старом Дикуве снова угодили в засаду и в перестрелке потеряли Севу Зеленко, друга Свинцицкого из Фортунатовки.

Такова обстановка на сегодня. У нас нет ни страха, ни паники. Чапаевцы под шумок успели взорвать крылатую трехмоторную машину на вражеской посадочной полосе «Ю-52». Говорят, иллюминация была на славу.

26.2.1944 г.

Село Гута Стара, 45 км юго-восточнее Замостья.

В этом селе мы уже были двадцать первого февраля, а утром двадцать второго, рассказывают люди, в село вступили гитлеровцы и пошли по нашим следам на запад, в глубь Польши. Голодные, жалкие, измученные, они вяло передвигались и жаловались, что уже две недели безуспешно гоняются за десантом. Вероятно, увязались за Вершигорой, от которого почему-то не поступило ни одной радиogramмы на всем пути после Горохова. Запрашивал УШПД, но оттуда лишь на третий запрос, кто где находится, дипломатично ответили: «Вы — западнее всех»... Попробуй-ка, разберись, кто эти «все». Теряюсь в догадках.

Генерал Строкач радирует, что грузы будут доставляться к нам самолетами прямо из Житомира. Теперь надо подыскать посадочную площадку. Поручаю это Гаврилюку, так как Паша Акаткин ранен. Гаврилюку же вменяю в обязанность уничтожить телеграфно-телефонную связь, взрывать и сжигать мосты, подрывать эшелоны, всячески отвлекать внимание противника на себя, «делать побольше рикошетов», энергичней рейдировать небольшими группами. А тем временем основные силы соединения передохнут в лесах и ярах. Может, встретим обещанные самолеты,

отправим раненых и получим боеприпасы. Даю в распоряжение Гаврилюка Конопотский и Коростышевский отряды.

Собираю командиров и комиссаров на совещание. Обсуждаем вопрос о выходе в район Самбор — Дрогобыч. Загрустили командиры: слишком узок, слишком мал оперативный простор между Западным Бугом и Вислой. Каких-то 120 километров. К тому же, он вдоль и поперек иссечен и изрезан реками, балками, окольцован дорогами, испещрен селениями.

— Может, послать небольшие отряды? — предлагает комиссар.

Предложение дельное, но где взять радиостанции?

Еще раз оцениваем положение и думаем, как быть. Морозов нет, и реки всю бурлят. Самолетов тоже нет. Боеприпасов мало. Тяжелых — 150 человек. Идти на север? Но ведь перед нами поставлено задание идти на юг. Кроме того, на севере Польша, куда нас не посылали.

Выход только один — передать раненых нашему фронту. А для этого надо повернуть назад... Тяжело согласиться с этим! Но если мы не спасем раненых, то подорвем боеспособность соединения, убьем чувство товарищества и доверие к командованию. Кроме того, поход назад — это ближе к фронту, значит, больше огня. Сколько раз маневры партизан в прифронтовой полосе заканчивались для них трагедией!

Спасительные глубинки... Они тоже не всегда надежны в тылу противника. Здесь многое зависит от политических условий и, конечно, экономических, географических, военных и исторических факторов. А в данном случае многое зависит от метеорологических условий, толкающих нас поближе к фронту для того, чтобы эвакуировать и спасти обозы раненых...

Таким образом, это не уход назад, а лишь маневр, тактический вираж с целью устроить раненых, после чего вторым заходом, уже налегке пойдём к Самбору и Комарно. В конце концов, почему мы не можем маневрировать? Мы ведь конница. Будет снег — сделаем бросок в Карпаты. Не так уж сложно проскочить конницей до Самбора 200 или 300 километров! Только бы зима с морозами да крепкий лед на реках, да снег на полях!

Итак, идем назад. На том и порешили.

Когда все командиры разъехались, «взял слово» Роман.

— Назад — это в самое пекло! — заявил он. Отступить для нас — все равно, что наступать, только в более сложных условиях...

Вечереет. У меня Осипян с комиссаром Васяновичем. Горят желанием отбить хоть одну пушку у эсэсовцев, стоящих в Нароле, чтобы искупить вину за потопленную в речке Вишня пушку во время переправы. Дело хорошее, только сначала надо разведать численность гарнизона в Нароле и узнать, где стоят эти пушки.

— Ну, какой может быть гарнизон в фольварке? Сорок-пятьдесят солдат и три орудия,— говорит Осипян.— Вы только разрешите. Не надо никакой помощи. Мы сами справимся, только дайте согласие на операцию.

— А какой же у вас план?

Осипян поясняет: как подойти, куда ударить, куда отойти после. Начнут они в 6.00 завтра, после ночного отдыха.

— Нет,— возражаю я,— начать надо сегодня ночью и до рассвета закончить. Резервируйте время для отхода в темноте на случай неудачи.

— Есть начать операцию в двенадцать ночи!

— Разрешаю, но только вашими силами. После операции отходите на Горай-Лозы, мы там будем стоять в лесах...

Осипян уехал к себе, а мы с комиссаром Тарасовым составляем обстоятельную радиограмму в ЦК партии и генералу Строкачу: «Выполняя Ваш приказ, соединение в течение месяца ведет напряженные бои и переходы. Ни дня отдыха. Личный состав изнурен. Неотвязно преследует дивизия «Галичина», имеющая задачу прижать соединение к Сану или Висле, где по левым берегам возведена сильная оборона. Наши отчаянные усилия прорваться любой ценой в Дрогобычскую область в районе 15 километров восточнее Перемышля — безуспешны. Вскрытые реки стоят перед нами неодолимым препятствием. Врагу известны неудачи других наших партизан при попытке прорваться через фронт в район Ковеля. Предвидя новые попытки, они не жалеют сил и средств для противодействия.

Участок железной дороги Перемышль — Львов закрыт от партизан двумя дивизиями. Заняты все узлы грунтовых дорог и переправы даже на малых реках. Изучив условия и обстановку, мы пришли к выводу, что наши попытки прорваться в заданный район в настоящее время могут окончиться разгромом соединения.

В боях потеряли командира Макаровского отряда капитана Коротюка, начштаба Армянского капитана Лобача, а также девять средних командиров. Тяжело ранены комиссар и начштаба партизанского отряда имени Чапаева — Московский и Неведомый, заместитель командира Червоного Верховский. Всех раненых более 150, потери убитыми

превышают 100. Прошу разрешения действовать на коммуникациях в полосе Тарнополь — Люблин, что обеспечит жизненно необходимую возможность маневрировать...»

27.2.1944 г.

Село Горай-Лозы, 55 км юго-восточнее Замостья.

В 3.00 выступили по маршруту: Горайце, Гута Любенская, Мжиглоды, Горай-Лозы. В 6.00 разместились в домике лесника. Червоный отряд занял село Лозы, остальные расположились в лесу и в хуторах, которые гнездятся среди холмов, поросших лесом. Замаскировались в ожидании наших самолетов...

8.00. Северо-западнее — пулеметная стрельба. К 9.00 возвратились из разведки Томич и Свинцицкий. Доложили, что на подходе к Горай-Лозам обнаружили около батальона лыжников. Стрельба там усиливается. В 9.15 явился запыхавшийся Осипян. Задуманная им операция в Нароле закончилась полным провалом. Отряд спасается бегством. Перебито много людей, коней. Эсэсовцы-лыжники перерезали путь отхода и бьют в упор с занятых ими холмов по дорогам...

Очевидно, отряд Осипяна привел за собой эсэсовцев. Это угадывается и по накалу боя, который слышу из расположения Червоного отряда.

— Когда начали наступать на фольварк? — хочу разобраться в причинах неудачи Армянского отряда.

— Туда неожиданно подоспело сильное подкрепление на 50 автомобилях. С пехотой и тяжелым вооружением, — уклончиво отвечает Осипян.

— Но все-таки, когда вы начали операцию?

— В 6.00, — наконец признается убитый горем Осипян.

С горечью и болью думаю, что с ним делать. Он виноват, но ведь хотел сделать как лучше и свою голову тоже подставлял под пули. Зачем он наступал утром, а не ночью, как было сказано? Как признался комиссар Васянович, пожалели бойцов, решили дать поспать хоть однажды в ночное время. Пожалели...

Таков уж удел командира. Небитый командир — только полкомандира, а может, и того меньше... Отсылаю Осипяна собирать отряд, а навстречу вражеским лыжникам выдвигаю Степанова с его Киевским отрядом. Может, выручит, предотвратит хоть в какой-то мере бедствие. Туда же бросаем макаровцев и коростышевцев.

12.00. Очень близко пролетел четырехмоторный самолет с подвешенной к нему танкеткой. Что это, психическая ата-

ка против нас или демонстрация для поднятия духа наступающих эсэсовцев?

Мне докладывает новый начальник штаба Армянского отряда Фурлет. По его мнению, катастрофы нет, хотя потери ощутимые: погибло 17, ранено 13, пропал без вести взвод, отрезанный от своих и пустившийся на конях в западном направлении. В числе убитых — старший политрук Сухарич Арутюнян и Жора Багдасарян, парторг отряда. Они наткнулись на колючий забор, которым был обнесен фольварк.

Из рассказа Фурлета я понял, что командование Армянского отряда не подготовило как следует операцию, не разведало обороны противника. Именно поэтому для наступающих полной неожиданностью были заграждения из колючей проволоки вокруг фольварка, бункера и дзоты по всему периметру обороны гитлеровцев. Партизаны подползли вплотную к вражеской линии обороны. Рота Сайяна ворвалась в нижний этаж каменного дома, но со второго этажа эсэсовцы обрушили на них сотни гранат. Со стороны Гуты Лубенской фашисты открыли по наступающим губительный огонь из минометов и крупнокалиберных пулеметов. Внезапно из-за бугра, в каких-то семидесяти метрах, появилось более роты немцев, обстрелявших обоз отряда. Часть обоза, не успев скрыться за перелеском, вернулась назад в расположение Червоного. По пути, длиной в 15 километров, падали кони, гибли люди, скошенные автоматным и пулеметным огнем врага.

Вместе с Васяновичем и Фурлетом уточняем список погибших: Баричан Арам, Саркис Хедоян, Грант Григорян, Марат Саргоян, Акоп Ламазян, Илья Карталашвили, Захар Дзугашвили, Сулико Бадалян, Марат Сепханян, Серго Мусаелян, Вачек Асаланян, Осеп Поросян, Абибар Максаян, Амсербек Микаелян, Мартирос Абрамян, Айкарам Барсемян, Георгий Выробян, Дереник Гносян, Артем Никогосян, Арарат Саакян, Мартунян...

— Видишь, — бросаю укор Фурлету. — Двадцать один, а не семнадцать. Притом надо добавить сюда и Сухарича Арутюняна и Георгия Багдасаряна.

Потери большие. Пусть польские девушки знают, кому приносить цветы на могилы, пусть знают все поляки, чьей кровью пропитана эта земля ради их свободы...

14.00. Бой, кипевший на участке Червоного, прекратился. Не помогли эсэсовцам ни скорострельные пушки, ни радиорепродукторы в цепях для лучшего управления боем. Враг был отброшен.

На поле боя в снегу осталось более 120 трупов. Захвачено три станковых пулемета, 18 винтовок и автоматов, 13 пистолетов, миномет, боеприпасы.

Начштаба Стадник собрал в полы своей шинели много ценных подарков и теперь награждает ими отличившихся бойцов. Особенно щедро награждались янчерудневские бородачи из Емильчинского отряда. Они-то и разбили вражеский батальон. Стадник лично водил их в контратаку.

Савельев рассказывает, что его рота эсманцев уничтожила в этом бою несколько станковых пулеметов с расчетами и много «кукушек» — фашистов, которые забрались на деревья и стреляли разрывными. Пришлось вместо автоматов вооружиться винтовками.

Не обошлось, правда, и без участия самой ударной коноваловской роты, в которой трое тяжелораненых. Всего же среди эсманцев девять убитых.

Список захороненных на польской земле пришлось продолжить, включив туда Ситайло Михаила Павловича из Подлюбов, Парского Никиту Петровича и Мельника Андрея Антоновича — из Емильчинской Руденки, Довгого Андрея Григорьевича — из Потиевки, Онопченко Григория Иосифовича, Терещенко и Гайзакова, чьи данные еще не установлены...

17.00. Нас окружили со всех сторон. Силы блокирующих войск прибывают ежеминутно. А где-то на подходе и «Галичина». Нам уготована расплата по всем счетам: за Воротнев, за Горохов, за Переспу, за Добротвор, за Магеров и Мазуры, за Калеников и Белгорайские леса, за 19 опрокинутых и подожженных эшелонов, за убитых генералов, офицеров, солдат, за до смерти перепуганный львовский гарнизон и всякое там начальство, за то, что прорвались и взбудоражили их обетованный край — Галицию!.. И самое главное, пожалуй, за то, что оставляем гитлеровских генералов в дураках и всякий раз уходим из расставленных ими силков.

17.30. Штаб напряженно ведет разведку. Предельно ясно, что из окружения надо вырваться до утра. Создаем специальную группу из четырехсот конников — автоматчиков, пулеметчиков и бронебойщиков. Чтобы ввести противника в заблуждение и перепутать ему карты, решили прибегнуть к хитрости. Колонна конников растягивается в длинную цепочку. За ними следует пушечная батарея, около десятка станковых пулеметов и батальонные минометы. Все это должно быть на виду у эсэсовцев, прячущихся в логах, ярах, в перелесках и на перекрестках. После этой

демонстрации вся наша техника должна возвратиться обратно, и только кавалерия на рысях пойдет петлять по проселочным дорогам и просекам.

В лесах, покрытых снегом, царит напряженная тишина. На опушке расположилась партизанская артиллерия. Колонна конников замерла в ожидании сигнала. Главное и самое трудное — выйти из окружения на виду у ошеломленного противника. Все остальное будет проще. В сумерках Гаврилюк прорвется двумя отрядами, чтобы фашисты подумали, что прорвалось все соединение. После того, как враги бросятся вдогонку за конницей, соединение уйдет, но только другой дорогой.

Этот ложный маневр позволит нам ввести врага в заблуждение. Подвижные отряды Гаврилюка, Турова, Лазарева, Кучеренко и Таратуты отвлекут внимание гитлеровцев на себя. Их действия должны быть стремительными, вызывающе дерзкими и открытыми. Не стесняемые обозами и громоздким вооружением, они вырвутся для своих гибких маневров налегке.

Остается около часа до сумерек, когда начнется операция сводного отряда. Даю последние наставления Гаврилюку. Прохаживаемся по просеке близ хутора.

Из лесу появляется старец, припадающий на одну ногу.

— Как, дедушка, дела? — останавливается Гаврилюк.

— Плохо, сынок, плохо. Пошел дровец раздобыть, да откуда ни возьмись лесник. Меня избил и топор забрал. А вы куда путь держите?

— Немцев, батя, ищем. Заскучали по ним!

— Вы партизаны советские?

— Мы, батя.

— Тогда что искать германов. Вон дом лесника, у него есть телефон, можете поговорить с ними...

— Спасибо, дед. Мы ему и за тебя отблагодарим! — смеется Гаврилюк.

Решаем заехать в гости к леснику. Вся усадьба предвительно оцеплена. Встречает нас его жена и с низким поклоном приглашает в хату, предупреждая, что хозяина нет дома. Беглый осмотр свидетельствует об обратном. Винтовка висит на месте, ствол сырой от изморози. После тщательного осмотра обнаруживаем подвал-схрон и в нем лесника.

Разговор с ним краток:

— Почему у тебя телефон?

— Связь с полевой жандармерией.

— Какие указания получил?

— Недавно звонили. Требовали сообщить, если пойдут партизаны, но я им не звонил и о вас ничего не докладывал.

— А что знаешь о партизанах?

— Говорят, что проходит стотысячная армия.

— Звони хозяевам.

Лесник на ходу получает инструкцию, чтоб при разговоре подтвердить, будто вблизи действительно прошла колонна в несколько тысяч человек, и указать нужное нам направление.

Гаврилюк подключается к телефонным проводам с наушниками и слышит там строгий голос:

— Почему так долго не отвечал?

— Проходила партизанская колонна. Подвал был закрыт.

— К тебе не ходили?

— Обошли стороной на Раву-Русскую.

— Сколько их?

— Тысяч пять, с пушками и пулеметами.

— Людей следом за ними послал?

— Да. Ожидаю донесений.

— Завтра явишься в комендатуру с этими донесениями.

Постарайся повидать своих людей. Выясни, кто встречался с партизанами.

Пора расставаться, и я обнимаю Гаврилюка.

Ночную тишину внезапно разрывают орудийные выстрелы. Это заработали минометы и пушки. На хутор, занятый врагом, обрушился шквал огня. В нескольких местах вспыхнул пожар. Взлетели в небо осветительные ракеты.

Пора! На виду у растревоженных гитлеровцев конница Гаврилюка уходит на юг, в сторону Украины. Счастливого пути, товарищи!

Глава V

Снова Галиция!

27.2.1944 г.

Переезд, 5 км западнее Равы-Русской.

Прорываем блокаду. Сегодня в авангарде Червоный отряд. В 22.00 в «путь-дорожку» первой выступила рота Коновалова—Романенко. Все остальные пока топчутся на месте, окоченев от холода. Враг все время напоминает

о себе. Из каждой складки земли летят голубые и зеленые трассы пуль, скрещиваясь над передовым отрядом.

Проходит ночь, а колонна все на одном месте. Пересаживаюсь из тачанки на Серого и скачу вперед.

— В чем дело? Почему стоим, не атакуем противника?

Оказывается, с Коноваловым произошел конфуз. Он только что возвратился «с того света». Случилось это так.

Надо было, не доезжая двух километров до Равы-Русской, повернуть вправо и переехать через пути. А ездовой передней подводы заснул и проехал прямо по шоссе к станции. За ним и весь обоз, в том числе и Коновалов, заснувший на санях. Подъехали метров на 300 к немцам. Они, видимо, тоже спали. Спасибо, выручил комиссар Ксензов Сергей Иванович, — догнал и остановил, едва не сложив при этом голову, потому что гитлеровцы, исполошившись, начали стрелять из пулеметов. Они убили Костю Тишинского с конем, ранили комвзвода Богатько и еще двух бойцов.

— Теперь навсегда зарекаюсь садиться в сани. Всегда буду только в седле! — горячо заверяет меня Коновалов.

28.2.1944 г.

Село Принада, 10 км юго-западнее Равы-Русской.

В 8.00 форсировали шоссе Рава-Русская — Магеров. Впереди вновь Коновалов со Стадником. Они смело атаковали противника, благодаря чему и прорвались.

— Подъезжаем к шоссе, — рапортует Стадник, — а справа три машины с противником. Угодив под огонь наших пулеметов, фашисты драпанули. Но за высоткой, слева, опять толпятся гитлеровцы, пританцовывают от мороза. Мы «подогрели» их из автоматов да с ходу и заняли переезд, чтобы стать заслоном и пропустить соединение.

10.00. Хутор Густя, 15 км юго-восточнее Равы-Русской.

Мы все еще в кольце окружения. Каждый километр преодолеваем с боями. Дороги берем грудью. Отряды в предбоевых порядках, спешены. Медленно продвигаемся на юг по горно-лесистой местности.

Вижу в бинокль — сотни четыре немцев спешат наперерез нашему маршруту. Несколько выстрелов из пушки отбрасывают их назад. Видимо, нет охоты подставлять головы.

Гаврилюк радирует из Ковальских хуторов: разрушают линии связи, имели столкновение с фашистами, вывели из строя два винокуренных завода, снова потревожили враже-

ский гарнизон в Магерове. Найдена посадочная площадка для самолетов близ хуторка Вишенки.

29.2.1944 г.

Село Любеля, 20 км восточнее Рава-Русской.

В пять утра форсировали железную и шоссейную дороги Рава-Русская — Львов. На той и другой нас ожидали гитлеровцы. Но не зря же потрачена на виражи вся ночь: мы нащупали наиболее слабое звено в кольце окружения и внезапно атаковали противника.

Рота Коновалова из Червоного отряда уничтожила в окопах на переезде 25 и захватила в плен двух врагов; первая рота Савельева держала заслон и тоже разгромила взвод неприятеля, подобрав при этом пулеметы и минометы. Другим заслоном, выставленным на шоссе Сыпльвым, убито 50 конников противника и уничтожено два грузовика с живой силой. Киевский отряд отбил атаку власовцев.

Захвачено много боеприпасов и оружия. При этом бросается в глаза нехватка у врага автоматов. Коновалов собрал на участке атаки своей роты 24 ствола винтовок, пистолетов и пулеметов и — ни одного автомата.

В общем-то прорыв получился стремительным и удачным, но напряжение пришлось испытать предельное. Пока шла рукопашная схватка, фашисты успели подбросить конницу и подкрепление на автомобилях. Переезд оказался под минометным огнем с двух сторон. Падали убитые лошади, кто-то из ездových спасовал и повернул назад — во тьму; следующий за ним воспринял этот «маневр», как приказ, и началось то, что называется «кто кого обгонит». Тем временем на переезде происходило нечто ужасное: стрельба, ракеты, ругань, крики и стоны раненых, мольбы и просьбы санитаров, медсестер помочь погрузить раненых, чьи повозки оказались без лошадей или были перевернуты и остались на рельсах и по канавам. В довершение — безумие коней, перепуганных грохотом и начавшимся пожаром...

Только 50 лучших наездников да энергичный «комендант переправы» — помначштаба капитан Грушецкий, выставленные заранее, смогли возвратит обозы и прогнать их сквозь огонь на переезде.

План форсирования железной дороги был разработан также заранее и предусматривал:

1. Штурм переезда с одновременным выходом правого и левого заслонов на шоссе, которым вменялось в обязанность отражать любое направлявшееся к противнику подкрепление.

2. Минирование железной дороги справа и слева от переезда на случай возможного подхода бронепоезда.

3. Заготовка и наводка мостиков через канавы и кюветы на дорогах.

4. Расчистка переезда от разбитых повозок и убитых коней, спасение раненых и перегрузка боеприпасов.

5. Создание эскадрона дисциплины и порядка среди обозников.

Кроме всего, мы рассчитывали на непреклонную решимость каждого прорваться любой ценой, на волю и опыт командиров.

На протяжении всего дня Киевский, Коростышевский и Червоный отряды держат гитлеровцев на расстоянии прямых пушечных выстрелов. Один «Юнкерс-88» и несколько «стрекоз» пытаются бомбить нас. Но это не мешает нам целый день отдыхать в теплых уютных домиках, конечно, не забывая при этом и о круговой обороне. Чувствуем себя уверенно еще и потому, что вблизи небольшой лес, где при надобности можно спрятаться.

От Гаврилюка радиограмма. Ему очень трудно. Окружен огненным кольцом ракет. Готовится к прорыву. Коростышевцы уже прорвались и отвлекают противника на себя, подготавливая диверсионный удар на дороге Львов—Перемышль. Основные силы отряда держат путь на село Бидунь, которое Гаврилюк просит считать аварийным пунктом связи на будущее...

Мы снова в Галиции, но обстановка здесь уже не та, что месяц назад. Слава о советских партизанах пролетела широко и многоголосо. Народ нас ждет с нетерпением, стараясь помогать чем только может.

Люди уже не прячутся по норам. Мальчишки наперебой стараются оказывать мелкие услуги: чистят и поят лошадей, завистливо рассматривают седла, оружие. По всем хатам идут оживленные беседы местных жителей с партизанами. Каждый из нас стал настоящим агитатором за Советскую власть, за победу над фашизмом. Да и не мудрено. Фашисты, по их утверждению, давным-давно перешли в наступление и продвигаются успешно на восток, а тут, пожалуйста: сотни и сотни наших хлопцев на добрых конях, хорошо вооруженных, занимают в немецком тылу целые села и спокойно размещаются, нисколько не опасаясь, что на них могут напасть.

Наши партизаны ведут теплую, душевную беседу с жителями. Хозяйка квартиры, отправив детей на улицу, рассказывает:

— Трудно нам сейчас. Мучают и немцы и бандеровцы. Опасайтесь их, у них волчьи повадки. Богатеи живут с ними душа в душу. С беднотой они не считаются. Чуть что — надевают веревку на шею...

1.3.1944 г.

Село Желдец, 28 км севернее Львова.

«Было невероятно трудно, — записала в своем дневнике Галинка. — Немного заблудились всем Киевским отрядом, а потом из одного боя ввязались в другой. Трассирующие пули градом ложились у самого носа.

Мы залегли перед каким-то лесочком. Темнеет, а перестрелка еще больше усиливается. Сверкают над головой трассирующие пули, летят комья земли. Как всегда в такие минуты, никаких мыслей в голове. Словно атрофированы нервы. Быть где-то в стороне от всего этого для меня уже страшнее, чем лежать вот здесь под пулями. Тяжело ранило одного бойца: развернуло всю челюсть, пуля осталась во рту. Сидит на повозке синий, с запавшими глазами, ничего не видит и разговаривать не может.

Уже когда стемнело, все улеглось, утомилось.

Хлопцы говорят, вражеские засады ничего не стоят. Как правило, в них сидят по два человека. Один бросает ракеты, а второй наобум сечет из пулемета. Наводят панику, указывают трассами, где мы, а сами перебегают с одного места на другое, создавая видимость окружения...

Сегодня тоже с утра бой в селе Желдец. Подкатили машины, танки. Первый танк приблизился к заставе Червоного, и гитлеровцы закричали: «Рус, сдавайся!». Но комвзвода Фокин почти в упор ударил из ПТР. Танк заглох от второго выстрела. Мчится другой. Фокин и его подбил. В общем, повторяется емильчинский случай: пятью патронами подбито два танка.

Я тоже лежала с автоматом за плетнем, пока не стало темнеть и меня позвали в дом, где сейчас командиры разрабатывают план действий. Вася Яковлев угостил на кухне ужином и чаем. Хвастались. Он — Тамбовщиной, а я — Сумщиной. Уговорились встретиться после войны в Дельно-Дубровке на Тамбовщине.

Но войне еще не видно конца, и мечтать о встрече рано. Правда, Роман Астахов предсказывает, что обязательно будем живы.

Мне очень хочется, чтоб через несколько лет после войны в установленный день под символом «Дремучий лес — наша стихия» все партизаны нашего соединения собрались на большущий праздник где-нибудь в лесах Сумщины. Роман заверил, что мое предложение одобрят и командование...»

Меня очень беспокоит Западный Буг, ставший грозным препятствием у нас на пути. Напрямую туда 10 километров. Казалось бы, небольшой бросок — и мы там. Но на пути к Бугу нас подстерегают танковые засады в Буске, Каменке-Бугской, в Добротворе, а еще ближе — в Батятичах, куда их отбросил Червоный отряд. Словом, везде нас ждут.

Предстоит решающая ночь — рывок за Буг. Где это можно сделать, еще не знаю. Решать буду по обстановке.

Напрямую, через Батятичи на Каменку, не пройти; нас отгородила от Буга стена фашистов, которые приготовились уничтожить там партизан.

Пятнадцать суток мы мечемся в этом аду. А впереди у нас постоянно реки — если не Сан, так Висла, не Висла, так Днестр или вот этот Буг!..

Оттепель. Воздух напитан сыростью. Время от времени идет мелкий дождь. В перелесках и ярах отдельными заплатками еще лежит потемневший, ноздреватый снег. На дороге, по которой бредет колонна, масса колдобин: еще не оттаявший грунт раз за разом проламывается под колесами тяжело нагруженных повозок; а на вспаханном поле по обеим сторонам дороги — топи и топи.

Спешные бойцы от усталости едва переставляют ноги, но все же идут, ссутулившись под тяжестью оружия и боеприпасов. Идут, потому что нужно идти, идут, потому что знают: кроме боевой напористости, стойкости и мужества в смертельной схватке с врагом, нужно еще нечеловеческое напряжение сил на марше... Надо ценой величайшей выносливости опрокинуть расчеты противника, который считает, что по топким весенним дорогам за один переход можно пройти 20—25 километров, и одолеть вдвое больше. Враг уже привык к тому, что мы двигаемся только ночью — значит, надо идти и днем.

На каждом шагу нас подстерегает опасность, и мы в любое время должны быть готовы к контрудару. Рубежи, которые мы преодолеваем, неудобны для нас и выгодны для врага. Поэтому их надо пройти как можно быстрее, чтобы скорее оторваться от преследования и прорваться через заслоны, выставленные на нашем пути к Бугу. Кроме того, спешить нужно для того, чтобы нас не застали врасплох и не разбомбили, а еще — чтобы избежать ненужных сражений, в которых мы тратим силы и кровь, боеприпасы, а главное — увеличиваем и без того огромный обоз раненых.

Поэтому мы маршируем, превозмогая смертельную усталость, боль натертых до крови ног и неодолимое желание заснуть хоть на часок.

Особенно тяжело раненым. Повозки ныряют из ухаба в ухаб, беря раны. Стоны и проклятия то и дело оглушают глухую прелую тишь сонного утра. После боя под Равой-Русской у нас прибавилось еще десять повозок: одиннадцать раненых и восемь тифозных!..

Над ними плывут низкие неприветливые тучи. Но сегодня они — наши союзники, укрывают нас от вражеской авиации.

— Что-то мы начали много кружить,— говорит мне Тоня Будник, наша лучшая медицинская сестра. Она всегда знает каждого из своих раненых.— Нет времени поспать хотя бы часок, прямо на ходу падаю,— признается Тоня.

У Равы-Русской санитарный обоз оказался недалеко отседавших эсэсовцев, и Тоне пришлось выслушивать такие просьбы раненых:

— Сестренка, не бросай нас, дорогая. Имей жалость: дай из автомата в голову!..

Это просьбы беспомощных, а кто владеет руками, видит, те все вооружены. Пулеметчик Покатин держал при себе два пистолета и гранату, чтоб не сдаться живым, если дойдет до этого.

Было девять утра, когда соединение остановилось в селе Желдец на дневку, заняв и окрестные хутора.

Уставшие бойцы, не умывшись и не завтракая, сразу завалились спать. Однако спокойного отдыха не получилось. Со стороны Львова и от Каменки-Струмиловской доносился гул двигающихся автоколонн, бронемашин и танков: гитлеровцы тоже спешили к Западному Бугу.

Уже в 12.00 началось наступление фашистов на Желдец, а к 13.00 на участке обороны Червоного отряда партизаны подожгли три танка. Потом загорелось село, запылала скирды соломы и сараи в окрестностях. Пришлось обходить населенные пункты, изменив временно курс движения на северо-западный.

И вновь начались топкие заболоченные поля. Люди помогают лошадям вытаскивать повозки. Эти авралы отнимают у нас много бесценного времени. А впереди по ходу движения снова враг.

Приказываю Киевскому отряду расчистить путь от карателей, а всем остальным сократить обозы до минимума. Повозки для боепитания загружаем до отказа, а в санитарных размещаем по трою раненых... Всех легкораненых сажаем на коней. Каждый знает: впереди — враг, впереди — железная дорога и Буг.

Сгустилась ночь, а мы все еще стоим на болоте, поскольку все окружающие села заняты противником. Даже в отдельных хуторских постройках, на всех высотках и опушках перелесков — везде враг: пулеметные гнезда, окопы, пехота. Оказывается, гитлеровцы караулят нас уже несколько дней, и мы попали в силки, расставленные широко и умело. Вновь изменяем направление, следуем параллельно первоначальному маршруту, но и здесь вражеский огонь пересекает нам путь. Словом, многоярусная ловушка!..

С какой стороны атаковать? Где можно прорваться? Перейти же к обороне — значит потерять ночь и дать возможность противнику расправиться с нами утром.

2.3.1944 г.

Село Купичволя, 35 км северо-восточнее Львова.

2.00. Мы стиснуты огненным кольцом. Ни на мгновение не затухают ракеты. Каскады голубоватых сигнальных пуль, трассы зажигательных всплескиваются не далее как в двух километрах. Кольцо окружения планомерно сужается. Положение критическое. Тем более, что мы не продвигаемся, а только топчемся на заболоченных полях, изнуренные усталостью и безвыходностью положения. Продолжаем бесплодные попытки вырваться из кольца окружения. Как и в Баличах, все перемешалось: люди, кони, обозы с ранеными.

Наш сборный пункт Купичволя, в котором мы наметили сосредоточение отрядов после боя в Желдеце, занят опередившими нас немцами. Попытка выбить их оттуда закончилась потерей начштаба хинельцев лейтенанта Плаксина и начштаба коростышевцев лейтенанта Березкина. Попытка обойти Купичволю полями закончилась неудачей — там тоже окопались гитлеровцы и встретили нас перекрестным огнем. Хотели обойти его с запада, но только потеряли разведку коростышевцев под командованием лейтенанта Носова*.

К тому же Киевский отряд не смог выбить врага из Реклинца. Управление отрядами нарушилось, поиски командиров и вызов их ко мне поглотили остаток ночи.

Уже 4.00, а на мой зов прибыли только Хинельский и Киевский отряды да две роты Червоного, обнаруженные разведкой совершенно не там, где они должны были находиться... Однако, не успев подойти, они снова растворились в темноте. Не доискаться ни связных, ни маяков, ни офицеров из штабов отрядов. В поле моего зрения только взвод Армянского, комендантская охрана, штаб, артиллерийская батарея да обоз — двести подвод с ранеными и больными.

Ясно одно: мы находимся посреди изрытого окопами поля, куда гитлеровцы заманивали нас еще днем, чтобы там уничтожить и не пустить к Бугу. И хотя у нас нет ударных сил, зато есть около 30 армян во главе с Осипя-

---

* Березкин и Носов с автоматчиками впоследствии присоединились к партизанскому отряду «Патриоты славян» под командованием В. И. Попова.

ном, да группа чапаевцев, да обозники и раненые. Будем прорываться любой ценой!

Уже 5.00. Гитлеровцы все больше наглеют. По их ракетах и трассам, образуемым зажигательными пулями, все больше вырисовывается контур той западни, которая нам угрожает с наступлением рассвета.

Брезжит рассвет. Враги приближаются к нашим обозам. Голубые трассы пуль уже тянутся с трех сторон, натягивая причудливый фейерический шатер. Но уже близок край леса и села Купичволя. Еще шагов двести — и мы вступим на опушку леса. Однако и там оказался враг. Гитлеровцы ударили по нас сразу из нескольких пулеметов. Засверкали, понеслись, защелками, заскакали смертоносные трассы. Взахлеб зататакали, заговорили, застучали вражеские станки. А мы как раз на ровной и чистой, припорошенной снежком площадке. И ни складочки, ни маскирующего кустика на ней.

Припадаем к земле. Справа — Роман Астахов, слева, впритирку к моему плечу — Николай Переверза, пулеметчик, все комендантское отделение и бойцы Армянского. Пули глухо стучат о землю и оглушительно щелкают в воздухе. В первую же секунду ранен командир роты Армянского — Армен Гукасов и убит пулеметчик Переверза. Убиты наповал еще трое бойцов из отделения охраны: оренбуржец Сережа Дровалев, москвич Виктор Новиков и калининский паренек Петя Федоров...

Приказываю врачу Сурену Тунанову, лежащему вблизи меня, заменить раненого Гукасова. Не выдержав огня противника, кое-то из наших начинает отползать назад. Но их останавливает команда Астахова: «Огонь!». Сам он застрочил из автомата, его примеру последовали другие. Партизанская цепь люто ударила по опушке леса, по окнам домиков, жавшихся к лесу. Заговорили пулеметы комендантского взвода и чапаевцев.

Надо готовиться к атаке, чтоб овладеть опушкой леса.

Увидев вблизи политрука Корбаня, поручаю ему передать мою команду чапаевцам, чтобы пошли в обход противника справа. Командую передать по цепи: «Приготовиться к атаке!», «Усилить огонь! Не жалеть патронов!».

То, что произошло в следующее мгновение, взволновало меня до глубины души. Поддерживая обходной маневр чапаевцев, заговорили автоматы и карабины нашего санитарного обоза. По позициям врага стреляли коноводы, ездовые, медсестры, санитарки, а тяжелораненые вели огонь прямо из своих постелей, устроенных на повозках. Их

шквальный огонь, внезапно обрушившийся на вражеские пулеметы, решил исход боя. Враг дрогнул, его пули, утратив меткость, защелками поверху. Мы вырвали инициативу.

Настал момент атаки, и сигналом к ней мог быть только личный пример командира, поскольку никто бы не слышал слова команды в грохоте выстрелов и пушечной стрельбе из хвоста обоза, открытой нашими артиллеристами.

Поднимаюсь во весь рост. Со мной вместе вскочили Роман Астахов, Петя Зайцев и все его бойцы: Ильин, Краснов, Карнаухов, Карпухин, Золин, Ковалевы — Сергей и Федор, Ларионов, Кузнецов и рота Армянского отряда.

— Ура-а-а... За Родину! — грохнуло над лесом и покатилося по полю. В атаку пошел обоз. Ощетинившийся дышлами повозок, он мчал неудержимым потоком на село, опрокидывая плетни и заборы. Чапаевцы ворвались уже на опушку леса. Кто-то, вздыбив коня, грохнулся посреди поля, кто-то ойкнул, позвав в последний раз маму; какие-то парни тянули за собой коней и одновременно падали из автоматов...

Меня догоняют комиссар Михаил Михайлович и кинооператор Паша Касаткин. Весь красный и возбужденный, он пробегает мимо с криком «Ура!». Кричу ему:

— Молодец, капитан! Смелого пуля боится!

Критические минуты миновали. Обходя убитых лошадей, склоняюсь над погибшими. В одном из них опознаю Серго Саргосяна, в другом — Никифора Онопченко, связанного Коростышевского отряда. Санитары подбирают раненых. Под ногами валяются брошенные гитлеровскими войсками станковые пулеметы, минометы, мины. Их пока еще никто не подобрал. Все выдохлись до последнего.

Ко мне подбегают Кузнец, Грушецкий, Лопатников, Горбань, Черныш, Шевченко и другие штабисты. Говорят, атаковали врага во фланг вместе с чапаевцами...

Да, чапаевцы молодцы! А штабисты, хоть и показали себя храбрецами, но лучше бы не теряли связи с отрядами... Где теперь искать основные силы соединения?

Спрашиваю помпохоза Кузьмина: сколько нас осталось вместе с обозом?

— Убитых не более тридцати... Раненых подбирает Надежда Филимоновна, — отвечает Кузьмин. — Много погибло лошадей, бойцы прикрывались ими от вражеских пуль...

Сколько же нас живых, боеспособных? Считаем вместе: Кузьмин, комиссар, Осипян, Лопатников и начштаба чапаевцев лейтенант Гончарук. Выясняется — армян двадцать девять человек, чапаевцев — семьдесят, еще комендантского взвода человек тридцать, да группа Макаровского отряда

неизвестной численности. И, наконец, обоз в двести с лишним подвод, две пушки с расчетами и до пятисот «малоактивных», среди которых уже более двухсот тяжелораненых. Эти были на попечении фельдшера Мельника, скомадовавшего ездовым «Вперед!» вслед за тем, как мы пошли в атаку. А потом они стреляли из карабинов, пистолетов, автоматов, словом, из всего, чем были вооружены, и неудержимой лавиной обрушились на Купичволю...

— Так-то, комиссар! — грустно говорю Тарасову. — Нет возле нас даже Хинельского отряда. Значит, разгромлены...

Не успел я договорить, как перед нами выросли разведчики — Василек Вертюченко, два Ванюшки Бурьяновы, Миша Хоменко, Андрей Крысенко, Коля Моисеенко и Петя Олейник — вся юношеская команда из хинельской гвардии.

— Товарищ генерал! — засиял солнечным зайчиком Василек. — Приказано доложить... начштаба Стадник послал сказать, что ищем вас и что отряды — Киевский, Хинельский, Макаровский и частично Червоный — все уже в сборе, они здесь, в лесу на привале...

Комиссар захохотал, глядя на эти розгоряченные сияющие мальчишеские лица. У меня радостно екнуло сердце, хотелось обнять и расцеловать этих замечательных мальчишек... «Значит, не разбиты, не разгромлены!»

— Где в лесу? — сдерживая волнение, спрашиваю я ребят.

— Километра полтора отсюда.

— «Батя», командир чапаевцев, тоже там, и Сыпловый и Петрикей, — наперебой докладывают разведчики. — Только Борова и Ксензова с тремя ротами да Армянского отряда нет еще на биваке.

Ребята предупредительно спешиваются. Поручив Кузьмину собрать немецкие пулеметы и осмотреть поле боя, мы с Тарасовым садимся на коней и едем лесом. В трепетном ожидании весны стоят почерневшие за зиму деревья. Между ними струится предрассветный сумрак. На овальной белой поляне, прямо на снегу, видим нашу «пехоту». В самых живописных позах вповалку лежат бойцы и командиры.

— Спят, — говорю доктору. — Бедняги! Они даже не подозревали, что ожидало всех нас!..

Говорю начштаба Кузнецу, чтобы затребовал новых связных к отрядам, организовал заново разведку и охранение, разыскал Червоный отряд и две роты армян, оторвавшихся вместе с эсманцами, регулировал отдых офицеров штаба и не терял управления... А в душе радуюсь: нет,

это не разгром, когда после боя около двух тысяч партизан занимают свое место в боевом строю. Теперь нам пригодятся подобранные на поле боя трофейные пулеметы и минометы. Гончарук, начштаба чапаевцев, как бы опережая мои мысли, докладывает, что только на участке атаки чапаевцев подобрано 17 трофейных пулеметов.

Семнадцать? — мне даже не верится, но Гончарук и Корбань заверяют: семнадцать!.. Вспоминаю, что и сам переступил через батарею станковых пулеметов. Тогда какие же силы противостояли нам? Батальон или того более на этом узком участке?! Только почему так нетвердо стояло это войско?.. Ведь нас, по сути, была горсточка... Видимо, их ошеломила наша дерзость да еще огонь раненых на подводах... Может, каратели тоже были изнурены, измотаны и мертвецки спали? Может, спали и пулеметчики дежурных расчетов, подпустившие нас так близко.

Наше соединение вписало немало ярких страниц в летопись партизанской борьбы с фашистскими оккупантами. Но бой за Купичволю — особая страница. Здесь решалась судьба соединения. Это понимали все, начиная от командования и кончая рядовыми партизанами, санитарями и обозниками.

Уже после войны я с волнением прочитал дневник лейтенанта Георгиевского. Вот что он рассказал о событиях того времени:

«Вражеские ракеты непрерывно прочерчивают в воздухе холодные дуги. По направлению полета этих ракет видно, что их пускают со всех сторон — спереди, с боков, сзади, причем пускают с близкого расстояния, а это значит, что мы во вражеском кольце. Конечно, нас любой ценой постараются удерживать в этом кольце до рассвета, когда сможет вести прицельный огонь их артиллерия. Враг прячется всюду, явно побавляясь, чтобы мы снова не обманули его или не нанесли неожиданный удар. Ракеты — свидетельство этой тревоги...

И вот на рассвете разгорелся неравный бой. Мириады вражеских пуль прижали нас к земле. Крики раненых. Треск. Стоны...

Не знаю, как это случилось, но вижу: какая-то непостижимая сила оторвала людей от земли и понесла в стремительную атаку... Партизаны бросились на врага, на огненный ливень, перепрыгивая через убитых товарищей. Женщины и те раненые, которые могли двигаться, тоже пошли в атаку. Здесь не было ни командиров отрядов, ни командования. Была масса людей, сплоченная воедино во время прошлых боев и походов. Сейчас она еще больше сплотилась и в едином порыве двинулась вперед.

Михаил Михайлович, наш комиссар, не раздумывая, ринулся вперед с криком: «Коммунисты, вперед!» — и открыл огонь по врагу из автомата.

Я также поднялся и, не зная почему, подал команду людям, которые не были моими подчиненными: «На околицу хутора! Вперед! Ура!». «Ура-а-а!» — подхватили десятки людей. И не было силы, которая могла бы сдержать этот порыв.

Наши уже в хуторе. Взорвались гранаты, брошенные в избы. За-

глохли пулеметные точки врага. Гитлеровцы не выдержали и, побросав оружие и трупы, бежали.

Никто их не преследовал и не собирал трофеев. Задача вырваться из котла выполнена. И все! В лесной чаще генерал начал собирать отряды. Пока подтягивались обозы с ранеными, врачи, фельдшера и санитарки на скорую руку перевязывали новых раненых.

Удивительно быстро собралось и выстроилось в походной колонне все соединение. Сперва шли по азимуту, вытягиваясь на дорогу, а позже вошли в польское село. Крестьяне рассказали, что в молодом сосновом лесу, примерно в восьми километрах отсюда, еще утром стояли наши — Червоный отряд и две роты Армянского отряда. Это всех страшно обрадовало. Но очень встревожило сообщение разведки эсманцев: по пути к Бугу курсировали два вражеских бронепоезда. С воздуха обрушились на нас бомбардировщики. Понятно: враг силится остановить соединение в лесу и не подпустить к переправе, чтобы, как и вчера, окружить до наступления ночи.

Но генерал принял решение форсировать Буг днем, и около 16.00 колонна двинулась к железной дороге.

Червоный отряд выдвинул сильные заслоны. Вражеский самолет-разведчик, как видно, фиксировал каждый наш шаг, летал над самыми верхушками деревьев, сбрасывая мелкие бомбы. Мы перешли на рысь, только мелькали заросли да душила гарь после взрывов. Враг начал бомбардировать участки леса, где стоял Червоный отряд. Но мы уже были вблизи переезда Стригановка. Мчимся редким расчищенным лесом. Через четыреста метров — железнодорожная насыпь. Хинельский, Конопский, Киевский отряды и главный штаб уже по ту сторону железной дороги. Грохнула пушка. Раздался гудок паровоза, и сразу же в лесу начали взрываться снаряды и мины, выворачивая и разнося в щепки столетние сосны и дубы. Наша конница остановилась. Закричали два раненых бойца. Пришлось возвращаться в глубь леса.

Снова наш Армянский и Червоный отряды оторвались от соединения. Я увидел Борова и двинулся к нему, чтобы выяснить, какие у него намерения и как он собирается согласовывать свои действия с действиями Осипяна.

— Не надо волноваться, — успокаивал меня Боров. — Если будет тяжело, то патроны и раненых понесем на себе. Пойдем по руслу речушки под мостиком. Подходы там неплохие...

Стадник предлагал выкатить свое орудие и прямой наводкой бить по бронепоезду.

— Пустое дело. Броню не возьмешь, — не соглашался Боров.

Я поспешил к своему армянскому обозу и предупредил Зосима Шелеста, чтобы тот не отставал от эсманцев, а сам помчался по лесу на поиски Осипяна. Из бронепоезда, подсекая деревья, продолжали стрелять автоматические орудия.

Затем бронепоезд начал стрелять с перерывами. Паузы становились все длиннее. Уже совсем стемнело, когда бронепоезд бесшумно и медленно, видимо, опасаясь наших мин, пошел в направлении станции Селец-Завоно. Я побежал к Шелесту и передал команду: немедленно за мной! Кони помчались галопом...

До моста через Буг четыре километра. По дороге село. В центре села наша застава. Маяк, указывающий дорогу на мост. Крестьяне — поляки — высыпали на улицу. Они все знают. Пристально всматриваются в наши лица. Но вид у бойцов бодрый, сыплются шутки, раздаётся смех. Некоторые уже подмигивают красавицам, стоящим возле заборов. Изголодавшиеся забегают в избы «перехватить». Выбегают оттуда довольные, значит, хорошо принимали.

Я получил задание сжечь мост через реку, чтобы по нему вслед за нами не прошли вражеские машины.

— Эй, товарищи! Несите-ка к мосту солому, дрова, нефть! — кричу стоящим на улице полякам.

Люди начали бегом сносить то, что я потребовал от них. Они делали это охотно, с энтузиазмом.

Я пошел к мосту, уже заваленному соломой и хворостом. Там, оказывается, заправлял всем капитан Грушецкий. Вижу — и командир взвода Коля Шадрин со своими бойцами окапывается на берегу. А возле мостовых опор с одной и другой стороны не менее чем по возу соломы. Как только проехала тыловая застава, я сразу же вылил взятый у полячек керосин. Громадный столб пламени взметнулся над плесом Буга.

Целую ночь и половину следующего дня мы слышали стрельбу и взрывы на железной дороге...»

3.3.1944 г.

Село Ястрембица, 55 км северо-восточнее Львова.

Итак, произошло чудо. Мы прорвались за Буг. Ни бомбардировки с воздуха, ни обстрелы с бронепоездов не остановили нашего продвижения. Обозы с ранеными спасены, не брошено ни одной подводой. А фашистское радио, листовки и газеты захлеб распространяют версию, будто наша «десантная армия» окружена, разбита и уничтожена, что небольшие группы пытаются прорваться на восток, но ликвидация их продолжается. Население Галиции призывалось содействовать немецкому командованию в истреблении мелких групп и одиночных десантников...

Против нас поднялись все темные силы, как и год назад, когда мы проходили во время Степного рейда близ полевой квартиры Гитлера.

«Спасайтесь. Доносите. Следите. Ищите. Помогайте оккупационным властям и немецкому командованию!» — вопили немецкие газеты и многочисленные листовки. Но гитлеровцам не помогли ни отборные войска, ни танки, ни самолеты, ни бронепоезда, ни кликушеские заклинания вконец изолгавшейся геббельсовской пропаганды, ни лакейское усердие националистов.

Мы не только живы, но и очень сильны. Лишь одна ночка отдыха в селе, и бойцы восстановили силы. Теперь только удалось бы собраться снова в кулак! Поскорей бы присоединить Конотопский и Коростышевский отряды! По-видимому, это легче осуществить в истоках Буга, в больших лесах, куда намечено собраться всем отрядам. Даем радиogramмы Гаврилюку, Турову и Кучеренко, чтоб следовали на юго-восток и остерегались засад на дорогах Львов — Рава-Русская.

Вражеские самолеты все еще разбрасывают листовки о нашем разгроме. Высматривают нас в побужских селе-

ниях. Но мы раскинули сегодня бивак в лесу. Идет заготовка фуража и продовольствия из запасов УПА. Приказал также снабдить каждого бойца резервным комплектом белья. Нам понадобится и чеснок с луком, и красный перец, и томатный сок. Всего этого, возможно, нет в тех лесистых пустошах под Берестечком, откуда берут начало Западный Буг, Серет, а также памятная нам Стырь с Иквою...

Как-то устроимся там, в болотах? Рассчитываю также на Бродовские и Кременецкие леса. Кременецкие!.. Летом мы побаивались их... Но теперь мы неизмеримо сильнее, опытнее, закалены, крепче сбиты. Уже знаем, «где раки зимуют». По-настоящему прокурены порохом! Может, базирясь в этих лесах, наладим контакты с Большой Землей, получим обещанные самолеты и эвакуируем хотя бы часть тяжелораненых товарищей. В сущности, неплохи и лесные массивы вблизи Каменки и Добротвора. От Рава-Русских лесов их отделяет только Буг. Чтоб контролировать и их, мы решаем организовать и оставить здесь новый партизанский отряд, наименовав его Рава-Русским. Командиром назначаем старшего лейтенанта Морозова, бывшего ковпаковца, а комиссаром — капитана Муракина. Со всех отрядов подбираем для них людей, даем им лучшее оружие, достаточное количество боеприпасов и радиостанцию. Этот отряд станет противовесом бандеровским бандам и со временем нашим мостом на Буге. Может, отсюда мы начнем совершать набеги на самборско-комарновские дороги, пока эвакуируем своих раненых.

Хорошо в лесу. По-весеннему пригревает солнышко. Бойцы отдыхают, набираются сил, а я подвожу итоги. Сейчас уже можно сказать, что мы вырвались из клещей, в которые угодили между Вислой и Бугом. Более того, мы выполнили свою главную задачу — разворошили Галицию и навели партизанский порядок на вражеских коммуникациях. Недаром же немецкое командование издало приказ о прекращении ночного движения поездов и автомобилей. Даже днем вражеские автоколонны усиленно охраняются.

За время рейда соединение прошло Ровенскую, Волинскую, Львовскую области и часть Люблинского воеводства Польши. За эти дни мы уничтожили 19 эшелонов, 3450 вражеских солдат и офицеров, более ста автомашин, захватили около тысячи единиц разного оружия и множество всяких трофеев. Наши партизанские залпы потрясли не только города и села, но и души людей. В одних мы вселяли страх и неуверенность, в других — а таких большинство! — веру и надежду.

Трудно переоценить и ту огромную агитационно-массовую работу, которую провели парторганизации отрядов, коммунисты и комсомольцы среди населения, да еще в таких своеобразных условиях, не говоря уже о распространении газет, листовок, обращений ЦК партии, правительства. Буквально каждый партизан и партизанка были агитаторами и вестниками скорого избавления от фашистов, личным примером агитировали местное население подниматься на борьбу с поработителями, воочию показывали, что врага можно успешно бить. Мы несли людям правду о сражающейся Советской Родине, разоблачая коварную, лживую пропаганду фашистов. Наши коммунисты и комсомольцы в перерывах между боями рассказывают людям, зачем послала нас во вражеские тылы Коммунистическая партия и как побеждает врагов на фронте Красная Армия.

Таких выступлений наших агитаторов, помимо официальных, специально организованных собраний, бесед, митингов и чток, ежедневно — тысячи и тысячи. Они вошли в быт, на них не заведешь учетов, как не учтешь всего, чем пользуешься повседневно в селах, городах, в квартирах и хатах. К тому ж, самих нас тысячи, и все мы, живущие на постое среди людей, неизбежно общаемся с ними, а стало быть, и пропагандируем цели и задачи нашей политики.

Мы агитируем всем: человечностью, мужеством, душевной добротой и щедростью, своей дружбой, братским и товарищеским отношением к жителям; агитируем бескорыстием и святой честностью, прямоотой взглядов и характеров и всем, всем, что можно видеть в советских людях.

А какое огромное влияние оказывали на простых тружеников наши партизанские песни! Особенно близко население принимало к сердцу песню, которая пелась на мотив «Спят курганы темные»:

...Но вернутся соколы,
Прилетят бесстрашные,
Как же вы их, девушки,
Будете встречать?

Не менее популярной была и другая партизанская песня:

Прощай, родной,
Забудь свою Татьяну...
Прости меня, но только
Отомсти...

Да, сделано нами много, но за все это пришлось платить немалой кровью... Только в боях за Купичволю мы

потеряли много своих товарищей. Пытаюсь разобраться в этом. В моем списке погибших пока до двадцати «своих», то есть из костяка нашего соединения. Но помначштаба чапаевцев Гончарук уже сообщил, что при прорыве к Бугу у них погибли Виктор Золотухин, Николай Столярчук, кроме них — Коваленко, Щепитько, Дидух, Чернов, имена которых еще не установлены. Где-то западнее Равы-Русской оставлены на попечение польских патриотов комиссар отряда Московский и начальник штаба Ивановский, как нетранспортабельные раненые. Может, выживут, может, сумеют препятать их польские друзья от вражеских ищеек...

Я не знал о таком смелом решении Бати, оставившем этих товарищей в польском подполье. Но, может, он и прав...

Из других отрядов убиты в Купичволе товарищи, имена которых вношу в свой многочисленный список. Это Анатолий Проценко и Федор Ситайло из Емильчино, Андрей Попов из радомышльского Верлоока, Альми Нуриев из Татарии, Миша Сорокин, юный партизан с Глуховщины, Степан Плигань, ветеран с Белоцерковщины, Саша Качанов из Комарина белорусского, Степа Вакалов из Злобичей, Анатолий Проценко из Коростышева, Александр Гиливеровец — неизвестно откуда родом. И два лейтенанта: начштаба Коростышевского отряда Николай Березкин и начштаба Хинельского — Георгий Плаксин, оба уроженцы города Кирсанова. И еще девушка — Валя Матвиенко из Завон, где мы прорывались на Буге и проходили в начале февраля.

Помначштаба Лопатников показывает свою печальную статистику:

— Всего выбыло с начала рейда 174 человека. Убито — 76, пропало без вести — 90, дезертировало, то есть расшифровано шпионов из числа специально подосланных, — 8...

— Ясно. А ранеными?

— Они все при нас, — уверяет Лопатников. — Их только тяжелых — 150, они никуда не выбыли. А вновь принятых в отряд — 230. В активе, таким образом, 60 человек. Среднеарифметически — потерь в соединении никаких.

— Ловкий статистик... А раненых тоже воинами считаешь?

— А разве не они выручали нас вчера вместе с вами? — улыбается Лопатников.

Считаем дальше:

Червоный убавился на 45 воинов;
Конотопский — на 21;
Макаровский — на 11;
Коростышевский — на 14;
Чапаевский — на 38.

Зато выросли численно: Хинельский — на 20 человек,
Киевский — на 44.

Под вопросом судьба Конотопского и Коростышевского отрядов, но под таким же вопросом судьба и всех нас.

Меня не очень утешают цифровые выкладки штаба соединения. По ним у нас все хорошо, мы даже выросли численно. Беда только в том, что эти, на первый взгляд, благополучные цифры не показывают того, что мы теряем в боях закаленных, обстрелянных воинов, ветеранов, а к нам приходят преимущественно люди, которые почти не нюхали пороха. В каждом бою мы теряем прежде всего коммунистов и комсомольцев, которые цементируют соединение, делают его монолитным, стойким. Это самые ошутимые и, можно сказать, невосполнимые потери.

Комиссар Армянского отряда Алексей Васянович сделал анализ потерь по отряду и составил следующую таблицу:

	Было к началу рейда	Потеряно убитыми	Осталось на сегодня
Членов ВКП(б)	43	22	21
Кандидатов в чл. ВКП(б)	22	17	5
Комсомольцев	99	35	64
	164	74	90

Аналогичное положение и в других отрядах. Каждый раз теряем в бою прежде всего коммунистов, мосящих своими жизнями дорогу к победе для других.

4.3.1944 г.

Местечко Топоров, 55 км северо-восточнее Львова.

Гаврилюк радурует, что они идут по нашему следу. В бою за Желдец — Верины потеряли семь человек убитыми и одиннадцать ранеными... Потери карателей — свыше ста человек. Переправились через Буг в селе Законы. Рава-Русский отряд наводил переправу. Одурачили всех гитлеровцев. Молодцы! Завтра у нас в соединении прибавится 400 бойцов, еще более закалившихся в этом десятисуточном рейде.

Вселяют надежду здешние леса, хотя и кишашие националистическими бандами. Мы, конечно, их выживем. Воссоздадим здесь Брянскую эпопею... Видимо, тут нам суждена и встреча с фронтом нашей родной Красной Армии. Мы поменяем тактику. Леса и заболоченные пустоши должны стать нашей крепостью. Для того и запасаемся сейчас маслом, сахаром, фуражом — все оттуда же, за счет УПА, из ее складов, которые отмыкаем тем же методом, как бывало на левобережье Случи.

Здесь пустоши под охраной националистов, но не оправдать им надежд оккупантов! Не устоять бандеровцам перед нашими хлопцами. Куда им!.. Бездорожье и отсутствие связи в избранном нами краю тоже станут нашими союзниками. До фронта здесь не далее 80 километров. Сознание этого поднимает дух и вселяет надежды. Надо только обеспечить наилучшие условия раненым...

Пишу приказ о повышении бдительности. Запрещаю отлучаться по-одному, посылать в дозоры и на разведку менее отделения с пулеметом. Нужно всячески теснить и уничтожать банды бандеровцев!

В руках у меня прошлогодние газеты «Львовские вести». Лейтмотив их — ползание перед оккупантами да убийства.

Из газет узнаю, что кто-то уничтожает чиновных пособников рейха в самом Львове.

В номере за 27.2.1943 г. сообщается, что «полицист» погиб на посту, охраняя покой и безопасность оккупантов, чем и прославил звание украинского полицая...

А 1 марта днем, сообщает газета, другой постовой полицай сражен среди бела дня двумя выстрелами...

4 марта, извещает директор полиции, в 11.30 на Стрелецкой улице двумя выстрелами убит сотрудник полиции, когда он хотел уточнить личные данные одного неизвестного.

19 марта гибнет «от злочинной руки» начальник полиции.

«21 марта убит в рукопашном бою «з скритновбивниками» полковник Ян Войноровский — директор союза украинских кооператоров, сотрудник вспомогательного комитета, старшина украинского войска, атаман повстанческих антибольшевистских отрядов с 1920 года, писатель».

В номере за 24.3.43 г. извещается о гибели еще одного такого «голови Українського Державного Комітету» — УДК, а через два дня — опять: «Внимание, «убийство!», «Новая жертва на посту!».

В номере за 17 мая сообщается, что Ярослав Барановский, доктор прав и общественных наук, член ОУН, почетный президент центрального комитета украинского студенчества, бывший член украинской военной организации, генеральный секретарь «проводу» украинских националистов, пал от «злочинной руки» на улице Львова на 37-м году жизни. «Среди венков мужественному воину — один от Андрея Мельника...»

Факты отрадныe.

Но кто же они, эти герои площадей и улиц?

Ответ угадывается в статье о «Блудном сыне» (13.2.1943 г., № 31), где газета плачется о том, что некоторые люди забыли свои национальные интересы и переходят в «чужой» лагерь, особенно это относится к рабочим, ибо городской элемент «более поражен денационализацией...»

А вот номер «Львовских вестей» от 20.4.1943 г. наполнен словоизлияниями в честь именин «фюрера-творца»: «...Жить нам можно будет только тогда, когда победа в этой мировой войне останется за Германией... Гений фюрера осуществил в прошлом уже много чудес, и вся Европа, и мы с нею верим, что этот гений фюрера покажет нам еще чудо и в будущем».

На той же ноте пропел свое архипастырское послание митрополит Шептицкий, призывавший паству к смирению, вере в бога и дома, и вдали от родных мест, в Германии... «Все силы на помощь Германии против большевизма!» — вторит ему варшавский митрополит Дионизий (22.4.1943 г.).

В одном из номеров сообщается, что среди бела дня в центре города Львова одним советским разведчиком* убит вице-губернатор доктор Бауэр, и все «украинское общество» приглашается почтить память вице-губернатора...

Горит земля под ногами оккупантов и их сообщников...

5.3.1944 г.

*Местечко Станиславчик, 70 км
северо-восточнее Львова.*

Мы снова на реке Стырь, только на этот раз в глуши лесов. Как и в Торговище, мост разобран бандеровцами. Они пытались уничтожить его совсем, да успели сорвать только настил. Враг думал, что мы пойдем по мосту, а наша колонна круто повернула к югу, чтобы закрепиться в хуторах и большом селе Турзе, которое должно стать нашим жильем и продфуражной базой.

* Им был легендарный разведчик, Герой Советского Союза Н. И. Кузнецов.

Здесь-то и настигла нас весть о появлении в Станиславчике Гаврилюка с отрядами. Я поспешил туда. Встретились, обнялись, расцеловались по-братски.

Среди партизан радость бьет через край. Рассказывают друг другу:

— Мы думали — крышка вам! Едва прорвались через Буг...

— Что и говорить, нам досталось от «Галичины»! Отдали многослойного пирога, братцы. Гонялась за нами сила, а за нею шли мы, а за нами — снова она, с боков да в лоб — они же, над головой с воздуха еще раз они и они — эсэсовцы! Каких ребят вырвали из наших рядов, проклятые!..

До позднего вечера не утихали разговоры.

6.3.1944 г.

Село Турзе, 60 км северо-восточнее Львова.

Узнаем, что двинулся к югу, на Тернополь и Проскуров Первый Украинский фронт. А перед нами затишье. Хотя и недалеко Дубно и Торговица — не более 60 километров, да теперь туда не проедешь и не пройдешь.

Остается одно — выжидать. Время должно работать на нас. Мы неплохо укрепились, и за нас тут все, кроме бандеровцев, следящих за каждым нашим шагом.

Турзе — обширнейшее село с тремя церквами, множеством хуторов, окружено лугами, полями, лесами, многочисленными топкими речушками. Отсюда берут начало знаменитые Берестечковские болота, с которыми связано грустное воспоминание из прошлого украинского народа — поражение армии Богдана Хмельницкого.

Вокруг десятки ручейков и речушек с болотистыми берегами. С незапамятных времен места эти называются бродами. Даже село тут, за Стырью с непролазным болотом, называется Руда Бродская, и город на восток в километрах двадцати тоже носит название Броды. Есть лесная монастырская глухомань с местечком Монастырек. Когда-то в этих местах водились туры, о чем напоминает название села Турзе (Турье). Вот здесь и расквартировалась наша конница.

Леса простираются сплошным массивом на десятки километров на восток, в северную сторону от Турзе.

Все наши надежды на фронт. Он, без сомнения, приблизится сюда. Наши войска помогут нам устроить раненых, и мы снова, став мобильными, пробьемся в глубокие вражеские тылы. Или, может, пришлют нам, наконец, необхо-

димые самолеты. Тогда отпала бы необходимость ожидать здесь фронт. А пока — подождем.

Бездорожье и вся эта лесная глушь да топи делают занятые нами позиции неприступными для врага. Отсюда мы сможем достать до самого Львова. У Гаврилюка уже налажены связи с местными руководителями партизанского движения и польским патриотическим подпольем.

Вот только по-прежнему досаждают бандеровцы, постреливают из-за углов, продают нас немцам. Для лучшей организации шпионажа село разбито на десятки и сотни дворов. Десятские докладывают сотенным, сколько нас в хате, чем вооружены, число больных и раненых. И сколько у нас гранат, мин, снарядов...

В лесу задержали одного фанатика с четырьмя заряженными дисками к пулемету. «Куда нес?» Не говорит. Вообще не отвечает ни на один вопрос. Волк-волком...

Эти волки едва не съели отряд маликовцев, пробивавшихся к нам сегодня. Командир у них — Борис Кореневский. Осаждаемые бандами националистов, они скрывались в болотах. Приглашаем их держаться поближе к нам и взаимодействовать. Отвожу им лесную глубинку Монастырек. Это целое местечко, находящееся под крылом Червоного отряда, расквартированного еще глубже в лесу — в селе Станиславчике. Пусть отоспятся, подлечим их раненых.

Однажды и моих людей выручил вот так же Маликов. Тоже отсыпались у него после бедствий на Припяти.

Глава VI

«Каменяры»

7.3.1944 г.

Село Турзе.

Гаврилюку повезло: вышел на Львов, на «каменяров». Говорит, что есть десятки адресов, явок. А кроме того еще связь с ЦК ППР*.

— Там и украинцы, и поляки, и русские, и мадьяры, и чех, и даже коммунист-немец с семьей. И комсомольцы, и ветераны КПЗУ**! — торжествует Гаврилюк, поясняя, что «каменярами» называются патриоты, борющиеся во

* ППР — Польская Рабочая партия.

** КПЗУ — Коммунистическая партия Западной Украины.

львовском подполье. Это, говорит, ответ на мои вопросы о героях площадей и городских улиц.

Каменяры!.. Вспоминается пророческий стих великого украинского писателя Ивана Франко:

...И всем нам верится, что нашими руками
Мы разобьем скалу и камни раздробим,
Что кровью собственной, своими костяками
Дорогу укрепим и в новый день за нами
Иная жизнь идет, и станет свет иным...

(И. Франко. Каменоломы, перевод Н. Ушакова).

— Чудесная находка! — радуюсь я, выслушав Гаврилюка. — Где нашел их?

Оказывается, все проще: «Каменяры» находятся среди маликовцев! Ища нас, они наткнулись на Кореневского. Прошли через «фильтр», да еще с очень густым ситом: обезоружены, разбросаны по подразделениям. Рышард Сливинский — полномочный представитель Львовского подполья, член Совета по партизанскому движению Западной Украины, начальник оперативного штаба — определен почему-то в рядовые.

Поручаю Гаврилюку немедленно ехать в Монастырек и привезти ко мне этих «каменяров», и чтоб Кореневский вернул им оружие...

С нетерпением жду Рышарда. Неужели мы действительно попали на львовских подпольщиков?

Сегодня ровно год, как мне присвоили звание Героя Советского Союза. Мыслями я — на Южном Буге. Хочется видеть ветеранов Степного рейда, но рядом — никого, кроме Романа. Все новички. Несут дальше на Запад нашу степную эстафету.

Ветераны теперь в командирах да в разведчиках. Вот они возвратились с задания — Полищук, с ним — Свинцицкий. Ездили на связь к Рава-Русскому отряду. В поездке у них было много приключений. Прошу Свинцицкого рассказать обо всем как можно подробнее.

— Выехали в полночь, — неторопливо начал Свинцицкий. — Продвигались километров двадцать лесом. Спать охота невыносимо. Моросит дождик. Перед утром наткнулись на преграду: «гостеприимные» хозяева-националисты разобрали мост. Из-за них и нас люди боятся. Эти бандиты маскируются под партизан-маликовцев, надевая наши красноармейские звездочки!

Утром мы были в Топорове. Проследовали прямо к Бугу. А к вечеру достигли села Старый Майдан. Когда кормили в лесу коней, выскочивший из улочки броневик дал несколько выстрелов по нас и скрылся в обратном направлении.

Непонятно, ради чего это сделано: ради храбрости или ради развлечения?.. Ждем на краю села проводника. Бедные жители! Они до такой степени запуганы националистами, что стоит только появиться незнакомому, как все убегают, бросая свои дома и хозяйства.

Только ночью взяли, наконец, проводника и, переехав железную дорогу и шоссе, приблизились к фольварку Орловка возле Павлова... Узнаём, что в Павлове стоит танковая часть. Подъезжаем ближе. Грызлов, я и Владлен Гончаровский вырвались вперед на галопе и быстро влетели во двор. Навстречу — сторож с фонарем в руках, от испуга не вымолвит ни слова. Кое-как уясняем: хозяйка — пани-вдова, у нее ночует немецкий офицер. Его-то и решаем захватить тепленького, сонного. Спешились, подошли к дому. Однако немец удрал через окно, а пани в обмороке. Нам досталась только пара пистолетов да автомат, а также несколько литров «аморальной» жидкости. Хотелось найти в фольварке седла, да двинулись танки, и мы, спасаясь от них, только напрасно уморили коней.

Решили отдохнуть в хуторке. Я, Бублин и Гриша Сыромятников въехали в него, чтобы раздобыть еды. Подскакав к двухэтажному дому, мы спешились, привязали к забору коней и вошли во двор. Постучали в одну дверь — ответа нет. Постучали в другую — тоже.

Обошли поочередно и постучали во все окна. Никого нет. А в квартире слышен разговор. Тогда мы подналегли и выставили дверь. И сразу поднялся вой и шум. На чердаке защелкали пистолетные выстрелы.

Какое уж тут ужинать, а тем более ночевать вблизи немецкого гарнизона!

Так и не отдохнув, умчались мы обратно в лес, нашли какую-то заброшенную хату и, набросав лошадям сена, легли спать. Весь следующий день проблудили в лесу. Вечером снова приблизились к селу Павлов и остановились в нежилом домике. Снова Бублин, Полищук и я движемся к избушке на краю села. Есть ли там немцы или нет — не знаем. Оказалось, что они квартируют через несколько хат. Попросили хозяйку организовать нам ужин, а после ужина хозяина взяли в проводники и бесшумно возвратились к своим товарищам.

Мы не смогли переправиться через Буг. По всему берегу ведутся окопные работы и везде стоят войска — в селах, на перекрестках и дорогах. О переправе на ту сторону нечего и думать. Да и теперь это было не нужно: от жителей мы узнали, что польское село Завоны, где отдыхал наш Рава-Русский отряд, полностью сожжено, уничтожен и весь отряд. Старший лейтенант Морозов и капитан Муракин тоже погибли, — закончил свой печальный рассказ Свинцицкий.

Выходит, отряд не прожил и трех суток! Не хочу верить этой ужасной новости. Надо послать на Буг еще одну группу разведчиков. Поручаю ее капитану Грушецкому и одному из опытнейших разведчиков — лейтенанту Носову.

Вечером пришел с Буга партизанский отряд «Патриоты славян». Его командир — младший лейтенант В. И. Попов. Отряд уже второй год базируется в Каменском и Бугском районах, всего километрах в 30—40 от Львова.

Военная биография В. И. Попова началась в Пинской школе морской пехоты. Первая схватка с вражескими танками была на мосту через Десну. Был ранен, лечился в госпитале, затем снова в бою — уже за Севастополь. Еще ранение и госпиталь. В бою у Новороссийска в рукопашной ему покалечило обе руки. Попал в плен. Начались скитания по немецким лагерям, неисчислимы страдания, не прекращавшиеся и во Львовском госпитале «для русских военнопленных».

Выздоровление изможденных и истерзанных военнопленных шло медленно. Все мысли были о побеге. Образовалась группа человек в пятнадцать. Решили бежать, а затем пойти в партизаны.

Но как же бежать из лагеря, расположенного на высокой горе посреди большого незнакомого города?

— Без связей и без друзей провал неминуем, — рассказывает Попов. — Но все устроилось при помощи львовских подпольщиков. Преогромное им спасибо, и прежде всего — Прасковье Дулаевой, ее отцу Сергею Степановичу Дулаеву, а также Марусе Скорик, Валентине Солнцевой, Виктору Юрьеву... Рискуя жизнью, они помогли нам бежать из лагеря, укрыли в своих жилищах, переодели в гражданское и переправили за пределы Львова.

Возле Каменки-Струмиловской нас приютил директор МТС Юзеф Лещинский, тоже подпольщик. Снабдил паспортами, прописал на жительство. Все устроилось в наилучшем виде, только надо было работать на рейх, и к тому же привезли на ремонт танки, подбитые на фронте. Но Лещин-

ский заявил немцам, что мастерские не приспособлены для ремонта вооружения, а нам сказал, чтоб делали для крестьян бытовой инвентарь.

Так вот и началось. Лейтенант Макаров, хорошо знающий по-немецки, назвавшись фольксдойчем, сумел войти в доверие к гауптману, командиру местного гарнизона. По нашему заданию он стал даже у него шофером. Нам нужно было вооружиться, и такой случай представился. Гауптману с его командой пришло предписание отправиться на фронт, и возникла необходимость привезти дополнительное оружие, продукты. 24 февраля 1943 года наша мечта осуществилась. Грузовик с оружием, который вел из Львова в Каменку Макаров, поступил в мое распоряжение. Мы пустились вдвоем по дороге на Бугск, в то время как гауптман остался в ресторане во Львове.

Нам без осложнений удалось добраться до Мазерни Вавршковой — деревни в глуши лесов между Каменкой и Топоровом. Там находился уже весь остальной состав «танко-ремонтных рабочих» Юзефа Лещинского. Вместе с подпольщиками из Мазерни и соседних сел — Яном Косицей, Юзефом Фурманевичем, Эдуардом Млотом, Павлом Клепиковым, Тадеушем Маевским, Владиславом Супчинским, а также лесничим Михайловичем с супругой, связанной Лещинского, мы сразу же поехали к самой отдаленной сторожке, ставшей нашей партизанской квартирой.

К утру мы уже стали вооруженным отрядом, приняли партизанскую присягу. Лишнее оружие забазировали в тайнике. В грузовике его оказалось изрядно: два пулемета, четыре автомата, 18 винтовок, 113 гранат, 27 противотанковых мин, 12 ящиков с патронами, а также мука, крупа, сало, спирт, 200 банок консервов, сапоги, мундиры, даже несколько ящиков сигарет, — словом, все, что полагалось направлявшейся на фронт части...

Мы сразу же начали вооруженную борьбу против гитлеровцев, бандеровцев и польских националистов, проводили диверсии на дорогах, порчу и разрушение линий связи. Все это сочеталось с агитработой среди местного населения.

— Я всегда считал, — рассказывает далее Попов, — что агитмассовая работа — большое подспорье в борьбе против оккупантов. Тем чаще надо проводить ее среди крестьян, которые здесь, на Западе, принимают фашистское рабство как нечто неизбежное и неотвратимое. Почти не оказывая сопротивления оккупантам, они платили буквально все налоги. Не смели забивать собственный скот и даже птицу. Заготовители оккупантов свободно разъезжали по хуторам

и селам, требуя, чтобы крестьяне сдавали более половины всех имеющихся у них продуктов.

Еще более опасным злом явился националистический дурман, а также формирование воинских подразделений в дивизию СС «Галичина». Одурманенные националистической пропагандой, молодые парни записывались туда, шли в отряды «оборонцев» (самооборона), которые стали нападать на польские села. Начались грабежи, поджоги, убийства. Поляки не оставались в долгу. В результате страдали и гибли только славяне, а фашисты подло и хитро разжигали ненависть, натравливая одну нацию на другую. Обещая одним «вільну Україну», другим они готовили полное уничтожение.

Очень важно было в этих условиях разоблачить вражеские происки печатным словом — листовками и газетами, которыми и снабжало нас руководство львовской подпольной организации. Мы не жалели сил и времени на пропаганду и агитацию. Распространяемые нами листовки, газеты и сводки Совинформбюро действовали на умы людей, вселяли в них веру в победу Красной Армии и надежду на скорое избавление западных областей Украины от гитлеровского нашествия.

Уже в мае 1943 года мы чувствовали себя хозяевами лесов, лесных селений и контролировали оба берега Буга. В народе ширилась слава о партизанском отряде Васьки Черного. Немцы вынуждены были прекратить заготовки лесоматериалов и смолы-живицы. Многие из того, что было уже заготовлено, мы пожгли. Прекратилось также свободное движение автотранспорта на всех шоссейных, а тем более грунтовых дорогах вблизи лесов. Гитлеровцы подвергали обстрелу различные участки леса. Но отряд наш оставался невредимым, так как постоянно кочевал из одного района в другой, с восточного берега реки — на западный и обратно. Мы не теряли инициативы и каждый раз наносили удары по врагу первыми. Решающее значение в нашей борьбе имела помощь местного населения. Враги, сколько бы их ни было, оставались каждый раз в проигрыше, поскольку не им, а нам служили сотни и тысячи стерегущих глаз наших друзей, связанных и просто патриотов, часто неизвестных нам верных помощников и разведчиков.

С наступлением весны мы пытались соединиться с другими, более сильными отрядами, готовились уйти в партизанские районы, посылали своих разведчиков в Рава-Русскую и далее на север, в район Ковеля, только связаться с ними не смогли. Были поиски и в направлении Сарнен-

ских лесов, где, по слухам, находился крупный партизанский отряд. Но в это время очень активизировали свои действия бандеровцы. Однажды их колонну мы обстреляли на лесном участке дороги. Враги в замешательстве разбежались, бросив убитых и оружие. В народе пошла молва, что высадился крупный десант Красной Армии, соединившийся с сарненскими партизанами.

Мы усилили агитацию среди жителей, убедившись, что ее очень удобно проводить на полях, куда выходил весь народ на уборочные работы. Мы считали себя бойцами Красной Армии, несущей свободу для крестьян западных областей Украины, которые всегда провожали нас, напутствуя традиционными словами: «Щасты вам на вашому пути!»... От этих слов становилось теплее на душе, так как говорились они от чистого сердца теми, кто желал нам удач и победы.

Однажды, чтоб не испугать крестьян, я вышел из лесу один и подошел к двум жнецам — мужчине и женщине. Увидев вооруженного, они попросту лишились дара речи. Я поздоровался, взял в руки косу и начал косить ячмень.

— Кто вы такой? — проговорили наконец они.

— Партизан, — сказал я.

Они недоуменно переглянулись и ответили:

— Если бы вы сразу так сказали, мы бы, наверное, умерли от страха, а теперь видим — вы обычный человек...

— Но кто вас так напугал? — спросил я. Из их ответа стало ясно, что сделали это «оборонцы» вместе со своим священником.

Я рассказал жителям о целях нашей борьбы, о том, кому мы враги, а кому друзья и братья, и дал им почитать листовку на украинском языке. Но мои собеседники оказались неграмотными, пришлось прочесть им самому. По их просьбе я оставил эту листовку, чтоб ее могли почитать и другие. Меня угостили молоком и хлебом, далеко проводили, приговаривая: мол, теперь мы знаем, кто такие партизаны на самом деле, и понимаем, чего стоит вранье «оборонцев» о партизанах.

На железной дороге Ковель — Львов, где на восток часто проходили вражеские эшелоны, мы поставили под рельсы свои мины. Однако вместо военного эшелона на них наскочил эшелон с зерном. Под обломками погибло только 18 солдат и 30 было тяжело ранено. Для диверсий взрывчатки больше не было. Тогда мы снова стали подумывать о том, чтоб присоединиться к партизанам Полесья. Поставили этот вопрос на обсуждение. Однако люди из соседних

сел стали просить партизан-родичей и руководителей отряда, чтоб мы никуда не уходили, заверяя, что в ближайшее время найдут нужные нам связи с волынским партизанским Полесьем.

Признаться, нам и самим не хотелось уходить, расставаться с народом, делавшим наш небольшой отряд непобедимой силой. Кроме того, мы знали и твердо верили, что к нам обязательно придут крупные партизанские силы, придет победоносная Красная Армия...— так закончил свой рассказ В. И. Попов.

Я записал от него песню, бытовавшую в его отряде:

По лесным по дорогам просечным
Проходил наш отряд боевой.
Побратались друзья в нем навечно,
С песней этой ходили на бой.

Мы идем, непогодой облиты,
Белорус, украинец, поляк.
Убегает от нас недобитый
Ненавистный и подлый наш враг.

Но дрожащим от страха фашистам
Не уйти от руки партизан:
Все пути, все дороги тернисты,
Всюду рать патриотов-славян!

— Знаете Рышарда Сливинского? — спрашиваю Попова.

— Нет, — отвечает Попов. — Может, знает его Лещинский. Вся связь с центром подполья — только через Лещинского, а он — в Каменке-Струмиловской.

8.3.1944 г.

Село Турзе.

В 7.30 меня разбудили разрывы снарядов. Гитлеровцы решили нанести внезапный удар. Принял его на себя отряд Сыпльового. Остальным я тоже приказал выйти на оборону, а обозы укрыть в лесу.

Ожесточенная перестрелка не смолкала до 12 часов дня. Затем немцы откатились. На поле боя остались 52 вражеских трупа и два обгорелых танка.

Борьба за овладение полем боя продолжалась до вечера: мы хотели собрать трофеи, а немцам надо было вынести своих убитых. Они увозили их волоком, танкеткой. Только две повозки со снарядами достались хинельцам. У нас убитых нет, раненых двенадцать. В селе сгорело 18 дворов, в том числе и поповский дом, которого не жаль,

потому что местный поп — бандеровец, а сын его — предводитель шайки бандеровцев.

По пути в Гутиско, куда перемещался наш штаб и Хинельский отряд, Свинцицкий всю дорогу рассказывал мне, как пришлось ему утром:

«Из хаты нельзя выскочить, она под обстрелом, а из сарая вывести лошадей еще труднее. Но времени для раздумий не было. Схватил автомат и побежал в сарай. Лошади всполошились — невозможно оседлать. Увел своего в поводу и получил приказание остаться вашим связным со штабом Сыпльового. Несколько раз ездил на линию обороны, подвозил патроны к ПТР. Насмотрелся: наши парни, как только бой приутихнет, играющий механизм от часов пускают, музыкой развлекаются, песни напевают. Война стала какой-то привычной...»

На опушке леса толпились погорельцы, сбежавшие из Турзе. Свинцицкий заводит с ними речь о виновниках пожара: «Если бы бандеровские главари не звали немцев, не заявляли на партизан, то и хаты ваши остались бы целыми. Кто прав, тот и побеждает. Мы вот — целы, невредимы, а вас немцы оставили без крыши и хлеба, голых... Теперь понятно, кто ваш друг, а кто недруг?..»

Крестьяне виновато качали головами, разводили руками и все повторяли:

— Так, так. Бачимо. Та що ж маеш робыты, колы нэ воля наша?..

Разместились в хуторе Гутиско.

Гаврилюк представил мне, наконец, «каменяров». Их семеро из шестнадцати, присланных военным советом организации «Партизанское движение западных областей Украины».

— Это,— поясняет Рышард,— интеллигенты, рабочие, студенты, военные; коммунисты и антифашисты, комсомольцы и ветераны КПЗУ. Вот,— рекомендует он,— самые доверенные: Хидик, Дармограй, Мациевский, Середницкий, Веклюк и Шрек...

Ребята одеты в пальто и куртки, на ногах — ботинки с толстыми подошвами и сапоги; на голове «галичанки» — шапки-фуражки; вооружены немецкими карабинами, пистолетами и гранатами. Возраст — в основном от тридцати до сорока лет. Веклюк, Середницкий и Шрек — обмундированы в униформу лесоохранников. Все подтянуты, мобильны, боеготовы, как взведенные курки.

Заместитель Рышарда Хидик, он же Цибульский, художав, черняв, не расстаётся с заряженным пулеметом. Он —

офицер-криминалист. В прошлом — служащий польской полиции, давний «симпатик» * КПЗУ.

Замполит Рышарда Дармограй — высокий, светлый, с очень интеллигентным лицом, литератор по профессии, отлично владеет немецким.

Мацевский неговорлив, худощав, тоже высокий ростом. Работал перед войной в милиции.

Из трех юношей наиболее интересен Михаил Веклюк. Работал секретарем окружного комитета комсомола, бывал в застенках Пилсудского. Сам Рышард — не Рышард и не Сливинский, а Курилович Иван Прокофьевич, человек неизвестный в Коминтерне, уроженец села Старомлины Пинской области. В юности батрачил в Аргентине, где стал коммунистом, а затем ушел добровольцем в отряд Домбровского республиканской армии в Испании, после поражения которой был интернирован во Францию. Стал членом Объединенного руководства польских, белорусских и украинских коммунистов. В 1941 году бежал из лагеря в город Нереле-Бен, откуда руководством польских коммунистов во Франции был переброшен на подпольную работу в Сант-Элюа, где входил в состав местного партийного комитета. На нелегальной работе во Франции пробыл два года. В феврале 1943 года руководство польских коммунистов во Франции направило И. П. Куриловича в распоряжение ЦК ППР. В Варшаву прибыл в марте 1943 года, руководством ППР и «Народной гвардии» был направлен во Львов на руководящую работу в партизанском движении западных областей Украины.

Таковы наши гости. Все они хорошо говорят по-польски, по-украински, свободно изъясняются по-русски. Их первые слова о цели прибытия — контакт с Москвой, «с большим партизанским движением», что не получилось через Варшаву. Не вышло связи с советским руководством через командование соединения С. А. Ковпака во время Карпатского рейда, по пути трагически погибли все посланцы во главе с членом Совета организации. От имени организующего костяка — ветеранов КПЗУ Дармограй прочел нам следующее заявление:

«...Хотя Красная Армия была далеко во временном отступлении, мы ни на минуту не сомневались в ее окончательной победе.... С верой в эту победу мы, сохраняя свою пролетарскую честь, включились во всенародную борьбу

* Симпатик — сочувствующий (польск.).

советских людей за освобождение нашей Родины от фашистского нашествия и его прихвостней...

Мы твердо встали на путь борьбы, мы добывали оружие своими силами. Мы уничтожаем живую силу и технику врага, организуем саботаж, выводим из строя транспорт. На раздобытые деньги оказываем помощь голодающим военнопленным и осуществляем их побеги из концлагерей... Мы потеряли многих лучших товарищей из числа подпольщиков КПЗУ и комсомольцев западных областей Украины...»

В этом письме ветераны КПЗУ выразили свою готовность слиться в едином фронте партизанского движения Большой и Западной Украины. Они желали, чтоб «Народная гвардия» стала постоянным притоком многоводной реки, несущей западноукраинским областям плодородие и благоденствие...

— Эти слова,— подчеркнул Дармограй,— являются завещанием одного из первых организаторов «Народной гвардии» — начальника оперативного штаба Совета, пламенного комсомольца Тадея Гаевского. Он погиб летом минувшего года при попытке соединиться с ковпаковцами. Это была первая попытка найти связь с Большой землей, с Москвой, с нашей Родиной, которой на жизнь и смерть давал клятву каждый народогвардеец и подписывался под нею¹.

Вот эта клятва:

«Я, сын (дочь) украинского народа, присягаю, что мужественно и до последних сил буду бороться за свободу своего народа, за освобождение Советской Родины и братских славянских народов из-под гитлеровского ярма; присягаю подчиняться руководству партизанским движением западных областей Украины, буду беспрекословно послушным, буду выполнять приказы и доверенные мне боевые задания, не отступая ни перед какими опасностями.

Присягаю, что сохраню боевую и военную тайну организации и не предаю ее даже под страшнейшими пытками, что беспощадно буду разоблачать тех, кто изменил, как и тех, кто не будет сохранять тайну организации.

Присягаю, что буду бороться за освобождение Советской Родины, не покладая рук, до окончательной победы».

«Присягаю...» — это не только торжественные слова, но кровь и жизни борцов «Народной гвардии».

В сентябре 1942 года организации и группы коммунистического подполья Львова объединились в единую организацию «Народная гвардия», возглавляемую окружным сове-

* Варягина В., Вакуленко Г. Народная гвардия.— Львов, 1967, с. 117.

том (с декабря 1943 года организация приняла название «Партизанское движение западных областей Украины»), а окружное командование реорганизовалось в военный совет. В окружной совет входили: коммунист Грушин В. А. — бывший директор конвертно-беловой фабрики во Львове, руководитель комсомола Березин Н. Д. — бывший заведующий учебной частью Львовского политехнического института; комсомолец Г. А. Гаевский — львовский рабочий; коммунист Полубяк А. П. — рабочий, имевший богатый опыт нелегальной работы до воссоединения западных областей с СССР; члены КПЗУ Дацюк А. Т., Цибрух Е. Г., Макивна С. А. и другие. В состав организации, насчитывавшей в 1943 году свыше 600 человек, входили украинцы, русские, поляки и представители других национальностей. Ее подпольные боевые группы действовали во многих городах и населенных пунктах Львовской, Дрогобычской, Станиславской и Тернопольской областей.

«Народная гвардия» издавала на украинском и польском языках газеты «Борьба» и «Новини дня», «Партизан», «Голос вольности». Гости предъявили нам их как свой пароль и советский паспорт, сберегаемый во мраке оккупации.

«Да здравствует единый фронт польских и украинских масс за освобождение от гитлеровских оккупантов!» — читаю в одной газете, заканчивающейся приглашением прислать в прессовый фонд корреспонденции и просьбой не уничтожать газету, а, прочитав, передавать дальше. Эти газеты высмеивали «Соборну Україну», указывали, что путь борьбы с гитлеризмом в братском содружестве с народами СССР.

В первомайском номере 1943 года «Борьба» пишет: «...В этот день народные массы всей Европы поднимают голос протеста, в этот день думы и дела жителей Москвы, Варшавы, Праги, Парижа — едины...»

«Голос вольности» за этот же день заполнен материалами о международном празднике и сообщениями о героических подвигах Красной Армии, а также партизан Украины, Белоруссии, Польши, Чехословакии, Франции, Югославии.

Газета «Партизан» призывает: «...Пусть ни один украинец не опозорит украинского народа и не вступит в гитлеровскую дивизию — «Галичину!...»

Не только словом, но и боевым делом боролись «каменяры». По пути к нам, рассказывал Дармограй, посланцы Львова «поставили жабку, дернули за шнур и пустили под откос поезд под Бродами...».

Орган ППР газета «Гвардист» от 20.8.1943 г. сообщает, что по донесениям штаба «Гвардии Людовой» * проведены следующие важнейшие акции: пущено под откос 20 поездов и осуществлено 5 других диверсий на железных дорогах. Взорвано 7 железнодорожных мостов. Уничтожено 238 административных объектов, учреждений и полицейских постов. Освобождено из лагерей и тюрем свыше 600 человек. Проведено 27 крупных боев, в том числе один трехдневный. Кроме того, члены организации разоружали полицию, расправлялись со шпионами и предателями, уничтожали автомобили и т. д.

«Народная гвардия» живет и борется! Многие из патриотов пали смертью храбрых...

Вместе с гостями я дополняю «вечный список» именами «каменяров», прокладывавших своими жизнями дорогу к Советской Родине. Среди первых жертв была Янина — Янка Визинберг, известная подпольщица, опознанная провокатором и схваченная гестаповцами. Следующими жертвами были Григорий Дубас, погибший в бою с жандармами, Тадей Гаевский, Ольга Клещ, замученная в концлагере, Василий Федас. Такой ценой оплачена попытка найти в прошлом году путь к партизанам-ковпаковцам. Несколько позже в перестрелке с жандармами погиб Сигизмунд Лявр и схвачены гестапо «за участие в запрещенных организациях» Иосиф Мельников, Николай Базилевский, Антон Полуляк, Петр Перчинский, Галина Перчинская, Андрей Гапа. При попытке вывести в леса военнопленных погибли в неравной схватке с жандармерией Мария Туранова, Галина Кишак, осетин Адам и киргиз Канатов...

В самом начале этого года погублены бандеровцами лучшие самборские товарищи — Иван Кисель и Борис Кармазин. Выданы националистами гестаповцам Юрий Якубовский вместе с дочерью Аллой, искавшие связи с партизанами Робенщины...

Неисчислимы жертвы понесла обращенная в губернаторство рейха Галиция. Во Львов, объявленный сразу же Лембергом, уже 30 июня 1941 года ворвались бандеровские и мельниковские карательные отряды — «Нахтигаль» и «Ролянд», провозгласившие «самостийну Украину» и призывавшие подчиняться только что образованному Краевому управлению, возглавленному агентом гестаповцев националистом Маринчаком. Первым их кровавым делом была зверская расправа над 36-ю львовскими учеными и

* Народная гвардия.

писателями. Вместе с оккупантами они лишили жизни в концлагерях великое множество людей. В частности, в Яновских лагерях — около 20 000, в Лисническом лесу — почти столько же, в Раве-Русской — до 18 000, в Бродах — 10 000, в Золочеве — 12 000, в Яворове — не менее 8000 человек.

Комендант Яновского концлагеря Вильгауз стрелял в несчастных узников прямо из окна квартиры, стрелял ради забавы и развлечения вместе со своей женой...

Только во Львовской и Дрогобычской областях гитлеровцы убили и замучили более 860 тысяч человек гражданского населения и военнопленных, угнали в немецкое рабство свыше 170 тысяч человек. Вот они, каменярские жертвы на пути к свободе, к светлой доле новой Галиции.

9.3.1944 г.

Хутор Гутиско, 70 км северо-восточнее Львова.

Из ЦК партии поступила радиограмма.

«...Установление вами связи с польскими коммунистами и Военным советом организации «Партизанское движение западных областей Украины» заслуживает внимания. Оказывайте Львовскому штабу всяческое содействие по организации партизанского движения во Львовской, Станиславской, Дрогобычской областях, а также на территории Польши...»

Вот так разрастается наше партизанское дело, ему тесны рамки республики. УШПД ориентирует, что сюда придут и другие партизанские соединения. Утвержден всеохватывающий план: на Львовщину идут Сабуров, Федоров, Кизя, Нырко и Савицкий; в Дрогобычскую область выйдет Чепига; в Черновицкую — Иванов; в Тернопольскую — Шитов с Маликовым и в Станиславскую — наши коллеги по делам у Киева — Скубко и Олексенко...

Это сила, которая всколыхнет Галицийский край, спасет «каменярков» и всех здешних людей от зверств националистов! Этому делу надо отдать все силы, тем более важно своевременно поддержать «Народную гвардию», объявившую во всеуслышание беспощадную партизанскую войну оккупантам и украинским националистам. Сейчас, как никогда, здесь необходимы те силы, которые должны выйти из Полесья.

У нас снова беседа с Куриловичем. При этом присутствует только Гаврилюк.

Разговор идет о структуре, силе, средствах, связях и кадрах «Народной гвардии». Более всего нас интересуют,

конечно, Львов, Самбор, Комарно, Перемышль... Все, что сообщит нам Курилович, должно как можно скорее слу- жить Центру, фронту. Ведь это редчайшая удача — найти столь разветвленную, отлично законспирированную и за- каленную в острейшей борьбе подпольную организацию.

«Народная гвардия» необходима и нам самим, как пер- спектива для дальнейшего развертывания борьбы на Запа- де, как опора, как союзница...

Прежде всего хочется понять ее структуру. Со слов Куриловича представляю себе такую схему:

Основа всей организации — подпольщики, а во главе их — военный совет, имеющий оперативный штаб. Затем — районные коменданты, называющиеся и командирами.

Далее — сеть связанных, явочные квартиры. Пресса и радиоинформация. Вооружение и финансы. Отдел легали- зации, он же — техническая группа, изготавливающая личные документы подпольщикам. Медицинская служба, Уполно- моченные иногородних и зарубежных ответвлений.

Нам надо знать имена подпольщиков, а также адреса явок. Курилович обо всем этом рассказал нам довери- тельно. С большой теплотой он говорил о многих пат- риотах.

Но на весь «дистрикт» Галичина самым лучшим связ- ным был П. П. Перчинский (член окружного совета), инспектор ветеринарного управления, свободно разъезжав- ший по всем районам Галиции, поскольку фашисты забо- тились о здоровье животных больше, чем о людях...

Широк круг участников подпольной прессы. Возглав- ляют ее члены совета М. Д. Березин и В. Я. Грушин. Газеты на польском языке издает Карол Курилюк, про- живающий нелегально. Березин и Грушин легализованы и числятся на работе, первый — инженером газового за- вода, второй — на белой фабрике, откуда и поступает газетная бумага. Работу техредактора выполняет А. И. Га- па, комсомолец, питомец львовского института. М. Кравац- кий — активнейший распространитель, снабженец и экспе- дитор печатного дела; Матильда Гляйх — журналистка, машинистка и автор листовок на польском и немецком языках; Н. В. Недашкевич — поставщик материалов для ротаторов и пишущих машинок; Н. П. Штеренберг — ма- шинистка, печатающая на украинском языке; К. Л. Войто- вич — содержательница перевалочного газетного пункта...

Немногочисленная, но высококвалифицированная груп- па людей ведет очень важную работу по легализации под- польщиков, убежавших из плена, и окруженцев. Руково-

дит ею коммунист, бывший директор завода пожарных насосов — И. Т. Матвишин, член совета, курирующий также финансы и вооружение. Живет он под другой фамилией. Его главный помощник — Ян Прокопович, специалист по изготовлению штампов и печатей; Вит Фриц исправно поставляет для организации штампы, готовые бланки, радионовости, а также оружие. Писательница Лилия Геперт, преподающая в университете, знающая немецкий, латинский, польский и русский языки, оформляет немецкие аусвайсы, польские кенкарты (паспорта), метрики и удостоверения немецких фирм и пропуска предприятий...

Группу вооружения, то есть захват, сбор, ремонт, приобретение и изготовление взрывающихся и воспламеняющихся материалов возглавляет Марухач И. Г., член КПЗУ с 1923 года, участник Октябрьской революции в Петрограде, красноармеец-буденновец, живущий под другой фамилией. Марухач работает на военном складе кладовщиком...

Курилович еще долго рассказывал о тех, кто имел радиоприемники, служившие источником информации для прессы, о тех, кто лечил партизан и подпольщиков, кто шел на риск, добровольно содержал явочные квартиры.

Вот такая настоящая Галиция, борющаяся против Гитлера! Львов не столько центр созданного фашистами «дистрикта», сколько столица «Народной гвардии»!

Тороплю Гаврилюка с очередным донесением Центру. Москва очень интересуется «каменьярами», запрашивает: «...В каких именно местах действуют отряды «Народной гвардии»? Каким вооружением располагают? Можно ли установить связь с ними?»

Надо послать людей во Львов, в Совет. И надо послать связного в ППР, в Варшаву. Нужно нашему фронту извлечь пользу из этого подполья...

Наши люди должны пойти в Берестечко, Дубно, Тернополь, Броды. В Бродах, сообщил Курилович, есть филиал «Народной гвардии». Руководитель его — Бурачек, работник склада оружия. Кроме того, двенадцать человек народогвардейцев: Антон Куть, его сестра Ольга Зварич, Владек Селецкий, Ганна Азенберг и другие — находятся в самом городе. Есть еще кое-кто среди станционных служащих в Радзивиллове, Бродах, Красном. Однако и это не все. Полагаясь на Гаврилюка, я не стал далее запоминать и записывать...

10.3.1944 г.

Хутор Гутиско.

Д. З. Мануильский запрашивает: почему молчит венгерская радиостанция?.. Оказывается, слегли мои венгры. Тиф. Ева тоже в жару. Почти от самых Баличей.

Так и докладываю Мануильскому, что больна радистка...

Приходит Галинка — бодрa и легка на ногу, с гранками очередного набора и неизменным дневником. Пробегаю последние записи:

«Сегодня затемно разместились по лесным опушкам. Все замаскировано, но армяне приняли бой с танкетками. Погиб в схватке Сережа Погосян. Потом появились самолеты. Но, как говорит Денис Ходоркин, по этому виду спорта мы в состязаниях участия не принимаем. С самолетами вступать в бой не можем, единственный выход — обмануть их, умело спрятаться. И это получается как-то оригинально. Бомбят лес — мы стоим в селе: мы в лесу, а немцы бомбят села. Это, наверное, наши командиры счастливые с их тактикой».

У Галинки уже набраны гранки из того текста Устава полевой службы «Народной гвардии», который я выписал и хочу напечатать, как необходимые положения:

1. В партизанский отряд может вступить каждый гражданин или гражданка любой национальности, желающие бороться против оккупантов и их пособников.

2. Партизанские отряды уничтожают важнейшие войсковые объекты, дезорганизуют связь и транспорт, истребляют жандармерию и полицию, воинские гарнизоны, ликвидируют изменников, шпионов и прочих прямых слуг фашистов. Разжигают в народе антифашистское настроение.

3. Основой успеха и активности партизанских отрядов является их подвижность; только безоглядная решительность обеспечивает им успех во время боевых операций.

4. Основные формы боевой деятельности партизанских отрядов — неожиданная атака, внезапный наскок, засада. Благодаря внезапности более слабый может разбить более сильного противника или нанести ему ощутимые потери.

5. Мелкие вражеские подразделения надо заманивать в засады, где после обстрела с нескольких сторон стараться овладеть полем боя, а значит, и трофеями.

6. Внезапный обстрел тем эффективнее, чем ближе подпущен враг.

7. При неожиданной встрече с противником успех дела решает только незамедлительная атака.

8. На марширующую колонну следует нападать с флан-

га и тыла с наименьшей дистанции, уничтожая ее по частям, малыми группами.

9. В случае внезапного окружения противником партизанского отряда только безоглядный, мгновенный, решающий удар в одном избранном месте может разорвать кольцо врагов и обеспечить выход из окружения всего отряда.

10. Лучшее время для налетов, наскоков, набегов на врага — ночь. Или же они должны осуществляться на закрытой местности.

11. Каждый партизан должен помнить, что только смелость, решительность, презрение к смерти, личная инициатива и самоотверженность, а с другой стороны, дружные коллективные усилия обеспечат успех и всего дела, и его собственное благополучие.

12. Командир партизанского отряда — это один из партизан, который наиболее умудрен в военном деле, правильно ориентируется в политической обстановке и своими товарищескими качествами и опытностью заслужил общее уважение товарищей по оружию.

13. Командир никогда не оставляет свой отряд, не ходит в разведку, не ходит ни на какие акции, в которых участвует меньшая часть отряда. Он не назначается в караул.

14. Дисциплина — залог успеха в проводимых операциях. Она — необходимая предпосылка благополучия отряда и его боевого состояния. Недисциплинированность одного может быть оплачена жизнями воинов всего отряда.

15. Приказ командира должен быть выполнен любой ценой. Никто не имеет права обсуждать или изменять приказ командира отряда. Отказ от выполнения приказа, бегство с поля боя, дезертирство считаются изменой.

16. У партизан за нарушение приказа могут быть два наказания: выговор и высшая мера.

17. Партизанские отряды несут кару всем, кто за счет народа выслуживается перед оккупантами. По отношению к остальному населению партизаны должны быть лояльными и дружественными.

18. Реквизицию продовольствия партизанские отряды проводят как во вражеских учреждениях, предприятиях, так и у тех, кто преданно служит врагу. В случае необходимости партизанский отряд может взять продукты у зажиточных хозяев; можно брать и у бедных хозяев, но лишь с их согласия и за деньги.

11.3.1944 г.

Возле Гутиско.

Бомбежки усиливаются и учащаются. Приходится ночевать в лесу и довольствоваться «перинами» из хвои с шишками.

Слишком докучливы «стрекозы». Эти воздушные корректировщики шныряют так низко, что сдувают солому на крышах. Сожгли несколько построек, убили и ранили несколько человек в Армянском отряде.

Я остановился в расположении разведчиков. Замаскировались они хорошо. В минуты затишья Свиницкий с друзьями начал игру в футбол. Расчистили небольшую площадку в посадке, мячом служит чехол от автоматных дисков, набитый сухими листьями.

Костров в лесу мы не разжигаем, опасаясь бомбежки. Вчера под бомбы попали маликовцы. Было переполоху и шуму в Монастырьке, откуда они своевременно не вышли на дневку в лес. Да, собственно, в лесу тоже нужно уметь маскироваться и твердо поддерживать определенный режим. С этой целью я посетил бивак нашего штаба.

Среди штабистов идиллия... Как только прожужжит «бреющий» самолет и воцарится тишина — по лесу льются звуки скрипки. Это играет капитан Грушецкий, всегда неразлучный со своей скрипкой. А окрест, сидя, лежа, стоя, прислонившись к дереву или уютившись на муравейнике, партизаны завороченно слушают музыку.

Грушецкий рассказал, что сегодня чуть не расстался со своей скрипкой. Когда в Турзе ворвались танки противника, ему и его ординарцу Васе Яковлеву пришлось уходить с боем через окна хаты. Казалось, не до скрипки в такой ситуации, но не такой Яковлев. Он возвратился и, презрев опасность, вынес скрипку из хаты.

Сегодня ночью ожидаем самолеты. В боях за удержание занятой территории были израсходованы боеприпасы, и вчера об этом немало говорилось на партактиве в Гутиско. В сущности, не вчера, а сегодня, так как провели это собрание ночью. Обсудили уроки бомбежек, выпавших на долю наших соседей, маликовцев. Постановили, что будем организованнее, бдительнее, искуснее в деле маскировки, дисциплинированнее... Станем строже выполнять распоряжения штаба и приказы командования.

Другим, не менее важным вопросом была задача поднимать боевой дух бойцов своим личным примером, всемерно повышать стойкость и боеготовность, улучшать разведку, уделить этим вопросам должное внимание на соб-

раниях партийных и комсомольских организаций, которые необходимо проводить более регулярно и, конечно, в ночное время, когда исключена прицельная бомбежка собравшихся.

Конечно же, надо более экономно расходовать боеприпасы, особенно — противотанковые. Стрелять следует только по конкретной бронещели прямой наводкой... Надо иметь фугасы и связки гранат. В этом деле коммунисты и комсомольцы всегда должны показывать пример всем партизанам.

И, наконец, третья, особая линия разговоров с коммунистами — об усилении борьбы с новым врагом — сыпным тифом. Скученность, неустроенный быт, бомбежки, бои, вынуждающие тесниться и партизан, и население, невозможность частых уборок, стирок и купания — все это способствует возникновению эпидемий. Надо искать соответствующие контрмеры и помогать в этом нашим медикам.

Глава VII

Критические дни

12.3.1944 г.

Там же, около Гутиско.

Утро. Радио сообщает: идут уличные бои в Тернополе, который от нас в 70 километрах. Имей мы боеприпасы да поменьше раненых, можно было бы помочь нашей армии... Но самолетов пока нет и, к сожалению, приходится сидеть и, как говорят, ждать у моря погоды.

Обстановка все более осложняется. Вокруг накапливаются вражеские войска. В заречном селе Кубиско появилась вражеская мотопехота на 32 машинах с танками. Должно быть, снова затормозилось наше наступление на львовском направлении, и потому снова нам стало труднее. У врага достаточно резервов, чтобы послать их против партизан. Правда, до сих пор нас, конников, выручала возможность маневрировать. Но сейчас положение осложнилось, и мы потеряли свободу маневра.

Из прошлого боевого опыта мы уже знаем, что совмещение партизанских рейдов с началом наступления войск Красной Армии — ключ к решению проблемы оперативного взаимодействия.

...Вершигора не отзывается. Наверное, в целях конспирации запретил радистам выходить на связь с нами. Стра-

шится вражеских пеленгаторов. Все указывает на то, что он уходит к северу, к Бресту или того далее.

От Львовского Совета также никакой весточки. Добрались ли туда наши посланцы Дармограй и Хидик? Все ли благополучно в столице «Народной гвардии»?

Угнетает меня и тиф. Сыпняк и воспаление легких — прямо-таки у десятков людей. Не устояли даже Валюша Земскова, старший врач санчасти, и медсестра Катя Осипова, занемог доктор Сурен Тунанов. Словом, санитарный обоз растет не от пуль, так от эпидемий и простуды. Уже более 200 подвод занято ранеными и больными. С утра навестил их. Тяжелое зрелище. Среди тифозных больных ряд медработников, среди них и Мельник Анатолий. Весь в жару, лихорадочный блеск в глазах, мечется. Медсестра Тоня Будник, всегда неутомимая, бодрая, милая и добрая девушка, успокаивает Мельника, мягким ласковым говором старается отвести болезненные подозрения, уверяет, что о вспышке эпидемии знают и принимают меры Надежда Филимоновна и сам кремлевский доктор — Тарасов Михаил Михайлович...

Весь день было спокойно, но к вечеру налетели вражеские самолеты. 17 «юнкерсов» бомбили Монастырек и Станиславчик. Они шли волна за волной. Местечко и село окутаны огнем и дымом. Над ними то и дело поднимаются черные султаны земли. Все вокруг гудит и содрогается, но мы еще в 4 утра вышли в посадки и хорошо замаскировались, чтобы избежать потерь от налетов вражеской авиации.

13.3.1944 г.

Там же, в лесу возле Гутиско.

В 6.00 расположились в лесу. В 7.40 вражеские самолеты вновь сделали над нами несколько кругов и скрылись из виду. Тишина. Греет солнышко. Вокруг — благодать. Вспоминается пушкинское: «С каким тяжелым умиленьем я ощущаю пробужденье в лицо мне веющей весны...»

Играет ветерок. Шумят, раскачиваясь, сосны. А небо — синее-синее, в бело-кудрявых барашках облаков. Откуда-то снова доносятся заунывные звуки скрипки... Просто не верится, что в такой благодати идет неумолимая война, льется кровь и гибнут тысячи и тысячи людей.

В 10.45 на юго-запад на большой высоте прошел самолет. «Это наш разведчик!» — в один голос заверяют ребята, с восторгом глядя на оставленный им в синеве неба

тонкий белесый шлейф. Один и на такой огромной высоте, а сколько радости и надежды вдохнул в наши сердца!

В 12.00 закончилось наше временное блаженство. Сначала появились вражеские самолеты-разведчики, а через некоторое время и бомбардировщики. Сделав несколько кругов над соседним хутором, они начали бомбить. Над головой беспрерывно кружат две «стрекозы», то и дело пуская длинные пулеметные очереди.

Хутор словно вымер, лишь пожилые женщины, убежденные, что «на все воля божа», невозмутимо копаются в огородах.

Сделав очередной разворот, летчики, очевидно, заметили где-то лошадей и сразу же сбросили два ящика с минами. Слышен продолжительный треск разрывов и вой осколков. Горит какое-то строение...

В 15.00 получаю донесение: пехота противника продвигается из Топорова по дороге на Монастырек. Убиты наши разведчики Гриша Казноль и Семен Буряк, а десять вернулись ранеными. Разведка маликовцев тоже угодила в засаду: один разведчик убит, двое ранены.

Посылаю к чапаевцам связного взять данные об обстановке в Топорове. В южном направлении слышна мощная канонада. Наверное, наша авиация бомбит немецкие колонны на подходах к Тернополю. На юго-восток от нас — нарастающий гул моторов. Это идут танки от Подкаменя.

18.30. Возвратились на квартиры в Гутиско. Каждый отряд к ночи занимает свое село, где партизаны ужинают, пьют чай, выпекают хлеб и готовят пищу на завтра. Но, пожалуй, самое главное то, что мы спим в тепле, под крышей...

Однако эта ночь не сулит нам желанного покоя: штаб Червоного доносит, что через Монастырек и Топоров началось движение вражеской пехоты с обозами. Пытаюсь угадать, что это: отступление с фронта или же сосредоточение сил против нас?.. Надо бы специально выяснить у бродовской «Народной гвардии». Прошу это сделать Гаврилюка через Куриловича. Гаврилюк сейчас с головой ушел в их дела. Я передал ему «все карты в руки». Жду преинтереснейших новостей.

20.3.1944 г.

Там же.

Живое — живым!.. Наша опасная оседлая жизнь тоже делается привычкой. Люди находят себе разрядку. Развле-

каются, шутят, смеются. Да порою и самому смешно, когда читаю Галинкин дневник и узнаю о ее проказах.

«Сегодня,— пишет она,— поругалась с капитаном Степановым. В самом деле, ну разве я виновата, что печатать листовки приходится в лесу? Сделала два набора, мои помощники печатали, а я складывала. И когда уже порядком отпечатали, возьми я и отвернись. В это время подул ветер — вот и пошли листовки гулять по лесу. А тут как назло: самолет за самолетом — все нас ищут. Капитан прибежал, кричал-кричал и сказал, что доложит генералу. Стоит и нудит, на нервы действует. Я сказала, что он скрипит, как немазаное колесо.

Вот тут-то он и разошелся! Конечно, виновата, но факт свершился. Капитан злой на меня, наверное, будет долго припоминать. Ну и ладно!

А вот теперь сижу под сосной и думаю о своем нетактичном поступке. Все-таки, как никак, он — командир отряда, а я — дерзкая девчонка, и так с ним неприлично обошлась...»

14.3.1944 г.

Там же, возле Гутиско.

Утром начался бой с немцами. В небе появились вражеские бомбардировщики. Сначала они бомбили село Турзе, занятое Армянским и Конотопским отрядами. Затем с двух сторон на село двинулись танки. В небе их прикрывали 47 самолетов. Открыли огонь и шестиствольные минометы противника. Не начало ли это большой операции против нас?

Наши отряды вынуждены были уйти в леса.

Постепенно выяснилось: еще затемно в Турзе ворвалось 15 танков и до тысячи солдат под прикрытием бомбардировщиков. Теперь бомбовозы сменились «мессершмиттами». Они неистовствуют, как коршуны в грозу: то взмывают вверх, то камнем падают вниз и все время сыпят на лес смертоносный груз, поливают его разрывными пулями.

Но вот бомбежка закончилась, стервятники еще кружат в воздухе, а танки и бронемашины бьют по горящему селу разрывными пулями из крупнокалиберных пулеметов. Везде пулеметная и автоматная стрельба. Мы встретили фашистов шквальным огнем. И началось...

Прошу капитана Касаткина запечатлеть на пленку как можно больше боевых эпизодов.

А обстановка занимательная: в густой сосновой посадке лежу на дне глубокой воронки, замаскированный ветками. Выставляю вперед автомат, ложе которого служит мне письменным столом. Вот послышался вой пикировщиков, и в лесу начинается ад — разрывы бомб, залпы шестиствольного миномета, ужасающий треск ломающихся деревьев, пронзительный свист осколков.

Вражеские самолеты сбрасывают бомбы по наводке кор-

ректоровщиков. Мы сами «помогаем» им выбирать цели — ставим где-нибудь на лесной поляне ненужную повозку на видном месте, да еще и костер разводим... Пусть беснуются.

В 11.00 затишье. Голова словно свинцом налита, в ушах звенит. Рядом повозка с раненым Пашей Акаткиным, начальником аэродромной службы. Над ним склонилась радистка Клава Малашкина, его невеста. На повозке лежит и другой раненый — Миша Петров.

Над лесом разворачивается новая партия самолетов. Летят низко, хорошо видны под крыльями бомбы.

— Клава, уходи отсюда в окоп! — умоляет девушку Акаткин. — Ты должна остаться живой... Уходи.

Но Клава только тесней жметесь к Акаткину, пытаюсь прикрыть его своим телом.

— Хоть бы скорее дождь или снег пошел, — шепчет она, пугливо глядя на синее небо и на бомбовозы над лесом.

И вдруг словно по заказу пошел густой снег. Стало темно, как в сумерках. Отряды потянулись по квартирам. А вскоре выяснилось, что через Турзе прошла на фронт к Бродам свежая фашистская дивизия. Ее-то и оберегала от нас целая эскадра бомбардировщиков.

Мне снова надо «считать раны» — день этот стоил немалой крови. Среди армян недостает Андроника Азисяна, Джаана Меликзяна, Левона Егизаряна, Петра Егояна, Дзаана Мелибикяна, Вараздата Оганесяна, Торгома и Сергея Саркисянов, Агвана Елизаряна, а у конотопцев убило Михаила Ашихмина. Есть жертвы и в других отрядах...

Галинка ходит печальная, как никогда. В Киевском отряде самый траурный день: погибли Рыбалко и Денис. Невыносимо тяжела эта потеря. Девушка так и записала в дневнике:

«На протяжении всего рейда я была с ними, и казалось, смерть к ним не подступится. Один раз я выезжала, чтоб разбросать листовки по селам. Нарвались на засады карательного отряда. Враги открыли огонь по нас, шальная пуля зацепила Рыбалко, а он, смеясь, сказал: «Чтоб сразить меня, нужно не менее тонны, а граммами не возьмешь!»

И вот проклятые граммы трижды проклятых националистов оборвали жизнь славных парней — Рыбалко и Дениса.

Вечная память вам, дорогие, горячо любимые!..»

«Самый траурный...» Эх, Галинка, Галинка! Ты не знаешь прошлого. Поистине днем большого траура был у нас день 14 марта 1943 года в Одесской области, тоже в Станиславчике. Там мы навсегда оставили в братской могиле 63 товарища, павших в неравном бою с дивизией «Адольф

Гитлер», высланной против нас из винницкого логова фюрера...

Какое фатальное совпадение: ровно через год...

И по времени, и даже по названию местечка — все одинаково!

15.3.1944 г.

Станиславчик, 70 км северо-восточнее Львова.

Фронт клокочет, но не приближается. Наших самолетов не было. От генерала Строкача получена радиограмма: удовлетворено мое ходатайство — Гаврилюк реабилитирован, выговор с него снят, и его восстанавливают в должности заместителя командира соединения... Видимо, сыграли роль его успехи в работе с «Народной гвардией».

Гитлеровцам, видимо, приходится туго, на время они оставили нас в покое. Пользуясь затишьем, надо успеть заготовить продовольствие и фураж, создать НЗ, а также сделать козлы для переправ через болото. Надо сказать, что дело не такое простое. Вчера Свинцицкий потерял у брода коня, которого так засосало в трясину, что пришлось пристрелить.

Бандеровцы наглеют все больше. Ребята поймали нескольких. По их словам, бандеровцы солидарны с гитлеровцами по военным вопросам. Гитлер дает им в рамках Галиции «самостийну» Украину. Это мы давно знаем. И поэтому необходимо усилить разведывательную работу, поднять еще выше бдительность. Слишком уж много потерь из-за нашего благодушия. Сегодня убит Вася Трофимов, начальник разведки Конотопского; пропал без вести разведчик Лойко из Потиевки, умер от ран командир диверсионной группы Чапаевского отряда Михаил Хоптюк, убиты двое разведчиков Коростышевского отряда — Казноль и Лукьяненко.

Характерно, что приближение фронта не смущает фанатиков-националистов. Лейтенант Георгиевский в своих обширных записях приводит такой эпизод:

«...Солнце село. Начался вечер. Наш Армянский отряд готовился с наступлением темноты занять село и разместиться по «старым квартирам».

Вдруг застава заметила двигавшуюся повозку и группу вооруженных людей.

— Стой!

Шедшие за повозкой бросились врассыпную. Поднялась стрельба. Но вот убегавший последним начал останавливать остальных:

— Хлопци! Та цэ ж свои!.. З лисовых!

Наши сразу поняли, что имеют дело с бандеровцами и, решив взять их живьем, прекратили огонь. Один из бандеровцев остановился, его задержали и повели к обозу. Когда я подходил к группе бойцов, слушавших допрос, меня встретили шепотом: «Звездочку, звездочку спрячь».

— У меня и нет ее,— успокоил я ребят.

В центре кружка стоял огромный детина со шрамом через щеку, в немецкой форме. На шапке и поясе красовались начищенные до блеска медные трезубцы, точно такие же, как и на петлюровских деньгах 1918 года.

Заложив руки в карманы брюк и гордо закинув голову, он свысока поглядывал на партизан, обмундированных во все немецкое.

Расспрашивал Осипян:

— Ну, а ты давно в бандеровцах?

— Ого, я ще при Польше працював, потом при совитах. Вы нэ думайте, мы ще й зараз шэлэсту наробымо. Хай тики совиты прийдуть.

— А что же мы им сделаем?

Бандеровец усмехнулся, но по ответу, последовавшему за усмешкой, можно было понять, что этот верзила, продавшийся немцам, является либо организатором бандеровских банд, либо бандеровским агентом.

— Вы сами подумайте, хлопци,— начал он.— Украина вэлыка. Народу десятки мильйонив. Фронт пройде, и тут нэ зостанэться и мильйона энкаведыстив та бильшовыкив. Мы их повыризуемо та побьемо, будэ самостийна Украина. А поки Червона Армия пройде, будэм быть командыри в та бийци в и зброєю запасаться.— Ось, бачите пояс,— он показал на свой ремень,— цэ ж лэйтэнанта вбыв... Тики звизду зминив на свий знак.

Глядя на него, я вспомнил, как когда-то бандеровцы исполосовали нашего партизана Мороза, труп которого нельзя было потом опознать.

— Ну, а что ж ты до сих пор делал? — продолжал Осипян.

— Що? З червонымы бандамы воював. Мы из нимцямы та полицаямы Ковпака у Карпатах розбылы. А я його дочку вбыв.

— Ты брешеш,— перебил его кто-то.— У Ковпака и дочка нэ було.

— А ийбо. Спытайте у хлопцив.

Предатель народа получил то, что ему полагалось за его злодеяния».

...Надо вытеснить бандеровских бандитов из лесов. Для этого я разделяю лесные массивы на секторы, за которыми закрепляю отряды: Червоному отряду выпала северная часть, до Берестечка; в направлении к Бродам — Киевскому, на юг от Монастырька — Армянскому и Конотопскому; разведку и наблюдение в Турзе и Топорове оставляю за Коростышевским и Чапаевским отрядами.

Ставлю перед отрядами задачу: вылавливать и истреблять всех шатающихся по лесам бандеровских лазутчиков.

16.3.1944 г.

Село Монастырек.

Это было как гром с ясного неба: явился емильчинец Кузьма Примак. Он один только уцелел из Рава-Русского отряда.

Рассказал, как их, заночевавших в Завонах, окружили живой стеной яструбовичские бандеровцы и немцы из жандармерии.

Начался неравный бой. Подкатил фашистский бронепоезд из Кристинополя, и село стерли с лица земли. Под руинами и пеплом были погребены и жители, и партизаны, и десятки пленных, спасавшихся в селе у поляков после побега из лагеря, который находился тут же при станции Селец-Завоно...

Командира отряда Морозова, комиссара Муракина с ординарцем Кузьмой Примаком и радиста Чапаевского отряда Михаила Радина хозяин спрятал за двойной стеной сарая. Но фашисты и там обнаружили их. Партизаны отстреливались, пока не были прошиты пулями.

Примаку удалось бежать из горящего сарая. Прыгая через огонь, он угодил в погреб и провалился в яму. В чаду, под головешками, по пояс в воде он просидел до ночи, а потом выполз, переправился через Буг, пробрался через все бандеровские засады и заставы, выдавая себя за мобилизованного жителя из пригорода Ровно. Восточно-украинский акцент выдавал его, но помогла легенда, что мать была украинкой, а отец — русский, из пленных прошлой войны. И еще выручало то, что не имел он на себе «ничего грабованого» — нижнее белье было домотканое. Обладателей фабричного белья националисты считали «совитами», солдатами или красными партизанами.

Часть Рава-Русского отряда все же прорвалась в сторону леса и наткнулась... на вражеский бронепоезд. Ребята выставили на бугорке пулеметы, окопались и в неравной схватке погибли все до единого.

Выслушав рассказ Примака, я подумал, что руководители Рава-Русского отряда оказались плохими учениками. Ведь, казалось, хорошо должны были усвоить, что нельзя два дня подряд стоять на одном и том же месте. И все же совершили эту роковую ошибку...

Как же еще учить людей? Капитан Муракин прошел полугодовую школу жизни в тылу врага. Ведь весь наш поход на Киевщину, все действия на Житомирщине, Волыни и Львовщине — тоже очень большая школа... Старший лейтенант Морозов — ковпаковец, участник Карпатского рейда, остался в горах раненый, там его спасли гуцулы. Иначе говоря, опыт партизанской борьбы оплатили собственной кровью. Хорошо командовал отрядом. За дело взялся с желанием и уверенностью. И вообще, с первого дня войны был на фронте, пережил поражения и окружения... К нам при-

бился в Дрогобычской области. Казалось, нельзя найти более подходящей кандидатуры на должность командира отряда. И вот...

Что же случилось с этими офицерами, погубившими людей, себя и дело? Потеряли на мгновение бдительность? Может, и так, а главное — не сумели оценить обстановку, не уяснили всей опасности положения. Ведь на их глазах и с их участием прорывалось соединение, прорывались отряды с Гаврилюком. Видели, что это место было и наковальней, и молотом...

Ночь. Там же.

Все нет и нет связных из Львова и никакой весточки из совета «Народной гвардии». В чем же дело?

Теряется в догадках и Курилович, надеявшийся, что наши посланцы вернутся уже на третьи сутки и что придет кто-то из совета «Народной гвардии».

Что же там происходит?

Думаю о нашем соединении. Мы снова в западне, зажаты между фронтом и Бугом. Теперь Буг превращен в укрепленный оборонительный рубеж. Попробуй сунуться на переправу — живым не вернешься.

А к югу — горы; окольцовывающие их дороги забиты войсками.

Села кишат националистами и всякой эвакуированной с востока нечистью.

— Наши ребята, — рассказывает Свинцицкий, — сцапали тут, под Бродами, земляков: заместителя бургомистра из Чоповичей и старосту села Шершни. Вишь, куда утопали с берегов Ирши!

Партизаны уничтожают предателей, подстерегая их на всех тропинках и дорожках. Но несем потери и мы. Каждый день в разведке теряем лучших воинов. Продолжает расти число раненых. Единственное спасение — переход линии фронта. Но, чтобы прорваться к своим, надо преодолеть за одну ночь километров сорок по бездорожью, через болота... Идти нужно без лошадей и обозов по жердочкам, при помощи козел и кладок. Какой же может быть темп продвижения в таких условиях? И как после такого ночного перехода достичь эффекта внезапного появления в новом месте? А куда девать раненых и больных? И как быть с обозом?

А самолетов все нет и нет. Видимо, УШПД исчерпал все возможности. Единственное, что питает надежду и подбадривает, это канонада на фронте. До нее не более 40

километров. Если бы наши поднажали на Берестечко!.. Если бы сюда, на Броды...

Но Броды — узел дорог, и здесь проходит магистраль Ровно — Тернополь. Поэтому гитлеровцы так просто не оставят его.

На всякий случай разрабатываю три варианта плана:

1. Остаться в занимаемых лесах и болотах до перемещения фронта на Буг. Тогда сдать раненых и больных в госпиталь, а самим вернуться на запад — к границам Чехословакии и Венгрии.

2. Уйти в Полесье, за Ковель — Луцк, куда не менее 200 километров бездорожьем. Надо преодолевать холмы, глубокие балки, топи на полях, да еще на виду у фронта. Фактически, это поход по ближним тылам врага...

3. Прорваться в Берестечко, если линией фронта станет река Стырь, истоки которой в наших руках. Тогда у нас могут образоваться свои ворота за фронт, в тыл нашей армии. Но путь туда только через болота...

Подсчитываю, вышагивая по карте циркулем. Считаю, сколько понадобится продуктов и фуража, если придется лишиться последних селений и передвигаться в лесных пустошах?.. Но разве это сочтешь? Ведь неизвестно, сколько суток, недель и месяцев придется оставаться в лесах, неизвестно, когда сдвинется фронт.

— Ведь это переливание из пустого в порожнее, — говорю Роману. Он тоже не спит, не ест и все пристальнее вглядывается в мою карту.

Думаем, как вырваться из болот по жердям и кладкам, которые придется тащить на плечах. Ведь коням не пройти через трясины. Раненых придется переносить на носилках, а оружие и боеприпасы — на руках. Наверняка придется бросить минометы, пушки! И надо иметь хотя бы 800 носильщиков...

Какой же будет при этом темп движения колонны? И что нас ожидает на «сухом берегу» после адских мук и испытаний на болотах, да еще на глазах у бандеровцев? Кто повезет нас там по раскисшим полям, если бросим коней? Кто будет драться, если все станем носильщиками?

Все эти вопросы неотступно преследуют нас.

Роман с горечью вспоминает:

— Бывало, нас сорок или пятьдесят разведчиков, ударим по коням — и были таковы! Помните, под Первомайском и под Уманью? А как тут быть? Как можно столько народу в носильщики! Драться-то кто будет с противником? Да еще, почитай, в зимних болотах!..

Припоминает он и Пинский край. Тогда было лето, теплынь. А сейчас эти чертовы болота...

— Нет, направление на Берестечко — плохой выход! И страшно подумать о походе на север, между первой и второй оборонительной линией фронта. Это значит идти безлесьем — от холма к холму, от котловины — к котловине, от хутора к следующему...

— Нет, спасение только в наступлении наших на львовском направлении: двинется фронт — и мы спасены, не двинется — засосут нас лесные трясины...

Утром из Берестечка наконец прибыл народогвардеец Веклюк. Он немало перенес, но задание выполнил на совесть. Прошел даже по шоссе Берестечко — Броды. Конечно, «профильтровался» через контрольные посты, — умение говорить по-немецки и удостоверение рабочего львовского депо выручили его.

— Зачем такой риск — пешком по военной дороге? — спрашиваю его.

— А, — говорит, — чтоб своими глазами видеть, как вырублены леса вдоль дороги да как далеко тянутся траншеи с укрытыми в них танками...

— Это фронтовые отсечные позиции?

— Нет, это «Галичина!» — отвечает Веклюк. — Она уже тут, на танковом барьере. Окружена и поджидает нас на хуторах восточней дороги. А в общем, шоссе — отсечная позиция.

Вижу, наши опасения относительно берестечковского варианта не лишены оснований. «Галичина» подкарауливает, как и на Буге. Тогда вояки этой дивизии побросали пулеметы в Купичволе. Но это не значит, что они побросают и танки при встрече с нами. Ведь в танках — немцы. Нет, берестечковское направление — жернова, которых надо остерегаться...

Припоминаю Киево-Житомирское шоссе в эту же пору в прошлом году. ...Танки, броневики, прожекторы, вкопавшиеся в обочины. Тогда нам был уготован стокилометровый заслон. Сам генерал фон Чаммер высиживал в засаде полмесяца...

— Может, подождет, засидится в засаде и «Галичина»? Об этом надо молить лесных богов, а лучше — уповать на подход к Бродам нашей армии.

17.3.1944 г.

Там же, в Монастырьке.

Весь день на восток летят самолеты-бомбардировщики в сопровождении истребителей. Усилилась канонада по направлению к Берестечку. Прямо на севере видно огромное зарево, на востоке громяют частые залповые разрывы. Это бомбометание.

У нас своя работа — вылавливание шпионов и всяких лазутчиков, шатающихся по лесу. И продолжаем выжидать... Похоже, так и будет: определим раненых во фронтовой госпиталь, а сами — снова на запад! Тогда-то и расправим плечи — ведь вместе с нами «каменяры»!

Из УШПД нам приказ: сформировать Львовский специальный отряд с радиостанцией, придав его Куриловичу; за дело «Народной гвардии» берется сам Киев, Курилович выйдет на прямую связь с УШПД и ЦК партии...

УШПД, надо думать, двинет ему на помощь всех партизан Полесья. Разгорится пламя партизанской войны по всей Галиции!

Значит, задача дня — сформировать этот спецотряд. Необходимо оснастить и вооружить его наилучшим образом. Это поручаю Ксензову и Величко, которых назначаем командиром и комиссаром.

Лучшие радисты, лучшие разведчики, лучшие кони и, само собой, лучшее оружие — все им. Пусть выбирают, кого хотят. Фактически, этот отряд станет подвижной опорной базой Куриловича. Они перейдут на прямую радиосвязь с Киевом. И, конечно же, оживят контакты с подпольем, партизанскими группами и отрядами. Перед нашими товарищами открывается замечательная перспектива! Они смело пойдут туда, куда мы прорывались вслепую. Жаль, что с нами не было Куриловича на берегах Сана и Вислы!..

Валит густой пушистый снег. Это нам на руку: не будет бомбежки.

Ксензов и Величко формируют отряд. Ухватились даже за Василька Вертюченко.

— Ну нет! — протестую я. — Кого угодно, только не Василька! Мальчик пойдет учиться. Потеря отца в Степном рейде и несколько правительственных наград — достаточно весомая лепта партизана, которому 16 лет от роду...

Для нас Василек — это сама история соединения. Чего только стоят его приключения в Виннице, когда он подвизался там в роли ординарца и племянника есаула так называемой киевской жандармерии среди одураченных им полицейских!..

И именно Василек Вертюченко привез нам радостное известие под Купичволей...

Отряды стоят в лесах, заняв круговую оборону.

В Монастырьке, Станиславчике, Руде-Бродской, Збруях — километров на 15—20 вокруг держим заставы; ведем и скрытое наблюдение во все стороны. Мы хорошо окопались и готовы в любое время укрыться в щелях. Усиленные разведывательные группы просочились еще дальше — во все концы бродовских и топоровских урочищ. Разведчики-чапаевцы подобрались к бродовской станции, а связисты из народогвардейцев активизировали свои действия в самих городах — Красное и Броды.

Теперь мы о Бродах знаем все: гарнизон — в подземных укреплениях, бункерах и дзотах. Складывается впечатление, что Броды можно было бы захватить небольшими силами.

Кажется, приближается и наше спасение — войска Красной Армии. Видимо, начнется наступление на Броды. Теперь мы спасены! И сами прорвемся и вывезем раненых!

18.3.1944 г.

Руда-Бродская, 15 км западнее Бродов.

Беда... Я подорвался на минном поле и теперь лежу в оставленной хозяевами хате. Ходить нельзя, словно перебиты ноги, слышú плохо, но соображаю хорошо. Предельно четко представляю, что делать соединению.

Лежу, разослав связных по отрядам.

— Лежа тоже можно командовать, — говорю собравшимся командирам отрядов. — Соединение должно оставаться в лесах. Будем придерживать все той же стратегии — вести активную разведку и терпеливо ждать.

Мне говорят, что фронт уже близко и что наши наступают с востока. Вижу это и чувствую сам. Самолеты проносятся эскадрильями: свои и немецкие. Преобладают наши бомбардировщики, истребители, штурмовики. Растревожен бродовский улей! Даже тут, в лесах, в десятках километров от фронта, вздрагивает земля. Бои продолжаются и на подступах к Берестечку.

Вчера войска Первого Украинского фронта освободили Дубно. Фашисты свирепствуют, лютуют. Химич со Свинциким, возвращаясь с задания, подверглись атаке двух «мессеров», бросившихся на них в пики. «Мессеры» гонялись за двумя всадниками, обстреливали лесную чащу из пулеметов. Еще злей они преследовали Осипяна. Одного!

Сначала он уходил от них на коне, затем — пешком, бегом, перебежками и ползком. И все это только на одном лугу, между Станиславчиком и лесной опушкой...

Глава VIII

Избавление

19.3.1944 г.

Руда-Бродская.

Получили радостные вести с фронта! Наши самолеты бомбят Броды! Партизаны ликуют. Проблема санобоза будет решена. Около батальона фашистов попало под огонь наших пулеметов на лесных тропинках. Они загнаны в трясины и безуспешно пытаются выбраться оттуда.

Гитлеровцы начали беспорядочно бежать. Мы уже захватили 300 подвод с боеприпасами и снаряжением. Организуем засады. Преследуем их, загоняем в топи и уничтожаем. Времена поменялись. Теперь уже не они охотятся за нами, а мы за ними.

Совинформбюро сообщает, что вчера освобождена Жмеринка, и я мысленно переносюсь в Могилев-Подольский, в 24-й погранотряд, где работал в штабе. Но что я, вот для Гаврилюка Жмеринка — его родина! Радует. Правда, нам пока запрещают соединиться с Красной Армией.

Досадно только, что вышиблен из строя... Из штаба запрашивают, кто может заменить меня, чтобы командовать...

Решаю продвинуться вперед и попытаться занять село Берлин, что в двенадцати километрах от Бродов к северу. Червоный и Конотопский отряды уже двинулись туда. Пока все идет, как надо, только ничего не слышно от чапаевцев.

20.3.1944 г.

Село Берлин, 6 км севернее Бродов.

Чапаевцы нашлись, да еще с трофеями в 300 подвод, отбитых у противника! Эсманцы и конотопцы стоят в Берлине, вошли в контакт с частями Красной Армии. Гитлеровцы, находясь в котле наших засад, застав и заслонов, пытаются вырваться из окружения. Еще в 5.00 я выехал по дороге в село Берлин. Символично, ибо куда же, как не в Берлин, идут наши пути-дороженьки!

Капитан Грушецкий связался со штабом 162-й сд и штабом корпуса. Мы предложили ударить по Бродам с запада нашей силой, в то время как части корпуса ударят с востока. Некоторые отряды уже столкнулись с противником.

Чувствую себя лучше. Начал лучше слышать, только вот сидеть еще не могу.

21.3.1944 г.

Там же.

Жители села Берлин всячески нас приветствуют. Они знают, что мы помешали карателям учинить над ними расправу. В основном это население Бродов. Они покинули свои дома в Бродах, чтобы найти спасение от фашистов в лесу. Днем по городу разъезжали машины, в которых жандармы и эсэсовцы объявляли через громкоговорители приказ немецкого командования, трубя на всю улицу:

— Ахтунг — внимание! Слушайте приказ немецкого коменданта!

«Всем жителям м. Броды приказываю явиться в 16.00 20 марта на железнодорожную станцию для эвакуации из опорного пункта, в котором при подходе большевистских войск начнутся продолжительные бои. Разрешаю всем гражданам захватить с собой особо ценные вещи. Ко всем лицам, не выполнившим данный приказ, независимо от возраста и пола, будут применены самые строгие меры».

Но люди догадывались, что это за «эвакуация» и почему немецкий комендант «разрешает» захватить «особо ценные вещи»; и поэтому, невзирая на «самые строгие меры», устремились в лес, чтобы там переждать до прихода Красной Армии. Они охотно рассказывают нам об удобных путях продвижения. Один старик, убежавший со станции, сообщил, что там стоят пять эшелонов и бронепоезд. Три товарных эшелона поданы пустыми для вывоза жителей, а два других загружены и опечатаны пломбами. Около десятка автомашин стоят по дороге на Смольный. Шоссе из Радзивиллова через Броды в сторону Львова запружено обозами.

22.3.1944 г.

Хутор Смольный.

Броды окружены и отрезаны нами от Львова с запада. Наши войска, части 162-й сд, наступают с востока. Гитлеровцы в отчаянии, они панически бегут и падают под партизанскими пулями. У нас уже горы трофеев.

Жаль, что я не вижу всего своими глазами. По-прежнему лежу. Только благодаря рассказам ротного Ивана

Коновалова представляю себе накал боев, продолжающихся уже вторые сутки.

Коновалов готовится препровождать за линию фронта весь наш госпиталь. Начинается неизбежная канитель со справками, характеристиками, всю работу наша круглая печать, вырезанная из подошвы старой галоши. Пошли в дело сработанные Галинкой штабные бланки соединения украинских кавалерийских партизанских отрядов...

Коновалов переписывает больных, раненых и весь состав обоза, а я перелистываю его дневник. Размашистые, корявые, как и весь наш партизанский быт, страницы сообщают:

«... Начали наступление на село Берлин. Думали — там фашисты, но их уж и след простыл. Зато чего нагляделись: и самолеты летают, и пушки, и катюши бьют, и пулеметы работают. Горит сразу несколько сел, вся местность освещена, словно днем. И черное небо как бы по канве все вышито огненными трассами.

Ракеты пучками висят над полем боя. Там, может, кровь и смерть, а в селах, занятых нашими отрядами, — песни и возгласы радости. Мы привыкли к опасности и не унываем, нет ни у кого страха перед боем.

Так до утра 20 марта, когда в 4.00 замечаем движение в нашу деревню. Приготовились. Смотрим — разведка Красной Армии.

Неописуемая радость! Соединимся с фронтом! Спасем всех раненых!

Днем наше командование договорилось с войсковым командованием, чтобы мы, партизаны, зашли немцам в тыл через железную дорогу Броды — Львов и перерезали параллельный асфальт.

Не успели мы выйти на дорогу и заминировать ее, как идет поезд из Бродов. Мы залегли — и ну строчить из пулеметов! Загорелись вагоны. Глядим, а вслед за эшелонем идет бронепоезд. Мы замаскировались, а он, походя, хлещет из пушек по обе стороны. Нас, правда, не зацепило, а мирных людей побил немало.

Прошли еще километра три. Вот и львовский асфальт. Он забит обозами, машинами, танками. Мы развернулись — и давай бить из всех видов оружия! В общем, нарикошетили! Фашисты в панике: в партизанские руки попал их дивизион особого назначения с боевым обозом. Подбито два танка, подожжено пять бронемашин, перебиты все обслуживающие, прикрывающие и управляющие офицеры и солдаты этой части. Шоссе, что проходит на том участке через заболоченную низменность, заклинено немецкими тягачами, автомобилями и обозами. Там горело, стреляло и взрывалось все, что сгучилось и столпилось на подходе к Бродам и на выезде из города.

Утром 21 марта мы все там же. Окопались и наблюдаем. Появились идущие к Бродам машины с пехотой. И множество танков. Ясно, что враг не сдаст города без большого боя. Нам пришлось отойти немного — к депо, что отстоит от города метров на шестьсот западнее. Мы затаились там. Вдруг немцы будут отходить из депо, вот тогда зададим им жару!..»

23.3.1944 г.

Там же.

Броды в кольце огня. Из Львова подоспела колонна вражеских танков. Там, где они прошли, пылают села и

длинные языки пожаров гложут нависшие тучи, далеко вокруг освещая изрытую траншеями землю.

Где-то за лесом взлетают причудливые снопы разноцветных ракет, и, если бы не грохот артиллерии и не рокошующие очереди пулеметов, можно было бы подумать, что это фейерверк на увеселительном гулянье... Но нет, это жестокая война. Всюду видны следы боя: деревья, посеченные взрывами, протягивают во все стороны обрубки своих ветвей-рук. По обочинам дороги валяется мертвая вражеская техника и боеприпасы. Немало и гитлеровцев нашло здесь себе «жизненное пространство»...

Мне неудержимо хочется туда же, в Броды. Почему-то кажется, что штаб и командиры отрядов недостаточно меня информируют. Зову к себе всех, кто б не примчал оттуда, и жадно выслушиваю новости.

Вот прибыл лейтенант Георгиевский, теперь он — помначштаба Армянского отряда.

— Ко мне, сюда, Валентин!

Я знаю: у него «бойкое перо», и он не забывает о своем дневнике даже в самые горячие моменты боя. Его записи — всегда готовый отчет боевых действий. С жадностью читаю торопливые строки:

«Около села Голтуновка навстречу нам попало трое молодых поляков.

— Эй, куда? — крикнул Осипян.

— В лес! — громко ответил один из них.

— Нет, хлопцы, в лес вы не пойдете. Возьмем с собой проводниками? — спросил я у Осипяна.

И, получив утвердительный ответ, обратился к ним:

— Вот что, молодежь, стыдно вам с бабами по кустам прятаться. Пойдемте-ка лучше с нами. Вы и город хорошо знаете, и ориентируетесь, где пройти лучше.

— Товарищи! Да я шел до вас! — возбужденно вскрикнул самый молодой из них.

— Молодец! Орел! — поддержал я его. — Сейчас дорогу пойдем разрушать с тобой. Понял?

— Понял, понял, товарищ.

— Инструмент достанешь? — спросил я у него.

— Достанем, товарищ!

Мы остановились в лесу, чтобы оставить верховых лошадей, ненужных для предстоящей операции. Осипян объявил приказ личному составу:

— Товарищи, — обратился он к партизанам. — Командование соединения решило помочь Красной Армии в разгроме фашистов, удерживающих город Броды. Задача нашего и Червоного отрядов — отрезать пути отступления врагу на западном и юго-западном направлениях.

Чапаевцы уже там: они оседлали львовское асфальтированное шоссе. А Конотопский отряд расположился в засаде на юго-восток от нас. Вторая рота не должна пропустить немцев по шляху, который идет из Бродов на Охладов через Смольный. Первая рота займет оборону

на виадуке, над полотном возле узкоколейки. Порядок действия: подпустить их поближе, чтобы бить наверняка... Понятно?

— Понятно! Ясно! — отвечали со всех сторон.

Осипян дал команду:

— Марш!

Ротные цепи двинулись на указанные Осипяном рубежи. Правда, это были уже не прежние роты. Потрепанные в боях, они едва насчитывали по 60 человек, вооружены были в основном винтовками, имели пару ручных пулеметов и одно ПТР.

Рядом со мной шел молодой поляк Юзеф, приставший к нам по пути. Минувя фольварк, подошли к дороге, на которой должна была расположиться вторая рота.

— Пока мой КП в этом домике, — объявил Осипян командирам. — Когда начнется бой, я буду в той роте, к которой подойдет противник.

— Арамаис Меликович, — обратился я к командиру. — Мы с Юзеком пойдем на дорогу, может, удастся перехватить эшелон.

— Иди, — одобрил меня Осипян.

— Где здесь будка железнодорожного мастера? — спросил я у Юзека по дороге.

— Отсюда километра четыре.

— Плохо, не успеем. А у нас задача — не пропустить поезд. В них немцы ваших же людей повезут в Германию на каторгу. Понял? — объяснил я ему задачу.

— Понятно, — ответил он. — Вон хата кузнеца. У него должны быть подходящие ключи.

Я бегом бросился к дому кузнеца, увлекая за собой Юзека. Он на бегу спросил у меня: «Автомат мне дадите?»

— Ну, автомат, положим, нет, а винтовку дам! — ответил я.

В доме кузнеца оказалась только его мать.

— Что, хлопчики? Чего хотите, родные? — спросила она.

— Где хозяин?

— Хозяина нема. Все, как увидели, что вы к бою готовитесь, так в лес утекли, чтобы их дурная пуля не зацепила, — охотно ответила старуха.

— Открывай кузню! Давай его инструмент! — приказал Юзек.

— Сейчас, голубчики. Сейчас, соколики!

Старуха заскочила в хату и быстро вернулась с ключом от кузни.

— Пожалуйста, коханные. Берите любой инструмент, — пригласила она, распахнув двери кузни.

Мы взяли несколько ключей и помчались к железной дороге. Рассматривая на ходу гаечные ключи, я убедился, что ни один из них не подойдет.

— Бежим на переезд, — предложил Юзеку. — Может быть, там что-нибудь сделаем.

Вот и железная дорога. Ровное двухколейное полотно. Вблизи — ни запасных шпал, ни сваленных столбов. Далеко на западе поворот, и ни одного человека до поворота. Значит, путь не охраняется. На востоке видны эшелоны и клубы дыма, поднимающиеся над трубами паровозов.

Впереди, метрах в двухстах от нас, над железной дорогой арочный железобетонный мост, на котором уже расположились бойцы первой роты. Посредине моста установлено ПТР.

Нужно задержать поезд. Но как это сделать без взрывчатки и железнодорожного инструмента? Только я и Юзек — четыре руки.

— Юзек, забивай костыль в просвет на стыке, может быть, хоть это получится.

Я бросил ему костыль, а сам начал заколачивать другой. Однако из этого ничего не получилось. По мере углубления костыли хуже и хуже входили в просветы, машинист мог их заметить километра за полтора и подумать, что это взрыватели мин.

Юзек со злостью стукнул молотком по рельсе так, что искры во все стороны полетели.

— Давай-ка попробуем подложить так камни, чтобы колесные бандажи прошли по ним!

Мы принялись за работу. Мимо проходила Люба, санитарка.

— Эй, Люба! Сюда! Бегом! — крикнул я ей.

— Давай, помогай работать нам! Бросай камни сюда!

— Товарищи, поезд идет! — вскрикнула она.

— Черт с ним, работай! Быстрее!

На мосту слышна команда Сергея Сайяна.

— Внимание! Приготовиться! Стрелять только по паровозу и по вагону с немцами! В остальных наши люди.

Все увидели в окнах белые рубашки, цветные платки, кофточки и блузки. Машинист, видимо, заметил камни на пути и замедлил ход.

— Огонь! — раздалась команда, и залп наших партизан слился с залпом советской артиллерии, открывшей огонь по восточной окраине города.

— Огонь! Огонь! ПТР, огонь! — кричал Сергей, бегая в коротком полушубке по насыпи узкоколейки. К нашему огню прибавилась стрельба из засады Червоного отряда, напавшего на двигавшийся по шоссе вражеский обоз. Пользуясь замедлением скорости, из вагонов начали выскакивать женщины, подростки, молодежь. Вскоре на дороге образовалась толпа. Люди радовались освобождению и не хотели разбежаться, хоть и сверкали перекрестные трассы пуль с моста и из караульного вагона. Толпа, обгоняя поезд и размахивая платками и шапками, кинулась к партизанам.

— Скорей! Скорей, ребята! — торопил я Юзека и Любу. — Надо остановить поезд!

Но машинист, испугавшись огня, начал прибавлять скорость.

— Скорей!

До паровоза осталось метров пятьдесят. Быстро скатываемся под откос насыпи. Немцы выпустили в нас несколько очередей из автоматов. Щелкают разрывные пули. Бойцы с виадука забросали фашистов ручными гранатами и почти в упор расстреливали их сверху. Вдруг паровоз словно подскочил и остановился. Должно быть, машинист резко затормозил. Наши прекратили огонь, только на шоссе продолжалась стрельба эсманцев и чапаевцев да артиллеристы-красноармейцы долбили немецкие позиции. Из вагонов выскакивали люди и разногласо кричали:

— Наши! Наши! Партизаны! Риднэньки! Сюды-ы-ы! — звали они оставшихся в вагонах.

Мы послали их в ближайшее село, находившееся позади нашей обороны, но многие не хотели идти.

— Спасибо, туварищи! Дзенькуем бардзо! Дуже дякуем!..

Вдруг кто-то закричал:

— Бронепоезд, бронепоезд!

Испугавшись, толпа бросилась бежать в село.

— В оборону! К бою! — скомандовал Сайян.

Бронепоезд на ходу бил вдоль путей из крупнокалиберных пулеметов, следуя по параллельной колее. Вот его первая площадка уже под мостом, на ней загрохотали взрывы сбрасываемых сверху гранат. Вражеские пулеметы замолчали.

Но в бронепоезде не одна бронеплощадка и не один броневагон. Тысячи пуль запели и над нами. В боевом азарте наш бронебойщик израсходовал все боеприпасы и требовал поднести патроны. А бронепоезд передними контрольными платформами уже подходил к мосту. Но вот Рачик Амирханян закричал:

— По трубе паровоза — залпами!

Массированным огнем партизаны в одно мгновение сбили искроулавливатель и бронезащиту паровозной трубы. Тигран Насхулян перемахнул парапет с противотанковой гранатой в руке. С бронеплощадки хлынул водопад свинца, и она скрылась под мостом. Изловчившись, Тигран повис вниз головой, забросив гранату в трубу бронепоезда, и тут же отлетел, отброшенный ударной волной.

Бронепоезд резко замедлил ход, скрываясь за поворотом. Тигран, завершив свой полет, медленно катился по крутому откосу насыпи...

— Поезд, еще один поезд! — закричали на виадуке.

Оказалось, что вслед бронепоезду мчался товарный состав.

— К бою! — вновь подал команду Сайян.

Раненый бронебойщик, корчась от боли, начал заряжать ПТР.

— Огоны!

Кто-то закричал, перекрывая мощным голосом шум боя: «Бить из ПТР только по котлу! А по вагонам — зажигательными!»

Под градом выстрелов эшелон промчался под мостом. Но скоро над ним взвился густой черный дым. Языки пламени заплясали по всему составу.

Подоспел запыхавшийся железнодорожник, таща пару гаечных ключей и лапчатый ломик. На обеих колеях дороги мы сняли по рельсе. Теперь-то оставшиеся поезда со станции не уйдут!

Гитлеровцы видели на пути свой горящий эшелон, видели и нас, работающих над полотном, и уже не пытались угонять подвижной состав. Так и остались в Бродах три эшелона. Тысячи советских граждан были спасены от угона в рейх.

Я подошел к командному пункту, находящемуся в 300 метрах от дороги. Осипян сначала ругался, а потом начал смеяться над нашей попыткой останавливать голыми руками эшелоны. Он поручил мне следовать за второй ротой, направлявшейся на Смольный. Рядом со мной шел Юзек, непрерывно повторяя:

— Я знаю, где стоят у них машиновые карабины. Я вас проведу. А склады там богатые, трофеев наберем — водки, консервов, конфет! А если вам нужно седло, то я знаю, где седла...

Мы первыми вошли в село. Нас приветливо встретили местные жители, приглашая в каждую хату пообедать.

— В селе немцы есть? — спросил я у стоявшего на крыльце поляка.

— Никс, пан!

— Какой я тебе пан? — с шутливой строгостью спросил я.

— Извиняюсь, тувариц. В нашем селе германа нема. И в Бродах их небагато. Только по дороге, что идет от церкви, не ходите: на краю города на ней стоят три пулемета.

Я прошел еще несколько дворов, и везде говорили одно и то же, значит, правильно. Смольный достался нам без боя. Отряд сильно растянулся, и я решил зайти в хату пообедать. Хозяйка выставила на стол все, что имела: сметану, сыр, соленые огурцы, капусту и черный хлеб.

— Э, жинко! Разве ж так встречают дорогих гостей, которых ждали два с половиной года? — пошутил хозяин, выходя из хаты. Через минуту он вернулся с поллитровкой русской, московской водки, обтирая с бутылки мелкие комочки земли.

— Еще до войны брал. Так и пролежала схована мало не три года!

— Дядько, може, сало е? — спросил Юзек.

— Вот за это, сынки, извиняйте. Хиба с немецкими контингентами поешь сала? Добре, хучь цэ е,— проговорил он, указывая кивком головы на разложенные на столе закуски.

Не раздеваясь и не садясь на предложенные хозяином стулья, мы наспех закусывали.

— Да сидайте, хлопцы! — приглашал хозяин.

— Некогда, отец, некогда. На Броды наступать пойдем,— ответил я.

— Та що там Броды? Там только полицаи да жандармерия, ну и немцев небагато.

Мы выскочили из хаты и сразу же встретились с командиром отряда.

— Арамаис Меликович, население говорит, что здесь гитлеровцев нет, в Бродах их тоже немного.

Однако продвижение по селу мы продолжали в боевом порядке.

Со стороны депо бежала женщина, чтобы предупредить нас.

— Хлопчики! Сынки! До депо не йдите, там заминовано!

Мы прошли все село и остановились на северо-восточной окраине, где заняли оборону, ожидая подхода других отрядов.

Вскоре пришли партизаны Червоного. Они рассказали, что со стороны Львова ползут «фердинанды» и «тигры», пробивают себе заклиненную дорогу пушечным огнем, дают гусеницами, не разбирая ни чужих, ни своих.

Место расположения нашего отряда было выгодным для обороны: с флангов и с запада — село, слева в 300 метрах — лесопильный завод, а дальше — станция, где пока еще был враг. Впереди ровный, изрезанный протоками Болдурки заболоченный луг».

— В общем,— дополняет свои записи Валентин,— проникли наши на станцию, разминировали вокзал и депо, распустили домой всех людей из эшелонов, разобрали километра полтора рельсов, срубили столбы и оборвали всякую связь.

Наши наступающие части отошли на исходные позиции. Не могли не отойти: со стороны Львова и Золочева подошло сразу же до сотни вражеских танков. Они тут же вкопались, вгрызлись в землю и каменные строения...

— Да... Непрístupный форт, по крайней мере для нас, партизан,— говорю Георгиевскому.— Теперь передай команду: отойти с обеих дорог в Сестрятин, а далее — в тыл наших фронтовых частей, в село Чешские Волковыи...

Эсманцы из роты Ивана Коновалова — такой же боевой, большой и ударной, как и сам он, известный высоким ростом и большой отвагой,— двинулись туда первыми, прикрывая санитарный обоз.

Наш обоз представлял собой тягостное, незабываемое зрелище: 299 тяжелораненых и десятки тифозных. Некоторые из них в бреду, не узнают меня. Бедняга Тигран Насхулян еще не приходил в сознание: он бредит, «улетает в Москву, в партизанский санаторий». Фельдшер Анатолий

Мельник в бреду уверяет меня и Коновалова, что он созерцает при помощи телескопа мироздание; теперь уже нет для него секретов безошибочной диагностики любых детских недугов, чему посвятит он отныне все свои силы...

С повозок силятся слезть все, кто хоть немного держится на ногах: они не хотят расстаться с боевыми товарищами, со мной, не хотят уезжать в госпиталь, не зная еще о принятом решении — выйти в тыл Красной Армии всем соединением.

Выйти ради них, раненых...

24.3.1944 г.

Волковыи, 40 км южнее Луцка.

Расположился в добротном просторном доме. Хозяева — обрусевшие чехи. Мой кабинет залит электрическим светом. Вообще все во дворе и в доме начищено, нафабрено, накрахмалено, механизировано.

Моя контузия словно бы «поддалась». Почти нормально слышу. Должно быть, срастаются перепонки. Костыли заменил палкой. Поступила радиограмма: меня и комиссара Тарасова вызывают на доклад в ЦК партии.

Одолевают думы: как-то примут в ЦК, что скажут? Надо хорошо подготовиться: продумать, взвесить, проанализировать сделанное. Перебираю разложенные на столе данные. Надо знать, перво-наперво, сколько же осталось боеспособных.

Мало-помалу вырисовалась вот эта табличка:

Отправлялось в рейд	числится по спискам	потеряно убитыми	пропало без вести	отправлено в госпиталь	осталось в строю
1560	мужчин — 2010 женщин — 65	147	96	299	1533
всего — 2075					

Получается, что безвозвратно потерянных около 10 %, а численный состав соединения почти тот же, что и накануне рейда. Мы, безусловно, пополнялись, даже в боях и тяжелых переходах. Убавились на 542, а выросли на 515 бойцов! Нас снова полторы тысячи, да каких! Из огня вышедших, закаленных. Об этом говорят прежде всего возрастные данные. Они следующие:

До 20-летнего возраста с учетом безвозвратно потерянных — около 200 человек.

от 21 до 30 лет — около 1100 человек
от 31 до 40 — 500
старше 40 — 100

Не менее интересен национальный состав соединения, характеризующий его прежде всего как интернациональное. Украинцев, конечно, львиная доля — 852 человека, русских также немало — 470, армян — 290, белорусов — 180, поляков — 73, евреев — 51, грузин — 30, татар — 22, казахов — 18, прочих — 89, среди которых есть мордвины, удмурты, чувашаи, узбеки, таджики, карелы, коми, осетины, азербайджанцы, чехи, венгры, хорваты, сербы...

Более двухсот коммунистов и пятьсот комсомольцев вели эту массу воинов.

Полторы тысячи винтовок, до 600 автоматов, более ста пулеметов, батарея пушек, десятки противотанковых ружей стреляли по фашистам в 72 боях. В этих боях гитлеровцы потеряли 18 танков, самолет, около двухсот автомашин, 24 паровоза, 242 вагона, а главное — пять тысяч офицеров и солдат, убитых на поле боя и сброшенных под откос при крушениях поездов и эшелонов...

Мы взрывали также мосты, выводили из строя заводы, базы, станции, склады; отняли у врага тысячи лошадей, коров, овец, сотни тысяч тонн продовольствия и фуража, зачастую розданного населению...

Всего сделанного не перечесть и не учесть. Главный военный результат рейда даже не во всем этом, а в том, что после наших ударов по вражеским коммуникациям прекратилось ночное движение поездов в районе Львова, Самбора, Перемышля и Равы-Русской. А в дневное время сокращена скорость движения и вообще пропускная способность. Прекращено ночное движение и на автомобильных дорогах.

Еще более важным результатом нашего Западного рейда явился политический резонанс. Всего значения проведенной политико-массовой работы не учесть, так как не только коммунисты и комсомольцы, рядовые агитаторы и политработники, а буквально каждый партизан был прежде всего вестником скорого избавления, идущего на Запад вместе с нашей армией, пламенным агитатором за Советскую власть.

Комиссар насчитал 1970 бесед, которыми было охвачено до 120 000 человек. Мы все-таки ухитрились провести в отрядах по два партсобрания, семинар пропагандистов, два совещания партактива, по два комсомольских собрания, а также торжественное заседание для партизанок и женщин из населения в день 8 Марта, организованное после боя.

Докладчицей на этом собрании была белоцерковская подпольщица Галина Свиридовна Волошина.

26.3.1944 г.

Город Дубно.

Сегодня еду в ЦК партии, в Киев. Стремительно мчат мои серые по асфальту. Обгоняю и обгоняю колонны грузовиков. На пути страшные следы войны. Каждый бугорок — в кривых траншеях, в каждой ложине — гнезда артпозиций.

Сколько миллионов кубов земли поднято впустую, во вред человечеству! Но пока это необходимо. Необходимо также, чтобы сотни и тысячи машин, которые газуют по шоссе, везли снаряды, пушки и патроны, а не патефоны и пластинки к ним, не хрусталь и шелк для людской радости.

Вот возле моста еще не разминировано, но поле уже ограждено табличками; разминируют потом, а сейчас — скорей на запад!.. Вся Русь двинулась туда! А самостийники и бандеровские банды, как рассказывают красноармейцы на дубненском КПП, бросились вчера «братъ» три города — Луцк, Ровно и Дубно. На этот город наступало 800 человек. Бандиты, конечно, сразу же были разбиты, причем совсем незначительными силами — всего лишь 30 автоматчиков повергли в бегство это незадачливое воинство. Но пакость от них немалая: они помогли немцам разбомбить два госпиталя. Видимо, не досчитаться нам многих раненых партизан, как раз вчера доставленных сюда ротой Коновалова, тех, кого берегли, кого спасали мы, везя из самых Карпат, жертвуя жизнями.

В Дубно мы с комиссаром пересели в автомобиль. Наше соединение разместилось в селе Чешские Волковыи и на его хуторах, где началась боевая подготовка и целенаправленная борьба с бандами.

По дороге нам не давали покоя мысли: куда-то теперь пошлют нас? Как-то примут и что скажут в Центральном Комитете?

Наш внешний вид не блещет. Оба мы облачены в трофейное обмундирование. Я — на костылях. В карманах у нас ни гроша, нечем даже заплатить парикмахеру!..

1.4.1944 г.

Село Чешские Волковыи.

Впервые все наше соединение собралось на митинг не в поле и не в лесу, а в огромнейшем селе — Чешские Волковыи.

Еще по-зимнему вихрится снег, а уже апрель. И, главное, радостно на душе. В соединении праздник: вернулись мы с комиссаром из Киева, привезли правительственную комиссию и Указ Президиума Верховного Совета.

Заслушав наш отчет, в ЦК партии сказали: «Повоевали доблестно, хватит с вас! Соединение расформировать...»

Мне поручили возглавить правительственную комиссию из представителей всех министерств республики. Задача: опросить всех партизан, чтоб послать на ту работу, куда изъявят желание...

На улице пляски, шутки... В многоязычный говор наших бойцов полноправно вплетается польская, венгерская, югославская речь.

Но вот прозвучала команда «Внимание!», и комиссар объявил митинг открытым, а я прочитал, чеканя каждое слово, знаменательные слова Указа: «За образцовое выполнение боевых заданий в тылу врага... за героическую борьбу против немецко-фашистских захватчиков и самоотверженную службу социалистической Родине и своему народу... вручить соединению Почетное Красное Знамя Президиума Верховного Совета, Совнаркома и ЦК КП(б) Украины...»

Гремит «ура!»... Эта высокая награда честно заслужена нами в трех рейдах по вражеским тылам. У всех всплывают в памяти тысячи селений, станций, городов, местечек, боевые и диверсионные операции. За все время соединения провело их 336. 43 раза наши партизаны форсировали реки, 149 раз пересекали шоссейные и железные дороги. От Брянских лесов — до Южного Буга, от берегов Припяти — до Киева и Перемышля проложило соединение свой путь по 174 районам 16 областей, сражалось у Сум и Харькова, за Кировоградом и близ Винницы, на Киевщине и Львовщине, олицетворяя собой величие непобедимого советского народа.

При этом уничтожено девяносто эшелонов, истреблено тысяч пятнадцать вражеских солдат и офицеров, уничтожено более 300 автомашин, десятки танков и самолетов, захвачена не одна тысяча стволов оружия и других несчетных трофеев, необходимых для борьбы и жизни отрядов.

Но этим не исчерпывается значение партизанских рейдов.

Своим личным примером, своей готовностью отдать жизнь за победу над фашизмом мы вселяли веру и надежду в сердца советских людей, поднимали их на смертельную борьбу с захватчиками. Там, где проходило соединение, возникали партизанские отряды, из подполья выходили группы для развертывания вооруженной борьбы против

кровавого оккупационного режима. Так было после нашего Степного рейда на Южном Побужье.

Карпатский рейд ковпаковцев и наш Западный разворошили Галицию и Волынь, активизировали подполье, боевую и политическую активность «Народной гвардии».

Мы, оставшиеся в живых и полностью сохранившие свои санобозы и архивы штабов, — неоспоримое свидетельство того, что оккупанты не смогли обезвредить наше соединение, у которого была своя стратегия партизанской войны и свое оперативное искусство маневрирования мобильными партизанскими силами на ограниченном театре военных действий с густой сетью дорог и большим числом селений.

Наш опыт доказал, что партизанскую войну можно вести и в степях, и при современной технике оккупантов, и в густо населенной местности. Партизанская борьба возможна всюду, где народ жаждет освобождения, где эту борьбу возглавляют коммунисты.

Так говорил я на митинге.

Командиры и бойцы, наши медики и радисты — все собравшиеся были горды тем, что пережили, прошли, сделали. И, конечно, они ждали сообщения о том, что же дальше? Они вновь готовы выполнить любое задание партии. Ведь война не закончена: еще не освобождена западная часть Украины, еще стонут под кровавым игом фашизма народы Европы, еще жив главный поджигатель войны, главный военный преступник, идеолог и вдохновитель немецкого фашизма Гитлер.

Борьба продолжается. Чапаевский отряд снова переброшен по ту сторону фронта. Готовится к вылету в Югославию группа наших хорватов и сербов во главе с Мишей Томичем. Наши венгры — Ева Ракоши, Йожеф Фазекаш, Иштван Декан с товарищами — уже получают парашюты и десантное снаряжение, готовясь приземлиться в Трансильванских Альпах, чтобы и там разжечь пламя партизанской войны. Югославские и венгерские товарищи прошли в нашем соединении хорошую школу, обогатились ценным опытом, который пригодится им у себя на родине.

А на исходных рубежах собираются, готовясь в тыл противника, десятки вновь сформированных отрядов и бригад, которые продолжают партизанскую борьбу на крайнем западе Украины и на польской территории.

Готовятся к вылету десантные группы в Чехословакию, Румынию, Венгрию. Партизаны нужны повсюду. В распоряжение Киевского и Житомирского обкомов партии пойдет 200 наших товарищей, в органы НКВД, на очистку одес-

ских катакомб, а также в освобожденные районы западно-украинских областей — до 500. По просьбе Ровенского обкома партии Армянский отряд идет на охрану сахарных и спирто-водочных заводов от банд УПА.

Но ядро, основной костяк соединения еще ждет своего дела.

Самые «писучие» пока что засядут за «анналы нашей войны». Все ветераны трех рейдов побывают в отпуске, а «зеленая поросль», наши подростки, уйдут учиться.

В общем, хлопот много, правительственная комиссия направляет всех остальных, согласуясь с их желанием, по самым различным ведомствам.

Надо готовить, обучать и формировать парадесантные партизанские группы. Надо уметь разбираться в характерах и боевых качествах людей, которые все выходят и выходят из лесов в великом множестве.

Глава IX

Конец партизанского дневника

Сентябрь 1944 г.

Москва.

Я побывал в Киеве, снимался с партучета. Одновременно подлечился и оформился на учебу в академию.

Был чудесный день бабьего лета, когда я подходил к зданию УШПД на Большой Подвальной улице * и вслушивался в радиопередачу «В последний час». Началось наступление наших войск на ужгородском направлении. Сообщалось также о вооруженном восстании в Софии. Десять суток назад войска Второго Украинского фронта вступили в столицу Румынии — Бухарест. Вчера же наши войска перешли границу Болгарии. Первый Украинский фронт в Восточных Карпатах двинулся на помощь Словацкому национальному восстанию.

В ЦК партии я наслышался про наших ребят, делавших там дела необыкновеннейшие. Еще 26 июля высадились за Высокими Татрами организаторская группа во главе с Величко и Ляхом. 8 августа на их площадку выбросилась на парашютах группа Е. Ф. Белика, 9-го — А. С. Егорова, 16-го — Е. П. Волянского и Ф. М. Макарова.

---

* Ныне — Ярославов вал.

Интересно, что в группе Величко действует все та же наша рация РП-2 с радистом Николаем Агафоновым, участником всех наших рейдов. Именно этой рации суждено было установить связь Киева, а, значит, и Москвы с подпольным ЦК Компартии Словакии.

В Судеты, в район Лоупны, на самую границу с Германией, переброшена партизанская группа нашего капитана Мельника и Химича; в Восточно-Словацкую область — отряд Пасько, а также другие партизаны, в частности группы Снежинского, Мартынова, Иванова, бригада Карасева, отряды Квитинского и Беренштейна, соединения Шукаева и Прокопюка. Затем в августе в зону действий Величко, Волянского, Попова, Егорова были высажены еще десантные группы: Осипов, Луценко, Могильник, П. Федоров, Ключкин, Зборовский, Морозов, Жданов, Коваленко, Лаврик, А. Попов, Красноперов, Калинов, Святогоров, Белявцев, Мацнев-Потемкин. Среди них и группа Николая Барашкова из Белоцерковского отряда, и отряд «Львовцы» в составе народогвардейцев Вангровского, Сергованцева, Сидоренко и других во главе с Якубовичем.

В районе Праги десантировался И. П. Курилович.

УШПД оказывает помощь партизанскому движению центральной и юго-восточной Европы. По просьбе Чехословацкой Компартии 17 июля ЦК КП(б)У вынес решение об оказании ей помощи в организации партизанского движения, одобрив план мероприятий, осуществляемых теперь Украинским штабом. Разгорелось пламя партизанской войны на всю Европу. Андрей Лях, этот девятнадцатилетний комиссар, только что прилетел из Словакии на трофейном немецком самолете и привез делегацию восставшей Словакии.

Поистине великолепный финал: наши партизаны действуют в Польше, Чехословакии, Трансильванских Альпах, Румынии и Венгрии! В последних странах развернулись со своим отрядом Иштван Декан, а также Йожеф Фазекаш. Радистка Ева, конечно, там же. В этом я убедился, позвонив П. А. Мацуо: он ежедневно отмечает позывные ее рации.

Я торопился к генералу Строкачу, чтобы узнать обо всем полнее, но у дверей УШПД столкнулся с нашим доктором и комиссаром соединения М. М. Тарасовым. Он все еще не решил, что выбрать: пойти ли в институт имени Склифосовского в Москве или остаться секретарем в Киевском обкоме, куда рекомендует его Демьян Сергеевич Коротченко.

— Ты знаешь, Ксензов на самолете доставлен из Словакии с тяжелой раной, исходит кровью. Совсем безнадежен. По моей просьбе его осматривал сам Ищенко,— ошеломил меня Тарасов.

— «Сам Ищенко»... А ты-то как думаешь?

— Ну что я, когда главный хирург всей Красной Армии...

— Ты тоже был главным в соединении, Михаил Михайлович. Ты тоже хирург, притом хирург партизанский, рейдовый,— я снова стал как бы его командиром, а доктор словно припомнил вдруг, что действительно был незаурядным московским хирургом.

Мы тут же решили навестить Ксензова, бывшего комиссаром партизанской бригады в Чехословакии.

— А если не спасу? В шею ранен, перебита масса сосудов,— заколебался Михаил Михайлович.

— Но ведь он все равно умрет, если не прооперируешь! — убеждал я доктора.— Значит, смертельный риск во имя спасения жизни...

В госпитале начальник отделения подполковник-женщина поняла все с полуслова. Она знала Тарасова еще по Москве и сразу же распорядилась готовить операционную. Доктор начал мыть руки, а я, надев халат, прошел в просторную общую палату, где лежал Ксензов, не подозревавший о безнадежности своего состояния. Он узнал меня. Температурный лист не внушал опасений, но раненый был слаб и бледен. Он едва двигал языком. Все же мы разговорились, и я узнал, что он вылетел в Словакию вслед за Величко вместе с лейтенантом Георгиевским, Романом Астаховым, Копыловым, Кузнецовым и другими ребятами с той же задачей — установить связь с партийным подпольем в Средней Словакии. Приземлился Ксензов в районе города Зволен, оперативно создал бригаду имени Яна Налепки и вот в неравных боях у Святого Крыжа на реке Гроне был ранен. Командовать остался Роман Астахов...

Тарасову удалось спасти жизнь Сергея Ксензова. Четыре часа длилось сшивание и перевязывание шейных сосудов, изорванных при осколочном ранении. Но об этом я узнал позже — в Москве, где получал десятки писем из Киева, Одессы, Львова, Станислава, Тернополя, Дрогобыча и других городов Галиции и Волыни.

Галинка, например, писала из Польши:

«...В сопровождении капитана и одного бойца я выехала во Львов, а оттуда быстро добралась до штаба фронта

в город Жешув. Я готовилась к вылету в Чехословакию, а кроме того, работаю в штабе партизанского движения Первого Украинского фронта...»

А Осипян слал свои письма с Волыни:

«...Я теперь заведу квартиру-эксплуатационной частью. Часть мирная. До чего разорена! Можно сказать, разрушена полностью. Только цоколи от казарм да печные трубы от офицерского жилья. Пункты питания — в худых сараях. Куда ни пойдешь — за кирпичом ли, в лес, за соломой для тюфяков, — везде тебя подстерегают выстрелы из-за угла. На этой мирной, сугубо хозяйственной службе я потерял одного из лучших своих воинов — Артура Саркисяна, убитого националистами. И не раз сам выпутывался из западни.

Сообщаю вам: у меня наладилась переписка с генералом Вершигорой. К нему после Нароля прибилося до тридцати наших ребят. Кто они? Взвод Гургена Каграманяна?.. А может, Асельбека Погосяна? Как узнаешь без списка?.. Но мне уже легче за те нарольские раны. Повоевали, продолжили путь доблести мои парни и в Ковпаковском соединении! Прошли от Вислы до Немана! Да еще в живых остались!

А когда я получил письмо от Марика Сепханяна, то плакал от радости! Да, Марик... Он стоял насмерть со своим взводом, прикрывая отступление отряда из Нароля. И вот где оказался он — на курсах при Львовском Управлении НКВД. Родине нужны обстрелянные бойцы. Среди них также и наш начштаба Коля Фурлет, уже оправившийся от ран, борется с бандами.

На курсах НКВД и Ерджаник Саргосян, и Бахим Бегназарян...»

Оказалось, все эти ребята вовсе не пропали без вести, как значилось в списках отряда, они продолжали наш рейд, воюя в Польше. Нужно писать отдельную книгу, чтобы рассказать о семнадцати парнях Сепханяна, оказавшихся, как писал он в «двойном тылу» (между эсэсовцами, набросившимися на наше соединение, и карателями, увязавшимися за ними).

После напрасных попыток найти свой отряд они прибились к соединению Бориса Шангина и снова прошли рейд от Буга до Вислы. Не раз выполняли самые ответственные задания по разведке, за что и награждены орденами.

Отличились наши ребята и на фронте: Агван Гаспарян

награжден медалью «За отвагу», Вагинак Григорян и Мнацакан Дурухян получили ордена Славы...

Пишет мне и комиссар Армянского Алеша Васянович, работающий председателем Мархлевского райисполкома на Житомирщине. Доктор Сурен Тунанов ведает большим участком медицинской работы в Ашхабаде; начальник разведки Армянского отряда Мукуч Карапетян после излечения в госпитале работает в Калите. С ним же и Сурен Арутюнян, разведчица Маруся Михайленко, Бабкен Парсамян. Иван Заробян из выздоровевших раненых составил бригаду строительных рабочих для участия в восстановлении Киева.

Мало-помалу моя переписка налаживается со всем составом отрядов. Антон Сыпловый — секретарь Хотинского райкома, а комиссар Петро Петрикей — председатель Конотопского райисполкома на Сумщине. Командир Киевского отряда Калистрат Степанов управляет финансами в Дрогобыче, а комиссар Афанасий Новик заведует сельхозотделом Житомирского обкома партии. Наш Гаврилюк преуспевает в искоренении бандеровцев в Каменец-Подольской области — начальник отдела, подполковник.

Уж недалек полный разгром фашистской армии. Все более расцветает на Украине полнокровная жизнь.

Получил я весточки и от наших девчат.

Разведчица Конотопского отряда Ева Мартыненко теперь работает секретарем райкома комсомола в Потиевке; там же и Оля Денисенко, восстанавливает детсад; Оля Харченко и Женя Мартыненко снова учительствуют; Вера Галинская — ныне лучшая акушерка в своем родном Радомышле, общественница.

В авангарде борьбы за восстановление народного хозяйства находятся все местные партизанские командиры и комиссары. Петро Жудра, например, руководит парторганизацией МТС; Степан Сайченко стал директором леспромхоза; Григорий Белорус — начальником уголовного розыска города Киева; Борис Миндич — заместителем управляющего ГРЭС в системе Киевэнерго; Николай Николаенко — бригадир в родном колхозе...

Многие учатся, завершая образование. Другие, как Надя Солодюк, пишут диссертации.

Грызём гранит академической науки и мы с Петром Петровичем Вершигорой в одной классной группе. «Сражаемся», ломая цветные карандаши на генеральных картах. Накапливаем силы, средства, прорубаем и прорываем особо укрепленные оборонительные пояса противника.

Вслед за фронтами мы «вгрызаемся» в Сандомирский плацдарм на Висле, делая все расчеты и решения только по опыту наступательных операций своей армии. Уже знаем, сколько сотен тонн стали, взрывчатки, снарядов, мин, ракет и авиабомб должны накрыть вражеские позиции, чтобы затем можно было вводить в эти прорубленные прораны подвижные войска для развития дальнейшего успеха и перекрытия путей отхода противника.

Мы наступаем, преследуем, мы обязательно будем там, где логово Гитлера. А пока — учимся и мечтаем.

— Туда бы теперь нам! Особенно, где Величко, — в Чехословакию... — вздыхаем с Вершигорой. Мечтаем, даже слегка завидуем тем хлопцам.

Жалеем, что не повезло прорваться туда с отрядами...

* * *

На этом я заканчиваю свою книгу.

Читатели могут спросить: почему книга называется «Западный рейд», в то время как почти половина ее посвящена действиям соединения в Житомирской и Киевской областях?

Дело в том, что с Пинских болот мы вышли обескровленным, отощавшим, слабо вооруженным и малоподвижным отрядом небольшой численности. Рейды по украинскому Полесью, помимо выполнения других задач, имели своей целью подготовить соединение к походу на запад. В ходе маневрирования и боев в Житомирской и Киевской областях мы достигли поставленной перед собой цели. Соединение выросло численно, село на лошадей, неплохо экипировалось и вооружилось, новое пополнение прошло хорошую школу партизанской борьбы, овладело необходимыми боевыми, тактическими и оперативными навыками, а в конечном итоге мы закалились в боях, окрепли. Без такой подготовки о походе на Запад не могло быть и речи. Иначе говоря, все наши действия в украинском Полесье были подчинены подготовке к Западному рейду. Отсюда и название книги.

Автор

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Н. Немятый.</i> Предисловие	3
---	---

Часть первая

Снова Украина!

<i>Глава I.</i> «Лесная сказка»	10
<i>Глава II.</i> В Пинском крае	14
<i>Глава III.</i> Конница	26
<i>Глава IV.</i> На Киевщине	42
<i>Глава V.</i> Треугольник	57
<i>Глава VI.</i> Через пропасть	67
<i>Глава VII.</i> В дубравах под Киевом	94
<i>Глава VIII.</i> Конец «Бранденбурга»	107
<i>Глава IX.</i> На берегах Случи	121

Часть вторая

Вперед, на Запад!

<i>Глава I.</i> В думах и заботах о рейде	132
<i>Глава II.</i> Вперед, на запад!	146
<i>Глава III.</i> Галиция	166
<i>Глава IV.</i> На польских землях	184
<i>Глава V.</i> Снова Галиция!	211
<i>Глава VI</i> «Каменяры»	232
<i>Глава VII.</i> Критические дни	251
<i>Глава VIII.</i> Избавление	264
<i>Глава IX.</i> Конец партизанского дневника	277

Наумов М. И.

НЗ4   **Западный рейд: Дневник партизанского командира**
/ Лит. обработка Н. В. Сидоренко.— К. : Политиздат
Украины, 1985.— 283 с., 6 л. ил.

Книга воспоминаний Героя Советского Союза М. И. Наумова посвящена рейду партизанского конного соединения от берегов Припяти к окраинам Киева, а затем на запад, к берегам реки Сап. Командир соединения рассказывает об отваге и мужестве партизан, приводит яркие эпизоды боев и стычек с оккупантами в июне 1943 — сентябре 1944 г.

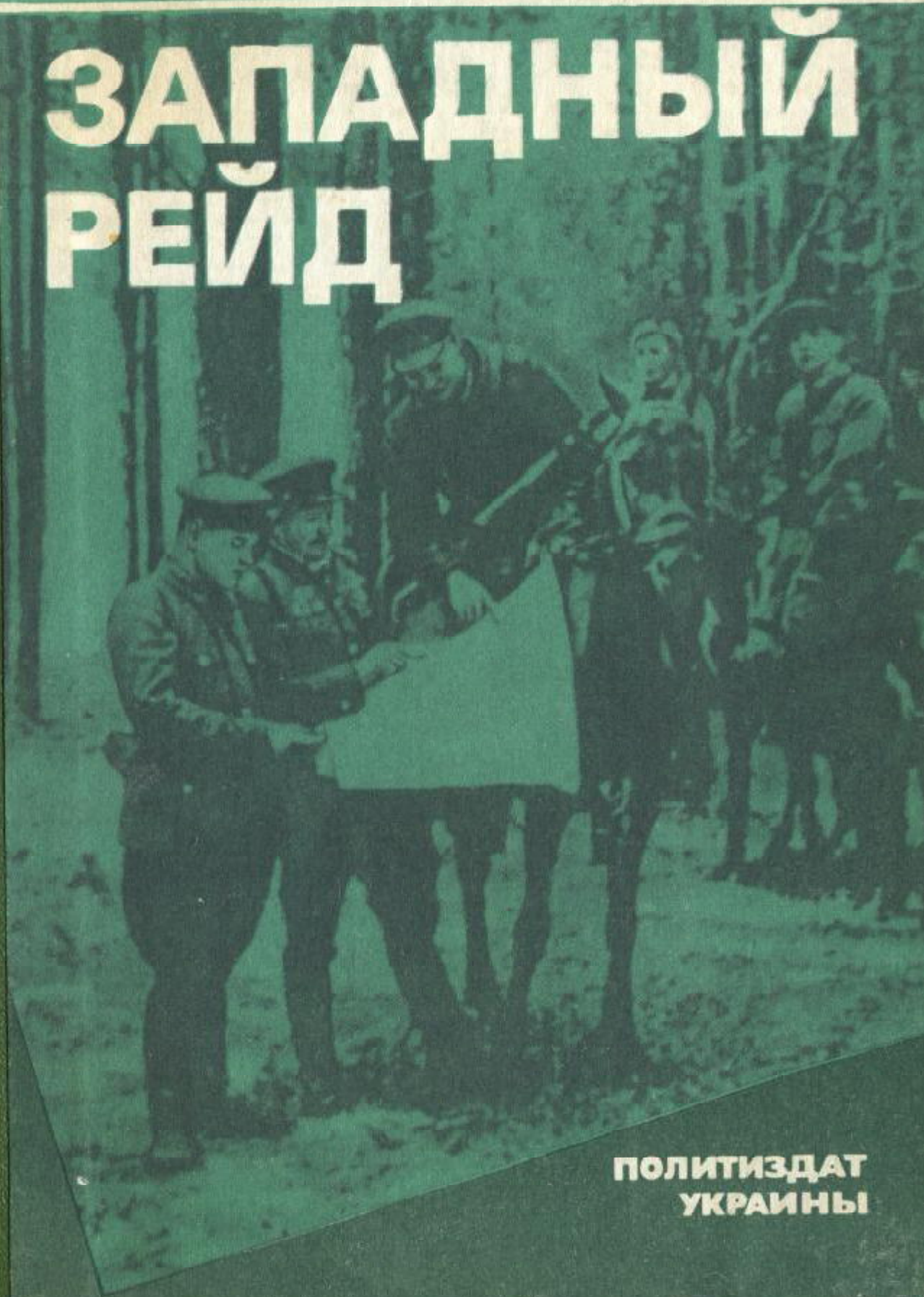
Н 4700000000—171 БЗ.12.19.85
М201(04)—85

63.3(2)722.5

Михаил Наумов

ЗАПАДНЫЙ РЕЙД

ПОЛИТИЗДАТ
УКРАИНЫ

Наумов М. И.,
командир соединения

Кишинский С. С.,
комиссар соединения

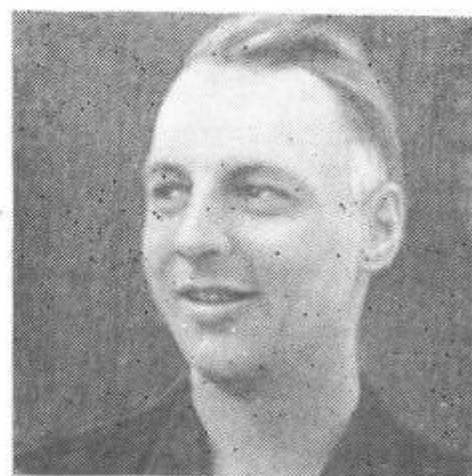
Анисименко И. Е.,
комиссар соединения

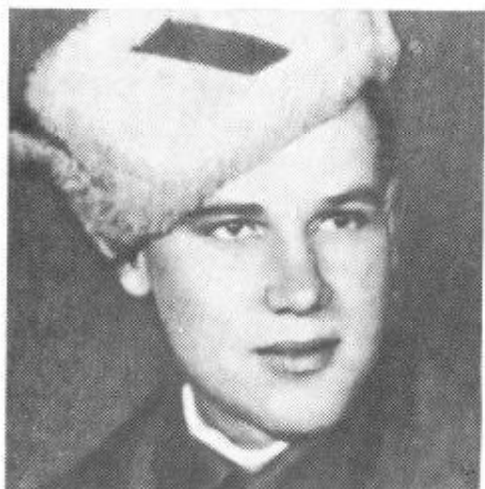
Тарасов М. М.,
комиссар соединения

Кузнец Я. М.,
начальник штаба
соединения

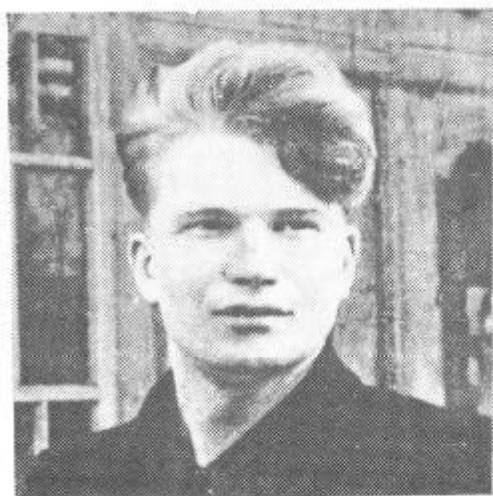
Гаврилюк А. Ф.,
начальник главразведки

Швейцарский А. Г.,
помощник начальника
штаба соединения

Грушецкий А. П.,
помощник начальника
штаба соединения

Лопатников В. К.,
помощник начальника
штаба соединения

Астахов Р. Я.,
начальник разведки
соединения

Величко П. А.,
помощник начальника
разведки соединения

Лях А., адъютант
командира соединения,
Харченко В. Г., радистка

Грызлов Н. И.,
боец главразведки

Дроздова Т. Ф.,
боец главразведки

Вертюченко В. Ф.,
боец главразведки

Свинцицкий Н. С.,
боец главразведки

Гордиенко Г. А.,
начальник походной
типографии

Акаткин П. С.,
начальник аэродромной
службы

Кузьмин И. А.,
начальник хозчасти
соединения

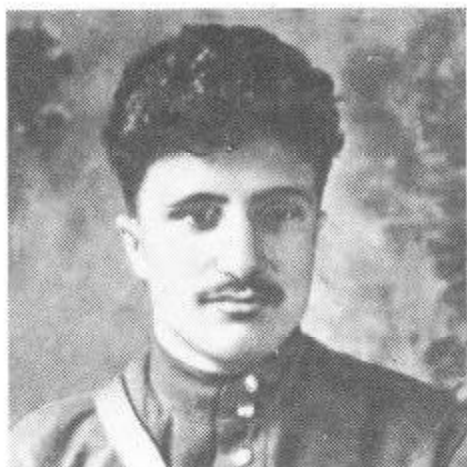
Ильин В. Н.,
боец комендантского
взвода

Сыпльвий А. Г.,
комиссар Хмельского
отряда

Ксензов С. И.,
комиссар Червоного
отряда

Стадник Т. М.,
начальник штаба
Червоного отряда

Мельник А. Н.,
фельдшер Червоного
отряда

Шелкова-Ельская З. Г.,
медсестра Червоного
отряда

Байдин Е. И.,
начальник штаба отряда
«Смерть фашизму»

Туров В. А.,
командир отряда
«Смерть фашизму»

Петрикей П. И.,
комиссар отряда
«Смерть фашизму»,
фото 1946 г.

Лазарев А. Ф.,
комиссар отряда
«Смерть фашизму»

Степанов К. В.,
командир Киевского
отряда

Новик А. С.,
комиссар Киевского
отряда

Ботоев П. Г.,
командир 2-й роты
Киевского отряда

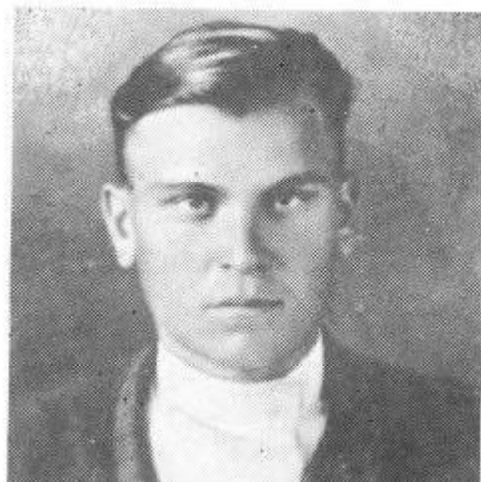
Рябченко И. Р.,
боец Киевского
отряда

Тарасов Н. Я.,
боец Киевского
отряда

Пасько А. А.,
командир Макаровского
отряда, фото 1960 г.

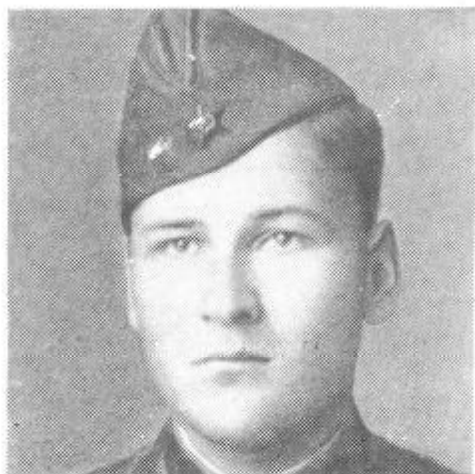
Шевченко П. П.,
боец Макаровского
отряда

Панасюк Е. А.,
фельдшер Макаровского
отряда, фото 1946 г.

Осипян А. М.,
командир отряда
им. Микояна

Васянович А. Я.,
комиссар отряда
им. Микояна,
фото 1940 г.

Фурлет Н. А.,
начальник штаба
отряда им. Микояна

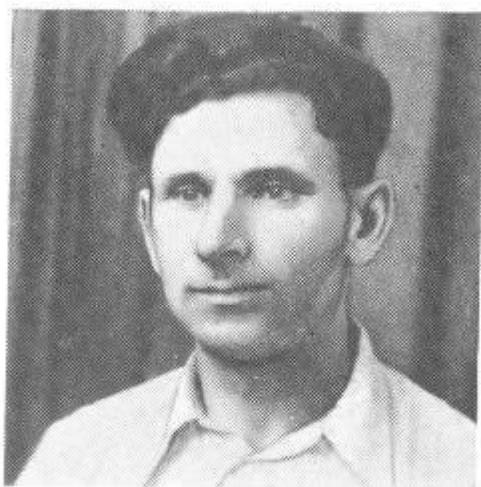
Сайян С. А.,
командир роты отряда
им. Микояна

Юрченко И. В.,
начальник штаба
Коростышевского отряда,
фото 1948 г.

Березкин Н. Н.,
начальник штаба
Коростышевского отряда,
фото 1934 г.

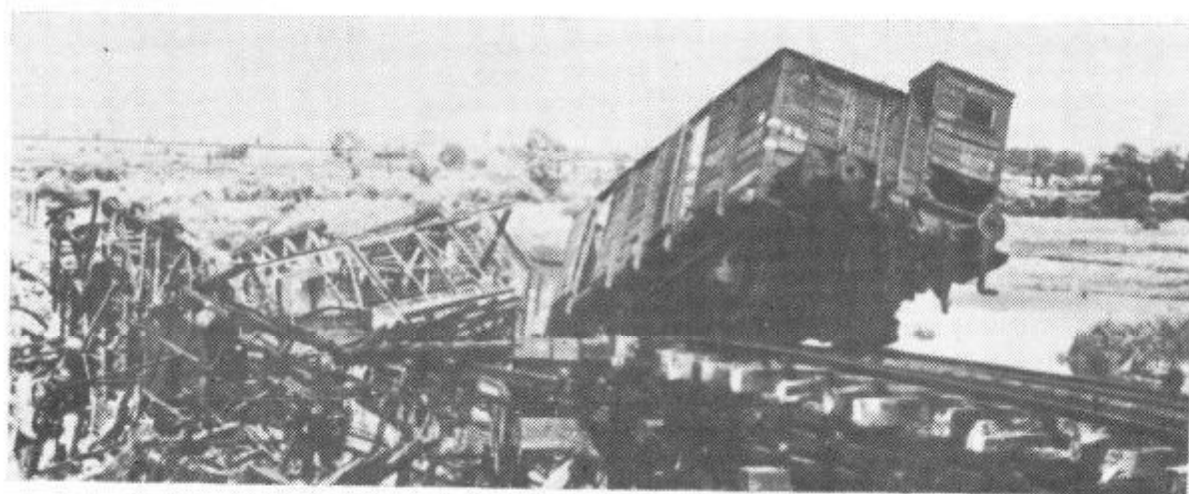
Марченко М. С.,
боец Коростышевского
отряда, фото 1946 г.

Жудра П. В.,
командир
Радомышльского отряда,
фото 1948 г.

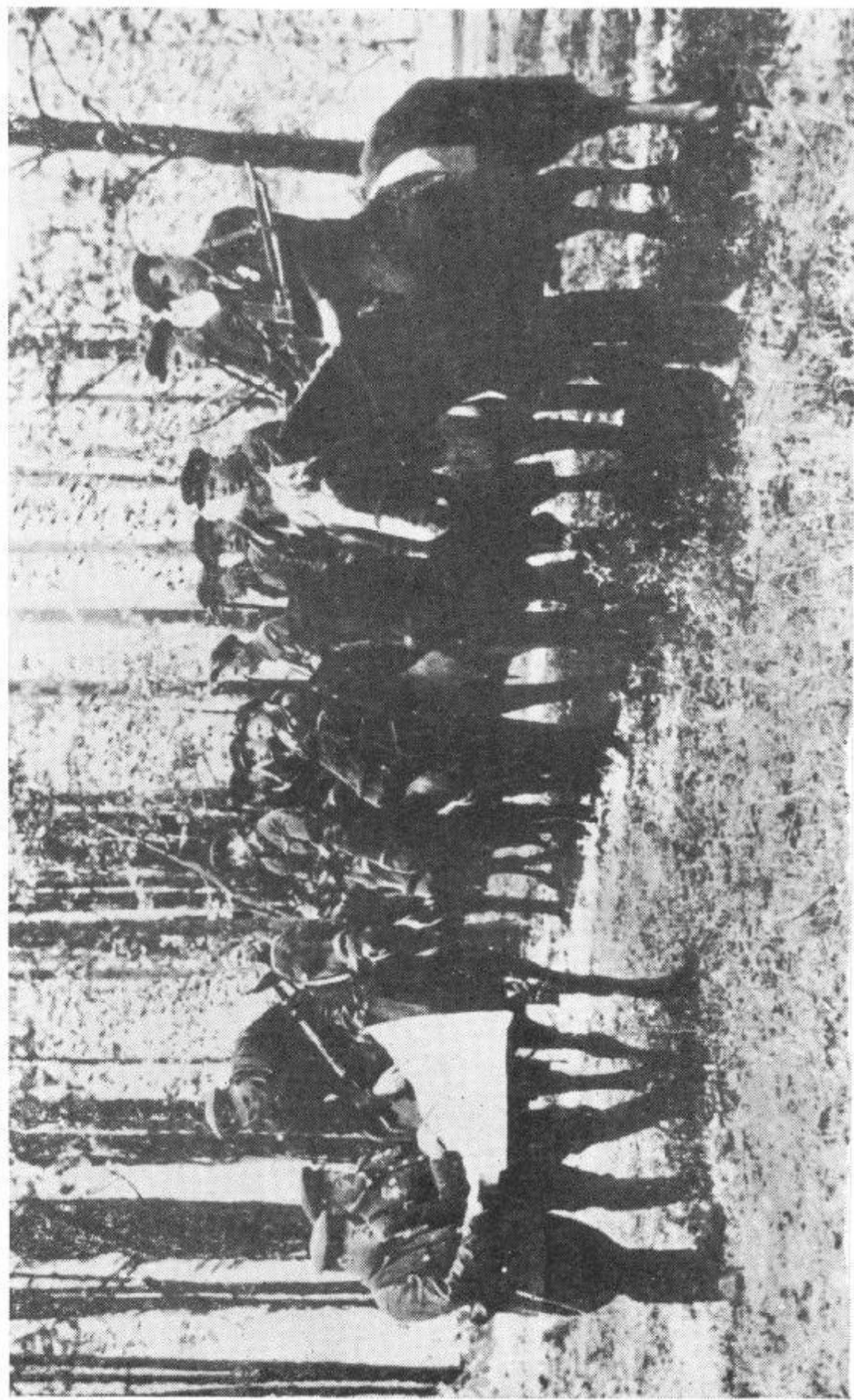
Климович К. В.,
начальник разведки
отряда
«Смерть фашизму»

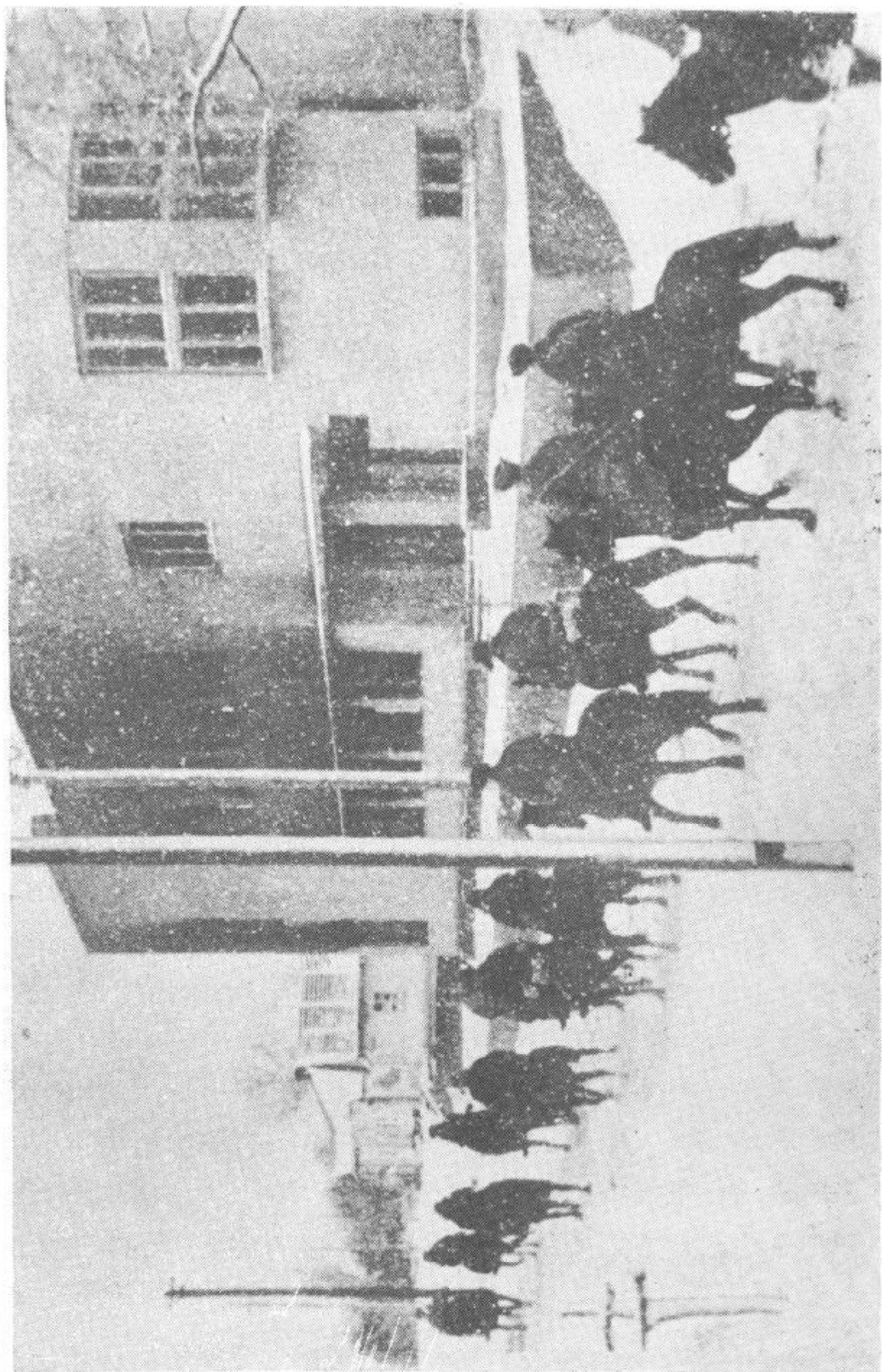
Партизанская работа

Радисты соединения. 1944 г.

Разведчики получают задание. Пинский край

Вступление партизанской конницы в г. Горохов

Командование Червоного отряда. Вольнь, 1944 г.

Встреча партизан-наумовцев после войны. 1958 г.